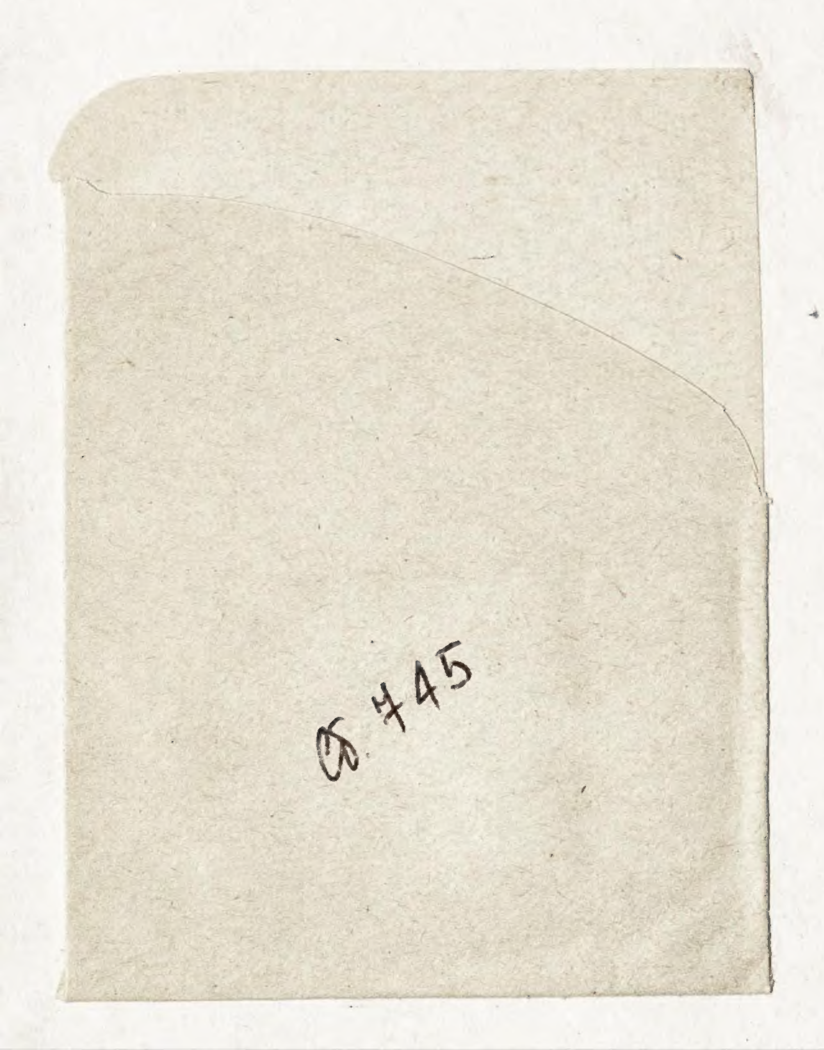
A. F

Ф 745

РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ

36

ПОРТРЕТОВЪ

съ

БІОГРАФИЧЕСКИМИ ОЧЕРКАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1886.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 января 1886 года.

Типографія „Петерб. газеты". Литейный 52.

СОДЕРЖАНІЕ.

28. Генералъ-лейтенантъ Михаилъ Дмитріевичъ *Скобелевъ* 2-й. С.

29. Академикъ Яковъ Карловичъ *Гротъ*.

30. Заслуженный профессоръ и академикъ Венцеславъ Леопольдовичъ *Груберъ*.

31. Иванъ Александровичъ *Гончаровъ*. А. В. Арсеньева.

32. Яковъ Петровичъ *Полонскій*. А. Таливѣровой.

33. Баронъ Николай Александровичъ *Корфъ*. Н. Зимченко.

34. Матвѣй Афонасьевичъ *Чижовъ*. А. Таливѣровой.

35. Константинъ Егоровичъ *Маковскій*. А. Таливѣровой.

36. Николай Григорьевичъ *Рубинштейнъ*.

Макарий, Арх. Литовский.

I.

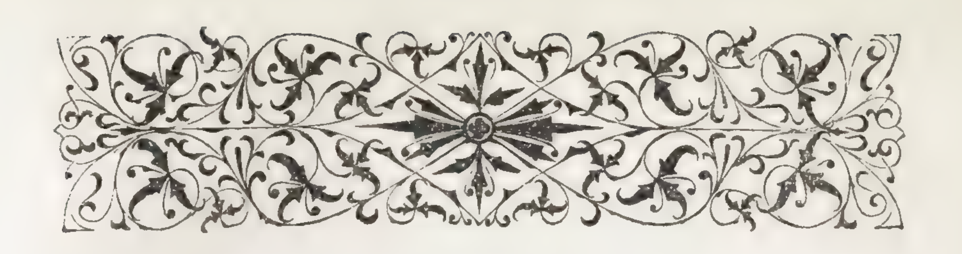
МАКАРІЙ,

[illegible]

[illegible] во- [illegible] аго [illegible] ый [illegible] то- [illegible] и- [illegible] а- [illegible] н- [illegible] о, [illegible] въ [illegible] а [illegible] ь [illegible] ь [illegible] ь [illegible] I [illegible] Булгаковой, который она получила послѣ мужа.

При всемъ этомъ требовалось дать дѣтямъ какое-либо образованіе: и вотъ, полуголодные, въ рубищѣ, босые, съ [illegible]

I.

МАКАРІЙ,

Архіепископъ Литовскій и Виленскій.

Въ 1816 году 19-го сентября, въ селѣ Сурковѣ, Ново-Оскольскаго уѣзда, Курской губерніи, у бѣднаго сельскаго священника Петра Булгакова родился сынъ, нарѣченный при св. крещеніи Михаиломъ. Скудныя средства и многочисленное семейство были причиною тому, что малютка Михаилъ не былъ окруженъ необходимыми заботами о сохраненіи здоровья; онъ росъ слабымъ и болѣзненнымъ ребенкомъ, внѣ всякихъ гигіеническихъ условій, и развитіе его, какъ и всѣхъ вообще сельскихъ дѣтей, за неимѣніемъ средствъ къ леченію, представлялось на волю Божію. Болѣзненное состояніе дитяти однако не измѣнялось, а обстоятельства отца дѣлались все хуже и хуже. Наконецъ и самъ о. Петръ, послѣ тяжкой, постоянно сопутствуемой нуждою и горемъ жизни, скончался, оставивъ послѣ себя вдову и дѣтей, безъ всякихъ средствъ, ибо нельзя-же назвать средствомъ къ существованію двѣнадцатирублевый годовой окладъ вдовы Булгаковой, который она получала послѣ мужа.

При всемъ этомъ требовалось дать дѣтямъ какое-либо образованіе; и вотъ, полубольного, въ рубищѣ, босого, съ непокрытою, облитою золотушными струпьями головою Михаила привели въ школу учиться грамотѣ, не предвидя того,

что ему нужна, еще прежде пищи духовной, пища тѣлесная и облегченіе недуга. Само собою разумѣется, что хворый ребенокъ не могъ успѣшно учиться наравнѣ съ другими товарищами, обладающими здоровьемъ и силой; онъ былъ заброшенъ, и на него смотрѣли какъ на ученика, подающаго мало надеждъ на какіе-либо успѣхи. Но Провидѣнію угодно было рѣшить иначе, судьба казалось сжалилась наконецъ надъ несчастнымъ мальчикомъ. Однажды, — когда Михаилъ Булгаковъ, спрятавшись отъ обижавшихъ его товарищей на дворѣ школы за дровами, заучивалъ не совсѣмъ понятный для него урокъ, — вдругъ въ его и безъ того наболѣвшую, изъѣденную золотухой голову ударился камень, неизвѣстно откуда брошенный; къ счастію камень былъ небольшихъ размѣровъ, и разсѣкъ только наружную оболочку, такъ что Булгаковъ отдѣлался однимъ кровоистеченіеми. Но этотъ случай имѣлъ какое-то непостижимое вліяніе на его здоровье, которое послѣ того вдругъ замѣтно стало улучшаться, голова очистилась отъ язвъ, явились силы, но не только физическія, — силы духовныя, — явились способности къ ученію; и въ короткій срокъ Михаилъ Булгаковъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ учениковъ школы. Всѣ обратили на него вниманіе. Наконецъ, на одномъ изъ экзаменовъ, архіерей Курскій Илліодоръ такъ восхищенъ былъ отвѣтами и способностями Михаила, что разспрашивалъ его о семействѣ и когда узналъ, что мать получаетъ только 12 руб. въ годъ, то самъ пожелалъ выхлопотать ей сторублевый окладъ и, кромѣ того, обѣщалъ всѣхъ трехъ сестеръ Михаила выдать замужъ за священниковъ, что и исполнилъ впослѣдствіи.

Особенно обнаружились способности Михаила Булгакова къ наукамъ во время ученія его въ Курской духовной семинаріи, гдѣ онъ, за свои блестящіе успѣхи, пріобрѣлъ такую любовь и расположеніе къ себѣ наставниковъ, что они, не-

смотря на его юношескій возрастъ и вопреки обычаю, даже вызывали его не иначе какъ по имени и отчеству. Бывшій въ то время ректоромъ семинаріи Эльпидифоръ, архіепископъ Таврическій, соболѣзнуя о сиротствѣ и безпріютности своего замѣчательно способнаго ученика, даже бралъ его къ себѣ на каникулы и не переставалъ заботиться о предстоящей карьерѣ своего кліента во всѣхъ отношеніяхъ, поучалъ его, воспиталъ и направлялъ развитіе умственныхъ его способностей. Не лишнимъ будетъ замѣмить, что проповѣдническія дарованія молодого Михаила создались вовсе не подъ руководствомъ извѣстнаго проповѣдника Инокентія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые, а исключительно подъ вліяніемъ наставническихъ поученій высокообразованнаго ученаго Эльпидифора. Такимъ образомъ, въ 1837 году, 14 іюля, Михаилъ Булгаковъ окончилъ со степенью студента курсъ семинаріи, гдѣ обучался наукамъ: богословскимъ, философскимъ, словеснымъ, историческимъ, физико-математическимъ, языкамъ: еврейскому, греческому, латинскому и французскому и, вслѣдъ за тѣмъ, поступилъ для дальнѣйшаго образованія въ Кіевскую духовную академію.

Здѣсь уже ученое призваніе молодого студента получило опредѣленное направленіе и онъ серьезно посвятилъ себя изученію богословія и проповѣдническаго пастырскаго краснорѣчія; а чтобы болѣе и всецѣло предаться наукѣ, онъ пожелалъ, еще во время ученія въ академіи, на 25-мъ году жизни, постричься въ монашество, что и исполнилъ 15 февраля 1841 г., принявъ въ иночествѣ имя Макарія; 25 марта того-же года онъ посвященъ въ іеродіакона. Въ томъже 1841 г. іюня 28-го окончилъ курсъ наукъ въ Кіевской духовной академіи, съ причисленіемъ къ 1-му разряду воспитанниковъ, и на другой день, т. е. 29 іюня, посвященъ въ іеромонаха. Ученыя труды Макарія скоро были признаны

академіею и онъ, 27 августа того-же года, сдѣланъ былъ бакалавромъ русской церковной и гражданской исторіи; а 20 января 1842 г., кромѣ этой должности, исправлялъ должность ректора Кіево-Подольскихъ училищъ.

Такъ быстро создавалась карьера ученаго іеромонаха Макарія, и эти первые успѣхи на поприщѣ науки можетъ быть были главнымъ условіемъ его дальнѣйшей блестящей будущности. Особенно онъ еще болѣе предался наукѣ, когда ровно черезъ годъ, а именно 12 іюля 1842 года удостоился перемѣщенія въ Петербургскую академію, баккалавромъ богословскихъ наукъ. Это былъ, какъ самъ онъ объясняетъ въ одной изъ своихъ рѣчей, самый счастливый и полный очаровательныхъ симпатій души къ научной професіи періодъ жизни.

Въ августѣ того-же года онъ исправлялъ должность помощника инспектора академіи, затѣмъ въ томъ-же году утвержденъ въ этой должности, возведенъ на степень магистра и назначенъ членомъ комитета для разсмотрѣнія конспектовъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ духовныхъ семинаріяхъ. Потомъ, въ 1843-мъ году, за обширныя познанія въ предметахъ богословія и отлично ревностную службу, опредѣленіемъ Синода, утвержденъ въ званіи экстра-ординарнаго професора богословскихъ наукъ. Къ этому времени относится его первый литературно-ученый трудъ: «*Исторія Кіевской академіи*», сочиненіе, въ которомъ авторъ освѣтилъ всѣ историческіе факты долговременной дѣятельности этого учрежденія, какъ разсадника и до нашего времени духовнаго просвѣщенія въ Россіи. Въ слѣдующемъ 1844 году онъ былъ назначенъ на ревизію Олонецкой семинаріи и утвержденъ членомъ С.-Петербургскаго комитета для цензуры церковныхъ книгъ, а также опредѣленъ инспекторомъ и ординарнымъ професоромъ С.-Петербургской академіи съ воз-

веденіемъ въ санъ архимандрита и присвоеніемъ ему лично степени настоятеля третьекласнаго монастыря.

Въ 1846 г. появилась вторая книга соч. Макарія подъ заглавіемъ: «*Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра*», которая служитъ введеніемъ къ исторіи русской церкви, написанной имъ позже. Этотъ трудъ доставилъ ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ, такъ что въ томъ-же году онъ избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ императорскаго общество исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ.

Въ слѣдующемъ 1847 году издана была его книга подъ названіемъ: «*Взглядъ на исторію русской церкви до нашествія Татаръ*», заключавшая въ себѣ лекціи, читанныя имъ прежде въ Кіевской академіи. Въ томъ-же году появилось извѣстное его сочиненіе «*Введенія въ православное богословіе*», за которое архимандритъ Макарій былъ возведенъ на степень доктора богословія, съ возложеніемъ на него докторскаго креста, и отъ Государя пожалованъ наперснымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями. Этотъ ученый трудъ безъ сомнѣнія слѣдуетъ считать однимъ изъ лучшихъ его сочиненій. Оно было переведено на французскій языкъ (Paris, Joel Cherbuliez, 1857).

Съ того времени начинается самая многообразная и многотрудная дѣятельность архимандрита Макарія; среди ученыхъ литературныхъ трудовъ, ему еще предстояла дѣятельность административная: въ 1848 году онъ обозрѣвалъ семинаріи Тверскую, Тульскую, Олонецкую и С.-Петербургскую съ подвѣдомственными имъ училищами, въ 1850 г. былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ императорскаго археологическаго общества и опредѣленъ ректоромъ С.-Петербургской академіи съ присвоеніемъ ему лично степени настоятеля первокласнаго монастыря; а въ 1851 г. повелѣно ему быть

епископомъ Винницкимъ, викаріемъ Каменецъ-Подольской епархіи и настоятелемъ первокласнаго Шаргородскаго Свято-Николаевскаго монастыря; 28 января того же года хиротонисованъ онъ въ санъ епископа, и сдѣланъ главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ закона Божія въ учебныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ въ Петербургѣ и окрестностяхъ.

Въ слѣдующемъ 1852 г. вышло въ свѣтъ его замѣчательное сочиненіе «*Православное Догматическое Богословіе*» въ 5-ти томахъ 1849—1852 г., переведенное также на французскій языкъ (Paris, Joel Cherbuliez, 1857—1859) въ 2-хъ большихъ томахъ. Достоинство этой книги свидѣтельствуется тремя послѣдовательными одно за другимъ изданіями. Наконецъ и самый отзывъ о ней знаменитаго въ то время оратора Инокентія, архіепископа херсонскаго, Петербургской академіи наукъ свидѣтельствуетъ, что въ этомъ ученомъ трудѣ Макарія оказана громадная услуга догматическому изученію богословія и что ничего подобнаго до того времени не было издано. Это сочиненіе, чрезъ два года послѣ изданія, удостоилось полной демидовской преміи въ 1,428 руб.

Въ 1853 г. Макарій былъ избранъ почетнымъ членомъ императорскаго археологическаго общества и ему поручено начальствомъ преподаваніе исторіи и статистики и опроверженія главнѣйшихъ заблужденій русскаго раскола въ миссіонерскомъ отдѣленіи при петербургской духовной академіи, а въ 1854 г. онъ утвержденъ былъ въ званіи ординарнаго академика императорской академіи наукъ и въ 1855 избранъ почетнымъ членомъ московскаго университета, когда и появилось его сочиненіе подъ заглавіемъ «*Исторія Русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядчества*». Вслѣдъ за этимъ онъ избранъ былъ предсѣдателемъ комитета для изданія краткихъ духовно-нравственныхъ книгъ, назначен-

ныхъ въ чтеніи простому народу, а въ 1856 г. избранъ почетнымъ членомъ императорскаго харьковскаго университета.

Наконецъ въ 1857 г. началось изданіе его самаго обширнаго учено-литературнаго труда «*Исторія Русской Церкви*» (2-е изданіе 1873 г.), которая въ семи вышедшихъ томахъ доведена только до 1664 г., нынѣ же приготовляется къ выпуску и 8-й томъ. Матеріалами для своей исторіи церкви Макарій пользовался преимущественно въ библіотекахъ св. Софіи въ Новгородѣ и въ музеѣ Румянцева въ Петербургѣ.

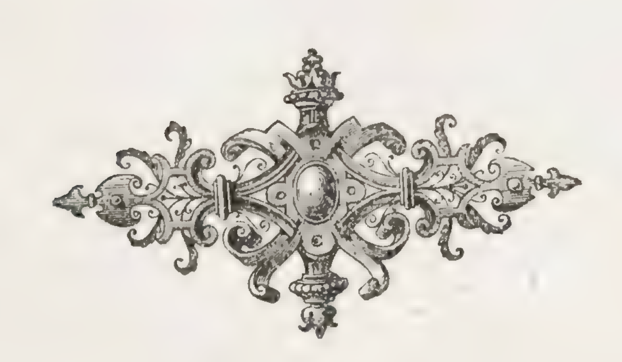
Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о его «*Руководствѣ къ изученію православнаго догматическаго Богословія*», переведенномъ на нѣмецкій языкъ и о которомъ въ нѣмецкомъ же богословско-апологетическомъ ежемѣсячномъ журналѣ «Der Beweis des Glaubens» появилась, въ прошломъ году рецензія, гдѣ критикъ, упоминая о сочиненіяхъ Макарія вообще, говоритъ: «что въ его ученыхъ богословскихъ трудахъ авторъ является представителемъ строго-православнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, просвѣщеннаго и миролюбиваго направленія, чуждаго полемическихъ крайностей и духа нетерпимости въ отношеніи къ инославнымъ христіанамъ». А по отношенію къ послѣднему сочиненію продолжаетъ: «что въ связи съ теплымъ религіознымъ чувствомъ и твердостью убѣжденія, которая просвѣчиваетъ изъ всѣхъ доказательствъ автора, это сочиненіе Макарія должно оказать свою привлекательную силу на нѣмецкихъ читателей евангелической церкви, отличающихся церковнымъ направленіемъ».

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, литературно-ученая и административная дѣятельность возведеннаго въ 1862 году въ санъ архіепископа Макарія. Послѣ этого слѣдовало бы упомянуть еще о многихъ фазисахъ его служебной, филантропической и ученой дѣятельности, слѣдовало бы перечислить всѣ высочайшія благоволенія и награды, всѣ случаи призна-

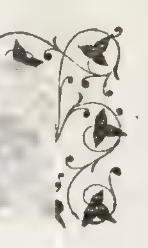
тельности къ нему ученыхъ корпорацій, гдѣ его повсемѣстно избирали почетнымъ членомъ, но предѣлы настоящаго очерка не даютъ этой возможности. Мы еще должны сказать нѣсколько словъ о замѣчательныхъ и обширныхъ ораторскихъ проповѣдническихъ дарованіяхъ высокопреосвященнаго Макарія.

При всей своей ученой и административной дѣятельности, архіепископъ Макарій имѣлъ еще возможность исполнять требы священнослужительскія и, благодаря этому служенію, мы имѣемъ, на каждый праздникъ церковный, на каждый случай гражданской общественной жизни и его собственной личной, нѣсколько словъ и рѣчей, которыя исполнены живѣйшаго чувства и просвѣщеннаго ума. Высокопреосвященный Макарій; нерѣдко скорбѣлъ о томъ направленіи, которое проявлялось въ пятидесятыхъ годахъ, подъ видомъ западничества, въ средѣ учащейся молодежи и даже среди литературныхъ дѣятелей. Ему представился случай сказать, въ день столѣтняго юбилея И. А. Крылова въ Харьковскомъ университетѣ, 2 февраля 1868 г., слово, въ которомъ онъ, въ противовѣсъ западничеству, охарактеризовалъ личность истинно коренного русскаго нашего мудреца-баснописца. «Какъ онъ говорилъ? спрашивалъ Макарій своихъ слушателей о Крыловѣ. Языкъ его — чисто русскій, но выработанный имъ самимъ и запечатлѣнный силою его необыкновеннаго таланта; онъ взялъ нашу образованную литературную рѣчь, освободилъ ее отъ всего искуственнаго, чужеземнаго и обрусилъ ее чрезъ сліяніе съ простонародною рѣчью. И вышелъ Крыловскій языкъ. Что онъ говорилъ? Говорилъ то, что можетъ говорить человѣкъ самаго здраваго смысла, практическій мудрецъ и, въ особенности мудрецъ русскій. Братья-соотечественники! воскликнулъ Макарій, договаривать-ли, что еще завѣщалъ намъ нашъ безсмертный

баснописецъ? Онъ завѣщалъ намъ быть русскими вполнѣ какимъ былъ самъ до глубины своего существа; онъ завѣщалъ намъ любовь, искреннюю, безграничную любовь ко всему отечественному: къ нашему родному слову, къ нашей родной странѣ и ко всѣмъ кореннымъ началамъ нашей народной жизни. И такъ, заключалъ онъ, развивайте ваши молодыя силы и способности, воспитывайте и укрѣпляйте ихъ во всемъ добромъ и прекрасномъ; обогащайте себя разнородными познаніями, откуда бѣ они ни приходили; старайтесь усвоить себѣ всѣ плоды общеевропейскаго, общечеловѣческаго образованія. Но зачѣмъ? Затѣмъ, помните, затѣмъ, чтобы все это добро, вами пріобрѣтенное, принести въ жертву ей—вашей родной матери, Россіи!»

II.

АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОРЧАКОВЪ.

[illegible] отзывами [illegible] журналахъ и газетахъ о [illegible] ской дѣя- [illegible] аго князя [illegible] высказан- [illegible] «Судьба [illegible] прочность [illegible] хотя-бы и блестящими по- [illegible] Бисмарку, [illegible] и не нуждалась ни въ чемъ въ подобномъ. Проч- [illegible] а вѣками [illegible] сосѣдъ не угрожаетъ ея цѣлости и единству. [illegible] поприщѣ: [illegible] намя Рос- [illegible] зана она [illegible] вующимъ [illegible] ныхъ дер- [illegible] шей власти [illegible] токѣ. Наконецъ представителю русской земли въ совѣтѣ цивилизованныхъ государствъ принадлежитъ осуществленіе высокогуманной мысли—обузданія ужасовъ и бѣдствій войны посредствомъ

II.

Александръ Михайловичъ Горчаковъ.

Прислушиваясь къ народной молвѣ и слѣдя за отзывами въ заграничныхъ и русскихъ журналахъ и газетахъ о высокополезной и знаменательной дипломатической дѣятольности нашего маститаго канцлера свѣтлѣйшаго князя А. М. Горчакова, можно изъ всего уже объ немъ высказаннаго вывести одно общее, слѣдующее заключеніе: «Судьба не ставила князя въ необходимость утверждать прочность и единство имперіи кровавыми, хотя-бы и блестящими побѣдами, подобно канцлеру сосѣдней имперіи князю Бисмарку, но Россія и не нуждалась ни въ чемъ въ подобномъ. Прочность ея историческаго существованія утверждена вѣками и никакой сосѣдъ не угрожаетъ ея цѣлости и единству. Заслуги нашего канцлера велики на другомъ поприщѣ: никто не держалъ такъ высоко и такъ твердо знамя Россіи въ ея дипломатическихъ сношеніяхъ. Ему обязана она тѣмъ высокимъ, въ настоящемъ времени, первенствующимъ мѣстомъ, которое занимаетъ въ ряду первоклассныхъ державъ Европы; ему обязана возстановленіемъ нашей власти въ Черномъ морѣ, вліяніемъ нашимъ на востокѣ. Наконецъ представителю русской земли въ совѣтѣ цивилизованныхъ государствъ принадлежитъ осуществленіе высокогуманной мысли—обузданія ужасовъ и бѣдствій войны посредствомъ

составленія международныхъ правилъ веденія военныхъ дѣйствій по возможности въ строго очерченныхъ границахъ, т. е. устраненія всѣхъ безчеловѣчныхъ поступковъ и варварскихъ снарядовъ въ военное время».

Касаясь болѣе глубокаго и подробнаго толкованія заслугъ А. М. Горчакова, одна изъ болѣе распространенныхъ и компетентныхъ газетъ нашихъ говоритъ: «дѣятельность всякаго государственнаго человѣка, призваннаго стоять на стражѣ народной чести и матеріальныхъ интересовъ родины въ ея международныхъ сношеніяхъ, слагается изъ элементовъ крайне разнообразныхъ; уловить общій внутренній смыслъ этой дѣятельности возможно только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда она неуклонно преслѣдуетъ одну, заранѣе и точно опредѣленную задачу и энергически направляется къ ясно сознаваемой и вполнѣ достижимой цѣли. Такой, дѣйствительно рѣдкій случай представляетъ двадцатилѣтняя дѣятельность князя Горчакова, какъ министра иностранныхъ дѣлъ. Не только уничтожить унизительныя для чести и достоинства Россіи, нѣкоторыя статьи парижскаго трактата 1856 года, но поставить значеніе Россіи во внѣшнихъ ея сношеніяхъ столь высоко, чтобъ въ будущемъ самая мысль о подобныхъ парижскому трактатахъ стала по отношенію къ Россіи невозможною—вотъ, какъ намъ кажется, внутренній смыслъ двадцатилѣтней дѣятельности князя.»

Еще въ 1855 году, будучи только русскимъ посланникомъ въ Австріи, Александръ Михайловичъ громко и рѣшительно заявлялъ на конференціи, что Россія не приметъ и не можетъ принять условіе, которое нарушало-бы ея право на собственной территоріи. Онъ говорилъ: «великая держава не можетъ принять такого условія и Россія не согласится на ограниченіе своего флота». Такое энергически высказан-

ное понятіе было такъ убѣдительно, что предсѣдатель конференціи графъ Буоль согласился, что «въ теоріи притязаніе ограничить сухопутныя и морскія силы государства, есть покушеніе на его верховныя права», но посовѣтовалъ «принять это условіе, оговоривъ за своимъ государемъ полную свободу дѣйствій въ будущемъ».

Что же было въ будущемъ? Какъ князь оправдалъ свои убѣжденія и чѣмъ подтвердилъ свои слова? Вскорѣ послѣ того онъ назначенъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и на это обширное поприще дѣятельности перенесъ всѣ тѣ благія мысли, которыя составляли его завѣтную идею о политикѣ Россіи. Правда, осуществленіе его мыслей сбылось не такъ скоро; этому противодѣйствовали отчасти обстоятельства внутренней жизни государства, пережившаго рядъ реформъ, нужно было выжидать время, когда новая организація домашняго хозяйства получитъ прочное, незыблемое начало, когда внѣшняя сила наша будетъ опираться на внутреннее благоустройство,—но при всемъ томъ однако, хотя и черезъ 14 лѣтъ, А. М. Горчаковъ достигъ наконецъ осуществленія своей мысли, именно 19-го октября 1870 года, объявилъ Европѣ циркуляромъ, что «Его Императорское Величество не можетъ долѣе считать себя связаннымъ обязательствами трактата 18-го марта 1856 года, насколько они ограничиваютъ Его верховныя права въ Черномъ морѣ». Такая побѣда надъ тяготѣвшимъ въ нашемъ государственномъ быту чужеземнымъ вліяніемъ совершена была какъ нельзя болѣе въ удобное время, когда ни одна изъ европейскихъ державъ не въ состояніи была сказать, или предпринять что-либо противъ этого рѣшенія, когда всѣ дипломаты находились подъ гнетомъ франко-германскаго столкновенія. Можно утвердительно сказать, что ни одна европейская держава не воспользовалась такъ удачно этою войною какъ Россія; она безъ вся-

званіе вице-канцлера, а въ 1867 году — въ званіе государственнаго канцлера.

О полезной и многознаменательной дѣятельности свѣтлѣйшаго князя мы уже сказали въ общихъ чертахъ, что заслуги его какъ министра иностранныхъ дѣлъ заслуживаютъ глубокаго уваженія и признательности. Кромѣ того, нельзя не отдать должной справедливости неутомимому мужеству, съ какимъ онъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не смотря на разстроенное здоровье, исполняетъ возложенную на него обязанность дипломата. Вездѣ сопутствуя Государю въ заграничныхъ вояжахъ, и лично изъ устъ Монарха узнавая цѣли и програмы политической жизни Россіи, князь въ высшей мѣрѣ оправдываетъ свое назначеніе, и дай Богъ, чтобы ему пришлось еще многіе годы исполнять съ блестящимъ успѣхомъ волю нашего Царя и возвышать отечество, осуществляя завѣтныя политическія цѣли, особенно въ настоящее бурное время, когда Россіи предстоитъ играть славную и блестящую роль въ кровавомъ столкновеніи, возникшемъ на востокѣ.

Графъ Гейденъ 1.

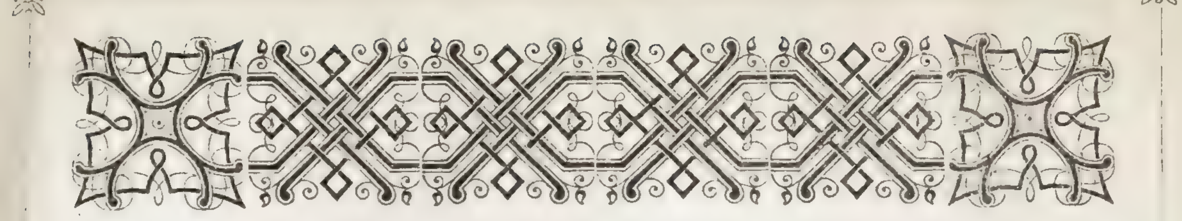

[illegible]

[illegible]кантинъ Петровичъ Кауфманъ.

[illegible] енной [illegible] чатьcя [illegible] чтобы [illegible] или [illegible] всего [illegible] нство- [illegible] а не- [illegible] медовыхъ рѣкъ [illegible] замѣт- [illegible] общества. [illegible] обра- [illegible] любопытство, же- [illegible] и вотъ [illegible] ъ, не- [illegible] — преста- [illegible] и тѣ, [illegible] гъ изъ [illegible] часто [illegible] стремле- [illegible] ами не [illegible] ради [illegible] домый край, [illegible] формахъ, въ

III.
Константинъ Петровичъ Кауфманъ.

Нельзя не отдать должной справедливости мужественной и предпріимчивой способности русскаго народа пускаться въ дальнія странствованія, въ невѣдомыя земли, чтобы занять ихъ, или воспользоваться выгодами торговли, или же просто ради путешествія, любознательности. Но что всего замѣчательнѣе: духъ отважныхъ переселеній и странствованій развитъ не только въ высшемъ классѣ народа, а неусидчивость дома, исканіе золотыхъ горъ, медовыхъ рѣкъ и трудной, но богатой добычи составляютъ весьма замѣтную черту въ характерѣ низшихъ слоевъ нашего общества. Душа русскаго человѣка ищетъ простора, поэтическихъ образовъ, стремится туда, куда влечетъ его любопытство, желаніе насладиться созерцаніемъ невѣдомыхъ краевъ; и вотъ почему даже люди, неспособные на какой-либо трудъ, неспособные защитить себя въ случаѣ нападенія, — престарѣлыя, простыя женщины, богомолки, странницы — и тѣ, руководимыя инстинктомъ любознательности, снуютъ изъ конца въ конецъ по дальнимъ окраинамъ Россіи, и часто пускаются въ путь за предѣлы государства. Это стремленіе къ простору къ необузданной, никакими предѣлами не скованной дѣятельности и отважной предпріимчивости, ради пріобрѣтенія выгодъ, или желанія узнать невѣдомый край, какъ нельзя лучше отразилось во внѣшнихъ формахъ, въ

пространствѣ нашего отечества: духъ народа увлекъ его занять необъятное пространство земли, и вся эта земля досталась намъ единственно только благодаря этой особенной чертѣ нашего національнаго характера. Политическая жизнь наша создалась именно тѣмъ же путемъ. Такъ еще въ глубочайшей древности духъ народа увлекалъ князей нашихъ, то воевать съ Царьградомъ, то проникать въ земли окружавшихъ наше отечество варваровъ, захватывая при этомъ все больше и больше земли. Потомъ, когда государство получило нѣкоторую физіономію и самостоятельное устройство, тогда уже и совершенно частные люди, какъ напримѣръ, Ермакъ, — отваживались, съ незначительною дружиною покорять невѣдомый, необъятный, богатый край Сибири; а далѣе (можетъ быть потомки этой храброй дружины), на утлыхъ ладьяхъ переплывали Восточный океанъ и, въ награду своей неудержимой дѣятельности, пріобрѣтали изрядный клочекъ земли на Американскомъ материкѣ. Такъ создавалось наше государство и этому безпредѣльному созданію не будетъ конца, пока духъ народа не оскудѣетъ. Въ этой размашистости, въ этомъ просторѣ заключается наша жизнь, наша судьба, нашъ характеръ, который, пожалуй, еще болѣе развился отъ нашихъ бывшихъ гонителей и поработителей — татаръ. Это была хорошая школа, хорошій пробный камень для нашей національной твердости. Съ тѣхъ поръ мы далеко подвинулись впередъ. Раздвигая предѣлы нашего отечества, мы въ то же время раздвигаемъ, или сообщаемъ нашу цивилизацію на тѣ окраины, куда устремляемся, и которыя, по своей низшей степени развитія, фактически вредятъ нашему прогресу.

Недавно, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы прошли, томимые жаждой, подъ палящимъ солнцемъ, съ оружіемъ въ рукахъ, страшныя, безводныя, огненныя пустыни сред-

ней Азіи; по этой же дорогѣ другіе наши соотечественники пойдутъ современемъ безъ оружія, и наука обогатится вкладами, какіе внесутъ они, изслѣдовавъ далекія страны, недоступныя въ теченіи тысячелѣтій ни для какого просвѣщеннаго взгляда. Мы говоримъ о походѣ въ среднеазіятскія страны. И вотъ, почти вслѣдъ за этимъ походомъ, уже назначена была ученая экспедиція, главныя задачи которой заключались: въ опредѣленіи количества водъ и степени судоходства рѣки Аму-Дарьи, до границъ Бухары; въ изслѣдованіи сухихъ руслъ, прилегающихъ къ низовьямъ рѣки Аму и направляющихся къ сторонѣ Сыр-Дарьи; въ изысканіи условій высыханія степныхъ водоемовъ и распространенія песковъ въ предѣлахъ нашихъ новыхъ владѣній, въ производствѣ метеорологическихъ и астрономическихъ наблюденій и въ разныхъ топографическихъ, статистическихъ и естественно-историческихъ изслѣдованіяхъ въ Аму-Дарьинскомъ краѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что никакому цивилизованному государству невозможно ужиться рядомъ съ владѣніями варваровъ, о которыхъ кисть Верещагина наглядно сообщила почти невѣроятныя вещи, изображая картины мѣстнаго изувѣрства и безчеловѣчія; такъ, напримѣръ, на одной изъ картинъ изображена была сцена поднесенія хану, въ видѣ кочней капусты, отрубленныхъ человѣческихъ головъ. Кромѣ того, изъ разсказовъ путешественника Вамбери мы узнаемъ о военноплѣнныхъ, которыхъ приводили голодныхъ, измученныхъ во дворъ хана, и тутъ, молодые изъ нихъ выбирались на рынокъ для продажи, остальныхъ же палачи вѣшали, какъ негодный товаръ, рубили имъ головы, мучили, и народъ издѣвался надъ ихъ агоніей; такъ восьмерыхъ стариковъ положили связанныхъ рядомъ и палачъ вырывалъ имъ глаза, становясь колѣнами на грудь и вытиралъ кровавый ножъ объ ихъ бороды; когда ихъ развязали, народъ

забавлялся, какъ ослѣпленные старики сталкивались и падали. Потребность обуздать этихъ звѣрей сдѣлалась необходимостью, что понимали даже другіе сосѣди среднеазіятскихъ варваровъ — персы, правительство которыхъ въ 1860 г. снаряжало противъ туркменъ экспедицію съ 22 тысячнымъ войскомъ, подъ начальствомъ французскаго офицера Блоквиля. Но эта попытка была крайне неудачна, такъ что самъ Блоквиль попался въ плѣнъ и за него Франція внесла 82,524 фр. выкупа, а армія частію разбѣжалась, частію попалась въ ужасный плѣнъ къ варварамъ. Само собою разумѣется, что подобный несчастный походъ былъ слѣдствіемъ неопытности и совершенъ вѣроятно по незнанію событій, постигшихъ наши русскія экспедиціи. Еще гораздо ранѣе, зоркій взглядъ нашего великаго Петра не могъ не замѣтить, какой вредъ приносятъ эти варварскія страны нашему отечеству, и онъ посылалъ туда для мирныхъ переговоровъ князя Бековича, который былъ однако убитъ со всѣмъ своимъ войскомъ, а голова его переслана въ Бухару, гдѣ ханъ не рѣшился принять этотъ презентъ, ссылаясь на то, что онъ будто бы не людоѣдъ. Затѣмъ въ 1840 г., по повелѣнію Николая I, предпринята была еще экспедиція подъ начальствомъ Перовскаго, которая, по зимнему времени, также была безуспѣшна. Наконецъ, въ царствованіе Александра II, мы стали твердою ногою въ средней Азіи. Водворилъ наше господство въ тѣхъ странахъ генералъ Черняевъ, а окончательно завоевалъ ихъ и организовалъ эту богатую колонію генералъ Кауфманъ.

Константинъ Петровичъ Кауфманъ, сынъ русскаго генерала, по происхожденію изъ дворянской гольштинской фамиліи, родился 19 февраля 1818 г. и воспитывался въ инженерномъ (нынѣ Николаевскомъ) училищѣ, откуда, по окончаніи съ отличнымъ успѣхомъ полнаго курса наукъ, сна-

чала поступилъ на службу въ 1838 г. въ Новогеоргіевскую инженерную команду, потомъ въ Брестъ-Литовскую, и наконецъ перешелъ уже въ 1843 году въ Закавказскій край, гдѣ имѣлъ случай пріобрѣсти отличную репутацію.

Началомъ его боевой кавказской жизни былъ 1844 годъ, когда Константинъ Петровичъ участвовалъ въ экспедиціи, предпринятой противъ горцевъ со стороны Чечни и Дагестана. Съ этихъ поръ, находясь въ дѣйствующей арміи, въ качествѣ инженера, онъ подвизался на этомъ поприщѣ, производя различныя спеціальныя военныя операціи, подъ градомъ пуль и ядеръ. Въ 1845 году, состоя за адъютанта при начальникѣ главнаго штаба генерал-адъютантѣ Гурко, Кауфманъ былъ раненъ ружейною непріятельскою пулею близъ праваго уха, а въ 1849 г. такая же пуля пронизала насквозь ступню его лѣвой ноги. Изъ многихъ высочайшихъ наградъ, которыми былъ удостоенъ въ это время Константинъ Петровичъ, слѣдуетъ упомянуть о полученной имъ, въ чинѣ полковника, въ 1853 г. золотой саблѣ съ надписью «за храбрость».

Въ 1855 году К. П. Кауфманъ находился въ кавказской арміи, вступившей въ предѣлы Турціи, и участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ подъ Карсомъ, также при взятіи и блокадѣ этой крѣпости. Ноября 15 того же года ему поручено было главнокомандующимъ заключить капитуляцію о сдачѣ крѣпости Карса съ англійскимъ комисаромъ генераломъ Виліамсомъ. Турецкій гарнизонъ этой крѣпости, доведенный до крайности блокадою нашихъ войскъ, предложилъ сдаться на капитуляцію и, по опредѣленіи условій, сдачи, 16 ноября въ 2 часа пополудни, крѣпость Карсъ съ полнымъ вооруженіемъ около 130 орудій, до 26 тысячъ ружей, штуцеровъ и карабиновъ, 12 полковыхъ и 18 другихъ частей знаменъ и всѣмъ вообще имуществомъ, сдана намъ.

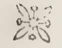
Турецкій главнокомандующій, десять пашей, англійской службы генералъ Виліамсъ со своимъ штабомъ и весь гарнизонъ крѣпости достались намъ военноплѣнными — въ числѣ почти 20 тысячъ человѣкъ, за исключеніемъ конечно тѣхъ, которые погибли въ бою до сдачи крѣпости, такъ какъ вся анатолійская турецкая армія простиралась до 30 тысячъ.

Въ слѣдующемъ 1856 году, Кауфманъ отправился къ новому назначенію командиромъ гвардіи сапернаго баталіона и, почти въ тоже время, ему поручено было исправлять должность начальника штаба генерал-инспектора по инженерной части. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ членомъ совѣта императорской военной академіи и конференціи Николаевской инженерной академіи, а въ августѣ произведенъ въ генерал-маіоры и, вскорѣ послѣ того, утвержденъ въ должности начальника штаба. Въ 1858 году Кауфманъ назначенъ состоять въ свитѣ Его Величества, а въ 1861 году опредѣленъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства. Въ 1862 г. былъ членомъ и управляющимъ дѣлами комитета организаціи войскъ и участвовалъ въ военномъ совѣтѣ; въ слѣдующемъ же 1863 г. удостоенъ былъ особаго знака для ношенія на груди, въ память успѣшнаго введенія въ дѣйствіе положенія 19-го февраля. Въ 1864 году декабря 6 го назначенъ генерал-адъютантомъ, а въ слѣдующемъ 1865 году виленскимъ, ковенскимъ, гродненскимъ и минскимъ генерал-губернаторомъ, главнымъ начальникомъ Витебской и Могилевской губерній и командующимъ войсками виленскаго военнаго округа. Въ этотъ періодъ времени, т. е. съ 1857 по 1865 годъ, генералъ Кауфманъ былъ командированъ въ разное время: на югъ Россіи для соображеній объ укрѣпленіи Керченскаго пролива, въ южный инженерный округъ, въ Варшаву, Вильно, Москву, Казань, Ригу и на 10 мѣсяцевъ за границу съ ученою цѣлію.

Наконецъ, для Константина Петровича послѣдовало не менѣе важное и счастливое назначеніе быть туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками этого округа, гдѣ онъ въ 1868 году, лично командуя войсками, выступилъ изъ укрѣпленія Джузака и слѣдовалъ на Яны-Курганъ и Таш-Купрюкъ къ Самарканду. И тутъ, на другой-же день, войска наши, штурмуя высоты, перейдя рѣку Зарявшанъ по грудь въ водѣ, атаковали бухарцевъ такъ стремительно, что войска ихъ обратились въ бѣгство и оставили въ нашихъ рукахъ 21 орудіе и весь лагерь. На слѣдующій день городъ Самаркандъ сдался безъ выстрѣла. Затѣмъ войска наши безъ боя заняли Катты-Курганъ, гдѣ имѣли незначительную перестрѣлку съ шайкою Садыка. Но черезъ пять дней непріятель напалъ на самаркандскіе сады, откуда его пришлось выбить, и занялъ, въ числѣ 6-ти тысячъ сарбазовъ, 15 тысячъ конницы при 14-ти легкихъ орудіяхъ, сильную позицію на зерабулакскихъ высотахъ. Войска наши, предводительствуемыя Кауфманомъ, раздѣленныя на двѣ колоны, атаковали непріятеля, и при первомъ натискѣ, его артиллерія снялась съ позиціи и скрылась; пѣхота непріятеля, потерявъ почти половину людей въ кровавомъ бою, отброшена отъ дороги въ степь, конница, не нанеся намъ вреда, бѣжала съ поля битвы. Въ это время возмутившіеся жители страны осадили нашъ слабый гарнизонъ въ Самаркандской цитадели, куда войска должны были поспѣшить и удержать крѣпость въ своихъ рукахъ, что и было ими исполнено съ отличнымъ успѣхомъ. Такимъ образомъ бухарскій эмиръ, доведенный успѣхами нашего оружія до крайности, вынужденъ былъ заключить съ нами миръ 23-го іюня 1868 года. Этимъ заключилась компанія и генералъ Кауфманъ возвратился въ Ташкентъ. За такіе успѣхи на военномъ поприщѣ Константинъ Петровичъ пожалованъ

орденомъ Бѣлаго Орла съ мечами, и въ память покоренія города повелѣно начертать на бѣлой мраморной доскѣ главнаго инженернаго училища имя его, съ присовокупленіемъ надписи «1868 годъ. Самаркандъ».

Осчастливленный милостями Государя, похвалами и сочувствіемъ русскаго общества, также любовью сослуживцевъ и подчиненныхъ, Константинъ Петровичъ не переставалъ заботиться объ успѣшномъ водвореніи порядка и нашего владычества въ Средней Азіи. Когда рѣшена была война съ Хивой, Кауфманъ самъ повелъ изъ Ташкента свой отрядъ черезу ту ужасную безводную степь, въ которой погибъ отрядъ Перовскаго. Не смотря на безводіе и палящій зной, бодро двигался впередъ отрядъ нашъ въ невѣдомой пустынѣ, пока наконецъ достигъ Хивы, гдѣ устрашенный ханъ Сеид-Мухамедъ-Рахимъ сначала бѣжалъ къ іомудамъ, но потомъ поспѣшилъ заключить договоръ и отдалъ себя въ полное распоряженіе Бѣлаго Царя. Россія могла-бы взять всю Хиву, но по нѣкоторымъ соображеніямъ удовлетворилась незначительной частью ея, для округленія границъ. Чтобы дать понятіе объ этомъ походѣ, мы приведемъ описаніе бѣдствій испытанныхъ нашими храбрыми мужественными войсками. «Палящій зной, говоритъ одинъ участникъ этого похода, сжигалъ кожу, вѣтеръ изсушалъ ее, руки и ноги отказывались двигаться, но магическое слово: близко колодезь! поддерживало людей. Ни платье, ни палатки не защищали отъ урагана песку, навѣвавшаго еще большій зной и удушье, вмѣсто прохлады. Бодро переносили всѣ эти невзгоды наши солдаты и вечеромъ въ лагерѣ, безъ ропота, пили воду, которую часто можно было пить только зажавши носъ. Иногда черная вонючая жидкость подъ названіемъ воды, въ которой извивались тысячи разныхъ насѣкомыхъ, казалась неоцѣненной, хотя вкусъ этого соленаго напитка менѣе всего

напоминалъ воду». Отдѣльные эпизоды этого похода представляли дѣйствительно ужасную картину бѣдствій нашего войска, и жизнь цѣлаго отряда иногда висѣла на волоскѣ. Такъ, въ томъ же описаніи мы встрѣчаемъ слѣдующее: «27-го апрѣля 1874 года отрядъ полковника Ламакина пришелъ на колодезь Коль-Киниръ, но этотъ колодезь оказался до того глубокимъ, что всѣ веревки въ отрядѣ не могли достать дна; несмотря на то, что къ нимъ привязали возжи, ни люди, ни лошади не достали ни одной капли воды, и на утро, не освѣжившись, выступили подъ сорокаградуснымъ жаромъ. Лошади падали отъ изнеможенія, люди отуманенные, близкіе къ безсознательности, еле держались въ сѣдлѣ. Всѣ начали терять надежду на спасеніе, потому что ближайшій колодезь Альпай-Масъ былъ въ разстояніи четырехъ часовъ пути. Это пространство казалось недоступнымъ для ослабленныхъ жаждой людей. Скомандовали на остановку; безсильно и равнодушно ожидая смерти, спустились люди и лошади на землю, не покрываемые ни одной вѣткой отъ палящихъ лучей полуденнаго солнца. Кругомъ песокъ, и одинъ песокъ; ни одно растеніе, ни одно насѣкомое не оживляли эту раскаленную мѣстность. Гибель сдѣлалась для всѣхъ очевидною. Съ спокойной рѣшимостью ожидали люди послѣднихъ минутъ. Вдругъ вдали, въ облакѣ песчаной пыли показались двѣ фигуры въ галопъ приближавшихся киргизовъ. Вода! вода! раздалось по всему лагерю, близко колодезь! Поддерживаемый надеждой отрядъ быстро поднялся». «Борьба съ людьми въ этой странѣ, продолжаетъ разскащикъ, представляетъ гораздо менѣе опасности для европейца, съ его усовершенствованнымъ оружіемъ и знаніемъ военнаго дѣла. Вездѣ сопротивленіе оказалось слабымъ, непріятель старался только подкрадываться, нападать въ расплохъ сзади и отрѣзывать у раненыхъ головы, увозя ихъ какъ трофеи.

Серьезное сопротивленіе было противупоставлено только при осадѣ города Хивы, сѣверныя ворота которой должно было бомбардировать и штурмовать».

Вотъ въ какой странѣ и при какихъ климатическихъ условіяхъ пришлось русскому человѣку водворять свое знамя во имя цивилизаціи. Честь и слава предводителямь храбрыхъ, неутомимыхъ дружинъ, честь и слава главнокомандующему, который съ такимъ успѣхомъ начальствуетъ и теперь этимъ побѣдоноснымъ войскомъ. Цѣль правительства и русскаго общества достигается съ каждымъ шагомъ, при каждомъ новомъ столкновеніи съ варварами. Послѣ покоренія Хивы почти весь средне-азіатскій край волей-неволей долженъ былъ признать нашъ авторитетъ и покорною головою преклонится предъ нашимъ могуществомъ. Правда, нѣкоторая часть дикихъ племенъ и до нашего времени проявляетъ враждебныя дѣйствія, но всѣ ихъ попытки отразить наше вліяніе ни къ чему не служатъ: ни туркмены, ни коканцы, ни каракалпаки не могли противустоять русскому оружію — они были разбиты и, вѣроятно, въ скоромъ времени отбросятъ всякое желаніе сопротивляться, и будутъ жить подъ вліяніемъ правильной организаціи. Нельзя сказать, чтобъ край этотъ былъ окончательно умиротворенъ; но чего не можетъ сдѣлать армія съ такимъ предводителемъ. К. П. Кауфманъ доказалъ это блистательнымъ и быстрымъ занятіемъ въ нынѣшнемъ году Кокана и другихъ важнѣйшихъ городовъ Коканскаго ханства, разбитіемъ полчищъ коканцевъ, возставшихъ противъ своего хана и нашей власти, и усмиреніемъ смутъ въ ханствѣ. Слѣдствіемъ этихъ послѣднихъ, недавнихъ побѣдъ было, какъ извѣстно, присоединеніе къ нашимъ владѣніямъ богатой, плодородной Ферганской области

Генералъ Адъютантъ Поповъ

IV

[illegible] Александровичъ Поповъ.

[illegible] силою [illegible] и самъ помѣщаясь на [illegible] пункта къ дру[illegible] быть для него недо[illegible] его отъ другихъ [illegible] дѣятельность въ какомъ [illegible] лучшимъ пловучимъ [illegible] котораго люди устраивали [illegible] подъ видомъ плотовъ, [illegible] кто-либо въ древности [illegible] другой, [illegible] ему матеріалъ, изъ котораго бу[illegible] и ковчеги, могъ-ли [illegible] и же[illegible] и, въ [illegible] галеръ, а [illegible] ы, ко[illegible] продолговатую [illegible] предполагать [illegible] овватыхъ ко[illegible] ые? Такіе противоположные элементы, какъ дерево и желѣзо, продолговатое

IV.

Андрей Александровичъ Поповъ.

Съ незапамятной древности человѣкъ пользовался силою воды поднимать плавучія тѣла, и самъ помѣщаяясь на этихъ тѣлахъ, передвигался отъ одного пункта къ другому, вслѣдствіе чего вода перестала быть для него недоступной стихіей,—она́ не могла отдѣлить его отъ другихъ материковъ, не могла сковать его дѣятельность въ какомъ либо опредѣленномъ мѣстѣ. Сначала лучшимъ пловучимъ тѣломъ почиталось дерево, изъ котораго люди устраивали всевозможныя перевозныя средства, подъ видомъ плотовъ, челноковъ и ковчеговъ. Но могъ-ли кто-либо въ древности предполагать, что, кромѣ дерева, найдется еще другой, почти противуположный ему, матеріалъ, изъ котораго будутъ сооружать эти плоты, челноки и ковчеги, могъ-ли кто тогда думать, что мы употребимъ для этой цѣли желѣзо? Точно также въ древности, когда карѳагенянами, въ 786 году до Р. Х., сооруженъ былъ флотъ изъ галеръ, а въ 780 г. коринѳянами изобрѣтены корабли триремы, которые всѣ, само собою разумѣется, имѣли продолговатую съ-носу заостреную форму, можно-ли было предполагать тогда, что въ наше время, вмѣсто этихъ продолговатыхъ кораблей, явятся корабли совершенно круглые? Такіе противоположные элементы, какъ дерево и желѣзо, продолговатое

и круглое тѣло, очевидно должны были имѣть свое специальное примѣненіе и служить различнымъ цѣлямъ, но умъ человѣка приспособилъ ихъ почти къ однороднымъ потребностямъ, такъ что въ настоящее время мы, вопреки нашимъ предкамъ, плаваемъ не на деревянныхъ корабляхъ, а на желѣзныхъ, и даже вмѣсто продолговатой ихъ формы иногда употребляемъ совершенно круглую конструкцію. Конечно, для такихъ гигантскихъ шаговъ, или лучше сказать переворотовъ въ дѣлѣ кораблестроенія, должны заключаться разумныя причины. Причиною замѣны дерева желѣзомъ является наибольшая его прочность отъ внѣшнихъ вліяній а употребленіемъ круглыхъ судовъ достигается наибольшая ихъ способность нести на наименьшей глубинѣ данную тяжесть за наименьшую цѣну. Но всѣ эти шаги, или перевороты въ дѣлѣ кораблестроенія подготовляются конечно постепенно, и нужно много усилій, много тртда, много опытовъ, чтобы наконецъ такой переворотъ могъ быть признанъ совершившимся. Такъ было при сооруженіи желѣзныхъ кораблей, тоже происходитъ нынѣ и при изобрѣтеніи кораблей круглыхъ.

Не распространяясь объ исторіи сооруженія желѣзныхъ или обшитыхъ бронею кораблей, скажемъ нѣсколько словъ о формѣ или конструкціи ихъ, которая постепенно измѣнялась, до тѣхъ поръ пока наконецъ выработался типъ судовъ совершенно круглыхъ. Со времени введенія бронеобшивки кораблей, вообще формы и конструкціи ихъ въ разныхъ странахъ постоянно видоизмѣнялись. Во французскомъ и англійскомъ флотахъ во время крымской войны появились у Кинбурна сначала плавучія бронеобшитыя батареи. Затѣмъ стали строить корабли, обшитые бронею на половину, по образцу «Глуаръ» и «Варріера»; корабли образца Варріера были длинными узкими судами, болѣе имѣвшими сходства съ изящными

трансатлантическими пароходами, нежели съ военными судами. Затѣмъ появились еще болѣе длинные, вполнѣ обшитые броней корабли, по образцу «Минотавра», до 400 фут. длины, и болѣе. Послѣ того уже стали входить въ употребленіе укороченные броненосцы извѣстнаго англійскаго кораблестроителя Рида по образцу «Беллерофона» и «Геркулеса», причемъ видъ ихъ измѣнился весьма разнообразно. По временамъ также появлялись короткіе башенные суда, какъ для береговой защиты, такъ и для морскаго плаванія. Но среди всѣхъ этихъ видоизмѣненій кораблестроенія, весьма ясно проглядываетъ одинъ принципъ, именно: принципъ постояннаго увеличенія ширины судна насчетъ его длины, такъ что круглая форма почти постепенно подготовлялась. Послѣднія перво-класныя англійскія суда: «Инфлексибль» и «Аяксъ« подтверждаютъ это вполнѣ, будучи чрезвычайно коротки при значительной ширинѣ. Наконецъ, крайнее воплощеніе идеи укороченія судна явилось у насъ въ Россіи, подъ видомъ совершенно круглыхъ броненосцевъ. Честь изобрѣтенія этихъ судовъ хотя и оспаривается другими націями, у которыхъ также возникла эта мысль, но разница заключается въ томъ, что такъ или иначе мы воплотили эту мысль, съ большимъ видоизмѣненіемъ, а именно: у иностранцевъ круглая ватерлинія соединялась съ круглымъ поперечнымъ разрѣзомъ, отчего судно сидитъ весьма глубоко, тогда какъ у насъ круглое очертаніе принадлежитъ только ватерлиніи, а поперечный разрѣзъ представляетъ плоское дно, соединенное съ сторонами дугообразными арками, причемъ судно можетъ поднимать броню, орудія, машину и всѣ принадлежности на незначительной глубинѣ; однимъ словомъ эти суда наши мы должны причислить къ типу круглыхъ-плоскодонныхъ. Борта кораблей весьма не высоки, не болѣе 18 дюймовъ поверхъ воды, но декъ, имѣя сто футовъ въ діаметрѣ, значительно

выпуклъ, такъ что въ центрѣ возвышеніе достигаетъ 5 — 6 футовъ. Надъ палубой воздвигнута цѣлая масса построекъ для каютъ и т. п., а въ срединѣ помѣщается бронеобшитая башня, съ двумя орудіями значительнаго калибра. Эти орудія, двигаясь на оси вмѣстѣ съ башнею, описываютъ полный кругъ при помощи весьма простого механизма. Каждое орудіе вѣситъ на «Новгородѣ» по 28 тоннъ, т. е. около 1700 пудовъ, а на «Адмиралѣ Поповѣ» — 41½ тонну, т. е. около 2500 пудовъ. Броня «Новгорода» состоитъ изъ 11-ти дюймовыхъ плитъ, а броня «Попова» изъ плитъ толщиною въ сложности 18 дюймовъ. Корабль приводится въ движеніе шестью винтами, укрѣпленными на особыхъ паралельныхъ между собою осяхъ, съ помощью отдѣльныхъ механизмовъ для каждаго; подъ дномъ судна имѣется значительное число паралельныхъ килей. Итакъ, почти черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ одна изъ нашихъ деревянныхъ плавучихъ батарей, подъ командою капитана Веревкина, въ 1787 г. выдержала ночью у Очакова огонь 60 непріятельскихъ судовъ, — теперь у насъ создаются плавучія желѣзныя, почти неуязвимыя для ядеръ круглыя цитадели — поповки. Честь изобрѣтенія этихъ подвижныхъ морскихъ крѣпостей принадлежитъ нашему коренному русскому адмиралу-строителю А. А. Попову, что крайне утѣшительно, потому что до послѣдняго времени всѣ военныя и морскія изобрѣтенія доходили къ намъ только съ запада.

Генерал-адъютантъ, вице-адмиралъ Андрей Александровичъ Поповъ родился 22 сентября, 1821 года въ Петербургѣ, и на 9 году поступилъ въ Александровскій кадетскій корпусъ, откуда черезъ годъ переведенъ въ Морской корпусъ. На семнадцатомъ году произведенъ въ мичманы и поступилъ на службу въ Черное море въ 32-й флотскій экипажъ, гдѣ и оставался до крымской войны. Въ 1853 г. онъ получилъ важ-

ное порученіе въ Константинополь, для собранія свѣдѣній о вооруженіи Босфора и прилегающихъ къ нему укрѣпленныхъ мѣстъ на Черномъ морѣ. Въ сентябрѣ того-же года опять былъ командированъ въ Турцію для собранія свѣденій о вооруженіи Босфора и укрѣпленныхъ мѣстъ по западному берегу Чернаго моря и по Дунаю до Рущука. Вообще въ 1853 и 1854 годахъ находился въ крейсерствахъ по Черному морю на пароходахъ: Крымъ, Эльборусъ, Турокъ и Андія; въ это время онъ взялъ и уничтожилъ шесть купеческихъ непріятельскихъ судовъ, а съ пароходомъ Тамань прорвался изъ Севастополя сквозь блокаду 6 сентября 1854 г. и, уничтоживъ одно турецкое судно, прибылъ въ Одессу, а потомъ въ Николаевъ. Оставивъ тамъ пароходъ «Тамань», онъ тотчасъ-же отправился въ Севастополь, гдѣ и находился съ 15 сентября 1854 г. по 14 іюля 1855 года.

Въ этотъ періодъ времени А. А. Поповъ состоялъ при вице-адмиралѣ Корниловѣ и адмиралѣ Нахимовѣ для исполненія разныхъ порученій, въ томъ числѣ устроилъ бонъ для преграждепія непріятелю входа на Севастопольскій рейдъ, снарядилъ два брандера, устроилъ пристани и приспособилъ пароходы для перевоза войскъ съ артилеріею и лошадьми съ сѣверной стороны севастопольской бухты на южную и обратно; а потомъ завѣдывалъ артиллерійскимъ снабженіемъ всей оборонительной линіи, отъ морского вѣдомства, т. е. приспособилъ морскую артилерію съ потопленныхъ кораблей къ сухопутнымъ укрѣпленіямъ. Странная игра судьбы: тотъ кто нынѣ сооружаетъ желѣзныя суда русскаго флота — въ Севастополѣ, по волѣ обстоятельствъ, содѣйствовалъ потопленію ветхихъ деревянныхъ кораблей, ветерановъ черноморскаго флота!

Съ театра войны въ Крыму, А. А. Поповъ 20-го іюля 1855 г., назначенный флигель-адъютантомъ, командированъ

былъ въ Кронштадтъ, на Лисій Носъ, въ Выборгъ, Свеаборгъ и Або для сообщенія командующимъ на батареяхъ морскимъ чинамъ полезныхъ соображеній, извлеченныхъ изъ опытности, пріобрѣтенной въ Севастополѣ, а 26-го августа того же года его снова командировали на Донъ для укрѣпленія устья рѣки. Въ концѣ того же 1855 года, возложена на А. А. Попова постройка и вооруженіе шести винтовыхъ клиперовъ въ Архангельскѣ; въ то же время онъ былъ назначенъ командующимъ 32-мъ экипажемъ. Окончивъ постройку клиперовъ, съ іюля по 30 ноября 1856 г. совершалъ на нихъ плаваніе по Бѣлому морю, въ званіи начальника отряда, а потомъ на клиперѣ Опричникъ отправился изъ Архангельска до Копенгагена и изъ этого города былъ вызванъ берегомъ въ Петербургъ, гдѣ поручено было ему изготовленіе четырнадцати винтовыхъ корветовъ и шести клиперовъ. Въ декабрѣ онъ назначенъ совѣщательнымъ членомъ кораблестроительнаго техническаго комитета и начальникомъ штаба всѣхъ винтовыхъ корветовъ и клиперовъ. Съ 1858 по 1860 годъ А. А. Поповъ начальствовалъ эскадрой въ Тихомъ океанѣ, а въ 1861 году былъ произведенъ въ контр-адмиралы и назначенъ въ свиту Его Величества. По возвращеніи изъ Тихаго океана былъ командированъ въ Англію для обзора новѣйшихъ приспособленій артилеріи, а въ 1862 г. снова командовалъ эскадрою въ Тихомъ океанѣ, и въ 1865 году опять былъ посланъ за границу съ ученою цѣлію. Въ 1866 году А. А. Попову было поручено производить опыты надъ подводною лодкою г. Александровскаго, и въ тоже время, заняться разработкою вопроса о приспособленіи минъ на судахъ и составленіемъ проэкта корабля «Петръ Великій», къ постройкѣ котораго было приступлено въ 1868 году. Корабль этотъ только теперь оконченъ и, несмотря на такую продолжительную постройку, все-таки мо-

жетъ служить доказательствомъ практическаго осуществленія задуманныхъ Поповымъ идей. Въ настоящую минуту «Петръ Великій», самое сильное судно — въ боевой готовности. Въ это-же время онъ осуществилъ на практикѣ, съ полнымъ успѣхомъ, способъ подъема затонувшихъ судовъ воздухоподъемными мѣшками.

Въ 1869 году А. А. Поповъ составилъ проэкты корветовъ «Генерал-Адмиралъ и Герцогъ Эдинбургскій», съ бронею по ватер-линіи; основная идея этихъ судовъ только теперь начинаетъ оцѣниваться за границею.

Въ 1870 году А. А. Попову было повелѣно принять участіе въ обсужденіи вопроса о защитѣ портовъ Чернаго моря. Результатомъ этихъ занятій были тѣ самыя круглыя суда, которыя создали цѣлую литературу какъ у насъ, такъ и за границею, съ тою только разницею, что у насъ иногда выражались насмѣшки и презрѣніе къ нимъ, а въ Англіи, гдѣ въ особенности обсуждался вопросъ о круглыхъ судахъ, отдана должная справедливость всѣмъ качествамъ этого типа и только нѣкоторыми выражено сомнѣніе въ скорости ихъ хода. Всѣ иллюстрированные журналы воспроизвели рисунки круглыхъ судовъ и портреты, или біографіи ихъ автора.

Въ 1871 году А. А. Поповъ удостоился званія генерал-адъютанта, затѣмъ произведенъ въ вице-адмиралы; а по изготовленіи перваго круглаго судна поповки «Новгородъ», получилъ 50,000 рублей.

Во многихъ путешествіяхъ, которыя предпринималъ Генерал-Адмиралъ, съ научною цѣлью, какъ напримѣръ, по Волгѣ, Каспійскому морю, къ минеральному басейну Донецкаго края; въ Англію и т. п., А. А. Поповъ удостоивался назначенія сопутствовать Его Высочеству. Во время бракосочетанія Герцога Эдинбургскаго съ Великой Княгиней Маріей Александровной, А. А. Поповъ удостоился особаго до-

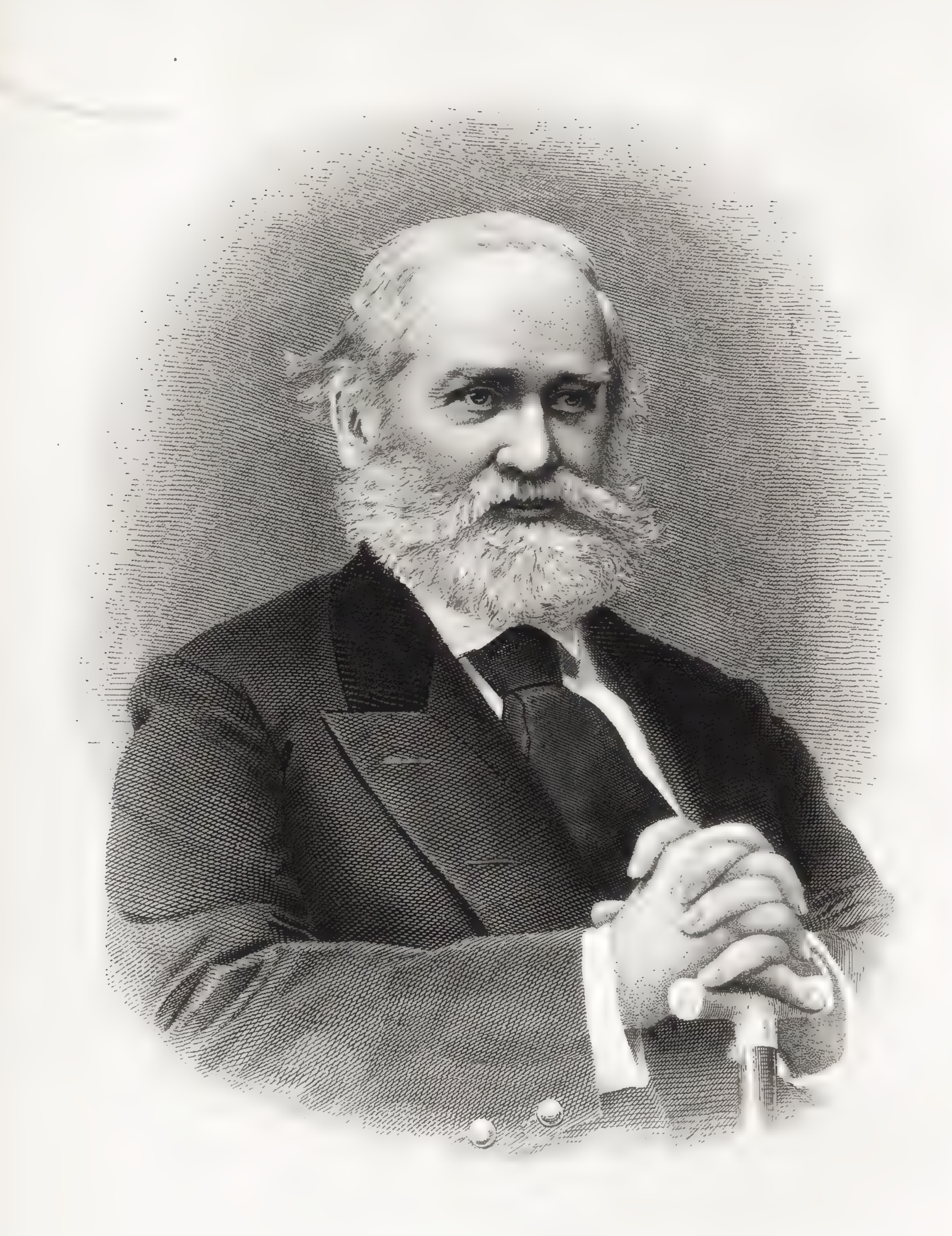
вѣрія Государя, порученіемъ состоять при Его Королевскомъ Высочествѣ. Въ нынѣшнемъ году А. А. Поповъ украшенъ орденомъ Бѣлаго Орла и назначенъ членомъ адмиралтействъ-совѣта, съ оставленіемъ въ званіи члена кораблестроительнаго отдѣленія морского техническаго комитета, которое онъ носилъ съ такою честью около 20 лѣтъ.

Наконецъ, А. А. Поповъ, по возвращеніи изъ послѣдней поѣздки въ Англію, разработалъ еще новый проэктъ клиперовъ, подобныхъ «Крейсеру», на основаніи недавно испытанной въ Англіи системы. У этихъ новыхъ клиперовъ не будетъ наружной желѣзной обшивки, какъ на «Крейсерѣ», а только одна деревянная, на желѣзныхъ шпангоутахъ. Клиперъ, построенный по этой системѣ, будетъ значительно легче «Крейсера» и дешевле его почти на 100,000 рублей. Такихъ клиперовъ предполагается построить четыре.

Всѣ эти данныя служебной карьеры А. А. Попова свидѣтельствуютъ о его неутомимой дѣятельности, какъ моряка, въ строгомъ смыслѣ слова, такъ и моряка-строителя. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ какъ его способности были замѣчены и оцѣнены, начиная отъ пятидесятыхъ годовъ, мы видимъ адмирала среди самыхъ разнообразныхъ трудовъ и въ постоянномъ движеніи: то плавающимъ по волнамъ одного моря, то начальствующимъ эскадрою въ другомъ морѣ, то въ мастерскихъ, на элингахъ строющихся кораблей, какъ въ отечественныхъ портахъ, такъ и за границей, то на совѣщаніяхъ техническаго комитета, или въ кабинетѣ ученыхъ. Нельзя не отдать чести моряку, который, кромѣ спеціальныхъ кабинетныхъ занятій по технической части, еще находился въ постоянныхъ походахъ и плавалъ чуть-ли не во всѣхъ моряхъ. Такая оживленная и полезная служебная дѣятельность быть можетъ и была поводомъ къ близкому ознакомленію А. А. Попова съ нуж-

дами и потребностями русскаго кораблестроенія. Понятно, что никакая теорія безъ практики не можетъ быть полезна ни въ какомъ дѣлѣ; тогда какъ обширная практика иногда сама собою выработываетъ теоретическія данныя. Это счастливое совпаденіе условій всякого изобрѣтенія и доставило А. А. Попову такую почетную извѣстность въ дѣлѣ судостроенія, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и за границей. Нужно-ли говорить о томъ, что его труды по части изобрѣтеній встрѣтили у насъ въ Россіи крайне недоброжелательную полемику со стороны нѣкоторыхъ лицъ? Мы полагаемъ, что безъ этого и быть не могло. Всякая новая мысль и новое слово естественно должны встрѣтить возраженія, порицанія и всякія противодѣйствія, уже потому только, что они смѣло высказаны и исполнены. Въ каждомъ обществѣ, каждое знаніе имѣетъ свои традиціи, свои укоренившіяся понятія, нарушать или колебать которыя не такъ легко; ихъ сторожатъ приверженцы рутины, неподвижности, наконецъ просто люди завистливые, враждебно относящіеся ко всякому новому шагу въ дѣлѣ науки, или искуства. Примѣры такому безпощадному и ожесточенному антагонизму не новы, они постоянно повторяются при каждомъ поворотѣ и развитіи человѣческаго ума. Вотъ почему странно было-бы придавать особенное значеніе какому-либо взрыву полемики и терять вѣру въ то, что ново, что еще не извѣдано, чему еще предстоитъ будущая оцѣнка и долговременный опытъ.

[illegible] Михайловичъ Соловьевъ.

[illegible] ...нный профе- [illegible] академіи наукъ, [illegible] ...еное по- [illegible] ...яхъ Нов- [illegible] не болѣе [illegible] магистромъ и [illegible] Въ слѣ- [illegible] «Исто- [illegible] доктора [illegible] ...статистики и [illegible]

[illegible] гимназіи, — [illegible] класъ, [illegible] ...ее обра- [illegible] ...къ исто- [illegible] ...окончаніи [illegible] Сергѣй [illegible] ...Раумера, [illegible]

[illegible] Исторіи Рос- [illegible] ...которой вышелъ [illegible] году. Этотъ громадный трудъ продолжается и по

V.

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.

Ректоръ московскаго университета, заслуженный професоръ по каѳедрѣ русской исторіи, членъ академіи наукъ, Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ началъ свое ученое поприще въ 1845 году, дисертаціей «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ». Въ этомъ году, не болѣе 25-ти лѣтъ отъ роду, онъ былъ признанъ магистромъ и утвержденъ исправляющимъ должность адъюнкта. Въ слѣдующія затѣмъ пять лѣтъ получилъ онъ за дисертацію «Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома» званіе доктора историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики и былъ утвержденъ ординарнымъ професоромъ.

Еще будучи ученикомъ первой московской гимназіи, — куда онъ поступилъ на тринадцатомъ году въ третій класъ, получивъ предварительно весьма тщательное домашнее образованіе, Сергѣй Михайловичъ обнаруживалъ любовь къ историческимъ изслѣдованіямъ. Командированный по окончаніи университетскаго курса въ 1842 году за границу, Сергѣй Михайловичъ имѣлъ случай прослушать курсъ у Раумера, Шлоссера и др.

Съ 1850 года приступилъ онъ къ изданію «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», первый томъ которой вышелъ въ 1851 году. Этотъ громадный трудъ продолжается и по

настоящее время; въ прошломъ 1875 году вышелъ 25-й томъ «Исторіи Россіи», и двадцати-пятилѣтній юбилей ея былъ отпразднованъ въ стѣнахъ почти всѣхъ русскихъ университетовъ.

Издавая «Исторію Россіи», авторъ ея помѣщалъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ изслѣдованія свои, касавшіяся различныхъ эпохъ и событій русской исторіи, а также статьи, объяснявшія взглядъ его на значеніе и методы исторіографіи. Эти статьи служили какъ бы подготовкой матеріала для главнаго его труда.

Еще до напечатанія перваго тома «Исторіи Россіи», Сергѣй Михайловичъ помѣстилъ въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» двѣ статьи: «О смутномъ времени» и «О Малороссіи». Затѣмъ, издавая уже «Исторію Россіи», напечаталъ онъ:

1) Обзоръ царствованія Михаила Θеодоровича; 2) Обзоръ событій русской исторіи отъ кончины царя Θеодора Іоанновича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ; 3) Изслѣдованія о мѣстничествѣ; 4) Очеркъ исторіи Малороссіи; 5) О княжескихъ отношеніяхъ западныхъ славянъ; 6) Біографію Г. Ф. Миллера; 7) Обозрѣніе трудовъ русскихъ историческихъ писателей XVIII вѣка; 8) Географическія свѣдѣнія о древней Россіи; 9) Взглядъ на исторію установленій государственнаго порядка въ Россіи; 10) Разборъ исторіи государства россійскаго — Карамзина и 11) Исторія паденія Польши. Потребность русской школы и нужды народнаго просвѣщенія обращали на себя также вниманіе Сергѣя Михайловича; такъ для средне-учебныхъ нашихъ заведеній онъ издалъ учебную книгу русской исторіи, выдержавшую уже семь изданій. Для народа изданы имъ въ 1874 г. общедоступныя чтенія по русской исторіи, — этимъ изданіемъ Сергѣй Михайловичъ какъ бы отвѣтилъ на приглашеніе московскаго общества любителей

естествознанія, антропологіи и этнографіи, устроившаго при московскомъ музеѣ прикладныхъ знаній народныя чтенія съ наглядныімъ объясненіемъ ихъ при помощи картинъ волшебнаго фонаря. Въ общедоступныхъ чтеніяхъ закончилъ Сергѣй Михайловичъ повѣствованіе 1850 годомъ, т. е. остановившись на событіяхъ послѣднихъ годовъ предъидущаго царствованія.

Съ тою же цѣлью были имъ составлены публичныя лекціи о Петрѣ Великомъ, изданныя тѣмъ же обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.

Кромѣ исчисленныхъ выше трудовъ Сергѣя Михайловича, слѣдуетъ упомянуть еще о курсѣ новой исторіи, изданной имъ, въ двухъ частяхъ.

Въ своемъ громадномъ трудѣ «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», авторъ ставитъ себѣ задачу, одна попытка разрѣшить которую въ систематическомъ изложеніи должна уже составить заслугу ученаго исторіографа.

Задача эта состоитъ въ разъясненіи связи между отдѣльными періодами нашей исторіи и въ объясненіи государственныхъ событій перемѣнами бытовыхъ условій народной жизни. Задача не новая, унаслѣдованная нашими историками еще отъ Николая Полевого, который пытался создать «Исторію русскаго народа», но опытъ котораго вышелъ не вполнѣ удачнымъ, вслѣдствіе многихъ причинъ, изъ которыхъ главными, безъ сомнѣнія, были съ одной стороны недостатокъ въ предварительной подготовкѣ матеріаловъ, а съ другой отсутствіе въ самомъ авторѣ особаго для подобнаго труда таланта и свѣдѣній. За эту задачу брались позднѣйшіе историки: Константинъ Аксаковъ, Кавелинъ, Калачовъ, Бѣляевъ, Иловайскій, Костомаровъ и др., при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, и подготовили отчасти тотъ матеріалъ, которымъ могъ воспользоваться авторъ систематиче-

скаго изложенія русской исторіи, какимъ является въ нашей литературѣ С. М. Соловьевъ.

Вотъ какъ выяснилъ основую мысль своего труда самъ Сергѣй Михайловичъ въ предисловіи къ «Исторіи Россіи» (т. 1 стр. 1):

«Не дѣлить, не дробить русскую исторію въ отдѣльныя части, періоды, но соединить ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ; не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ взаимнодѣйствіе, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію — вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда.»

Нѣтъ никакого сомнѣнія, задача, поставленная авторомъ «Исторіи Россіи», не можетъ считаться достигнутою его трудомъ вполнѣ. Тѣмъ не менѣе, его заслуга въ исторической литературѣ громадна, такъ какъ въ трудѣ его не только мы видимъ результаты научной дѣятельности нашихъ историковъ послѣ-Карамзинской эпохи, но и множество въ высшей степени удачныхъ оригинальныхъ изслѣдованій и своебразныхъ, отличающихся глубиною и трезвостью мысли взглядовъ.

Укажемъ только на изслѣдованіе русскихъ лѣтописей (въ III т. Ист. Р.), на изслѣдованіе удѣльнаго періода (т. IV), дѣятельности Ивана Калиты, Іоанновъ III и IV), на дѣятельность Петра Великаго, на отношенія родового начала къ общинѣ и т. п.

Профессоръ петербургскаго университета, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, объясняя заслуги Сергѣя Михайловича, говоритъ: «Удѣльный періодъ казался прежде безсмысленнымъ, безсвязнымъ; въ немъ ничего не видѣли, кромѣ ряда

утомительныхъ для памяти драмъ, вызванныхъ слабостью князей, раздѣлившихъ свои владѣнія на удѣлы. Историкъ ввелъ въ него руководящую мысль: періодъ этотъ явился необходимымъ плодомъ извѣстнаго состоянія, выраженіемъ извѣстнаго начала. До Соловьева, время отъ смерти Василія Костромскаго до Ивана Калиты казалось, по выраженію Карамзина, «темнымъ лѣсомъ». Соловьевъ умѣлъ найти свѣтъ въ этой тьмѣ, объяснить условія, при которыхъ выдвинулось московское княжество; онъ умѣлъ привести въ связь дѣятельность московскихъ князей съ дѣятельностью князей владиміро-суздальскихъ: Калиту и Донскаго съ Боголюбскимъ и Всеволодомъ Большимъ Гнѣздомъ. Дѣятельность Іоанна III явилась у него въ связи съ дѣятельностью его предшественниковъ; Іоаннъ IV перестал казаться чудовищемъ. Смутное время приведено въ связь съ предъидущимъ: указаны въ немъ попытки къ преобладанію тѣхъ элементовъ, которые были подавлены дѣятельностью московскихъ князей, указанъ и элементъ, давшій побѣду порядка. Дѣятельность первыхъ Романовыхъ приведена въ связь съ дѣятельностью Петра, которая такимъ образомъ сдѣлалась понятною и поставлена впервые въ свою законную историческую обстановку. Въ дѣятельности правительства и въ жизни общества отъ Петра до Екатерины видна уже почва для дѣятельности Екатерины.»

По поводу дѣятельности Петра Великаго, Сергѣй Михайловичъ въ своей «Исторіи России» замѣчаетъ: «Въ то время когда народы живутъ въ первый возрастъ своего бытія, когда люди поддаются господству чувства и воображенія, тогда великіе люди являются существами сверхестественными, полубогами. Понятно, что при такомъ представленіи великій человѣкъ является силою, неимѣющею никакого отношенія къ своему вѣку и къ своему народу, народъ отно-

сится къ ней совершенно страдательно, безсознательно, безусловно подчиняется ей. Христіанство и наука даютъ намъ возможность освободиться отъ такого представленія о великихъ людяхъ. Христіанство запрещаетъ намъ вѣрить въ боговъ и полубоговъ; наука указываетъ намъ, что народы живутъ, развиваются по извѣстнымъ законамъ... При движеніяхъ и перемѣнахъ, при переходѣ народа изъ одного возраста въ другой, люди одаренные наибольшими способностями, оказываютъ народу наибольшую услугу; они яснѣе другихъ сознаютъ потребность времени, необходимость извѣстныхъ перемѣнъ и силою своей воли побуждаютъ и влекутъ меньшую братію, тяжелое на подъемъ большинство, робкое предъ новымъ и труднымъ дѣломъ. Заслуга этихъ людей вѣчная, и признательные народы величаютъ такихъ людей великими и благодѣтелями своими. Такимъ образомъ, великій человѣкъ является сыномъ своего времени, своего народа; онъ теряетъ свое сверхъестественное значеніе, онъ высоко поднимается какъ представитель своего народа, какъ носитель и выразитель народной мысли.»

Далѣе говоритъ С. М. Соловьевъ:

«Долго относились у насъ къ дѣлу Петра не исторически, какъ въ благоговѣйномъ уваженіи къ этому дѣлу, такъ и въ порицаніи его. Поэты позволяли себѣ воспѣвать: «Онъ богъ твой, богъ твой былъ, Россія». Но и въ рѣчи болѣе спокойной, непоэтической, подобный взглядъ господствовалъ: приведеніе Петромъ Россіи отъ небытія къ бытію — было общеупотребительнымъ выраженіемъ. Взглядъ такой нельзя признать историческимъ, потому что здѣсь дѣятельность одного историческаго лица отрывалась отъ исторической дѣятельности цѣлаго народа: въ жизнь народа вводилось сверхъестественная сила, дѣйствовавшая по своему произволу... Люди, которые обнаружили несочувствіе къ дѣлу Петра,

вмѣсто противодѣйствія крайности приведеннаго взгляда, перегнули дугу въ противоположную сторону. Россія, по одному взгляду, не только не находилась въ небытіи до Петра, но наслаждалась бытіемъ правильнымъ и высокимъ, все было хорошо, нравственно, чисто и свято; но вотъ явился Петръ, который нарушилъ правильное теченіе рутинной жизни, уничтоживъ ея народный свободный строй, попралъ народные нравы и обычаи, произвелъ рознь между высшими и низшими слоями народонаселенія, заразилъ общество иноземными обычаями, устроилъ государство по чуждому образу и подобію, заставилъ русскихъ людей потерять сознаніе о своемъ и своей народности. Опять божество, опять сверхъестественная сила, опять исчезаетъ исторія народа, развивающаяся по извѣстнымъ законамъ, при вліяніи особенныхъ условій, которыя и отличаютъ жизнь одного народа отъ жизни другого. Понятно, что оба взгляда не могутъ держаться при возмужалости науки.... когда убѣдились, что всякое явленіе есть необходимый результатъ предшествовавшаго развитія народной жизни. Великій человѣкъ даетъ свой трудъ, но величина, успѣхъ труда зависитъ отъ народнаго капитала... отъ соединенія труда и способностей знаменитыхъ дѣятелей съ этимъ народнымъ капиталомъ идетъ великое производство народной исторической жизни. Только великій народъ способенъ имѣть великаго человѣка»....

Таковы взгляды нашего историка на жизнь русскаго народа. Трудно, однако, опредѣлить, насколько выводы его непогрѣшимы: но сравнивая ихъ со взглядами людей, положимъ, смотрѣвшихъ на дѣятельность Петра сквозь призму идеализма и, со взглядами его антагонистовъ, все-таки нельзя признать, что Соловьевъ выработалъ, относительно другихъ какое-либо примѣряющее, раціональное и разоблачающее понятіе во взглядахъ на теченіе историческихъ фак-

товъ. Повидимому, желая создать что-либо среднее, онъ незамѣтно самъ впалъ въ крайнее толкованіе исторической жизни, ссылаясь на какіе-то неопредѣленные законы, или процессы. Какіе это законы, гдѣ ихъ логическое опредѣленіе, можемъ ли мы ихъ представить себѣ въ систематическомъ изложеніи? Вотъ вопросы, которые невольно возбуждаются тотчасъ послѣ умозаключеній г. Соловьева. Великій человѣкъ, по его мнѣнію, прежде всего, сынъ своего вѣка, т. е. плодъ, развившійся по извѣстнымъ, непосредственно связаннымъ съ данною эпохою законамъ. Въ немъ онъ видитъ не явленіе случайное, частное, выдающееся, а какое-то общее правило созиданія великихъ историческихъ единицъ. Можно ли съ этимъ вполнѣ согласиться, зная, что духовныя способности великаго человѣка отнюдь не подлежатъ никакому посторонпему вліянію. Великій человѣкъ не потому возвышается надъ всѣмъ его окружающимъ, что на это существуетъ подготовительная процедура историческихъ фактовъ, но потому, скорѣе, что въ него вложена особая способность, что самъ онъ, по природѣ своей, является существомъ уже необыкновеннымъ, однимъ словомъ скорѣе выродокъ своего вѣка, опережающій все современное.

Въ нынѣшнемъ году вышелъ 26-й томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Такимъ образомъ, неуклонно издавая каждый годъ по одному тому въ 400 — 500 страницъ, Сергѣй Михайловичъ передалъ намъ почти всю тысячелѣтнюю исторію нашего отечества, доведя ее до первыхъ годовъ царствованія Екатерины II, и русское общество гордится блестящею дѣятельностью нашего историка, въ теченіи четверти вѣка дарившаго публику плодами своихъ изслѣдованій, разъяснившихъ намъ тысячелѣтнюю жизнь нашей родины.

Сѣченовъ

VI

[illegible] ЕЧЕНОВЪ

[illegible] устройство [illegible] тѣла [illegible]етъ
[illegible] внутрен-
[illegible] до такой [illegible] мрого-
[illegible] которой [illegible]етъ
[illegible]и и
[illegible]

[illegible] управ-
[illegible] тѣла;
[illegible] ка-
[illegible]итъ
[illegible] то,
[illegible] [illegible]ль-
[illegible] ру-
[illegible] но
[illegible] устройство
[illegible]ми,
[illegible] движ-
[illegible] составляетъ
[illegible] можетъ
[illegible]

VI.

Иванъ Михайловичъ Сѣченовъ.

Сложное устройство человѣческаго тѣла представляетъ обширнѣйшую тему для научныхъ наблюденій; внутренніе процесы нашего организма до такой степени многообразны, что найти общую руководящую силу, которая даетъ толчокъ имъ, было дѣломъ весьма большой важности и представляло крайне трудную задачу.

Извѣстно, что нервы, дѣйствующіе на мышцы, управляютъ всѣми органическими движеніями человѣческаго тѣла; но откуда нервы получали эту двигательную силу, изъ какихъ тканей состояли они, и что именно, какой элементъ вліялъ, чтобы приводить ихъ въ активное состояніе — это, до послѣдняго времени не было выяснено наукой. Довольствовались тѣмъ, что признавали за нервной системой руководящую способность управлять всѣмъ организмомъ; но изслѣдовавъ наконецъ вполнѣ анатомическое устройство нерва, найдя его господствующее значеніе надъ мышцами, все-таки недоумѣвали: что же именно приводитъ въ движеніе нервный токъ, который самъ по себѣ составляетъ матеріалъ пасивный и безъ посторонней силы не можетъ имѣть никакого вліянія.

усвоивали себѣ новыя доктрины, выработанныя трудами русскаго ученаго.

Почти въ то же время Иванъ Михайловичъ устроилъ съ г. Якубовичемъ физіологическій кабинетъ въ академіи, гдѣ среди студентовъ производилъ свои научныя изысканія, и благодаря неутомимымъ трудамъ и ничѣмъ неудержимому рвенію къ наукѣ, благодаря важнымъ открытіямъ, сдѣлался извѣстнымъ европейскимъ ученымъ.

Въ лучшій періодъ своей дѣятельности онъ написалъ много замѣчательныхъ сочиненій по физіологіи, которыя были имъ изданы спустя десять лѣтъ. Его «Физіологія нервной системы» отличается самостоятельнымъ взглядомъ на предметъ, а книга «О центрахъ, задерживающихъ рефлексы» вызвала другую, извѣстную его брошюру «Рефлексы головнаго мозга». Кромѣ того, Сѣченовъ помѣщалъ свои сочиненія въ періодическихъ изданіяхъ; такъ въ 1870 г. онъ напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» публичныя лекціи «Физіологія растительныхъ процессовъ», которыя потомъ были изданы отдѣльно. Переводя съ иностранныхъ языковъ Иванъ Михайловичъ не только редактировалъ, но и пересматривалъ, передѣлывалъ и дополнялъ собственными наблюденіями переводимыя сочиненія. Вообще заслуги его какъ профессора и ученаго весьма важны и академія, оцѣнивая это, назначила Сѣченова ординарнымъ профессоромъ, не смотря на то, что кафедра по физіологіи была уже занята Якубовичемъ.

Въ 1871 г. И. М. Сѣченовъ покинулъ медико-хирургическую академію и поступилъ профессоромъ въ Новороссійскій университетъ, а въ настоящее время снова возвратился въ Петербургъ, къ прежнему своему мѣсту служенія, не смотря на приглашенія и заявленія, полныя уваженія того круга ученыхъ и учащихся, гдѣ онъ провелъ послѣднія пять лѣтъ.

Среди представителей русской науки, Иванъ Михайловичъ пріобрѣлъ европейскую извѣстность. Дѣйствительно, дѣятельность этого ученаго настолько значительна и благотворна, онъ такъ много сдѣлалъ для физіологіи, которой посвятилъ всѣ свои силы и познанія, что пріобрѣлъ право стоять на ряду съ главными европейскими двигателями науки.

Изъ трудовъ И. М. Сѣченова, напечатанныхъ въ изданіяхъ императорской академіи наукъ, въ трудахъ вѣнской академіи, во многихъ нашихъ и заграничныхъ спеціальныхъ журналахъ и отдѣльными статьями, видно, что онъ не ограничивался какимъ-либо однимъ отдѣломъ физіологіи, какъ поступаетъ теперь большая часть спеціалистовъ, но испыталъ свои силы по разнымъ отраслямъ науки.

Вотъ списокъ главныхъ трудовъ, напечатанныхъ И. М. Сѣченовымъ.

1) Ueber die Vergiftung mit Schwefelcyankalium, 1858; 2) Матеріалы для физіологіи алкогольнаго опьяненія. Дисертація на степень доктора, 1860; 3) Beitrag zur Pneumatologie des Blutes, 1859; 4) Pneumatologische Notizen (Gase der Milz); 5) Ueber die Fluorescenz der durchsichtigen Augen-medien u. s. w., 1859; 6) Eine neue Methode die mittlere Groesse d. Blutdrucks in der Arterien zu bestimmen.; 7) Neuer Apparat zur Gewinnung der Gase aus dem Blute; 8) Studien über die reflexhemmenden Mechanismen, 1863; 9) Weiteres ueber die Reflexhemmung beim Frosche; 10) Neue Versuche am Hirn und Reckenmarke des Frosches, 1865; 11) Ueber die Nervenbahnen zwischen den Extremitäten des Frosches, 1865 — 66; 12) Nachträglicher Zusatz zur Frage über die Einrichtung des Frosch-Rückenmarkes, 1866; 13) Ueber die electrische und chemische Reizung der sensibles Rückenmarksnerven des Frosches, 1868; 14) Einige Bemerkungen über n. Verchalten der Ner-

ven gegen sehr schnellfolgende Reize, 1872; 15) Ueber die Absorbtiometrie in ihrer Anwendung auf diê Zustände der Kohlensäure im Blute, 1873; 16) Wirkung des Vagus auf's Herz, 1873; 17) Verhalten der Kohlensäure gegen cshwache Lösungen von kohlensaurem Natron, 1873.

Кромѣ спеціальныхъ работъ, И. М. Сѣченовъ издалъ нѣсколько руководствъ по физіологіи, которыя могутъ считаться во всѣхъ отношеніяхъ образцовыми:

Ученіе о животномъ электричествѣ; Учебникъ физіологіи Германа, на русскомъ языкѣ съ прибавленіями; Физіологія органовъ чувствъ. (Изъ этого сочиненія напечатана физіологія глаза).

Ученіе о животномъ электричествѣ было плодомъ лекцій, читанныхъ Сѣченовымъ врачамъ, желавшимъ познакомиться основательно съ новымъ ученіемъ. Академія наукъ увѣнчала этотъ трудъ демидовскою преміею. Физіологія нервной системы и глаза содержитъ не только все, что было сдѣлано по этимъ отдѣламъ, но и заключаетъ въ себѣ много собственныхъ изслѣдованій Сѣченова и его учениковъ. Эти труды составляютъ до настоящаго времени настольную книгу всякаго образованнаго и интересующагося наукою врача.

Относительно нѣкоторыхъ трудовъ Ивана Михайловича приводимъ отзывъ, заимствованный изъ записки объ ученыхъ заслугахъ его, представленный въ ноябрѣ 1873 г. академіи наукъ, по случаю предложенія И. М. Сѣченова въ адъюнкты этой академіи, за подписью: Ѳ. Брандта, Л. Шренка, Ф. Овсянникова, А. Штрауха, Максимовича и Н. Желѣзнова.

«Мы считаемъ долгомъ, говорится въ докладной запискѣ остановить наше вниманіе на работахъ г. Сѣченова надъ газами крови. Работы этого рода не только принадлежатъ

къ однѣмъ изъ самыхъ трудныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, и къ самымъ интереснымъ. Только обладая точными анализами венной и артеріяльной крови и лимфатическаго сока, можно вникнуть въ сложные процессы обмѣна веществъ, ихъ метаморфозъ, выяснить дѣятельность железъ и другихъ органовъ при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, во время ихъ работы и покоя, при повышеніи давленія, при отравленіи крови и т. д. Оставляя въ сторонѣ самые результаты анализовъ, скажемъ только, что для насъ въ этомъ дѣлѣ особенно интересенъ методъ изслѣдованія, и что поглощеніе кислорода кровью не слѣдуетъ закону Дэльтона, а находится въ прямой зависимости отъ количества гемоглобина».

О трудахъ Ивана Михайловича по изслѣдованію нервной системы, тамъ же говорится;

«Изъ всѣхъ отдѣловъ науки, физіологія нервной системы представляетъ изслѣдователю громадныя затрудненія, но между тѣмъ этотъ отдѣлъ возбуждаетъ самый глубокій научный интересъ, такъ какъ всѣ процесы животнаго организма находятся въ самой тѣсной связи съ этою системою и подъ непосредственнымъ ея завѣдываніемъ. По этой причинѣ мы ставимъ особенно высоко труды г. Сѣченова по изслѣдованію нервной системы. Такъ какъ, въ послѣднее время, такъ называемые задерживающіе нервы обратили на себя особенное вниманіе физіологовъ, то вполнѣ понятенъ тотъ живой интересъ, съ которымъ встрѣчены были изслѣдованія нашего ученаго, произведенныя надъ центрами, задерживающими рефлексы. Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ г. Сѣченовъ напечаталъ означенный трудъ, а между тѣмъ и въ настоящее время нѣтъ ни одной физіологіи, въ которой бы не говорилось о сдѣланномъ имъ открытіи и оно бы не оцѣнялось по достоинству.»

Вотъ еще отзывъ тѣхъ же лицъ объ экспериментальныхъ работахъ Ивана Михайловича надъ ходомъ нервныхъ волоконъ въ спинномъ мозгѣ лягушки:

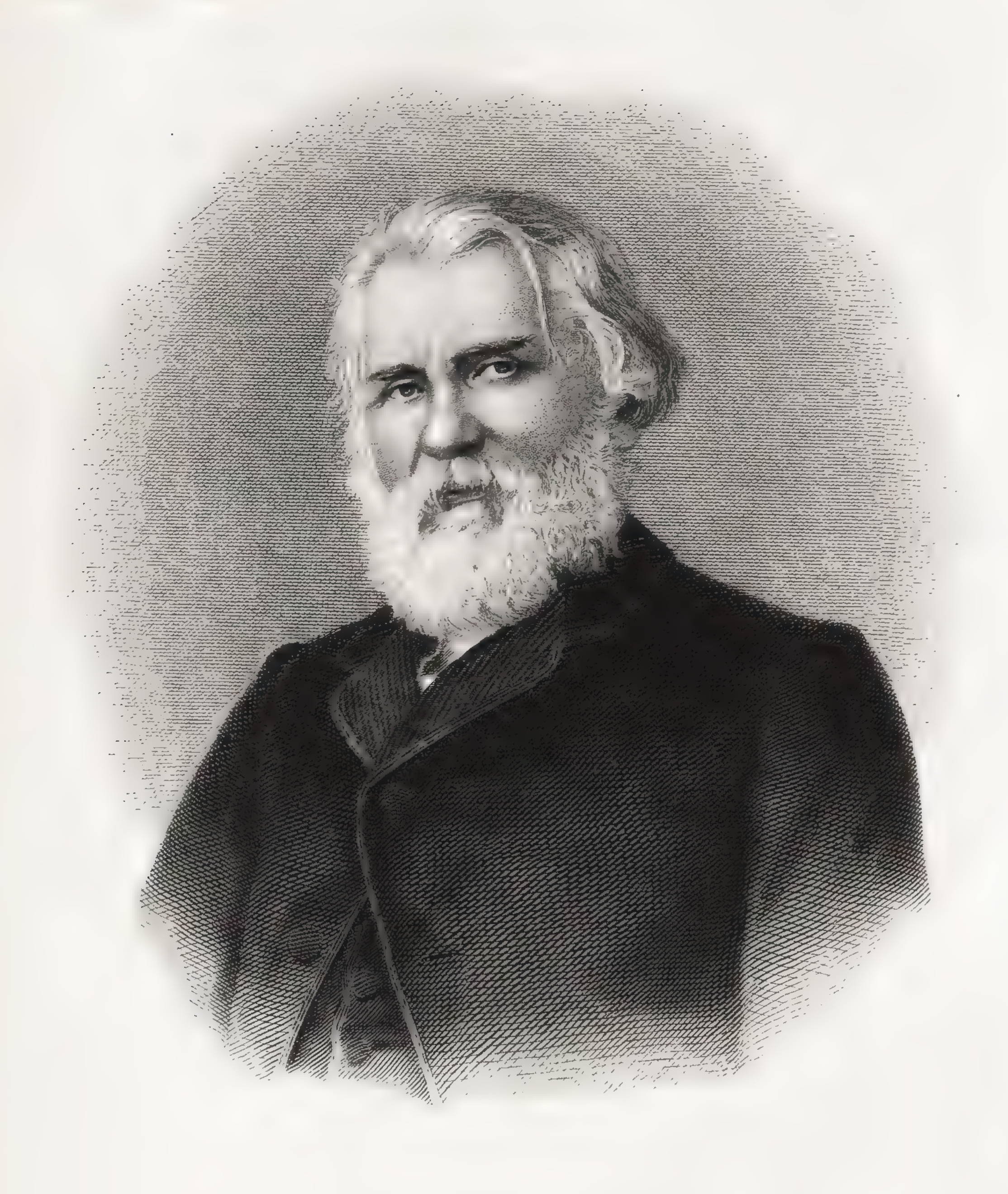
«Работы эти принадлежатъ также къ самымъ интереснымъ и замѣчательнымъ физіологическимъ трудамъ. Благодаря имъ, мы имѣемъ теперь нѣкоторыя положительныя свѣдѣнія о переходѣ раздраженія какъ съ переднихъ конечностей на заднія, такъ и на оборотъ. Далѣе выяснилось существованіе межцентральныхъ волоконъ, косвенное ихъ положеніе, связь отдѣльныхъ рефлекторныхъ центровъ другъ съ другомъ и упрощеніе строенія спиннаго мозга, идя отъ его задняго конца къ переднему. Надо удивляться, что экспериментальная физіологія, обладая сравнительно крайне-грубыми средствами, могла рѣшить столько въ высшей степени важныхъ вопросовъ и этимъ самымъ опередила и постоянно опережаетъ гистологію, которой, казалось бы, должно быть болѣе доступнымъ изслѣдованіе такихъ тонкихъ тканей, какъ нервная система. Доказательствомъ тому, какъ трудны вышеприведенныя изслѣдованія, можетъ служить то обстоятельство, что со времени появленія работъ г. Сѣченова былъ произведенъ цѣлый рядъ подобныхъ изысканій надъ высшими позвоночными животными, а между тѣмъ къ добытымъ имъ результатамъ присоединилось только очень ограниченное количество фактовъ.»

Къ этимъ отзывамъ слѣдуетъ присоединить еще общую оцѣнку работъ И. М. Сѣченова все тѣми же лицами:

«Хотя мы остановились только на нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ, но справедливость требуетъ сказать, что всѣ работы г. Сѣченова замѣчательны именно тѣмъ, что онѣ вносятъ или новый методъ изслѣдованія, или обогащаютъ науку новыми открытіями.»

Что касается до професорской дѣятельности Сѣченова, она была такъ же замѣчательна и полезна, какъ и его ученая дѣятельность. Въ теченіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ неутомимо работая по предмету своей кафедры, онъ оказывалъ самое благотворное вліяніе на своихъ слушателей, и нынѣшнее поколѣніе нашихъ молодыхъ докторовъ болѣе всего обязано ему серьезной научной подготовкой къ своей трудной, но почтенной дѣятельности. Если прибавить что Сѣченовъ обладаетъ всѣми талантами професора; краснорѣчіемъ, ясностью изложенія, глубокимъ, свѣтлымъ, реальнымъ взглядомъ, многосторонними познаніями, и что, по своему характеру, онъ является лучшимъ другомъ и помощникомъ студентовъ, то понятны любовь и уваженіе, съ которыми они всегда къ нему относятся.

Ив. Тургенев.

VII.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Въ 1833 году поступилъ въ московскій университетъ по «словесному отдѣленію» пятнадцати-лѣтній юноша Иванъ Тургеневъ, сынъ орловскаго помѣщика, отставного полковника-кавалериста, переселившагося, лѣтъ пять тому назадъ, изъ деревни въ Москву, на Самотекъ, ради мирнаго и безпечнаго житія, въ виду чего и былъ имъ пріобрѣтенъ въ этой мѣстности домъ. Молодой Тургеневъ получилъ воспитаніе, въ то время считавшееся лучшимъ; характеръ этого воспитанія извѣстенъ намъ и по множеству записокъ людей того времени, и по произведеніямъ Фонвизина, Грибоѣдова и Пушкина, гдѣ изображены одни недостатки, отчего общее представленіе о немъ остается въ умѣ читателя безъ сомнѣнія одностороннимъ, не совсѣмъ вѣрнымъ. Воспитанный въ деревнѣ среди крѣпостныхъ нянекъ и доморощенныхъ дядекъ, а потомъ подъ надзоромъ случайно заброшенныхъ судьбою въ Россію швейцарцевъ и нѣмцевъ, молодой студентъ, конечно, не могъ пріобрѣсти основательныхъ познаній и богатыхъ свѣдѣній, не смотря на всѣ заботы своихъ родителей, занимавшихся воспитаніемъ дѣтей со всѣмъ рвеніемъ степныхъ помѣщиковъ. Въ образованіи дворянскаго юношества того времени обращалось

вниманіе, главнымъ образомъ, не на внутреннее содержаніе преподаванія, а на казистость, — на возможность щегольнуть образованіемъ, и потому практическое знаніе иностранныхъ языковъ стояло на первомъ планѣ.

Дѣйствительно, способный мальчикъ свободно уже читалъ и правильно изъяснялся на иностранныхъ языкахъ; причемъ, однако, вліяніе иноземной рѣчи, по счастливой случайности, не изгладило изъ его памяти родного слова. Степной просторъ и близость къ народу, къ природѣ, вопреки стараніямъ педагоговъ закупорить живого ребенка въ учебную комнату, не допустило его ни до буквальнаго аскетизма, ни до того верхоглядства и фразерства, которымъ такъ часто страдаютъ кабинетные книжники.

Студентъ понималъ смутно невыгоды своего воспитанія и рѣшился на сколько возможно, восполнить его пробѣлы. Прилежно посѣщая лекціи и слушая Погодина, Павлова и Клюшникова, онъ въ тоже время занимался у професора Побѣдоносцева русскими письменными упражненіями по хріямъ, т. е. по общепримѣнимымъ ко всякой темѣ программамъ, которымъ прежде приписывали особенно важное значеніе, какъ орудіямъ изобрѣтенія мысли, и которые, въ наше время, совершенно справедливо брошены окончательно.

Въ слѣдующемъ 1833 году, Иванъ Сергѣевичъ перешелъ въ петербургскій университетъ, гдѣ и окончилъ въ 1837 г. курсъ кандидатомъ. Запасъ свѣдѣній, вынесенный имъ изъ университетскихъ курсовъ (Москвы и Петербурга), расчитанныхъ на 15—16 лѣтнихъ слушателей, былъ не великъ. Весною 1838 г. отправился онъ въ Берлинъ, университетъ котораго славился въ то время въ Германіи составомъ своихъ професоровъ филологическаго и юридическаго факультетовъ. Здѣсь Тургеневъ изучалъ Гегелевскую философію, вліяніе которой на русскую мысль, продолжаю-

щееся и до сихъ поръ, тогда только что начиналось. Вмѣстѣ съ нимъ слушали философію: Грановскій, Станкевичъ и Фроловъ.

Недостатки систематическаго школьнаго образованія въ Иванѣ Сергѣевичѣ вознаграждались отчасти чтеніемъ лучшихъ произведеній французской, нѣмецкой и англійской литературъ, отчасти вліяніемъ кружка даровитыхъ молодыхъ товарищей, отчасти также семейными преданіями и связями.

Началъ свою литературную дѣятельность Иванъ Сергѣевичъ еще студентомъ 2-го курса университета фантастической драмой «Стеніо»,—которую онъ самъ въ своихъ Воспоминаніяхъ называетъ дѣтски неумѣлымъ подражаніемъ Байрону. Въ 1838 г., въ первый разъ появилось въ печати его стихотвореніе «Старый Дубъ», помѣщенное въ «Современникѣ» П. А. Плетневымъ, на судъ котораго, какъ говорилось тогда, представилъ юный авторъ первые плоды своей музы.

Мотивы путешествія за границу, какъ самого себя, такъ и всѣхъ вообще молодыхъ людей того времени, Тургеневъ, въ своихъ Воспоминаніяхъ, объясняетъ такъ: «Каждый изъ насъ точно также чувствовалъ, что его «земля» (я говорю не объ отечествѣ вообще, а о нравственномъ и умственномъ достояніи каждаго) велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Могу сказать о себѣ, что лично я весьма ясно сознавалъ всѣ невыгоды подобнаго отторженія отъ родной почвы, подобнаго насильственнаго перерыва всѣхъ связей и нитей, прикрѣплявшихъ меня къ тому быту, среди котораго я выросъ... но дѣлать было нечего. Тотъ бытъ, та среда, и особенно та полоса ея, если можно такъ выразиться, къ которой я принадлежалъ—полоса помѣщичья, крѣпостная,—не представляла ничего такого что могло-бы удержать меня. Напротивъ, почти все, что я видѣлъ вокругъ себя, возбуждало

во мнѣ чувство смущенія, негодованія, отвращенія, наконецъ, Долго колебаться я не могъ. Надо было либо покориться и смиренно побрести общей колеей, по избитой дорогѣ; либо отвернуться разомъ, оттолкнуть отъ себя «всѣхъ и вся», даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я такъ и сдѣлалъ. . Я бросился внизъ головою въ «Нѣмецкое море», долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда наконецъ вынурнулъ изъ его волнъ— я все-таки очутился «западникомъ» и остался имъ навсегда. Мнѣ и въ голову не можетъ придти осуждать тѣхъ изъ моихъ современниковъ, которые другимъ, менѣе отрицательнымъ путемъ достигли той свободы, того сознанія, къ которымъ я стремился... Я хочу только заявить, что я другого пути передъ собою не видѣлъ. Я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; для этого у меня, вѣроятно, недоставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага затѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ—крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя Аннибаловская клятва: и не я одинъ далъ ее себѣ тогда. Я и на западъ ушелъ для того, чтобы лучше ее испытать. И я не думаю, чтобы мое западничество лишило меня всякаго сочувствія къ русской жизни, всякаго пониманія ея особенностей ея нуждъ. Записки Охотника, эти, въ свое время новые, впослѣдствіи далеко опереженные этюды, были написаны мною за границей: нѣкоторые изъ нихъ въ тяжелыя минуты раздумья о томъ, вернуться-ли мнѣ на родину, или нѣтъ? Мнѣ могутъ

возразить, что та частичка русскаго духа; которая въ нихъ замѣчается, уцѣлѣла не по милости моихъ западныхъ убѣжденій, но не смотря на эти убѣжденія и помимо моей воли. Трудно спорить о подобномъ предметѣ; знаю только, что я конечно не написалъ бы «Записокъ Охотника», еслибъ остался въ Россіи. Скажу также, что я никогда не признавалъ той неприступной черты, которые иные заботливые и даже рьяные, но малосвѣдующіе патріоты непремѣнно хотятъ провести между Россіей и западной Европой, съ которою порода, языкъ, вѣра тѣсно ее связываютъ... Неужели же мы такъ мало самобытны, такъ слабы, что должны бояться всякого посторонняго вліянія, съ дѣтскимъ ужасомъ отмахиваться отъ него, какъ бы онъ насъ не испортилъ? Я этого не полагаю: я полагаю, напротивъ, что насъ хоть въ семи водахъ мой—нашей, русской сути изъ насъ не вывести. Да и что бы мы были въ такомъ случаѣ за плохенькій народецъ! Я сужу по собственному опыту: преданность моя началамъ, выработаннымъ западною жизнью, не помѣшала мнѣ живо чувствовать и ревниво оберегать чистоту русской рѣчи. Отечественная критика, взводившая на меня столь многочисленныя, столь разнообразныя обвиненія—помнится, ни разу не укоряли меня въ нечистотѣ и неправильности языка, въ подражательности чужому слогу.»

Университетскія занятія, а послѣ путешествіе въ Италію, кратковременная служба и домашнія обстоятельства отвлекли Ивана Сергѣевича отъ литературнаго поприща, на которое онъ выступилъ снова не ранѣе 1849 года, напечатавъ небольшую поэму «Параша», заслужившую одобреніе Бѣлинскаго, помѣстившаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» длинную о ней статью. Но окончательно упрочилась литературная слава И. С. Тургенева только съ появленіемъ въ «Современникѣ» 1847 г. разсказа «Хорь и Калинычъ», пер-

ваго изъ числа извѣстныхъ подъ названіемъ «Записокъ Охотника». Высокая художественность этихъ прелестныхъ разсказовъ кроется въ проникнутомъ общечеловѣческой любовью вниманіи къ быту своего народа: часто въ разсказахъ этихъ авторъ касается и крѣпостничеста, но обличая его, онъ никогда не впадаетъ въ наставническій тонъ моралиста; ни въ обличительный тонъ политическаго оратора. Въ «Запискахъ Охотника» личность разсказчика играетъ совершенно ничтожную роль; объ этой личности, т. е. о симпатіяхъ и антипатіяхъ, характерѣ и наклонностяхъ самаго автора, нельзя составить себѣ по разсказамъ никакого понятія. Въ разсказѣ читатель видитъ передъ собою изображенный съ художественной правдивостью фактъ безъ всякаго толкованія, безъ всякой указки. О гуманности автора говоритъ намъ только его неутомимая внимательность ко всѣмъ проявленіямъ духовной жизни народа—всего народа: крестьянъ, мѣщанъ, однодворцевъ и помѣщиковъ. И за то, какое богатство духовной жизни, какое кипучее разнообразіе ея проявленій онъ видитъ тамъ, гдѣ другіе, благодаря своему неразумному высокомѣрію, не видѣли ничего, кромѣ однообразной массы, годной развѣ только для сѣренькаго фона картины. Какъ въ ясномъ зеркалѣ, отражается въ «Запискахъ Охотника» жизнь и бытъ орловскихъ, курскихъ и тульскихъ селъ и деревень: не избѣгаетъ авторъ такъ-называемыхъ трагическихъ случаевъ и эфектныхъ положеній, но и не гоняется за ними, воспроизводя съ одинаковымъ мастерствомъ и мирное теченіе жизни и бури.

Укажемъ для примѣра на художественно-литературно изображенные имъ портреты двухъ крестьянъ: практика Хоря (человѣка себѣ-на умѣ) и идеалиста поэта Калиныча. Живьемъ также возникаетъ передъ читателемъ и несчастная Арина—жертва самаго жесткаго эгоизма, весьма про-

зрачно маскируемаго лицемѣрной заботой о нравственности ближняго. А охотники Владиміръ, Ермолай и Сучекъ, а пѣвцы, а ребята Бѣжина Луга! Кому изъ образованныхъ людей нашего времени не знакомы эти художественныя воспроизведенія народныхъ характеровъ?

Но не къ однимъ лицамъ изъ массы народа относится авторъ Записокъ Охотника сочувственно, — нѣтъ, онъ сочувствуетъ и тѣмъ нравственнымъ страданіямъ, которыя порождаетъ неестественный соціальный порядокъ въ средѣ помѣщиковъ—въ ихъ семейномъ и общественномъ быту: сколько скорби слышится въ Гамлетѣ Щигровскаго уѣзда, въ Асѣ и другихъ разсказахъ этого рода!

Въ 1852 году арестованный за помѣщенную имъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», по случаю смерти Н. В. Гоголя статью, И. С. былъ посаженъ на мѣсяцъ подъ арестъ въ части, а потомъ отправленъ на жительство въ деревню, откуда, по окончаніи крымской войны, уѣхалъ за границу, и живетъ тамъ съ тѣхъ поръ постоянно, временно пріѣзжая въ Россію. За границей онъ нашелъ себѣ, въ лицѣ одной даровитой и высокообразованной артистки иностранки, пожинавшей лавры на европейскихъ сценахъ 40-хъ годовъ, друга, уврачевавшаго не одну сердечную рану, нажитую нашимъ писателемъ въ своемъ отечествѣ.

Въ 1855 г. появился большой разсказъ И. С. Тургенева «Рудинъ», составляющій какъ бы переходъ къ той формѣ небольшихъ романовъ, на которой нашъ писатель впослѣдствіи остановился, предпочтя ее другимъ формамъ литературныхъ произведеній. За Рудинымъ слѣдовалъ рядъ другихъ романовъ: «Дворянское Гнѣздо», «Наканунѣ» «Отцы и дѣти»; и въ 1867 г. «Дымъ». Во всѣхъ романахъ мы встрѣчаемъ одну и ту же идею—разладъ между развитіемъ личности и обществомъ, въ которомъ личность

не только не встрѣчаетъ никакой нравственной поддержки, но даже и простого пониманія нравственнаго развитія. Исключеніе составляетъ «Наканунѣ», въ которомъ болгаринъ патріотъ Инсаровъ встрѣчаетъ сочувствіе съ стороны любимой имъ женщины. Какъ на одну изъ особенностей таланта Тургенева, которою обладаютъ весьма немногіе русскіе писатели, слѣдуетъ указать: на мастерское воспроизведеніе типовъ русскихъ женщинъ, причемъ Тургеневъ возсоздаетъ идеальные ихъ характеры едва ли не съ большей художественностью, чѣмъ характеры уродливые. Таковы Варвара Павловна въ «Дворянскомъ Гнездѣ», Суханчикова въ «Дымѣ», а съ другой стороны Лиза въ «Дворянскомъ Гнѣздѣ» Елена въ «Наканунѣ», Одинцова въ «Отцахъ и дѣтяхъ».

Въ настоящее время Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ готовитъ для печати новый романъ. Будемъ надѣяться, что нашъ замѣчательный беллетристъ затронетъ въ немъ еще какую либо живую струну общественной жизни.

Тургеневъ давно извѣстенъ въ Европѣ. Лучшіе романы его переведены на французскій языкъ. Его знаютъ и любятъ и въ Германіи. Ему удалось познакомить Германію съ русскою жизнью. Вотъ какъ отзывается о немъ извѣстный нѣмецкій критикъ Карлъ Глюмеръ. «Изъ его жанроваго описанія, вникающаго до малѣйшихъ подробностей во внѣшнюю жизнь и въ самыя сокровенныя, трудно уловимыя внутреннія побужденія, получается одно общее впечатлѣніе ясной, наглядной, смѣлыми штрихами писанной картины. Въ избу-ли мужика, въ дворянское-ли помѣстье, въ мѣщанскій-ли домъ провинціальнаго городка, въ «общество»-ли вводитъ насъ Тургеневъ—вездѣ, совершенно отчетливо выясняются намъ степень образованія, привычки, желанія, стремленія людей, выводимыхъ имъ на сцену; мы слѣдимъ за ходомъ ихъ мыслей, ощущаемъ біеніе ихъ сердецъ, пони-

маемъ ихъ печали и радости, узнаемъ условія, на основаніи которыхъ все это совершается, видимъ ясно—насколько судьба ихъ обусловлена политическимъ и соціальнымъ положеніемъ Россіи.

«Соотечественники Тургенева упрекаютъ его въ безпощадности, съ которой онъ раскрываетъ больныя мѣста родной общественной жизни; безпристрастный судья однако пойметъ, что это кажущееся непочтеніе такъ же, какъ у Бернэ, имѣетъ свой корень въ любви къ отечеству, въ убѣжденіи что исправленіе возможно лишь, когда Россія сознаетъ, въ полномъ объемѣ, свои недуги, и въ желаніи—помочь развиться этому сознанію.

«Семейная жизнь рано дала Тургеневу возможность близко ознакомиться съ соціальными особенностями своего отечества. Онъ провелъ дѣтство въ родительскомъ имѣніи, внутри Россіи, плодородной и лѣсистой Орловской губерніи. Вдали отъ Москвы и Петербурга, этихъ двухъ центровъ интелигентнаго міра. Жизнь мѣстнаго дворянства, лишонная всякого художественнаго, научнаго или политическаго интереса, вращалась около самыхъ грубыхъ, матеріальныхъ наслажденій, и вездѣ, изъ-подъ внѣшняго французскаго лоска, пробивалась наружу прирожденная грубость. Тонкая, нервная натура Тургенева, рано умѣвшая подмѣчать, одаренная инстинктивнымъ стремленіемъ къ свободному, гармоническому развитію, съ дѣтства оскорблялась, ощущала отвращеніе тамъ, гдѣ ровесники его спокойно отдавались минутѣ. Въ повѣстяхъ его разсказано много прискорбныхъ безпутныхъ воспоминаній временъ его дѣтства и ранней молодости, много сценъ тогдашней жизни, отличавшейся безправностью и безнадежностью.

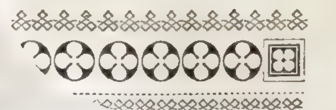
«Въ 1838 году Тургеневъ отправился въ Берлинъ, гдѣ углубился въ гегелевскую философію, нѣмецкій языкъ и

«Нѣмецко-французская война побудила Тургенева оставить Баденъ. Въ послѣдніе годы онъ часто пріѣзжалъ въ Германію, гдѣ его сочиненія, вышедшія недавно въ полномъ собраніи на нѣмецкомъ языкѣ, такъ же охотно читаются, какъ и въ его отечествѣ».

А. Майковъ

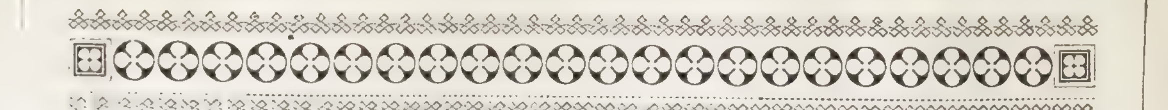
VIII.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

[illegible] четыреста лѣтъ назадъ, жилъ на Руси Нилъ Майковъ, извѣстный въ исторіи духовнаго просвѣщенія Руси [illegible] именемъ Нила Сорскаго, потому что на рѣкѣ Сорѣ, въ [illegible] верстахъ [illegible], онъ учредилъ пустынножительство [illegible] у насъ «житія скитскаго». Это былъ подвижникъ, возлюбившій пустыню и [illegible] свою жизнь [illegible], закрывшій свое сердце отъ всѣхъ благъ мірской жизни и открывшій его для одного созерцанія величія Божія въ дѣвственной, еще не тронутой человѣкомъ природѣ. Невольно думается, что [illegible] Майковыхъ, переходя [illegible] по поколѣніямъ [illegible], въ иной формѣ, [illegible]сти, и на [illegible].

Николай Аполлоновичъ Майковъ, отецъ нашего поэта (род. въ 1794, ум. въ 1873), начавшій въ юности поприще военное [illegible], [illegible] такомъ громадномъ [illegible] Бородинскій, вдругъ является потомъ [illegible] художника съ [illegible] душою, [illegible]аго художество и

VIII.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

Лѣтъ четыреста назадъ, жилъ на Руси Нилъ Майковъ, внесенный въ исторію духовнаго просвѣщенія Руси подъ именемъ Нила Сорскаго, потому что на рѣкѣ Сорѣ, въ пустыняхъ бѣлозерскихъ, онъ учредилъ пустынножительскую обитель и сталъ основателемъ у насъ «житія скитскаго». Это былъ человѣкъ, возлюбившій пустыню и слившій всю свою жизнь съ ея жизнью, закрывшій свое сердце отъ всѣхъ благъ мірской жизни и открывшій его для одного созерцанія величія Божія въ дѣвственной, еще не тронутой человѣкомъ природѣ. Невольно думается, что духъ этого перваго записаннаго исторіею Майкова, переходя къ наслѣдовавшимъ его имя и видоизмѣняясь по поколѣніямъ, отразился, въ иной формѣ, но въ сущности, и на ближайшихъ къ намъ его потомкахъ.

Николай Аполлоновичъ Майковъ, отецъ нашего поэта (род. въ 1794, ум. въ 1873), начавшій въ юности поприще военное и боевое, пролившій кровь въ такомъ громадномъ и незабвенномъ бою, какъ Бородинскій, вдругъ является потомъ въ образѣ художника, но художника съ голубиной душой, непритворно возлюбившаго художество и

И, подъ гармонію ея, я строилъ стихъ.
Разсѣянно гляжу на дремлющія воды
Лѣснаго озера и верхи сосенъ густыхъ,
Обрывы желтые въ молчаньи ихъ угрюмомъ;
Безъ мысли и лѣнивъ, смотрю я, какъ съ полей
Станицы тянутся гусей и журавлей,
И утки дикія ныряютъ въ воду съ шумомъ;
Безсмыслено гляжу я въ зыблемыхъ струяхъ
На удочку, забывъ о прозѣ и стихахъ..
  Но послѣ, далеко отъ милыхъ тѣхъ явленій,
Въ ночи, я чувствую, передо-мной встаютъ
Видѣнья милыя, пестрѣютъ и живутъ,
И движутся, и я привѣтствую ихъ тѣни,
И узнаю лѣса и дальнихъ горъ ступени,
И озеро... Тогда я слышу, какъ кипитъ
Во мнѣ святой восторгъ, какъ кровь во мнѣ горитъ,
Какъ стихъ слагается и прозябаютъ мысли...

Чтобъ довершить это сопоставленіе двухъ эпохъ изъ жизни поэта и показать яснѣе неизмѣнность его основнаго душевнаго строя, приведемъ маленькое стихотвореніе, позднѣйшей эпохи 1854 года, представляющее самое свѣтлое и радостное проявленіе этого настроенія:

«Весна! выставляется первая рама —
  И въ комнату шумъ ворвался,
  И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса,
Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
  Вонъ—даль голубая видна:
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна!»

Не помнится, чтобъ кто-нибудь еще съ такой-же искренностью и изящной простотой чувства привѣтствовалъ весну. Это—одинъ, мгновенно вылетѣвшій изъ сердца крикъ чистѣйшей радости,—крикъ, замкнутый такимъ великолѣпно

изваяннымъ послѣднимъ стихомъ, который уже указываетъ позднѣйшую эпоху въ поэтѣ и до котораго надо было дойти чрезъ извѣстный періодъ художественнаго воспитанія.

Въ періодъ своего студенчества Аполлонъ Николаевичъ занимался живописью и подъ-конецъ написалъ картину, получившую почетное назначеніе. Пластическое искусство, съ которымъ онъ, также чрезъ отца, роднился съ дѣтства, въ соединеніи съ основнымъ душевнымъ строемъ, породило, конечно, тотъ рядъ антологическихъ стихотвореній, вѣрныхъ духу класической древности и съ строго-античной отдѣлкой, которыя вошли въ первый его сборникъ, изданный въ 1842 году, и которыя представляютъ какъ бы красивый цвѣтникъ при входѣ въ садъ, наполненный дальше широковѣтвистыми деревьями. Проходя мимо тѣ изъ нихъ, которыя отличаются роскошью красокъ, приведемъ одно, гдѣ чуть слышна струна, поющая поэзію пустыни:

«Дай намъ, пустынникъ, дубовыя чаши и кружки,
Утварь, которою рѣжешь ты самъ на досугѣ;
Ставь предъ нами изъ глины кувшины простые
Съ влагой студенной, почерпнутой въ полдень палящій
Въ этомъ ручьѣ, что бѣжитъ между травами звонко,
Въ мракѣ прохладномъ, подъ сѣнью дуплистыя липы!
Вкусимъ, усталые, сочныхъ плодовъ и кореньевъ;
Вспомнимъ, какъ въ первые вѣки отшельники жили,
Тѣло свое изнуряя постомъ и молитвой;
И, въ размышленіяхъ строгихъ и важныхъ,
Шутку порой перекинемъ мірскую.»

Этотъ ловкій намекъ на жизнь отшельниковъ, какъ видно, не былъ только плодомъ какого-нибудь случайнаго и мимолетнаго впечатлѣнія: поэзія пустыни, отношеніе къ ней отшельниковъ, давно носившееся въ воображеніи поэта, впослѣдствіи черезъ много лѣтъ такъ у него выяснилось, такъ освѣтилось, что невольно думается: не духъ-ли Нила Сор-

скаго таинственно помогъ своему дальнему потомку-стихотворцу такъ живо прочувствовать прелесть пустыни съ точки зрѣнія отшельника?... Въ 1842 году Аполлонъ Николаевичъ уѣхалъ за границу. Поѣздка предпринята была съ художественною цѣлію и съ пособіемъ отъ покойнаго Государя. Онъ провелъ зиму въ Парижѣ и больше года въ Италіи, преимущественно въ Римѣ. Богатымъ плодомъ этой поѣздки была высоко цѣнимая группа стихотвореній, носящихъ общее заглавіе: «Очерки Рима». Это родъ думъ, навѣянныхъ вѣчнымъ городомъ, облеченныхъ въ ту-же строго-античную форму. Не вдаваясь въ оцѣнку этой группы, остановимся лишь на одномъ заключающемся въ этой группѣ стихотвореніи: «Художникъ», которое даетъ намъ подмѣтить, на сколько поэтъ, среди всѣхъ подавляющихъ впечатлѣній. остался вѣренъ тому чувству, которое воспитали въ немъ картины «бѣдныя полуночнаго края».

«Кисти ты бросилъ, забылъ о палитрѣ и краскахъ,
Проклялъ ты Римъ и лилово-серебристыя горы,
Ходишь, какъ чумный; на дѣвъ смуглолицыхъ не смотришь;
Ночью до утра сидишь въ остеріи за кружкой,
Хмурый какъ родина наша... И Лора горюетъ,
Точно гадая, о чемъ ты тоскуешь, и смотритъ
Въ очи тебѣ и порой ловитъ бредъ твой сквозь-сонный.
Что? не выходитъ твой Римъ на картинѣ? Что? воздухъ
Тонкой струей не бѣжитъ между листьевъ? и солнце
Легкимъ, игривымъ лучомъ не скользитъ по аллеѣ?
Горы не рядятся въ легкую дымку тумановъ полудня?
Руку, художникъ! ты тайну природы постигнешь!
Думать будетъ картина—ты самъ, негодуя,
Выносилъ въ сердцѣ тяжелую думу.»

И самъ поэтъ выносилъ наконецъ въ сердцѣ свою думу, которая естественно должна была образоваться изъ того-же неизмѣннаго настроенія: это — вѣчный и вѣчно-отзываю-

щійся въ сердцѣ человѣка голосъ живой природы, заглушая который въ себѣ, замираетъ сердце человѣка, и тогда— безжизненны всѣ его дѣла и мысли. Такъ, вначалѣ, высказалась эта дума.

«Не гость минутный, не скиталецъ,
Не проходящій постоялецъ
Въ роскошномъ мірѣ этомъ я—
Я *сынъ земли*, я царь ея!
Не оторваться мнѣ устами
Отъ груди матери моей,
Не разорвать мнѣ цѣпи съ ней...»

Всѣ его такъ-названныя «Житейскія думы», касаются лицъ заглушившихъ или старающихся заглушить въ себѣ этотъ зовущій къ жизни голосъ. Та-же дума навела его на такіе сюжеты, какъ «Савонаролла», «Приговоръ», «Исповѣдь королевы»; въ нихъ звучитъ все та-же поющая о жизни струна. «Суровый доминиканецъ» умираетъ на кострѣ съ именемъ Христа...

«Христосъ, Христосъ! но, умирая
И по слѣдамъ Твоимъ ступая,
Твой подвигъ сердцемъ возлюбя,
Христосъ! онъ понялъ-ли Тебя?
О, нѣтъ! скорбящихъ утѣшая,
Ты чистыхъ радостей не гналъ
И, Магдалину возраждая,
Дѣтей на жизнь благословлялъ!
И человѣкъ, въ Твоемъ ученьѣ
Познавъ себя, въ Твоихъ словахъ
Съ любовью видитъ откровенье,
Чѣмъ можетъ быть онъ святъ и благъ...
Своею кровью *жизни слово*
Ты освятилъ,—и возрасло
Оно могуче и свѣтло;
Доминиканца-жъ кликъ суровый
Былъ чуждъ любви...»

Весь смыслъ «Приговора» заключается въ томъ, что «души чернаго собранья», оглохшія къ голосу природы и омертвѣвшія, какъ чудомъ пробуждены въ минуту пѣніемъ соловья, и бывшій въ собраніи, вызванный изъ пустыни старецъ едва не опрокидываетъ всего мрачнаго и безжизненнаго дѣла только потому, что

«Вспомнилъ онъ, какъ тамъ, въ пустынѣ,
Миръ природы, птичекъ пѣнье
Укрѣпляли въ сердце силу
Примиренья и прощенья».

«Исповѣдь Королевы»—это глубокая, холодомъ охватывающая скорбь о готовившемся нѣкогда, исторической ложью порожденномъ, безпримѣрномъ подавленіи человѣческой природы; это—картина, изображающая, какъ зарождается, въ нѣдрахъ европейскаго запада, страшное, смертью дышащее дѣло—инквизиція; это—втайнѣ, въ глубинѣ души, безмолвно возсылаемая, благодарность неисповѣдимой судьбѣ, оставившей насъ въ сторонѣ отъ этой мрачнѣйшей лжи, мрачнѣйшей изъ всѣхъ, потому что она кощунственно прикрывалась знаменемъ Христовой церкви.

Наконецъ, голосъ природы, дающей право всѣмъ сторонамъ жизни, подслушалъ нашъ поэтъ дома, на самомъ днѣ русской души; онъ подслушалъ его у слѣпца, распѣвающаго духовные стихи передъ монастырскими воротами и уговаривающаго толпу, возроптавшую на разгульнаго парня, который затянулъ веселую пѣсню, чтобъ его «не судили строго...

Благъ—небесный нашъ Отецъ:
Смѣхъ и слезы—все отъ Бога!
Отъ Него—и скорбный стихъ,
Отъ Него—и стихъ веселый!
Тотъ спасенъ кто любитъ ихъ

Въ свѣтлый часъ и часъ тяжелый!
«А кто любитъ ихъ—мягка
Въ томъ душа и незлобива,
И къ добру она чутка,
И роститъ его какъ нива.»

Мы старались извлечь изъ произведеній А. Н. Майкова, такъ сказать, образчики почвы, на которой росли его воззрѣнія. Свойство этой почвы таково, что на ней само собою, естественно, какъ самородокъ, должно было развиться чувство чистой и простой, не тронутой перепутавшимися между собою теоріями, жизненной правды, которой всѣ мы ждемъ какъ чего-то издали къ намъ идущаго. Съ этимъ именно чувствомъ донынѣ отзывается нашъ поэтъ на болѣе крупныя явленія жизни. Два года назадъ, бѣдствіе, поразившее часть русскаго народа вызвало у его музы такой «Вопросъ»:

«Мы всѣ хранители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ видѣнъ былъ! мы соль земли, мы свѣтъ!
Когда голодныя толпы въ годину бѣдъ
Изъ темныхъ доловъ къ намъ о хлѣбѣ вопіютъ,
Прокормимъ какъ нибудь мы темный этотъ людъ,
Чтобы не умереть ему, не голодать,
Намъ есть пока что дать!
Но если-бъ умеръ въ немъ живущій идеалъ
И мучимъ голодомъ духовнымъ онъ взалкалъ,
И вдругъ о помощи возопіялъ-бы къ намъ,
Своимъ старѣйшинамъ, пророкамъ и вождямъ,—
Мы всѣ хранители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ видѣнъ былъ и въ ту свѣтилъ-бы тму,—
Чтобъ дали мы ему?...»

Наконецъ — при послѣднемъ, еще неразрѣшившемся взрывѣ человѣческаго страданія, гдѣ какъ-бы самолично

страдаетъ вѣчная, донынѣ гонимая правда, вырвалось изъ сердца поэта:

«Опять горитъ Востокъ! Опять и кровь, и стонъ,
Спаленныя поля, насилье, смерть, проклятья!
Опять—блуждающихъ въ горахъ дѣтей и женъ
Ко братьямъ о Христѣ молящія объятья!
Европа наконецъ внимаетъ ихъ мольбамъ ..
Но взоры ихъ слѣдятъ за дальнею Россіей:
Тамъ—Царь-помазанникъ! стратигъ Востока—тамъ!
Туда указано, предъ смертью, Византіей...
И знаетъ это Русь... и долгъ свой приняла—
И былъ онъ для нея, что свѣтъ для морехода;
И мысль великая въ ней крѣпла и росла
И въ разумѣ царей, и въ чаяньяхъ народа. .
Ужъ близокъ Николай у цѣли былъ... Но Богъ
Еще отсрочилъ день... Настала-ли година?
Чего могучій духъ отца свершить не могъ,
Не суждено-ль свершить, быть можетъ, сердцу сына?»

Для полной критической оцѣнки произведеній А. Н. Майкова, все доселѣ сказанное должно было служить только вступленіемъ. Капитальное созданіе его, служащее вѣнцомъ его поэтической дѣятельности, лирическая драма «Два Міра». На сопоставленіе двухъ міровъ — дряхлѣющаго языческаго и порождающаго христіанскаго, со всею яркостью чувственныхъ красокъ эпохи цезаризма и глубиной духовно-нравственнаго міровоззрѣнія древнѣйшихъ христіанъ—могъ отважиться только поэтъ истинный, объективный, который съ грекомъ грекъ, съ римляниномъ— римлянинъ и всеобъемлющъ какъ славянинъ. Приведемъ нѣсколько стиховъ изъ самой драмы, въ которыхъ какъ-бы резюмируется вся ея мысль, въ которыхъ полно высказываются два міра.

Древній, отходящій міръ, устами Деція, говоритъ:

Марцеллъ! вѣдь строя Римъ твой новый,
Пойми, ты губишь Римъ отцовъ,

Созданье дѣлъ ихъ! трудъ вѣковъ!
Римъ—словно небо, крѣпкимъ сводомъ
Облегшій землю, и народамъ,
Всѣмъ этимъ тысячамъ племенъ,
Или отжившимъ, иль привычнымъ
Лишь къ грабежамъ, разноязычнымъ
Языкъ свой давшій и законъ!
И этотъ Римъ и это зданье
Ты отдаешь на растерзанье—
Кому-же?... Тѣмъ, кто годенъ былъ,
Какъ вьючный скотъ, въ цѣпяхъ, лишь къ носкѣ
Земли и камня, къ перевозкѣ
Того, что мнѣ-бъ и мулъ свозилъ!
Рабы!.. Марцеллъ, да гдѣ ты? гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
Что намъ позоръ—имъ не позоръ!

Представитель новаго; зарождающагося міра, Марцеллъ, говоритъ, указывая на христіанъ:

. . . всѣ проникнуты одной—
Какъ солнцемъ глубины морскія—
Любовію!.. Здѣсь нѣтъ вождей!
Творятъ дѣла здѣсь ужъ не люди!
Для всѣхъ, какъ для простыхъ орудій,
Сокрыты цѣли! Безъ мечей
Идемъ къ побѣдѣ несомнѣнной!
Пойми-жъ, что свыше лозунгъ данъ!
То Божій духъ по всей вселенной
Летитъ, какъ нѣкій ураганъ...
Что было свѣтомъ—въ мракъ отходитъ!
Всѣ солца гаснутъ! Новый день
И солнце новое восходитъ,
Все прежнее бѣжитъ какъ тѣнь,
Что-жъ ветхій человѣкъ, усильно
За тѣнь хватаясь, вмѣстѣ съ ней
Исчезнуть хочешь въ тмѣ могильной
Въ безумной гордости своей!

Себя поставивши судьею
Надъ всей вселенной, никогда
Ужъ не признаешь надъ собою
Глаголовъ Божьяго суда...»

Распадающійся колоссъ возражаетъ:

«Мой судъ—я самъ! Все, чѣмъ мой разумъ
Могучъ и свѣтелъ далъ мнѣ Римъ,
И пусть идутъ всѣ боги разомъ.
И съ ними всѣ народы—имъ
Не уступлю и упреждаю
Ихъ вызовъ...»

Новый міръ, устами Лиды, побѣдоносно заключаетъ:

«Мы странники въ земной юдоли.
И тайнъ Господнихъ никогда
Намъ не узнать!.. Проходитъ, да,
Проходитъ зримый образъ міра—
Но, Децій, міръ не погубить
Пришелъ Христосъ, а словомъ мира
Въ любви и правдѣ возродить.
. . . .
. . . . Прощать
Ты-бъ научился... да! прощать!
Вѣдь христіанство, все ученье,
Нѣтъ, не ученье,—жизнь!—прощенье,
Ежеминутное, прощенье,
Прощенье вѣчное!...»

И —

«Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!»

Это — послѣдній, всеразрѣшающій стихъ драмы!

Въ заключеніе мы должны еще указать на одну весьма важную сторону поэтической дѣятельности А. Н. Майкова. Эта сторона — воспитательная. Его переложенія сербскихъ былинъ; его поэма «Бальдуръ» — пѣснь о солнцѣ по сказаніямъ скандинавской Эдды; наконецъ его четырехъ-лѣтній

трудъ надъ «Словомъ о полку Игоревѣ», исполненный со всею добросовѣстностью изслѣдователя и чуткостью поэта,— трудъ, озарившій новымъ свѣтомъ этотъ дорогой памятникъ нашей древней литературы и сообщившій недостававшую ему цѣльность, все это, по нашему мнѣнію, прямыя и очень серьезныя услуги, оказанныя учащемуся юношеству, облегчающія ему проникнуть въ духъ глубокой народной старины нашей, и близкихъ намъ сосѣдей... Впрочемъ и вся поэзія Майкова можетъ считаться въ высшей степени воспитательною, по чистотѣ душевнаго строя, которымъ вся она проникнута и какъ-бы создавшаяся именно для просвѣщенія духовныхъ силъ нашего молодого поколѣнія.

W. Pengelly

II.

[illegible] Константиновичъ Айвазовскій.

Трудно [illegible]; но среди [illegible] хъ у взро- [illegible] самомъ уси- [illegible] бя надеж- [illegible] Еще труднѣе бываетъ [illegible] человѣкъ въ молодости не [illegible] въ жизни [illegible] но даже нѣкоторую [illegible] положеніе ребенка, [illegible] домѣ и [illegible] ы и ли- [illegible] же нѣтъ [illegible] зависитъ [illegible] ъ ребе- [illegible] можетъ [illegible] и на- [illegible] гдѣ за- [illegible], о ма- [illegible] я все: [illegible] забота— [illegible] лей, дѣти

IX.

Иванъ Константиновичъ Айвазовскій.

Трудно переносить въ жизни горе и бѣдность; но среди крайнихъ лишеній въ матеріальныхъ средствахъ у взрослаго человѣка раждается мысль о трудѣ самомъ усиленномъ, съ помощью котораго онъ льститъ себя надеждою поправить свои обстоятельства. Еще труднѣе бываетъ переносить недостатокъ, когда человѣкъ въ молодости не привыкъ жить бѣдно и съ самыхъ первыхъ годовъ жизни уже пользовался не только всѣмъ необходимымъ, но даже нѣкоторою роскошью. Но еще ужаснѣе бываетъ положеніе ребенка, рожденнаго и воспитаннаго въ богатомъ домѣ и потомъ вдругъ кинутаго судьбою въ омутъ нищеты и лишеній. Въ этомъ случаѣ для несчастнаго дитяти уже нѣтъ будущности, или лучше сказать будущность его зависитъ отъ произвола и случая. Кто поручится, что этотъ ребенокъ, будучи на рукахъ людей недостаточныхъ, можетъ избрать себѣ какую-либо прямую дорогу въ жизни, и наконецъ кто будетъ руководить имъ, когда еще прежде заботъ о воспитаніи и образованіи, рождается вопросъ о матеріальныхъ средствахъ? Тутъ обыкновенно забывается все: и воспитаніе и образованіе, а только и есть одна забота— о хлѣбѣ насущномъ. Въ случаѣ же смерти родителей, дѣти

эти остаются совершенно на произволъ судьбы. Что будетъ съ этимъ ребенкомъ—никто не знаетъ, и предвидѣть этого нельзя; тутъ же дальнѣйшая судьба его зависитъ отъ случая, или лучше сказать отъ Провидѣнія. Оно имѣетъ своихъ избранниковъ, и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, надѣляетъ ихъ какимъ-то особеннымъ даромъ, въ видѣ необыкновенныхъ способностей, съ помощью которыхъ несчастному заброшенному ребенку удается пробить себѣ дорогу въ жизни. Вотъ обыкновенный процесъ проявленія таланта, хотя конечно есть и другія условія, при которыхъ дѣти, одаренныя особенными способностями, развиваются именно не въ ущербъ своего призванія и впослѣдствіи дѣлаются людьми высоко-талантливыми.

Говоря объ И. К. Айвазовскомъ, нельзя не упомянуть вообще о положеніи безпомощности и сиротства въ юности нѣкоторыхъ замѣчательныхъ людей. Могло случиться, что предоставленный самому себѣ мальчикъ могъ быть забитъ нищетою, и вслѣдствіе этого, его способности никогда-бы не получили своего развитія.

Предки Айвазовскаго были выходцы съ востока и нѣкоторые поселись въ Галиціи, гдѣ и нынѣ существуетъ эта фамилія, а другіе, принявъ въ 1790 году подданство Россіи, поселились въ Крыму, въ томъ числѣ и отецъ нашего извѣстнаго художника-мариниста, родившагося тамъ-же, въ городѣ Ѳеодосіи, въ 1817 году.

Еще въ 1812 году, богатый негоціантъ Константинъ Григорьевичъ Айвазовскій, вслѣдствіе разныхъ неудачныхъ спекуляцій, совершенно разорился и все семейство его обречено было бѣдности.

Незавидна была судьба Ивана Константиновича въ первые годы его жизни, и не долго пользовался онъ родительскими попеченіями, такъ что наконецъ очутился среди условій,

о которыхъ мы упомянули выше. Но судьба его была отчасти лучше, онъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ градоначальника А. И. Казначеева, который опредѣлилъ его въ симферопольскую гимназію и сталъ наблюдать за развитіемъ ребенка. На четырнадцатомъ году въ мальчикѣ обнаружились способности къ живописи; особенно удивилъ всѣхъ его рисунокъ (перомъ) «Евреи въ синагогѣ». Этотъ рисунокъ на столько былъ хорошъ для его лѣтъ, что извѣстный въ то время архитекторъ Тончи рѣшился представить его Николаю I, и тотъ пожелалъ, чтобы Айвазовскій былъ опредѣленъ въ петербургскую академію художествъ на счетъ кабинета, что и послѣдовало въ 1832 году. Такимъ образомъ, молодой Айвазовскій сразу вступилъ на то поприще, куда влекло его призваніе, и это было большое для него счастіе, которое не всякому художнику выпадаетъ на долю. Иныхъ судьба бросаетъ въ совершенно противоположную среду, и нужно имѣть большой талантъ, чтобы не быть увлеченнымъ къ дѣятельности, несоотвѣтственной природнымъ наклонностямъ.

Итакъ, Айвазовскій былъ опредѣленъ въ академію, гдѣ съ первыхъ-же дней всецѣло предался развитію своего дарованія. Понятно, что родившись и проведя первые годы жизни въ Крыму, среди роскошной природы, почти на самомъ берегу моря, молодой художникъ въ области искуства ничѣмъ такъ много не увлекался, какъ тою-же природою и въ особенности морскою стихіею, которая можно сказать взлелѣяла, воспитала и нянчила его съ самыхъ пеленокъ. Ничто не остается у насъ такъ въ памяти, ничто такъ не врѣзывается въ наше воображеніе, какъ обстановка, или условія жизни въ періодъ младенчества и юности. Всѣ симпатіи къ этой эпохѣ у обыкновенныхъ смертныхъ выражаются любовью къ循 родинѣ, или лучше сказать къ мѣсту рожденія, а у поэтовъ, и вообще у художниковъ, эта любовь высказы-

вается въ ихъ произведеніяхъ. Такъ было и съ Айвазовскимъ—талантъ увлекалъ его къ описанію моря, во всѣхъ видахъ и моментахъ движенія этой стихіи.

Ровно черезъ пять лѣтъ пребыванія въ академіи, Айвазовскій получилъ серебряную и золотую второй степени медали, а въ 1838 г. ему присуждена была и первая золотая медаль. Такіе успѣхи дали ему возможность въ 1840 году отправиться на казенный счетъ заграницу, гдѣ въ 1843 году на парижской выставкѣ онъ также награжденъ былъ золотою медалью; а въ 1844 году избранъ почетнымъ членомъ амстердамской и венеціанской академій. Такимъ образомъ, спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ перваго шага къ серьезному занятію своимъ искуствомъ, Айвазовскій уже стяжалъ себѣ нѣкоторую славу нетолько въ Россіи, но и за границею, слѣдовательно оправдалъ надежды всѣхъ и въ особенности своихъ покровителей. Теперь ему слѣдовало возвратиться въ отечество и доказать, что Европа не ошиблась въ его дарованіи.

Возвратясь въ 1845 г. въ Россію, онъ былъ благосклонно принятъ Государемъ и получилъ заказъ написать для галереи запасной половины зимняго дворца множество картинъ, изображающихъ всѣ сѣверные и южные порты Чернаго моря и кромѣ того нѣсколько батальныхъ морскихъ картинъ, изображающихъ сраженія со шведами: подъ Ревелемъ, Красной Горкой, Гангутомъ и Свеаборгомъ, также Наваринскую битву. Нельзя не удивляться этому обилію сюжетовъ, выполненныхъ художникомъ въ продолженіи двухъ лѣтъ, что вообще должно считать большимъ исключеніемъ въ области русскаго искуства, потому что весьма не многіе изъ нашихъ художниковъ отличаются такою плодовитостью при такомъ дарованіи. Вѣроятно суровая, холодная обстановка является причиною такой скудной производи-

тельности нашихъ мастеровъ: сравнительно они производятъ гораздо менѣе, нежели мастера запада. Но Айвазовскій составляетъ исключеніе въ этомъ отношеніи; его кисть ни на минуту не останавливается, производя постоянно безчисленное множество интересныхъ произведеній. Особенно съ 1847 по 1850 годъ, когда онъ получилъ званіе академика и професора, въ это время путешествуя, онъ написалъ весьма много картинъ на всевозможные сюжеты. Крымская война заставила его снова возвратиться въ отечество, и тутъ онъ написалъ «Синопское сраженіе» и большую картину «Буря 4 ноября подъ Балаклавою», въ которой изображенъ бѣдствующій непріятельскій флотъ. По окончаніи войны въ 1857 году, французская академія, не взирая на его враждебную національность, наградила его орденомъ почетнаго легіона (жюри были отъ академіи, но не отъ правительства Наполеона, что имѣетъ важное значеніе) Въ Россіи Айвазовскій также былъ щедро награжденъ по заслугамъ.

Нѣкоторые упрекаютъ И. К. Айвазовскаго въ томъ, что онъ мало удѣляетъ своего времени для Россіи и въ особенности для Петербурга, что по большей части, предаваясь своему творчеству, не имѣетъ здѣсь мастерской, своей школы и учениковъ, которые-бы могли воспользоваться его неуловимымъ жанромъ писать картины изумительно колоритныя, по отношенію къ водной стихіи. Одно время даже старались распустить слухъ, что онъ достигаетъ этого колорита съ помощью какого-то рисовальнаго секрета; но недавно професоръ, въ продолженіи двухъ часовъ, въ академіи написалъ цѣлую картину при ученикахъ, и блистательно доказалъ свои способности. Можно-ли также обвинять И. К. Айвазовскаго въ томъ, что онъ не живетъ въ Петербургѣ? Неужели онъ долженъ промѣнять свою блестя-

щую Θеодосію на нашъ пасмурный Петербургъ, ради того-только, чтобы учить здѣсь искуству; но развѣ учить онъ не можетъ и тамъ? Его мастерская открыта для всѣхъ желающихъ и онъ имѣетъ много замѣчательныхъ художниковъ-послѣдователей его школы; въ числѣ ихъ можно назвать Лагоріо, Куинджи и др.

И. К. Айвазовскій горячо любитъ свою родину; всѣ его лучшія произведенія изображаютъ именно родимыя мѣста: Крымъ, съ его приморскими берегами, съ окружающей водною стихіею; и можно-ли упрекать художника, создавшаго столько прелестныхъ морскихъ видовъ, въ томъ, что онъ все лѣто проводитъ среди этихъ живыхъ картинъ своего вдохновенія, а на зиму уѣзжаетъ въ иныя, болѣе теплыя страны? Это ни сколько не мѣшаетъ ему быть хорошимъ гражданиномъ, патріотомъ. Въ Θеодосіи, напримѣръ, заботами Ивана Константиновича Айвазовскаго воздвигнутъ музей древностей, куда онъ пожертвовалъ также пять большихъ картинъ своихъ, и гдѣ въ память знаменитаго кавказскаго героя 1811—1812 годовъ Петра Степановича Котляревскаго, помѣщается часовня. Развѣ это не услуга родинѣ, развѣ это не гражданскій подвигъ?

Говоря объ И. К. Айвазовскомъ, какъ о художникѣ по отношенію къ успѣхамъ его въ жизни, слѣдуетъ замѣтить, что ему выпала счастливая доля еще во очію испытать всѣ радости, которыя приноситъ съ собою творчество. Его произведенія всѣми покупаются за хорошія деньги и онъ видимо, осязательно для себя, пользуется плодами своего вдохновенія; не то бываетъ съ другими художниками, которыхъ произведенія оцѣниваются только послѣ ихъ смерти, а въ жизни они испытываютъ однѣ неудачи и даже иногда умираютъ съ голоду, или окончательно бросаютъ свое призваніе, забитые нуждою. Мастерская кисть часто выручала Ивана Константиновича изъ весьма плохихъ обстоятельствъ. Такъ,

напримѣръ, однажды ему дали знать, что въ имѣніи его стадо овецъ, болѣе тысячи головъ, было унесено въ море ураганомъ и Айвазовскій, подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, вскорѣ же написалъ картину бросившихся въ море овецъ, которая пріобрѣтена въ Англіи за такую сумму, что потеря его вчетверо была вознаграждена картиною. Въ другой разъ управляющій доносилъ ему о весьма плохомъ урожаѣ; Айвазовскій написалъ извѣстную картину «Урожай въ Малороссіи», изобразивъ поле, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ телега, а подъ тѣнью ея спятъ умаявшіяся крестьянки. И эта картина вознаградила его за всѣ убытки отъ неурожая. Такова сила его искуства въ матерьяльномъ отношеніи; къ сожалѣнію, немногіе артисты бываютъ такъ счастливы при жизни.

Путешествуя заграницею, Айвазовскій устраивалъ выставки и всѣ онѣ по большой части имѣли большой успѣхъ; такъ напримѣръ въ 1873 году во Флоренціи его выставка была такъ хорошо принята, что дирекція флорентійской галереи пожелала портретъ его, написанный имъ-же, помѣстить во дворцѣ, въ числѣ извѣстныхъ художниковъ, гдѣ изъ нашихъ живописцевъ находился только одинъ портретъ Кипренскаго. Въ 1875 году И. К. Айвазовскій былъ приглашенъ въ Константинополь, гдѣ ему оказанъ самый любезный пріемъ, и султанъ пріобрѣлъ болѣе 35 картинъ его, приславъ ему кромѣ того звѣзду Османіе. Въ прошлую зиму въ Петербургѣ также была выставка его новыхъ картинъ, изъ которыхъ самая большая (буря у мыса Айи) подарена имъ академіи, нѣкоторыя куплены въ Россіи, а семь картинъ посланы на выставку въ Америку. Вслѣдъ за тѣмъ, картины нашего замѣчательнаго художника-мариниста будутъ выставлены въ Варшавѣ, Лондонѣ и Америкѣ. Этому тріумфу русскаго художника нельзя не порадоваться.

А. Г. Рубинштейнъ

[illegible] [illegible]ЕВИЧЪ Р[illegible]НЪ.

[illegible] сидѣла заду-
[illegible] на полу
[illegible] маль-
[illegible]ъ нѣ-
[illegible] соеди-
[illegible] нако-
[illegible]си ко-
[illegible]нками
[illegible] обер-
[illegible] на его
[illegible]творе-
[illegible]

[illegible]

[illegible]шай,
[illegible] маль-
[illegible]изво-
[illegible]торыя
[illegible] шар-
[illegible]ремила
[illegible]ги дыханіе.
[illegible]слабѣла и ея

X.

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.

Въ небольшой и просто убранной комнатѣ сидѣла задумавшись женщина среднихъ лѣтъ, у ногъ ея на полу тихо и сосредоточенно занимался четырех-лѣтній мальчикъ. Около него лежало нѣсколько щепокъ; онъ бралъ нѣкоторыя, обстрагивалъ ихъ перочиннымъ ножикомъ, соединялъ вмѣстѣ, потомъ натягивалъ на нихъ нитки и наконецъ соорудилъ какой-то непонятный предметъ, отчасти похожій на скрипку. Тогда малютка сталъ своими рученками трогать по ниткамъ—послышались звуки... Женщина обернулась къ ребенку и съ удивленіемъ долго смотрѣла на его забавы. Наконецъ, понявъ въ чемъ дѣло, она съ притворнымъ недоумѣніемъ спросила:

— Что это ты состроилъ, Антоша?

— Скрипку, мама, серьезно отвѣчалъ онъ.—Слушай, хорошо-ли это?.. Я тебѣ буду играть... — продолжалъ мальчикъ и, принявъ позу, онъ сталъ пальчиками воспроизводить на своемъ инструментѣ одну изъ тѣхъ мелодій, которыя часто приходится слышать на улицѣ отъ бродячихъ шарманщиковъ. Женщина съ невольнымъ трепетомъ устремила взглядъ на мальчика и слушала, боясь перевести дыханіе. Когда же одна изъ нитокъ на инструментѣ ослабѣла и ея

виртуозъ прекратилъ игру, чтобы привести свою скрипку въ порядокъ, — слезы хлынули ручьемъ изъ ея глазъ и, схвативъ ребенка, она порывисто принялась осыпать его поцѣлуями, а слезы лились все больше и наконецъ вызвали громкія рыданія.

— Кто же тебя, моего голубчика, научитъ этому искусству? Кто будетъ заниматься съ тобою, когда у насъ нѣтъ теперь никакихъ средствъ; мы все теряемъ, съ отцомъ твоимъ, все!.. И она еще съ большимъ увлеченіемъ осыпала его поцѣлуями, то прижимая къ себѣ, то глядя ему въ лицо и расправляя его волосы. Мальчикъ кротко сидѣлъ у ней на колѣняхъ, изрѣдка поглядывая на оставленную скрипку, недоумѣвая, о чемъ плачетъ мать, когда ему такъ хорошо, такъ пріятно заниматься со своею музыкальною игрушкою, что, пожалуй, онъ отъ всего бы отказался, только бы играть и играть!..

Кто же были дѣйствующими лицами этой семейно-драматической картины? Рубинштейнъ и его мать.

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ родился 18 ноября 1830 г., въ мѣстечкѣ Вехвотинецъ, въ Бессарабіи. Его отецъ былъ довольно состоятельный человѣкъ и имѣлъ въ Москвѣ свою карандашную фабрику, но обстоятельства скоро измѣнились къ худшему и всему семейству угрожала нищета. Дѣла шли все хуже, вслѣдствіе чего и здоровье отца Рубинштейна почти совершенно разстроилось, такъ что мать, принявшая на себя всѣ хлопоты по фабрикѣ, съ ужасомъ смотрѣла на будущность своихъ дѣтей, которымъ не могла дать хорошаго воспитанія; особенно она приходила въ отчаяніе, глядя на развивающіяся музыкальныя способности Антона. Она не находила себя достаточно подготовленной, чтобы самой заняться съ ребенкомъ, а между тѣмъ платить за уроки учителямъ не было рѣшительно никакихъ

средствъ. Все-таки, когда мальчику исполнилось шесть лѣтъ, она кое-какъ купила за дешевую цѣну плохое старое фортепіано и начала сама заниматься съ дѣтьми. По понятіямъ того времени, она была отличная музыкантша; но обладая, замѣчательнымъ слухомъ, она въ то жо время не имѣла никакого понятія ни о музыкальной теоріи, не о методѣ преподаванія. Для руководства она, однако, пріобрѣла нѣсколько школъ фортепіанной игры и при помощи ихъ начала заниматься съ сыновьями.

Такъ прошло два года. Когда Антону Григорьевичу исполнилось восемь лѣтъ, знакомые матери представили его извѣстному фортепіанисту Виллуану, который, услыхавъ игру маленькаго піаниста, пришелъ въ такой восторгъ, что предложилъ заниматься съ нимъ даромъ. Подъ руководствомъ этого опытнаго и преданнаго своему дѣлу музыканта, А. Рубинштейнъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что десяти лѣтъ уже игралъ въ Парижѣ при знаменитомъ композиторѣ Шопенѣ. Неудивительно, что, видя въ мальчикѣ геніальнаго піаниста, Шопенъ поднялъ его на руки, цѣловалъ и предсказалъ ему великую будущность. Вслѣдъ за тѣмъ Виллуанъ разъѣзжалъ съ Рубинштейномъ въ продолженіи двухъ лѣтъ по Европѣ, съ артистическою цѣлію, и вездѣ успѣхъ былъ громадный, всѣ удивлялись необыкновенному таланту одинадцатилѣтняго виртуоза.

Наконецъ, въ 1842 г. Рубинштейнъ вернулся въ Россію, и тутъ уже слава его упрочилась, особенно когда слухъ о талантливомъ мальчикѣ дошелъ ко двору, въ блестящую эпоху царствованія Николая I. Маленькій виртуозъ былъ обласканъ Государемъ и его августѣйшею супругою. Часто, во время музыкальныхъ празднествъ при дворѣ, Николай Павловичъ, во время антрактовъ, когда публика удалялась изъ залы, оставаясь одинъ съ Рубинштейномъ, за-

давалъ ему различныя, любимыя свои темы, на которыя юному артисту приходилось импровизировать цѣлыми часами. Это монаршее покровительство заронило въ душѣ Рубинштейна искру твердой увѣренности въ своихъ силахъ, что, какъ извѣстно, плодотворно дѣйствуетъ на развитіе художника.

И вотъ, пробывъ въ Россіи зимній сезонъ, послѣ блестящихъ концертовъ въ Москвѣ и Петербургѣ, онъ отправился съ матерью въ Берлинъ, гдѣ она хотѣла посовѣтоваться съ Мейерберомъ и Мендельсономъ на счетъ дальнѣйшаго музыкальнаго развитія сына. Въ это время отцу Рубинштейна сдѣлалось хуже, вслѣдствіе чего присутствіе жены было необходимо въ Москвѣ и — мальчикъ остался въ Берлинѣ совершенно одинъ. Мейерберъ, прослушавъ его, нашелъ, что онъ не нуждается болѣе въ руководителѣ фортепіанной игры, а теоріей предложилъ съ нимъ заниматься самъ, что и дѣлалъ въ теченіи нѣкотораго времени.

Въ 1844 г. Рубинштейнъ поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ въ то время находился Листъ, который также былъ того мнѣнія, что для артиста необходимо развиваться самостоятельно. Эта была первая встрѣча Антона Григорьевича съ знаменитымъ европейскимъ піанистомъ-импровизаторомъ, не имѣвшимъ соперниковъ. Но узналъ-ли Листъ, что въ юномъ его посѣтителѣ созрѣваетъ талантъ, который долженъ ему наслѣдовать? И дѣйствительно, говоря объ А. Г. Рубинштейнѣ, какъ о піанистѣ-исполнителѣ, нельзя не признаться, что послѣ Листа, онъ занимаетъ первое мѣсто. Даже отъявленные антагонисты его, какъ А. Н. Сѣровъ, и тотъ, слушая его игру приходилъ въ непритворный восторгъ, говоря, что въ смыслѣ исполненія, ничего лучшаго не слыхалъ. Между тѣмъ отецъ Рубинштейна умеръ и мальчикъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни, перебиваясь кое-какъ уроками

и участіемъ въ качествѣ пѣвчаго въ церковныхъ хорахъ. Къ этому времени относятся его первыя, преимущественно фортепіанныя сочиненія, заслужившія лестные отзывы, издававшаго въ то время «Zeitschrift für Musik», Шумана.

Въ 1846 г. Рубинштейнъ вернулся въ Россію, но на границѣ, вслѣдствіе безпорядка въ бумагахъ, его приняли за подозрительную личность и конфисковали всѣ его неизданныя сочиненія, которыя не возвращены ему и понынѣ. Здѣсь, въ своемъ отечествѣ, отъ небольшихъ сочиненій, преимущественно фортепіанныхъ, Антонъ Григорьевичъ приступилъ къ созданію болѣе серьезныхъ артистическихъ произведеній; онъ написалъ первую оперу свою «*Куликовская битва*», которая была поставлена въ Петербургѣ на сцену, подъ управленіемъ самого композитора; но опера эта особеннаго успѣха не имѣла, и въ послѣдствіи сгорѣла съ партитурой и партіями, не будучи еще напечатана. Впрочемъ эта потеря не особенно печалила автора, такъ какъ онъ самъ признавалъ эту оперу своей первой неумѣлой попыткой въ драматической музыкѣ. Послѣ того онъ написалъ оперы: «*Дѣти степей*» (Die Kinder der Haide), поставленную въ Вѣнѣ и затѣмъ въ Прагѣ и Москвѣ, — «Feramors» —въ Веймарѣ и въ Дрезденѣ, и ораторію «*Потерянный рай*» — въ Кенигсбергѣ, Дюссельдорфѣ, Берлинѣ и Лейпцигѣ. Кромѣ того, въ это время имъ написаны: три симфоніи, три фортепіанныхъ концерта, одинъ скрипичный концертъ, три тріо, нѣсколько струнныхъ квартетовъ, двѣ сонаты для фортепіано со скрипкой, двѣ съ віолончелью, цѣлая масса мелкихъ фортепіанныхъ піесъ и нѣсколько тетрадей (Lieder) для разныхъ голосовъ.

Къ началу пятидесятыхъ годовъ слѣдуетъ отнести знакомство Антона Григорьевича съ Сѣровымъ, которое, однако, вскорѣ превратилось во вражду этихъ двухъ русскихъ музы-

кальныхъ дѣятелей, разошедшихся во взглядахъ. Но тѣмъ не менѣе, оба они, какъ представители русскихъ музыкантовъ, не могли безъ сожалѣнія думать о томъ, что въ нашемъ отечествѣ въ то время не существовало рѣшительно никакого спеціально-учебнаго музыкальнаго учрежденія. Сѣровъ съ жаромъ высказывалъ предъ молодымъ Рубинштейномъ потребность основанія музыкальнаго университета, а тотъ со всѣмъ пыломъ молодости предался этой мысли и не переставалъ хлопотать о ея осуществленіи. Сѣровъ въ это время трудился надъ своею «Юдифью» и отвернулся отъ Антона Григорьевича, выражая, что тотъ хочетъ создать на Руси нѣмецкую музыкально-схоластическую колегію, — однимъ словомъ возвелъ его чуть ли не въ предателя родного искусства. Тутъ началась его полемика, восхвалявшая безплатную Ломакинскую музыкальную школу и бросающая невыгодный свѣтъ на попытки учредить консерваторію. Артистическое чутье не обманывало его: дѣйствительно консерваторія могла создать чуждую нашему искуству схоластическую форму, но не слѣдуетъ забывать, что въ главѣ этого учрежденія хотѣлъ стать такой безупречный, искренній артистъ, какъ А. Г. Рубинштейнъ, который, благодаря своей энергіи, никогда не могъ позволить развиться схоластикѣ, и который тотчасъ оставилъ консерваторію, лишь только замѣтилъ подобное направленіе въ средѣ своихъ сподвижниковъ.

Какъ бы то ни было, но благодаря своей артистической славѣ и покровительству двора, Рубинштейнъ могъ наконецъ осуществить свою завѣтную мысль, — въ 1859 г. основалось Русское Музыкальное Общество, которое начало свою дѣятельность цѣлою серіею концертовъ; а во дворцѣ президента этого общества, великой княгини Елены Павловны, открылись классы хорового пѣнія и лекціи элементарной теоріи музыки. Чрезъ три года, а именно 8 сентября 1862 г.

наконецъ основана на частныя средства, подъ августѣйшимъ покровительствомъ Княгини, первая русская консерваторія, директоромъ который былъ избранъ А. Г. Рубинштейнъ. Тутъ началась его неутомимая дѣятельность на пользу русскаго музыкальнаго просвѣщенія, и нельзя несогласиться, что въ этой должности онъ не переставалъ быть артистомъ въ душѣ, вопреки увѣреніямъ противуположнаго лагеря. Доступъ къ нему былъ открытъ для всякаго желающаго посвятить себя дѣлу искусства, всякому онъ готовъ былъ подать руку и дать возможность, даже за неимѣніемъ средствъ, безплатно заниматься въ консерваторіи подъ его руководствомъ. Однако нѣкоторые изъ его сотрудниковъ не поняли артистическаго отношенія къ дѣлу и, вопреки инициативѣ, хотѣли водворить въ консерваторіи духъ безцвѣтной схоластики. Рубинштейнъ боролся съ ними и трудился на сколько у него хватало силъ.

Вмѣстѣ съ должностью директора, Антонъ Григорьевичъ велъ классы: фортепіанной игры, композиціи, инструментовки, оркестровой игры, транспонировки, чтенія съ листа, игры ансабль и хорового пѣнія. При такомъ постоянномъ общеніи въ средѣ учениковъ, понятно, что Рубинштейнъ зналъ не только по фамиліи всѣхъ учениковъ, но и слѣдилъ за успѣхами и развитіемъ каждаго. Вотъ почему неудивительно, что его дѣятельность принесла самые благопріятные результаты, и послѣ него образовалась цѣлая плеяда созданныхъ имъ техниковъ-теоретиковъ, музыкантовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ, каковы: Кроссъ, Ларошъ, Альбрехтъ, Чайковскій, Губертъ, Салинъ, Пановъ, Путиловъ, Насорговъ, Терминская, Смирягина, Щетинина, Лавровская, Ирецкая, Левицкая Хвостова, Клеммъ и Минквицъ, которые всѣ получили музыкальное развитіе подъ непосредственнымъ руководствомъ Антона Григорьевича. Но скоро безпристрастное служеніе его дѣлу искусства было парализовано коалиціею противъ него

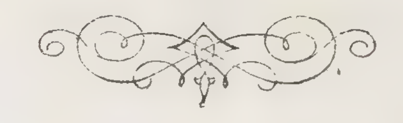
недовольныхъ имъ лицъ. Совершился фактъ, который часто повторяется не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ, — фактъ самаго неблагодарнаго отношенія къ заслугамъ человѣка, принесшаго очевидную пользу. Представители схоластики, противъ которыхъ Рубинштейнъ такъ мужественно боролся, наконецъ одолѣли его, и онъ, вслѣдствіе разногласія съ комитетомъ, не захотѣлъ болѣе оставаться въ консерваторіи. Такъ какъ дѣло музыкальнаго образованія въ Россіи еще только начиналось, то естественно, что Рубинштейнъ желалъ какъ можно лучше упрочить его и вселить къ нему довѣріе, для чего рѣшился наградить дипломами на званіе свободнаго художника только болѣе достойныхъ учениковъ, зарекомендовавшихъ себя отличными музыкантами. Такимъ образомъ, во второмъ выпускѣ, онъ согласенъ былъ подписать дипломы только семи ученикамъ, остальные же професоры желали дать дипломы девятнадцати ученикамъ, и не смотря на то, что ученики эти, вѣрившіе безусловно Рубинштейну, сами отказывались отъ награды, ихъ все-таки заставили взять дипломы, а директору не дали подписать ни одного диплома даже тѣмъ, кого онъ признавалъ дѣйствительно достойными. И вотъ, послѣ семи лѣтъ неустаннаго служенія во главѣ музыкальнаго общества, душой и тѣломъ преданный этому дѣлу, Антонъ Григорьевичъ долженъ былъ оставить консерваторію, основанную по его иниціативѣ, не подписавъ ни одного диплома и оплакиваемый всѣми учениками.

Передъ выходомъ изъ консерваторіи въ 1867 году, Рубинштейнъ наглядно далъ понять результатъ своихъ неутомимыхъ трудовъ въ дѣлѣ музыкальнаго образованія, первымъ опернымъ представленіемъ «Орфея» (Глюка) въ Михайловскомъ дворцѣ, въ день тезоименитства августѣйшей покровительницы Общества. Солистки: Лавровская, Ирецкая

и Клеммъ, хористы и оркестръ, — все было составлено изъ учениковъ консерваторіи, и опера разучена въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Этимъ блестящимъ представленіемъ Антонъ Григорьевичъ какъ бы закончилъ свою педагогическую дѣятельность. Въ примѣръ его безкорыстнаго служенія своему дѣлу, можно привести слѣдующій фактъ. Какъ директоръ и какъ професоръ, онъ получалъ 3,000 р., и изъ этихъ денегъ еще платилъ по 100 р. за тѣхъ, кто учился на духовыхъ инструментахъ—ихъ было 9 человѣкъ. Кромѣ управленія консерваторіею, онъ дирижировалъ концертами Музыкальнаго общества безвозмездно; давались они въ залѣ городской думы и благороднаго собранія, числомъ десять въ сезонъ; членовъ посѣтителей бывало до 600 человѣкъ, тогда какъ нынѣ бываетъ только пять концертовъ и членовъ посѣтителей только 70.

Въ теченіи своего семилѣтняго служенія русскому музыкальному обществу, Антонъ Григорьевичъ, за недостаткомъ времени, почти не давалъ концертовъ и писалъ мало. По выходѣ же изъ консерваторіи онъ три года разъѣзжалъ по Европѣ и по Россіи; затѣмъ годъ жилъ въ Америкѣ и наконецъ въ 1873 г. поселился въ Петергофѣ, на своей дачѣ. Въ это время онъ написалъ оперы: «Демонъ», поставленную у насъ въ Петербургѣ въ 1875 г., и «Маккавеевъ», поставленную въ томъ же году въ Берлинѣ, а въ 1876 г. въ Прагѣ, въ Вѣнѣ и Гамбургѣ; ораторію «Столпотвореніе Вавилонское», исполненную въ Кенигсбергѣ; одинъ концертъ для фортепіано, одинъ для віолончеля, одно тріо и много мелкихъ піесъ для фортепіано и пѣнія. Въ настоящее время Антонъ Григорьевичъ окончилъ новую оперу «Неронъ», принятую на берлинскую и парижскую сцены. Не странно ли, почему новая опера русскаго композитора не ставится прежде въ Россіи, а за границей? Неужели и тутъ встрѣчается противодѣйствіе со стороны театральнаго міра? Впро-

чемъ нечему удивляться, что у насъ туго покровительствуютъ отечественному искуству, и артисту легко можетъ прійти на мысль писать оперу съ иноземнымъ текстомъ. Но можетъ быть послѣ постановки «Нерона» за границею, мы также въ будущемъ сезонѣ услышимъ эту оперу и на родной сценѣ—иначе русскіе композиторы и ихъ произведенія сдѣлаются извѣстны намъ только по газетнымъ слухамъ.

XI.

Александръ Николаевичъ Островскій.

Много на Руси непочатыхъ богатствъ, много земля наша [illegible] въ себѣ еще нетронутыхъ, неразработанныхъ сокровищъ, много еще русскому человѣку придется раз[illegible] не потому чтобы онъ [illegible] отъ другихъ націй, но потому, что ему [illegible], какъ предста[illegible] цивилизаціи, какъ [illegible]вому, съ новымъ [illegible], съ новыми [illegible] и новыми талантами. Тѣ народы, отъ которыхъ мы [illegible] начала [illegible], принесли уже на алтарь наукъ и искуствъ [illegible]; мы же еще только [illegible]емся къ [illegible] не труд[illegible] замѣтить, что у насъ далеко не [illegible]то зани[illegible]ды при[illegible]но родъ поэзіи драматической [illegible] развитіе у насъ литературы [illegible] вполнѣ [illegible] съ жад[illegible] между тѣмъ творцы драматическихъ [illegible] немного[illegible]численны. Изъ этой [illegible] не могло еще у

XI.

Александръ Николаевичъ Островскій.

Много на Руси нетронутыхъ богатствъ, много земля наша заключаетъ въ себѣ еще непочатыхъ, необработанныхъ сокровищъ, много еще русскому человѣку придется развиваться, учиться и совершенствоваться, не потому чтобы онъ уже слишкомъ отсталъ отъ другихъ націй, но потому, что ему принадлежитъ обширная будущность, какъ представителю позднѣйшей цивилизаціи, какъ человѣку новому, съ новымъ полетомъ, съ новыми мыслями и новыми талантами. Тѣ народы, отъ которыхъ мы заимствовали основныя начала просвѣщенія, принесли уже на алтарь наукъ и искуствъ плоды своего развитія; мы же еще только подготовляемся къ этому, мы зрѣемъ. Среди стремленія къ просвѣщенію, не трудно однако замѣтить, что у насъ далеко не первое мѣсто занимаетъ тотъ родъ литературы, который всѣ прочіе народы признавали самымъ высокимъ родомъ творчества, именно родъ поэзіи драматической. Не смотря на весьма замѣтное развитіе у насъ литературной дѣятельности вообще, мы еще не вполнѣ сознаемъ великое значеніе драматургіи. Масса народа съ жадностью наслаждается театральными зрѣлищами, и между тѣмъ творцы драматическихъ представленій у насъ немногочисленны. Въ этой высокой области поэзіи не могло еще у

насъ создаться много великихъ сильныхъ талантовъ, не могло создаться такой драматической литературы, которая имѣла бы общечеловѣческое значеніе. У насъ есть писатели, сочиненія которыхъ интересны только для насъ, русскихъ, потому, что сюжеты ихъ произведеній взяты исключительно изъ русской жизни, но у насъ нѣтъ писателей, которые имѣли бы европейскую извѣстность съ точки зрѣнія общечеловѣческой. Мы слишкомъ мелко исчерпываемъ рудникъ драматическаго творчества, вдаемся болѣе въ описаніе внѣшней стороны русскаго человѣка, нежели заглядываемъ въ его сердце, какъ человѣка въ обширномъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ наша современная драматическая литература, по отношенію къ иностранной, имѣетъ значеніе только для насъ; но въ смыслѣ художественности, прямого, всесторонняго отношенія къ дѣлу, совершенно чужда западу. Въ комедіяхъ и даже драмахъ мы снимаемъ съ себя портреты, создаемъ уродливые типы, чтобы вдоволь насмѣяться надъ ними, и удивляемся, какъ вѣрно намъ удается срисовать самихъ себя съ внѣшней стороны, забывая при этомъ иногда заглянуть въ душу изображаемыхъ лицъ. Результатомъ такого отношенія къ дѣлу является то, что зритель, насмѣявшись вдоволь въ театрѣ, часто ничего изъ него не выноситъ и признаетъ за сценою только смѣхотворное значеніе; а о возвышенныхъ цѣляхъ искуства, о его поучительномъ, высоконравственномъ достоинствѣ и не думаетъ. Обычай рисовать картины мѣстныхъ нравовъ вкоренился между драматическими писателями.

Къ числу особенно талантливыхъ драматическихъ писателей нашего времени слѣдуето отнести А. Н. Островскаго, родившагося въ Москвѣ 30 марта 1824 года. Окончивъ гимназическій курсъ въ московской 1-й гимназіи, онъ поступилъ въ тамошній университетъ, гдѣ оставался не долго

и затѣмъ перешелъ на службу мелкимъ чиновникомъ въ московскій коммерческій судъ, откуда, выйдя вскорѣ отставку, весь отдался литературной дѣятельности, первые опыты которой весьма сочувственно встрѣчены были критикой и публикой. Дѣятельность Островскаго является прямымъ продолженіемъ дѣятельности Фонвизина, Грибоѣдова и Гоголя, хотя онъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ менѣе заботился о внутреннемъ содержаніи, а стремился къ внѣшней отдѣлкѣ своихъ сюжетовъ въ ущербъ общей идеѣ. Фонвизинъ яркими красками изобразилъ въ «Недорослѣ» бытъ и нравы современнаго ему общества помѣщиковъ-дворянъ. Гоголь нарисовалъ живую, геніальную картину провинціальнаго чиновничьяго міра. Грибоѣдовъ еще художественнѣе изобразилъ типы московскаго дворянства высшаго полета, служащаго и прислуживающаго. Оставался незатронутымъ міръ купеческаго сословія, и нашъ драматургъ мастерски изобразилъ этотъ міръ, откуда сталъ черпать сюжеты для своихъ прпизведеній. Конечно у него не было той мощи таланта, какъ у его предшественниковъ, изъ которыхъ каждый однимъ ударомъ поразилъ все, что хотѣлъ, однимъ произведеніемъ сказалъ все, что было нужно. Такой шириною творческаго размаха Островскій не обладалъ: онъ долженъ былъ размѣняться на цѣлый циклъ однородныхъ, почти односюжетныхъ произведеній. Отсюда вытекаютъ общія мѣста, невыдержанныя сцены, собственно потому, что свою идею высказалъ онъ отрывками, частями, повторяя ее въ нѣсколькихъ произведеніяхъ. Но въ тоже время его піесы отличаются и весьма замѣтными, блестящими достоинствами, въ числѣ которыхъ главное мѣсто занимаетъ глубокое знаніе изображаемаго имъ быта. Жизнь купечества, какою онъ изображаетъ ее въ своихъ комедіяхъ и драмахъ, вѣрна до послѣднихъ мелочей; типы, которые онъ рисуетъ, правдивы въ

высшей степени. Другимъ несомнѣннымъ достоинствомъ пiесъ Островскаго является языкъ дѣйствующихъ лицъ, дотого типичный, живой и правдивый, что невольно переселяетъ зрителя въ изображаемую авторомъ среду и онъ видитъ, какъ живетъ своеобразное купеческое общество.

Но если слогъ Островскаго такъ художественъ, комедiи его не всегда безупречны, какъ драматическiя произведенiя. Это зачастую не пiесы, а бойкiе, талантливые очерки, картинки, иногда имѣющiе лишь этнографическое значенiе; нѣкоторыя изъ нихъ даже не сценичны, страдаютъ длиннотами, вводными эпизодическими сценами и лицами; интрига, замыселъ пiесы иногда слабы. Исключенiемъ является его пятиактная драма «Гроза», гдѣ, полный драматизма сюжетъ, въ высшей степени свѣтлая, гуманная идея, строгая законченность въ цѣломъ и художественная отдѣлка въ подробностяхъ, наконецъ характерные, правдивые типы и, главное, поэтическая личность Катерины,—все соединилось въ этой драмѣ, чтобъ сдѣлать ее безупречнымъ, первокласнымъ произведенiемъ. За одну такую пiесу Островскому можно простить все, что у него есть слабаго, недодѣланнаго. Такими же достоинствами отличается и другая, лучшая комедiя его «Воспитанница».

А. Н. Островскiй выступилъ на литературное поприще небольшою пiесою «Семейная картина», написанною имъ въ 1847 году. Затѣмъ къ слѣдующемъ году онъ написалъ «Сцены изъ замоскворѣцкой жизни», и разсказъ: «Очерки Замоскворѣчья». Но первымъ капитальнымъ трудомъ его является въ 1850 году комедiя «Свои люди сочтемся», полная, вполнѣ художественная, мастерская картина нравовъ купечества. Въ 1852 г. появилось его второе большое произведенiе «Бѣдная невѣста», въ которомъ авторъ такъ же вѣрно и рельефно изобразилъ нравы и среднихъ чиновни-

чьихъ сословій. При всей обдуманности плана, при серьезныхъ достоинствахъ, комедія эта впрочемъ не вездѣ выдерживаетъ строгую критику. Въ 1853 и 1854 годахъ появились его комедіи; «Не въ свои сани не садись» и «Бѣдность не порокъ», а вслѣдъ за ними народная драма: «Не такъ живи какъ хочется», комедія: «Въ чужомъ пиру похмѣлье» и картины: «Не сошлись характерами», «Праздничный сонъ—до обѣда» и «Зачѣмъ пойдешь, то и найдешь». Изъ всѣхъ этихъ произведеній болѣе выдержаны комедіи. Въ 1857 году А. Н. Островскій написалъ комедію: «Доходное мѣсто», имѣвшую громадный успѣхъ, благодаря искусно затронутому, живому, современному вопросу и ловко обрисованнымъ темнымъ чертамъ чиновничества. Въ это же время появляются его сцены: «Свои собаки грызутся» и «Старый другъ лучше новыхъ двухъ», — піесы легкаго содержанія. Наконецъ въ 1859 г. Александръ Николаевичъ создалъ высокохудожественную драму «Грозу», удовлетворяющую эстетическому вкусу во всѣхъ отношеніяхъ, и прекрасную драму «Воспитанница». Это былъ вѣнецъ его творческаго таланта, произведенія, свидѣтельствующія, что Островскій могъ создать много истинно-драматическихъ, выдержанныхъ и полныхъ поэтической прелести произведеній. Къ сожалѣнію, онъ уклонился отъ этого пути и размѣнялъ свое дарованіе на цѣлый рядъ незатѣйливыхъ драматическихъ картинъ обличительнаго свойства. Самъ авторъ казалось понималъ это, написавъ: «Тяжелые дни» и «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», гдѣ дѣлаетъ крутой поворотъ къ собственно драматической формѣ; но эти произведенія являются далеко не схожими по идеѣ и выполненію съ «Грозою».

Послѣ этихъ прекрасныхъ произведеній, Островскій вдругъ перемѣнилъ родъ дѣятельности и сталъ писать историческія

хроники. Къ такимъ хроникамъ принадлежатъ: «Козьма Мининъ», 1860 г., «Воевода», 1863 г., «Дмитрій Самозванецъ», 1867 г. и «Василиса Мелентьева», 1868 г. Лучшая изъ нихъ «Воевода», потому что это скорѣе бытовое произведеніе, нежели чисто историческая хроника. Въ то же время Островскій продолжалъ писать произведенія комическаго и анекдотическаго характера: «Тяжелые дни», «Шутники», «Пучина», «Горячее сердце», «Лѣсъ» и др. Всѣ значительно слабѣе предъидущихъ произведеній и представляютъ чисто внѣшній интересъ живыхъ сценъ и блестящаго изложенія. Этотъ родъ сценическихъ произведеній Островскій завершилъ своими послѣдними комедіями: «Не все коту масляница», «Богатая невѣста», «Бѣшеныя деньги» и «Волки и овцы».

Мы далеко не считаемъ дѣятельность Островскаго конченною и надѣемся, что онъ не перестанетъ обогащать своими произведеніями русскую сцену.

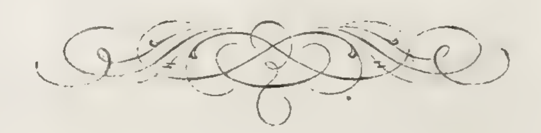
15-го марта 1872 года праздновали годовщину двадцатипятилѣтней сценической дѣятельности талантливаго писателя. Приведемъ стихи, написанные юбиляру В. Р. Зотовымъ:

Александръ Николаичъ Островскій!
На Руси ваше имя гремитъ.
Любитъ васъ добрый людъ нашъ московскій,
Петербургъ уважаетъ и чтитъ.
На Невѣ и въ Сибири далекой,
Гдѣ театръ нашъ отъищетъ пріютъ,
Распахнетъ свои двери широко—
Всюду ваши піесы даютъ.
И вездѣ-то имъ первое мѣсто,
И вездѣ и приветъ и почетъ.
«Свои люди», «Гроза» и «Невѣста»
Восхищаютъ нашъ русскій народъ.
Ваши типы онъ цѣнитъ и знаетъ,
Ваше имя въ устахъ у молвы.
Оттого васъ народъ понимаетъ,

Что его понимаете вы;
Что въ созданьяхъ поэта родного
Правды жизненной плещетъ струя,
И что эти Брусковы, Торцовы—
Все своя же, родная семья.
Четверть вѣка вы честно трудились,
Поучали со сцены вы насъ,
Съ недостатками нашими бились,
Надъ роднымъ самодурствомъ смѣясь.
Надъ неправдой безсильны законы,
Но въ піесахъ карали вы ложь,
Принесли вы театру мильоны,
А себѣ заработали грошъ.
Да тотъ грошъ заработанъ талантомъ
И тяжелымъ, упорнымъ трудомъ
Этотъ трудъ не сродни спекулянтамъ,
А писателямъ русскимъ знакомъ.
Пусть же долго народомъ любимый,
Дорогой намъ писатель живетъ,
А въ исторіи сцены родимой
И теперь онъ вовѣкъ не умретъ.

Кромѣ несомнѣнно важныхъ заслугъ на литературно-драматическомъ поприщѣ, К. Н. Островскій оказалъ еще весьма полезную дѣятельность, какъ основатель и предсѣдательствующій членъ общества русскихъ писателей. Почти до нашего времени драматическіе писатели ничѣмъ не были обезпечены въ смыслѣ матеріальнаго вознагражденія за свои труды, они даже не были собственниками того, что производили; трудились для общества, а оно ничѣмъ ихъ не вознаграждало, развѣ только рукоплесканіями и похвалою. Всѣ прочіе писатели, печатая въ журналахъ, или издавая отдѣльно свои сочиненія, знали, что никто не можетъ безвозмездно пользоваться ихъ литературною собственностью, совершенно другая участь постигала произведенія драмати-

ческія—они какъ живой товаръ переходили изъ рукъ въ руки, съ театра на театръ, и никто даже не думалъ спрашивать автора согласенъ-ли онъ дать свое сочиненіе въ безвозмездное пользованіе. Правда, дирекція императорскихъ театровъ нѣкоторымъ образомъ вознаграждала авторовъ ничтожною поспектальною платою, въ количествѣ 1|10 части съ 2|3 сбора; но остальные театры безъ стѣсненія пользовались даровою постановкою піесъ. При отсутствіи здравой оцѣнки и пониманія великаго значенія драматической литературы, естественно не могло и создаться какихъ-либо правъ драматическихъ писателей. Въ кодексѣ Сперанскаго, хотя и упоминается кое-что о правахъ драматическихъ театровъ, но эти статьи закона оставались мертвою буквою и никто изъ драматурговъ даже не думалъ ссылаться на нихъ, какъ бы опасаясь быть осмѣяннымъ. Само собою разумѣется, приступить къ отвращенію подобныхъ несправедливостей можно было только когда въ обществѣ созрѣетъ болѣе или менѣе осязательное пониманіе значенія драматической литературы, когда она будетъ имѣть свое мѣсто какъ трудъ полезный и многознаменательный. И только въ самомъ недавнемъ времени, благодаря инипіативѣ А. Н. Островскаго, при дѣятельномъ участіи В. И. Родиславскаго, создалось общество драматическихъ писателей, имѣющее главною цѣлію оградить литературные права драматурговъ. Въ первый годъ существованія общество выполнило свое назначеніе какъ нельзя лучше, такъ, что при новомъ избраніи предсѣдателя, всѣ члены единодушно просили А. Н. Островскаго оставить эту должность за собою.

[illegible] ЙЛОВЪ.

[illegible] ходъ, гдѣ бы
[illegible] о не заброси-
[illegible] ложную сферу
[illegible] жизни, никакія
[illegible] вѣкѣ его при-
[illegible] даренъ при са-
[illegible] сказать этотъ
[illegible] ь замѣчатель-
[illegible] и. Все это со-
[illegible] гать такое об-
[illegible] ь глазами на-
[illegible] очерпаемые въ
[illegible] ь поприщѣ на-
[illegible] и условія про-
[illegible] нею духовною
[illegible] гда вырываетъ
[illegible] ту дорогу, на
[illegible] къ бываетъ со
[illegible] отцомъ В. В.
[illegible], отецъ Самой-
[illegible] я, какъ онъ самъ

XII.

Василий Васильевичъ Самойловъ.

Талантъ всегда найдетъ себѣ дорогу и выходъ, гдѣ бы онъ ни былъ зарытъ, куда бы судьба его не забросила, — хотя бы даже въ самую противоположную сферу человѣческой дѣятельности. Никакія условія жизни, никакія противодѣйстія не могутъ заглушить въ человѣкѣ его призваніе, или тѣ способности, которыми онъ одаренъ при самомъ рожденіи. Этотъ законъ, или лучше сказать этотъ путь, мы можемъ прослѣдить въ жизни всѣхъ замѣчательныхъ людей настоящаго и прошедшаго времени. Все это совершается во очію, и трудно было бы опровергать такое общее правило развитія талантовъ, когда передъ глазами нашими существуютъ безчисленные примѣры, почерпаемые въ жизнеописаніяхъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ наукъ и искуствъ. Житейскія обстоятельства и условія происхожденія часто не согласуются съ внутреннею духовною потребностью человѣка, но сила таланта всегда вырываетъ его изъ неподлежащей среды и ставитъ на ту дорогу, на то поприще, для котораго онъ рожденъ. Такъ бываетъ со всѣми талантливыми людьми, такъ было съ отцомъ В. В. Самойлова. Рожденный въ купеческомъ быту, отецъ Самойлова, сбросивъ съ плечъ рыночное бремя, какъ онъ самъ

выражался, почувствовалъ страсть къ музыкѣ и пѣнію. Онъ разсказывалъ, что въ первый разъ звуки кларнета произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ положительно обомлѣлъ,—какая-то искра пробѣжала по всѣмъ его суставчикамъ, и съ тѣхъ поръ каждую ночь онъ спалъ и видѣлъ какъ бы ему дождаться утренней зари, чтобы снова услыхать эти звуки. Когда же онъ пѣлъ, то душа его, говоритъ онъ, была выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго, а когда возвращался въ лавку, къ дневнымъ своимъ занятіямъ, то бѣдная душенька падала въ омутъ барышничества. Само собою разумѣется, что Василій Михайловичъ Самойловъ бросилъ свои купеческія занятія, ушелъ почти пѣшкомъ въ Петербургъ, гдѣ опредѣлился на оперную сцену, и такимъ образомъ создалъ себѣ славу знаменитаго пѣвца, оставивъ послѣ себя цѣлое поколѣніе талантливыхъ артистовъ. На двадцать второмъ году Василій Михайловичъ женился на воспитанницѣ театральнаго училища Софьѣ Васильевнѣ Черниковой, съ которою прижилъ впослѣдствіи многочисленное семейство. Онъ ничего не щадилъ для высшаго образованія своихъ дѣтей, приговаривая: «клади дѣтямъ капиталъ въ голову, а не въ карманъ, никогда не пойдутъ по-міру». Благодаря его таланту, въ числѣ многочисленныхъ подарковъ и вознагражденій по заслугамъ, полученнымъ имъ отъ царскаго дома, двое сыновей его воспитывались по высочайшему повелѣнію въ горномъ корпусѣ на казенномъ содержаніи. Одинъ изъ нихъ, Василій Васильевичъ, вступивъ уже офицеромъ въ службу, случайно перешелъ на театръ, и въ наше время сдѣлался замѣчательнымъ актеромъ.

Василій Васильевичъ Самойловъ дебютировалъ въ Петербургѣ на Большомъ театрѣ, въ оперѣ Мегюля «Іосифъ Прекрасный» 3 октября 1834 г. въ партіи Іосифа. Вотъ какъ

онъ описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ первый свой выходъ на сцену. «Я пріѣхалъ, пишетъ онъ, въ Большой театръ, вмѣстѣ съ отцомъ, который въ той же оперѣ исполнялъ роль Симеона. Когда я одѣлся и вышелъ за кулисы, случайно мнѣ вздумалось посмотрѣть сквозь занавѣсъ на публику. Зала была полна народомъ: я увидѣлъ множество моихъ товарищей по корпусу, которые пришли на меня посмотрѣть. Сердце мое въ первый разъ дрогнуло и мучительно сжалось какимъ-то страхомъ; я какъ будто только что сейчасъ узналъ, что дебютировать буду я, а не кто другой. Голова закружилась отъ множества мыслей, одна другой грознѣе, одна другой неутѣшительнѣе, вихремъ закрутившихся передъ мною. Неизвѣстность, чѣмъ все это кончится, неувѣренность въ себѣ, боязнь явиться передъ такой многочисленной публикой, въ особенности, какой-то ложный стыдъ показаться смѣшнымъ въ глазахъ товарищей и знакомыхъ, мысль о совершенной неудачѣ, о томъ, что черезъ какой-нибудь часъ уже будетъ поздно возвращаться съ той дороги, на которую я вступаю... однимъ словомъ я совсѣмъ оробѣлъ и растерялся. Не понимая хорошенько, что дѣлаю, я бросился къ отцу, котораго засталъ уже совсѣмъ закостюмированнымъ, и рѣшительно объявилъ ему, что играть не буду и на сцену ни зачто не выйду! Отецъ испугался, началъ меня урезонивать, а между тѣмъ сыграли уже увертюру и занавѣсъ поднялся. Первый выходъ былъ мой. Отецъ понялъ, что въ эту минуту никакія убѣжденія на меня не подѣйствуютъ, и рѣшился на отчаянное и послѣднее средство: схватилъ меня за руку и насильно вытолкнулъ на сцену. Такой безотчетный страхъ и волненіе испытываютъ чуть-ли не всѣ дебютанты; трудно понять, что бываетъ иногда причиною этого волненія. Сама ли сцена, какъ храмъ искуства, имѣетъ подавляющую, магическую

физіономію таинственности, на которую не выступаешь безъ трепета: или просто предчувстіе тѣхъ невзгодъ, которыя большей части артистовъ приходится испытывать впослѣдствіи на своемъ поприщѣ».

Послѣ перваго дебюта, въ январѣ 1835 г., В. В. Самойловъ былъ принятъ въ службу на амплуа первыхъ любовниковъ, какъ въ операхъ, такъ и въ водевиляхъ, съ жалованьемъ по двѣ съ половиною тысячи рублей ассигнаціями въ годъ. Чувство и прекрасное пѣніе скоро было оцѣнены публикою. Въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ имъ было исполнено девять партій въ операхъ и оперетках, и восемнадцать ролей въ водевиляхъ. Но недолго Самойлову пришлось участвовать въ оперѣ, которая послѣ несчастной смерти его отца въ іюлѣ 1838 г., почти совершенно разстроилась, за неимѣніемъ персонала; Василій Васильевичъ окончательно перешолъ на драматическую сцену въ Александринскій театръ, гдѣ голосъ его былъ полезенъ для оперетъ и водевилей. Объ этомъ времени въ своихъ запискахъ онъ говоритъ слѣдующее: «я уже былъ женатъ и имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей. Жалованья, которое я получалъ, далеко не доставало не только на содержаніе семьи, но и на самое необходимое, и я принужденъ былъ заниматься частной работой. Болѣе всего меня выручала живопись: я работалъ по заказу небольшія картины масляными красками, карандашомъ, и только благодаря способности моей къ рисованію, могъ кое-какъ существовать. Я не роптал на то, что получалъ малое жалованье, понимая очень хорошо, что прибавка возможна только за слуги, болѣе или менѣе блестящія и признанныя. Но для этого надобно было играть роли хорошія, видныя, а мнѣ ихъ не давали; за тѣ же роли, которыя я игралъ, плата, по мнѣнію администраціи, была достаточная».

Василій Васильевичъ Самойловъ, на первыхъ порахъ своего поступленія на драматическую сцену не сдѣлался любимцемъ публики, и видныхъ ролей, т. е. ролей въ піесахъ капитальныхъ и оригинальныхъ, ему не давали. Съ кончиною Н. О. Дюра къ нему перешли нѣкоторыя роли этого артиста. Особенно былъ онъ хорошъ въ роляхъ съ переодѣваніемъ, гдѣ достигалъ совершенства изумительнаго. Какъ талантливый художникъ и каррикатуристъ, вѣрный всегда изображаемому типу, В. В. Самойловъ не имѣлъ соперниковъ въ искуствѣ гримироваться. Врядъ-ли кто изобразитъ такъ поразительно мѣтко типы: поляка, жида, татарина, англичанина, чухонца и т. п., какъ Самойловъ. Но всѣ эти роли, или лучше сказать сценическія шаржи, не удовлетворяли Василія Васильевича; онъ хотѣлъ ролей капитальныхъ, обдуманныхъ и содержательныхъ, къ чему его не допускала дирекція и чего онъ не могъ добиться въ продолженіи десяти лѣтъ, такъ что эта безуспѣшная борьба за право на болѣе обширную сценическую дѣятельность даже привела его въ отчаяніе и онъ серьезно захворалъ; у него разлилась желчь. «Когда я всталъ съ постели, говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, то чувствовалъ себя какъ бы новымъ человѣкомъ и духомъ кажется сильнѣе прежняго. Меня возмущали и несправедливости, и деспотическій произволъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣла моя будущая артистическая участь. Готовый ко всему, я рѣшился бороться до послѣднихъ силъ и, при всемъ сознаніи своей слабости, ни разу не подумалъ сложить оружіе. Я началъ терпѣливо выжидать... чего? и самъ не знаю; какого-нибудь счастливаго случая. Я выжидалъ — долго выжидалъ, слишкомъ десять лѣтъ и наконецъ-таки выждалъ удобнаго случая.»

Дѣйствительно представился случай завоевать себѣ хорошее положеніе на сценѣ, и случай хорошій: Самойлову

къ ея любимцу были очень восторженными. Но не одна публика, и писатели, причастные къ театральному дѣлу, т. е. писатели драматическіе, видѣли въ игрѣ В. В. Самойлова залогъ успѣховъ ихъ произведеній; и отъ нихъ онъ получалъ въ стихахъ и прозѣ заявленія глубочайшаго уваженія къ его таланту. Стоитъ только вспомнить созданную имъ роль Кречинскаго, въ піесѣ А. Сухово-Кобылина, которая, упрочивъ успѣхъ комедіи, перешла въ какую-то классическую формулу, и до сего времени повторяющуюся на всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ русскихъ театрахъ. Эта піеса, благодаря рельефному созданію В. В. Самойловымъ главной роли, до сихъ поръ служитъ излюбленнымъ мѣриломъ способностей для всѣхъ начинающихъ актеровъ-дебютантовъ. Всѣ подражаютъ В. В. Самойлову въ этой роли, не только дикціею, но и движеніями, манерами и даже послѣднимъ словомъ: «сорвалось». Мы далеки отъ того, чтобы признать за подражателями какую либо заслугу въ этомъ; но указываемъ на фактъ съ цѣлію уяснить, на сколько игра Василія Васильевича была замѣчательна, что даже породила цѣлую вереницу подражателей и почти на полстолѣтіе удержала на репертуарѣ самую піесу. Впрочемъ и самъ авторъ въ этомъ вполнѣ соглашается; говоря, въ письмѣ своемъ къ Самойлову:—«Кречинскій явился въ васъ не только типомъ, а живою конкретною личностью, которой вы, какъ самостоятельный артистъ, имѣли полное право придать всякія диференціальныя особенности выговора, костюма, позъ, движеній и прочаго; это ваша воля и ваша свобода, и потому пусть упрекаютъ васъ за польскій акцентъ другіе, а не я...» Но талантъ В. В. Самойлова заключается не только во внѣшней отдѣлкѣ и созданіи типа. Въ немъ всегда на первомъ планѣ видно желаніе передать не только внѣшнюю сторону лица, но и его внутреннюю

жизнь и всѣ волненія героя въ продолженіи перипетіи драмы или комедіи; кого бы ни изображалъ Самойловъ, всегда онъ чувствуетъ съ нимъ вмѣстѣ отъ перваго до послѣдняго акта піесы. Развѣ тотъ-же негодяй и отъявленный авантюристъ Кречинскій не заслуживаетъ при воспроизведеніи его Самойловымъ нѣкоторой симпатіи въ зрителѣ, когда дѣйствительно его положеніе въ концѣ піесы незавидно и жалко; хотя онъ и мерзавецъ, но вѣдь онъ также человѣкъ, а потому развѣ его горе, его нѣмое отчаяніе тоже не можетъ вызвать къ нему нѣкоторую жалость? И дѣйствительно, своею сердечною, если можно такъ выразиться, игрою, Самойловъ достигъ того, что благодаря психологической вѣрности изображенія, зритель невольно симпатизируетъ даже непривлекательному дѣйствующему лицу. Въ этомъ громадная заслуга артиста, потому что искуство требуетъ не только живописнаго, но и психологическаго изображенія даннаго лица въ комедіи, или драмѣ. Конечно не во всякой піесѣ авторъ предоставляетъ актеру канву для этого, но къ чести В. В. Самойлова слѣдуетъ отнести то, что даже въ піесахъ слабыхъ въ литературномъ отношеніи, онъ всегда создавалъ роли тамъ, гдѣ даже авторъ и не подозрѣвалъ драматическаго положенія. Однимъ словомъ, можно назвать В. В. Самойлова не только хорошимъ актеромъ-исполнителемъ, но даже создателемъ многихъ характеровъ. Это художественная сторона таланта, которому не нужно подсказывать, или давать почву изобрѣтенія—онъ самъ создаетъ и самъ изобрѣтаетъ, конечно не въ ущербъ самой піесѣ.

Пріемы, съ которыми обыкновенно приступалъ Василій Васильевичъ къ изученію ролей, весьма поучительны,—такъ напримѣръ, изучая роль, онъ почти всегда рисовалъ акварелью свой будущій образъ и, глядя на это изображе-

ніе, сживался съ той личностью, которую ему приходилось, изображать впослѣдствіи. И вотъ почему не мудрено, что играя на сценѣ, онъ всецѣло предавался положенію изображаемаго лица. Съ 1834 по 1875 годъ В. В. Самойловымъ исполнено до пятисотъ ролей въ операхъ, трагедіяхъ, драмахъ, комедіяхъ и водевиляхъ. Какой обширный и любопытный для театра альбомъ рисунковъ составился у него вмѣстѣ съ разными привѣтственными стихами, которыя спѣшили вложить туда почитатали его таланта.

Но въ самую лучшую эпоху развитія сценическаго дарованія В. В. Самойловъ принужденъ былъ оставить казенную сцену только изъ-за того, что ему не хотѣли сдѣлать снисхожденія въ условіяхъ, т. е. убавить, или ограничить число обязательныхъ представленій. Покинувъ мѣсто служенія, артистъ не могъ удержаться отъ искушенія вступить снова въ тотъ храмъ, гдѣ способности его развивались и совершенствовались въ продолженіи сорока лѣтъ.—Онъ продолжаетъ являться и теперь передъ публикою на частныхъ сценахъ Петербурга, Кронштадта и Павловска, вездѣ встрѣчаемый съ энтузіазмомъ и искреннимъ сочувствіемъ.

Филаретъ М. Московскій.

I.

ФИЛАРЕТЪ (ДРОЗДОВЪ),

Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

...да пришло время позаботиться о воспитаніи Василія, подававшаго самыя блестящія надежды, средства отца Михаила на столько поправились, что онъ помѣстилъ сына въ Коломенскую

I.

ФИЛАРЕТЪ (ДРОЗДОВЪ)

Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

1782 — 1867.

Преосвященный Филаретъ родился въ городѣ Коломнѣ, Московской губерніи, въ 1782 г. Отецъ его, Михаилъ Дроздовъ, изъ соборныхъ діаконовъ (дѣдъ митрополита Филарета былъ протоіереемъ при Богоявленскомъ соборѣ) поставленный священникомъ Троицкой церкви, въ Ямской слободѣ, противъ желанія прихожанъ, сильно бѣдствовалъ и нуждался, такъ какъ паства его, безъ всякой на то причины, не благоволила къ нему и обходила его своими доброхотными приношеніями. Потому рожденіе сына, нареченнаго при св. крещеніи Василіемъ, лишь только усугубила заботы отца Михаила. Несправедливое предубѣжденіе прихожанъ, однако, мало по малу, благодаря кротости и терпѣнію ихъ новаго духовнаго пастыря, уступило мѣсто самому искренному уваженію и любви. Когда пришло время позаботиться о воспитаніи Василія, подававшаго самыя блестящія надежды, средства отца Михаила на столько поправились, что онъ помѣстилъ сына въ Коломенскую

семинарію. Успѣхи Василія Дроздова, въ названномъ учебномъ заведеніи, по всей справедливости, могутъ быть названы блестящими. Доказательства тому мы находимъ въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: въ 1799 году, когда Каломенская семинарія была переведена въ Калугу, и когда молодой Дроздовъ принужденъ былъ оттуда перейти въ Троицкую-Сергіевскую лавру, для окончанія своего образованія, знанія его оказались на столько значительными, что онъ, не смотря на существующія правила, былъ принятъ на философскій курсъ безъ пониженія.

Въ лаврѣ Василій Дроздовъ пробылъ семь лѣтъ, изучилъ основательно какъ багословскія науки, такъ равно древнія языки, включая и еврейскій. По оканчанію курса онъ былъ оставленъ въ лаврѣ въ качествѣ преподавателя еврейскаго и греческаго языковъ, риторики и теоріи краснорѣчія (съ 27-го Ноября 1803). Ректоръ семинаріи, архимандритъ Евграфъ (Музалевскій) заявлялъ начальству, что Дроздову, не смотря на его крайнюю молодость, можно поручить и преподаваніе философіи, но самъ юный наставникъ отказался отъ этой чести.

За время прохожденія академическаго курса, молодой Дроздовъ доставлялъ себѣ лишь два слѣдующія развлеченія: игралъ въ шахматы, да на гусляхъ. Послѣднему искусству научилъ его дѣдъ съ материнской стороны (соборный священникъ, Никита Афанасьевичъ). Другія удовольствія несуществовали для него. Онъ любилъ уединеніе и бесѣдѣ съ товарищами, предпочиталъ бесѣду съ книгами.

Слава объ учености сына отца Михаила достигла

Коломны. Тамошніе горожане явились къ преосвященному просить поставить молодаго Дроздова къ нимъ въ священники. Владыко, однако, отказалъ въ просьбѣ. Такой же результатъ имѣла и вторая попытка коломенцевъ. Причина упорнаго сопротивленія высокопреосвященнаго Платона, лежала именно въ томъ высокомъ мнѣніи, какое составилъ онъ о способностяхъ Василія Дроздова.

16-го ноября 1808 г., послѣ вечерни, въ Троицко-Сергіевской лаврѣ постриженъ въ монашество молодой Дроздовъ, подъ именемъ Филарета. Пять дней спустя поставленъ онъ въ іеродіаконы. Первое слово, говоренное знаменитымъ, въ послѣдствіи, проповѣдникомъ, произнесено имъ 12 января 1806 г., въ годовщину приснопамятнаго освобожденія лавры отъ полчищъ Лисовскаго. Рѣчь эта обратила на себя вниманіе. Вторая рѣчь его „Слово въ великій пятокъ“, произнесенная имъ всего три мѣсяца спустя, является уже вполнѣ выработанной по языку, полной оригинальныхъ оборотовъ, явно свидѣтельствующей о грамадномъ риторическомъ талантѣ оратора. Слава Филарета быстро облетѣла Москву и дошла до Петербурга, гдѣ митрополитъ Амвросій приготовлялся открыть Духовную Академію. Наставникъ Филарета, ректоръ Московской Духовной семинаріи, архимандритъ Евграфъ вызванъ былъ на ректорство въ новой Академіи и прибывъ въ Петербургъ, назвалъ перваго изъ имѣющихъ потребоваться отъ Московскаго духовноучилищнаго начальства, іеродіакона Филарета Дроздова, въ наставники философіи. Требованіе поступило къ Митрополиту Платону отъ

Синода, на праздникахъ Рождества (въ декабрѣ 1808 г.) и въ началѣ января 1809 г. будущій святитель былъ уже на пути къ Петербургу, въ которомъ возвысился онъ скоро талантомъ своимъ проповѣдника и ученостью, а въ послѣдствіи испыталъ горечь враждебныхъ навѣтовъ.

Митрополитъ Платонъ, отпустивъ Филарета, не одинъ разъ возобновлялъ ходатайство о возратѣ его въ Москву, но, безъ успѣха. Въ Петербургѣ Филаретъ на первыхъ же порахъ рукоположенъ въ іеромонахи, получилъ степень бакалавра священнаго богословія въ Академіи, опредѣленъ инспекторомъ семинаріи и получилъ въ Академіи каѳедру философіи. Однимъ разомъ выдвинулся онъ на видъ и получилъ возможность выказать свои дарованія. Съ перваго шага въ Петербургѣ, извѣстный другъ Сперанскаго, Ѳеофилактъ (Русановъ) архіепископъ рязанскій, принявшій каѳедру словесности въ Петербургской Духовной Академіи, при представленіи ему Филарета ректоромъ Евграфомъ, выказалъ уже нѣкоторое къ нему нерасположеніе. Ученый, или слывшій за ученаго, архипастырь предложилъ молодому собрату по каѳедрѣ, въ качествѣ какого-то испытанія, хитрый вопросъ „что есть истина?“ Отвѣтивъ, какъ опредѣляли истину Вольфъ и Лейбницъ, Филаретъ былъ смущенъ настаиваніемъ Ѳеофилакта „что есть истина вообще?“ Видя смущеніе молодаго богослова, благодушный ректоръ Евграфъ, поспѣшилъ вывести его изъ неловкаго положенія словами: „И самъ Христосъ промолчалъ, когда спросили его испытывающіе, что есть истина?“ Принуж-

денный обратить нападенія въ другую сторону, Феофилактъ завелъ рѣчь о языкахъ и услышавъ о знакомствѣ Филарета съ еврейскимъ, посовѣтовалъ усвоить знаніе одного изъ новѣйшихъ языковъ. Послѣдовавъ этому совѣту и начавъ заниматься самоучкою французскимъ языкомъ, Филаретъ тѣмъ не менѣе не нашелъ для себя подходящимъ, предложеннаго Феофилактомъ ученіе Сведенборга. Въ академическомъ правленіи Филарету опять пришлось столкнуться съ Феофилактомъ, поддерживаемымъ Сперанскимъ. Идеямъ преосвященнаго рязанскаго, несмотря на молодость свою, Филаретъ не подчинился и къ партіи его не присталъ, ставъ въ холодныя отношенія къ товарищу-земляку, Леониду, едвали не болѣе старавшемуся вредить ему, чѣмъ самъ Феофилактъ. Леонидъ, напримѣръ, назвалъ одою, знаменитую проповѣдь, произнесенную Филаретомъ въ день Пасхи 1811 года, начинающеюся словами—„Христосъ Воскресе! Такъ, онъ воскресъ, христіане". Но, въ это время, находя въ Филаретѣ опору отъ посягательствъ властолюбія Феофилактова, митрополитъ Амвросій принялъ подъ свою защиту проповѣдника, поручивъ ему написать рѣчь о дѣйствіяхъ Святаго Духа и произнести въ день хромоваго праздника, въ Лаврскомъ соборѣ. Самъ прочитавъ написанную рѣчь, и по произнесеніи, когда Феофилактъ назвалъ эту рѣчь отзывающуюся пантеизмомъ, противупоставилъ враждебному отзыву мнѣніе Меѳодія тверскаго, отозвавшагося, что проповѣдь „достойна сановитаго наставника и ничего противнаго православію не содержитъ". Пись-

менный отзывъ Меѳодія, о словѣ на день пятидесятницы на текстъ „исполнимая вси Духа свята“, митрополитъ представлялъ Синоду при толкованіи, напечатать ли его, и когда послѣдовало рѣшеніе, еще далъ тэму Филарету самъ—„о брацы грѣха—смерть“. На этотъ текстъ Филаретъ сочинилъ проповѣдь, произнесенную въ 4-е воскресенье по пятидесятницѣ, въ 1811 г., въ присутствіи близкихъ къ Императору Александру I людей: Сперанскаго и князя Александра Николаевича Голицына. Послѣдній былъ восхищенъ даромъ проповѣдника и испросилъ ему первую монаршую награду, наперсный крестъ осыпанный алмазами (30-го іюля 1811 г.). Этотъ годъ должны мы считать особенно важнымъ для великаго духовнаго витія, черезъ недѣлю по полученіи креста наперснаго, возведеннаго въ архимандриты. Замѣчательно, что возведеніе въ ректоры Академіи архимандрита Филарета, предварило только одною недѣлею высылки, изъ Петербурга, покровителя Феофилакта, М. М. Сперанскаго. Филаретъ—ректоромъ Академіи назначенъ 11-го марта 1812 г. (Сперанскій удаленъ на 19-е марта, въ ночь). Въ это время Филаретъ, при посредствѣ оберъ-прокурора, князя А. Н. Голицына, уже извѣстенъ былъ Государю и удостоился чести произнести въ великій пятокъ, въ 1812 году, въ придворной церкви прекрасную проповѣдь. На близость къ Голицыну указываетъ произнесеніе въ теченіе 1812 г. двухъ словъ въ домовой его церкви (при освященіи ея, 10-го октября и въ третій день праздника Рождества Христова). Черезъ посредство князя, дружеское уваженіе ко-

тораго къ Филарету неизмѣнилось до самой его кончины, знаменитый ректоръ-проповѣдникъ удостоенъ чести, наровнѣ съ іерархами Феофилактомъ и Меѳодіемъ, написать для Императрицы Елизаветы Алексѣевны, о разности православной и латинской церкви, въ ученіи вѣры, при запискѣ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, о раздѣленіи церквей. Здѣсь, въ 8-ми отдѣлахъ и 19-ти членахъ — послѣ краткаго введенія, объяснено Филаретомъ ученіе: объ источникѣ вѣроученія, о Богѣ, грѣхопаденіи, благодати, таинствахъ, церкви и будущей жизни.

„Изложеніе разности между восточною и западною церковью“ относятъ къ концу 1811 года, ставя прежде слово, при отпѣваніи графа П. В. Завадовскаго, а за нимъ уже слово, въ великій пятокъ, въ Придворной церкви. За 1812 годъ кромѣ словъ: въ великій пятокъ, и двухъ въ домашней церкви князя Голицына, имѣется еще слово Филарета „О молитвѣ Господней“, произнесенное 23-го октября. За 1813 же годъ насчитываютъ восемь сочиненій архимандрита Филарета, въ томъ числѣ два слова, изъ которыхъ произнесенное при отпѣваніи тѣла князя Кутузова-Смоленскаго, высоко цѣнилось современными патріотами, также какъ и отвѣтъ на письмо Оленина, которымъ предлагалось написать разсужденіе о „нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ отечественной войнѣ“. Письмо Оленина и отвѣтъ 5-го января 1813 года, напечатаны были въ 13-мъ чтеніи, въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова, которой почетнымъ членомъ былъ

ректоръ Духовной Академіи, архимандритъ Филаретъ. По прямой обязанности своей, какъ наставника, онъ написалъ въ это время и на латинскомъ языкѣ лекціи: „введеніе къ книгамъ ветхаго завѣта“ *) „предположенія относительно производства испытаній“ для коммиссіи духовныхъ училищъ. Изъ уроковъ въ Академіи составился „опытъ изъясненія 67-го псалма“.

Не мало хлопотъ и шума надѣлали „примѣчанія“ Филарета и переводъ книги Ансильона „Эстетическія разсужденія“, сдѣланный студентами Спб. Духовной Академіи въ классѣ словесности, завѣдываемомъ Феофилактомъ архіепископомъ рязанскимъ (пропускъ цензора на печатной книгѣ 6-го октября 1813 года). Нельзя сказать, чтобы примѣчанія были безъ задора и натяжекъ; очевидно въ нихъ искали предлога втянуть въ отвѣтственность Феофилакта, неосторожно заставившаго будущихъ духовныхъ ученыхъ переводить сочиненіе, неимѣющее соотношенія къ ихъ прямой профессіи.

Пользуясь обмолвками, Филаретъ казуистически, довольно ловко выставилъ неправославность мнѣній Ансильона, въ чемъ впрочемъ и сомнѣваться даже трудно. Въ настоящемъ случаѣ, ректоръ Академіи только отплатилъ Феофилакту за его недоказанное обвиненіе въ пантеизмѣ проповѣди „на день пятидесятницы“. Разбиратель Ансильона вывелъ у него пантеизмъ, выраженный въ словахъ: „представляя

---

*) «Introductiones in singulos libros veteris testamenti; in supplementum libri classici conscripti».

собою мыслящія существа, входящія въ составъ безконечнаго цѣлаго, мы не можемъ не подлежать его сокровенному и тайному на насъ дѣйствію". На самомъ же дѣлѣ, у Ансильона особенно нравились Феофилакту тѣ идеи, гдѣ больше неопредѣленности, такъ какъ Феофилактъ былъ послѣдователемъ религіознаго мистицизма.

Филаретъ воспользовался темнотою нѣкоторыхъ фразъ и оборотовъ, и въ своихъ примѣчаніяхъ вывелъ изъ нихъ не только еретическія умствованія, но и даже политически-неблагонадежныя идеи. Такъ напримѣръ, слѣдующій періодъ: „Кто можетъ презирать все приводящее въ трепетъ толпы народа, кто сдѣлавшись холоднымъ ко всему, что лично до него касается, умѣлъ посвятить себя какому либо великому предмету: тотъ есть истинный герой, каковъ бы не былъ предметъ его дѣятельности." Филаретъ истолковалъ восхваленіемъ Наполеона, что въ ту эпоху, напряженнаго патріотизма, равнялось предательству. Примѣчанія оканчиваются слѣдующими словами: „Здѣсь выписаны только мѣста, которыхъ *несогласіе съ вѣрою, нравственностью и гражданственностью* безъ затрудненія усматривается, дабы каждый могъ повѣрить мнѣніе писавшаго примѣчанія своимъ сужденіемъ. Кто пожелаетъ разсматривать эстетическія разсужденія съ болѣе глубокимъ изслѣдованіемъ, для того еще осталось на семъ полѣ богатая *жатва лжи и заблужденія*".

Этотъ приговоръ Феофилактъ, естественно, не могъ оставить безъ выраженій. Въ своихъ запискахъ, диктованныхъ Филаретомъ, А. Г. онъ утвер-

ждаетъ, что положенiе его въ ту пору было очень дурно. Мы, однако, не можемъ въ этомъ отношенiи безусловно согласиться съ нимъ. Положимъ, робкiй митрополитъ, одинъ, не могъ считаться надежной опорой; но кромѣ митрополита явнымъ покровителемъ Филарета являлся князь Голицынъ. Феофилактъ же, послѣ удаленiя Сперанскаго и разлада съ Амвросiемъ остался вполнѣ изолированнымъ. Доказательствъ тому существуетъ очень много и, между прочимъ, отъѣздъ его въ эпархiю, равняющiйся изгнанiю.

Составленiе записокъ о книгѣ Бытiя, извлеченныхъ изъ классныхъ лекцiй, относится къ 1816 г. Къ той же эпохи, приблизительно, принадлежитъ и его рѣчь произнесенная въ придворной церкви, въ присутствiи императрицы Марiи Федоровны, на текстъ „Царь Иродъ смутишся и вся Iерусолима съ нимъ“ излагая поводы смущенiя Ирода при вѣсти о рожденiи Мессiи, проповѣдникъ рѣзкими высокохарактерными чертами намѣтилъ пороки высшаго общества. Картина, воспроизведенная имъ показалась чрезвычано яркою. Императрица Марiя Федоровна дважды обращалась къ Голицыну съ вопросомъ: „о чемъ говоритъ проповѣдникъ?“ и Голицынъ не нашелся отвѣтить ея величеству. Послѣ этого эпизода Филаретъ болѣе уже не приглашался въ придворную церковь для проповѣди.

Одновременно съ чтенiями о книгѣ Бытiя, вышло начертанiе церковно-библейской исторiи. Отрывки курса нравственнаго, богословiя читаннаго Филаретомъ, сохранились въ книгѣ протоiерея Кочетова

„Черты дѣятельнаго ученія вѣры.“ По окончаніи втораго академическаго курса, Филаретъ былъ рукоположенъ въ епископы ревельскіе.

Съ этихъ поръ положеніе Филарета упрочивается вполнѣ и ему не приходится болѣе трепетать предъ врагами. Впечатлѣніе отъ вышеупомянутыхъ „примѣчаній“ было такъ сильно, что Феофилакту не оставалось и тѣни надежды побороть своего антагониста. Филаретъ закончилъ борьбу словомъ „Гласъ вопіющаго въ пустынѣ“, въ которомъ окончательно побиваетъ противника. Ко времени возвращенія Александра I въ столицу, Филаретъ стоялъ уже такъ близко къ оберъ-прокурору св. синода, а, черезъ него, и къ самому монарху, что писалъ рескриптъ митрополиту, своему благодѣтелю, и отъ имени послѣдняго, сочинялъ благодарственную рѣчь монарху. По просьбѣ Голицына, Филаретъ бесѣдовалъ съ его племянникомъ, совращеннымъ въ католицизмъ, и достигъ самыхъ блестящихъ результатовъ. Обстоятельство это съ одной стороны подало поводъ къ тѣснѣйшему сближенію между Филаретомъ и княземъ Голицынымъ, съ другой стороны подали ему поводъ выпустить въ свѣтъ „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточной церкви“.

О своемъ архіерействѣ оставилъ преосвященный Филаретъ слѣдующія воспоминанія въ своей автобіографіи: „Послѣ окончанія II курса, прихожу я съ наставниками къ Амвросію послѣ благодарственнаго молебна, чтобы принять благословеніе на отдыхъ. Онъ говоритъ мнѣ: посмотри что я пишу. Онъ писалъ представленіе о томъ, чтобы

меня сдѣлать епископомъ. Я отвѣчалъ: „если вы хотите имѣть меня орудіемъ своихъ дѣйствій, если я вамъ угоденъ, да будетъ воля ваша! Если же хотите наградить меня епископствомъ, то это не награда, а подвигъ. Наградами же я почтенъ превыше моихъ заслугъ". Ну, ужъ это не твое дѣло, сказалъ митрополитъ Амвросій. Видя что ему скоро придется оставить свой постъ, онъ озаботился архіерействомъ оградить великаго оратора отъ несомненныхъ, съ удаленіемъ его, враждебныхъ нападокъ противной партіи, успѣвшей охладить къ нему расположеніе власть имѣющихъ, кромѣ Голицына. Митрополитъ Михаилъ, въ первое время по вступленіи на митрополію послѣ Амвросія (удаленнаго съ непріятностями), предубѣжденный, какъ видно, дѣйствительно хотѣлъ удалить Филарета, своего викарія, оставленнаго предшественникомъ, въ Каменецъ-Подольскъ. Поэтому случаю Филаретъ продиктовалъ свое объясненіе съ митрополитомъ. — „Я говорилъ, что еще нисколько нетягощусь своимъ положеніемъ, готовъ послужить въ этомъ званіи еще, но если ваше высокопреосвященство имѣете, кого другаго въ виду и желаете меня отпустить отъ себя, для меня слишкомъ много того, что назначаете меня на второклассную епархію. Я буду доволенъ третьеклассною". Эти слова смиренія обезоружили предъубѣжденіе и смѣна съ викаріята не состоялась. Михаилъ оставилъ и затѣмъ, уже самъ поддерживалъ Филарета, благоволя къ нему. Доказательствомъ этому можетъ служить назначеніе изъ викаріевъ прямо въ архіепископы, въ

Тверь (15-го марта 1819 г.), вмѣстѣ съ назначеніемъ въ члены св. Синода.

Къ послѣднему времени викаріальнаго служенія въ Петербургѣ, преосвященнаго Филарета, принадлежитъ удаленіе товарища его по Академіи, Иннокентія Смирнова, рукоположеннаго въ епископы Пензенскіе, прямо въ видахъ немилости, по случаю пропущенной имъ, какъ цензоромъ книги Станевича „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души". Сочиненіе это направленное противъ мистиковъ, принялъ оберъ-прокуроръ князь Голицынъ прямымъ нападеніемъ на себя и возбудилъ противъ цензора неудовольствіе монарха. Иннокентію предписано было поспѣшно, въ холодную пору, несмотря не болѣзнь, оставить Петербургъ для прибытія, въ епархію, — гдѣ онъ скоро и умеръ. Въ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ этаго страдальца злорѣчіе видѣло соучастіе преосвященнаго Филарета, но объясненія его представляютъ дѣло иначе. Именно, онъ сколько могъ, участвовалъ въ ослабленіи силы удара, наносимаго Иннокентію, человѣку высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, но, многаго сдѣлать не могъ. Конечно назначеніе въ члены Синода изъ викаріевъ и въ архіепископы, всего лучше доказываетъ участіе оберъ-прокурора въ возвышеніи Филарета, съ которымъ пріязненныя отношенія, какъ говорили мы, продолжались до самой кончины послѣдняго, удаленіе же изъ Петербурга ректора-викарія было дѣломъ противниковъ Голицына.

Въ Твери, какъ извѣстно, Филаретъ успѣлъ въ теченіе *ста дней* обозрѣть епархію, въ каждомъ

храмѣ ея, говоря слово безъ приготовленія. Ознакомившись съ положеніемъ паствы своей, попечительный архипастырь только принялся было дѣйствовать, какъ, въ сентябрѣ 1820 года переведенъ въ Ярославль, а оттуда, раньше истеченія года — въ Москву, по случаю перемѣщенія преосвященнаго Серафима на Петербургскую митрополію, за смертью Михаила (24 го марта 1821 года).

Филаретъ былъ въ Петербургѣ, во время его кончины и дождался прибытія новаго митрополита.

По смерти Михаила, три мѣсяца прошли до назначенія ему преемника, выборъ котораго, какъ кажется, заранѣе рѣшилъ Аракчеевъ, судя по тому единодушію, съ какимъ дѣйствовали Серафимъ и „безъ лести преданный", къ низложенію Голицына и уничтоженію всѣхъ его начинаній и предпріятій. Что Филаретъ не ожидалъ перемѣнъ, къ лучшему тому доказательствомъ служатъ его слова въ письмѣ къ Гавріилу, бывшему потомъ архіепископомъ рязанскимъ, а въ то время — ректоромъ нижегородской семинаріи: „не епархія, но іерархія сиротствуетъ". За нѣсколько дней до кончины владыки, одному видѣлся сонъ: „огромный столпъ съ вѣнцомъ на верху, съ громомъ разразился. Господи, Господи! Зданіе и такъ ветхо, *бури съ часу на часъ усиливаются;* и въ сіе время столпъ, на которомъ лежалъ самый сводъ, разрушается! Чего намъ ждать?" Въ письмѣ же къ нему, отъ 16-го мая 1821 года, у Филарета не менѣе характеристично мѣсто. „Если правду вы говорите, что между любопытными есть столь непроницательные, которые *дѣлятъ свое лю-*

бопытство между Грузіею и Ярославлемъ: то вы могли бы сказать имъ, что Ярославль въ сравненіи съ Грузіею отнюдь не заслуживаетъ любопытства". Припомнимъ, что экзархомъ Грузіи, съ 1-го февраля 1819 года, митрополитомъ карталинскимъ, былъ Феофилактъ, на котораго, очень естественно обращали вниманіе всѣ знавшіе силу его партіи.

Съ другой стороны заслуги Филарета были тоже не безъизвѣстны. Полагали, что Ярославль играетъ лишь роль первой ступени къ сану еще болѣе высокому. 19-го іюля 1821 года умеръ Феофилактъ. Можетъ быть причиной тому было назначеніе Серафима преемникомъ Михаилу.

Прибывъ въ августѣ того же года въ Москву, Филаретъ, имѣвшій не мало враговъ, испыталъ нѣкоторыя столкновенія съ духовенствомъ первопрестольной столицы. Фотій, между прочимъ, открыто и дерзко порицалъ его покровителя, князя Голицына, и какъ могъ вредилъ архіепископу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ Филаретъ самъ является не правымъ. Такъ, напримѣръ, нападки его на священника Павскаго, за составленное имъ по порученію начальства краткое руководство для преподаванія закона Божія въ ланкастерскихъ школахъ, явно проистекало отъ недоброжелательства къ счастливому сопернику (катехизисъ самого Филарета подвергся гоненіямъ со стороны Аракчеева и его клевретовъ). Павскій, по своему характеру отнюдь не былъ способенъ интриговать противъ кого бы то ни было и если игралъ какую либо роль въ партіи враговъ Филарета, то дѣлалъ это

совершенно пассивно, подъ вліяніемъ и нравственнымъ гнетомъ Фотія, которому необходимо было завлечь въ свою клику человѣка съ честнымъ, безупречнымъ именемъ.

Авторъ записокъ о жизни митрополита Филарета, Сушковъ, безпрестанно ссылающійся на слова и мнѣнія самого высокопреосвященнаго, говоритъ *): „понятно, что жалкая бездарность жужжала на него, но непонятно, какъ люди почтенные, каковы *Феофилактъ, Павскій и Шишковъ возставали на митрополита*. Слова эти не болѣе какъ отголосокъ мнѣнія самого Филарета и придавать имъ значенія мы не можемъ. Аракчеевъ со своими клевретами, по смерти Михаила, выбралъ подходящаго по своей покорности, Серафима, готоваго все выполнить, что будетъ рѣшено. Кротость же его и неспособность къ задору, восполнялъ съ лихвою дерзкій монахъ Фотій, открыто называвшій врагомъ православія синодскаго оберъ-прокурора и публично отказавшій ему въ благословеніи.

Судя по этому, Филарету приходилось ожидать сильныхъ враждебныхъ дѣйствій со стороны противниковъ, т. е. всей Аракчеевской партіи съ митрополитомъ во главѣ. Хлопоты Аракчеева увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Фотій получилъ аудіенцію у императора и подготовилъ рѣшительный приступъ митрополита, за которымъ послѣдовало освобожденіе Голицына отъ должности оберъ-прокурора Синода. Поводъ къ открытому нападенію на него были

---

*) Стр. 102, Зап. о жизни и врем. Святит. Фил. М. М.

проповѣди Госнера, представленныя Императору Александру I, до того странными и вредными, что невольно поколебали его довѣрія къ способности Голицына занимать съ пользою ввѣренный ему постъ. Служба по народному просвѣщенію, послѣ университетскихъ исторій, навязанныхъ довѣрчивому министру фанатиками и возбудившихъ ропотъ въ обществѣ, тоже оказалась неудобною, и въ виду неудовольствія нескрываемаго государемъ, Голицынъ уступилъ свое мѣсто Шишкову, дѣятельному члену Аракчеевской клики, не понимавшему впрочемъ, что онъ служитъ ея орудіемъ. Вмѣстѣ съ оставленіемъ Голицынымъ министерства и оберъ-прокурорства, на одиноко стоявшаго Филарета послѣдовало самое несправедливое изъ гоненій. Московскій іерархъ составилъ на ту пору свой образцовый учебникъ катехизическаго ученія православной восточной церкви, дѣйствуя съ прежнею энергіею, на пользу народнаго образованія. Уже народное образованіе получило отъ ученаго іерарха: „таблицы чтенія изъ священнаго писанія“ (1819 г.), „Чтенія изъ 4-хъ евангелистовъ и изъ книги дѣяній апостольскихъ, для употребленія въ гражданскихъ училищахъ, изд. Главн. Правлен. Учил. (1820 г.), „Чтенія изъ книгъ Священнаго писанія ветхаго завѣта, составленныя и переложенны съ еврейскаго подлинника, въ слѣдствіе высочайшей воли, для употребленія въ училищахъ“ (1822 г.). И за ними вслѣдъ явился „Христіанскій катихизисъ православныя каѳолическія восточныя грекороссійскія церкви“ (1823 г.), вызвавшіе пожалованіе ордена Св. Александра Невскаго, при все-

милостивѣйшемъ рескриптѣ (2-го іюня 1823 г.), гдѣ сказано, что орденъ жалуется „за начертаніе по духу православной восточной церкви и *въ разумѣ евангельской истины,* катехизиса *одобреннаго Св. Синодомъ*". Чего же болѣе для признанія православнымъ учебника прошедшаго черезъ разборъ Синода, хранителя святости вѣры? Но не прошло полуторыхъ лѣтъ, какъ по письму свѣтскаго лица (Шишкова), къ другому (Аракчееву), еще меньше способному разсудить правильно ли думаетъ самъ писавшій, его частное мнѣніе „что унижена будто бы *святость* церковнаго языка, переложеніемъ съ него въ катихизисѣ Символа вѣры, молитвы Господней и заповѣдей на разговорное нарѣчіе, почему-то показавшееся извѣтчику „*простонароднымъ*", получивъ силу на столько, что высочайше повелѣно печатаніе и разсылку катехизиса Филарета пріостановить, а изъ училищъ и семинаріи, его отобрать.

Письмо Шишковъ написалъ 2-го ноября 1824 г., и это повелѣніе Митрополиту Серафиму уже сообщено 21-го ноября. Какъ это сдѣлалось и какіе мотивы выставили выше Филарета, для убѣжденія Монарха въ необходимости подобной мѣры, остается неизвѣстнымъ, но ясно видна тутъ рука Аракчеева и Магницкаго. Для Филарета это былъ ударъ тяжелый и неожиданный, такъ какъ не далѣе минувшаго года, онъ настолько казался довѣреннымъ лицомъ у своего Монарха, что ему поручено было составленіе очень важнаго акта, каковъ проектъ Манифеста о назначеніи наслѣдникомъ престола Великаго Князя Николая Павловича. Понимая всю силу темной партіи, успѣв-

шей извратить и представить вреднымъ настолько чистое и святое дѣло какъ катехизическое ученіе, Филаретъ, при извѣстіи о запрещеніи его учебника, не хотѣлъ молча покориться незаслуженному униженію. 8-го декабря 1824 г., онъ написалъ старшему члену Синода, Митрополиту Серафиму. Въ письмѣ этомъ, указавъ, что „написать катихизисъ препоручилъ ему Святѣйшій Синодъ, по предложеніи самаго Серафима, что написавъ 1-ю часть, онъ ему же самъ читалъ" и въ главномъ получилъ утвержденіе, а въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, по сдѣланнымъ замѣчаніямъ, исправилъ, „что потомъ, при новомъ и долгомъ разсматриваніи Серафимомъ же", каждое слово и выраженіе, которое подвергалось замѣчанію, исправлено съ одобрѣнія „его же". Засимъ, писалъ Филаретъ, катехизисъ внесенъ въ Святѣйшій Синодъ, который, одобривъ оный, испросилъ на изданіе онаго Высочайшее повелѣніе.... Такимъ образомъ, катехизисъ, въ составленіи котораго я былъ орудіемъ, сперва при мнѣ, а потомъ въ отсутствіи моемъ утвержденъ вашимъ высокопреосвященствомъ и Святѣйшимъ Синодомъ.... и сіе совершенное утвержденіе оглашено передъ церковью.... Непонятно, кѣмъ и какъ, и почему приведено нынѣ въ сомнѣніе дѣло, столь чисто и совершенно утвержденное всѣмъ, что есть священнаго на землѣ.... Если сомнительно православіе катехизиса, столь торжественно утвержденнаго Святѣйшимъ Синодомъ, то не сомнительно ли будетъ православіе самаго Святѣйшаго Синода? Допущеніе сего сомнѣнія не потрясетъ ли іерархіи до основанія, невозмутитъ ли мира церкви? Непроизведетъ ли тяжкаго цер-

ковнаго соблазна? Судъ, который надъ дѣяніемъ Святѣйшаго Синода произнесетъ *одинъ священникъ* (если правда, что одному священнику поручено дать мнѣніе о катехизисѣ синодально утвержденномъ) увѣритъ ли всю церковь и не обнаружитъ ли только разрушеніе іерархическаго порядка, чрезъ допущеніе такого суда“.....

Въ письмѣ отъ 13-го декабря, Филаретъ сообщаетъ, что до него дошла молва о запрещеніи его проповѣди, произнесенной въ день Благовѣщенія (25-го марта 1824 г.), въ Чудовомъ монастырѣ. Провѣдь эта была у Серафима, имъ исправлена и имъ же написано было къ Филарету собственноручно, „проповѣдь вашу на Благовѣщеніе я читалъ; она, по моему мнѣнію его, самая лучшая изъ проповѣдей вашихъ“. Послѣ сего, писалъ Филаретъ, если должно что защищать, то нужно защищать сужденіе первенствующаго члена Синода противъ возраженія одного свѣтскаго человѣка, который, по своему произволу, произвелъ себя, не только въ богослова, но и въ судію вѣры и церкви“.

Представляя затѣмъ опроверженіе мнимой неточности по поводу выраженнаго въ проповѣди невѣдѣнія Іосифа о тайнѣ бого-невѣсты, Филаретъ ссылается на ученіе Златоуста и на акаѳистъ поемый въ церкви, восклицая: „если св. Златоустъ правъ, если акаѳистъ священъ, то и согласная съ ними проповѣдь, вашего высокопреосвященства одобренная, одобрено въ совершенную сообразность съ ученіемъ православной церкви. Повторяю тоже, что писалъ къ вашему высокопреосвященству по случаю катехизиса, т. е.

если сквозь дѣло хотятъ язвить лице — пускай. Но должно ли допускать, чтобы подкапывали твердость и достовѣрность церковнаго правительства, чтобъ возмущали миръ церкви?"

Въ декабрѣ же написалъ на оба письма отвѣтъ свой Серафимъ, въ которомъ подтверждая свое прямое участіе въ утвержденіи катехизиса, и твердую увѣренность въ православіи его ученія, находилъ „что до православія катихизисовъ вашихъ никто не малѣйше не коснулся... равно достоинство или важность Святѣйшаго Синода, ни мало симъ случаемъ не унижены", что все дѣло вышло изъ за изложенія по русски Символа и десятисловія, а почему русскій языкъ не долженъ имѣть мѣста въ катехизисѣ, а наипаче краткомъ, который предназначенъ для малыхъ дѣтей, незнакомыхъ вовсе со славянскимъ языкомъ.... тогда какъ русскій языкъ удерживается въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта и въ псалмахъ? На сей и на другія многія вопросы, которые по сему случаю сдѣлать можно, я удовлетворительно отвѣтствовать вамъ никакъ не могу. Надѣюсь, что время объяснитъ намъ то, что теперь намъ кажется темно. А время сіе, скоро, по моему мнѣнію, настанетъ.... Я чувствую, что положеніе ваше тяжело и скорблю о семъ отъ всего сердца, что *не имѣю возможности облегчить васъ отъ бремени.* Итакъ *потерпи,* пастырь добрый, — *терпѣніе непосрамитъ;* оно доставитъ вамъ опытность, которая въ послѣдствіи времени крайне полезна *вамъ будетъ,* что я имѣлъ случай и самъ подъ собою дознать.

Желая видѣть въ этомъ изъясненіи тотъ смыслъ,

который хотѣлъ придать сообщенію писавшій, нельзя не пожалѣть о роли первенствующаго члена Святѣйшаго Синода, который невинно гонимому можетъ только рекомендовать терпѣніе. Увѣренность Серафима, что изъясненіе будетъ возможно, скоро не слѣдуетъ ли понимать, что онъ надѣялся повернуть дѣло также, какъ удалось ему низвергнуть Голицына? Но едва ли при жизни Александра I могущество Аракчеева возможно было поколебать, когда и дружба къ Голицыну, не спасла его отъ опалы у того самаго монарха, религіозныя чувства, котораго такъ были близки сердцу подданнаго. Если эта связь пошатнута Аракчеевымъ, не желавшимъ имѣть совмѣстника во вліяніи на Благословеннаго, то чего могъ ожидать Серафимъ, со всею тонкостью своей тактики, идя противъ Аракчеева. Не могло этаго не представиться и митрополиту; а если представлялось, не могло быть искреннимъ обѣщаніе перемѣны обстоятельствъ, которымъ подчивалъ онъ Филарета, прописывая какъ лучшее лекарство—терпѣніе. Уничиженіе своихъ мнѣній и авторитета Синода Серафимъ не хотѣлъ видѣть въ вопросѣ о катихизисѣ, дѣлая изъ него только личный вопросъ для составителя. На сторону его, какъ бы склоняя́сь, онъ указываетъ, но безсмысленность повода остановленія печати катихизиса, а въ примѣръ приводитъ употребленіе живаго разговорнаго языка въ переводѣ Новаго Завѣта и псалмовъ, въ изданіи Библейскаго общества. Между тѣмъ, сдѣлавшись предсѣдателемъ Библейскаго общества, съ удаленіемъ Голицына, не самъ ли же Серафимъ трудился о за-

крытіи его и положеніи подъ спудъ русскаго переложенія книгъ Священнаго писанія. Въ это время, именно вопросъ о закрытіи Библейскаго общества, былъ пущенъ въ полный ходъ: стало быть ссылка на славянофила Шишкова, — оказывавшагося безъ вѣдома своего покорнымъ орудіемъ въ выполненіи плановъ на столько же аракчеевскихъ, какъ и митрополитскихъ, — по меньшей мѣрѣ выказываетъ двоеудміе писавшаго, которое сквозило изъ-за дурно прикрываемаго источника холоднаго соболѣзнованія. Серафимъ ни словомъ не упомянулъ, что не было разбирателя катихизиса — священника, — что прописываетъ въ первомъ письмѣ Филаретъ и этимъ самымъ даетъ возможность московскому іерарху остаться при своемъ мнѣніи о соучастіи въ комплотѣ противъ него лицъ бѣлаго духовенства. Въ перечнѣ враговъ московскаго митрополита, поименованъ одинъ бѣлый священникъ — Павскій. Вѣрно онъ подозрѣвалъ его въ непріязни къ себѣ, или нѣтъ, но довольно знать это подозрѣніе, чтобы въ двукратномъ возбужденіи бури противъ этаго почтеннаго ученаго, мы приняли эти попытки прямымъ слѣдствіемъ отплаты за катехизисъ.

Скорой кончины монарха никто не думалъ предвидѣть, и тогда, какъ тяжелая вѣсть о болѣзни Благословеннаго смутно пронеслась по Россіи. Между тѣмъ за первою вѣстью о болѣзни и потомъ объ улучшеніи состоянія царственнаго больнаго, внезапно явилась эстафета, сообщая, что „Ангелъ отлетѣлъ на небеса!“ — въ ту пору, когда престолонаслѣдіе Николая никому не было извѣстно. Манифестъ Але-

ксандра I, 16-го сентября 1823 г. въ трехъ экземплярахъ, подписанный покойнымъ Государемъ, переданъ въ пакетахъ за печатью его въ Сенатъ, Государственный Совѣтъ и въ Московскій Успенскій соборъ, съ порученіемъ вскрыть по смерти, прежде всякаго другаго дѣйствія,—но это приказаніе оставалось неисполненнымъ въ Петербургѣ по вечери 13-го декабря 1825 г., а въ Москвѣ, Филаретъ заставилъ генералъ-губернатора исполнить это 18-го декабря, когда привезенъ въ древнюю столицу уже манифестъ новаго Императора. Прочтеніе манифеста Александра I успокоилъ народъ, уже приведенный къ присягѣ Константину Павловичу, отрекшемуся отъ короны, предоставивъ ее Августѣйшему брату. Въ этомъ эпизодѣ, начавшемъ новое славное царствованіе въ Москвѣ, Филаретъ московскій игралъ видную роль. Онъ вышелъ изъ алтаря Успѣнскаго собора и на амвонѣ на аналой положилъ ковчегъ съ царственными актами. По одну сторону аналоя сталъ московскій военный генералъ-губернаторъ, по другую привезшій манифестъ Николая I, въ Москву, графъ Комаровскій. Изъ ковчега вынулъ конвертъ и изъ него манифестъ и Голицынъ съ Комаровскимъ засвидѣтельствовали подлинность подписи Александра I. Затѣмъ прочитанъ манифестъ Александра I, отреченіе Константина и манифестъ Николая I. По прочтеніи сего послѣдняго, Филаретъ произнесъ: „По уничтоженіи силы и дѣйствія данной присяги непреложнымъ отъ нея отреченіемъ того, кому дана она“,—іерархъ осѣнилъ народъ на три стороны крестомъ и выговорилъ

слова новой присяги:—„Я нижепоименованный обѣщаюсь и клянусь“....

Присяга состоялась и 22-го августа 1826 года, возведенный въ этотъ день въ митрополиты московскіе, Филаретъ говорилъ рѣчь Императору Николаю Павловичу, при вступленіи его въ Успѣнскій соборъ для священнаго коронованія. Этому же монарху, вслѣдъ за коронованіемъ произносилъ рѣчи, полныя высокаго краснорѣчія, сильнаго и трогающаго, митрополитъ Филаретъ: сентября 25-го въ Сергіевской лаврѣ, сентября 28-го въ Чудовомъ монастырѣ совершивъ молебствіе о побѣдѣ, одержанной надъ персіянами; ноября 20-го въ Успенскомъ соборѣ, въ день возшествія на престолъ, на текстъ „сотвори мнѣ величіе Сильный“ и 6-го декабря—въ Маріинской церкви Императорскаго вдовьяго дома, въ день монаршаго тезоименитства. Вообще по 1827 годъ, насчитываютъ 168 сочиненій высокопреосвященнаго Филарета, а рѣчей въ одномъ 1826 году произнесено имъ было 23; да напечатаны: два письма ученыхъ къ предсѣдателю Общества исторіи и древностей и „предписаніе московскому духовенству, по случаю перенесенія тѣла Императора Александра I“.

Возведенный въ санъ Митрополита (1826) Филаретъ въ 1827 году, послѣ трехъ лѣтъ отсутствія изъ Петербурга, въ концѣ мая уже оставилъ свою паству, для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Вотъ отъ чего мы имѣемъ только четыре проповѣди въ Москвѣ произнесенные по 20-е мая, въ этотъ годъ по возвращеніи къ своей паствѣ весною 1828 г., до 8 сентября произнесъ Филаретъ восемь проповѣ-

дей въ Москвѣ, по осень и зиму. Снова уѣхавъ въ Петербургъ. Къ 1828 году относится изданіе его исправленнаго „пространнаго катихизиса“ и краткаго, названнаго „Начатки Христіанскаго ученія“. Рѣчь *О написаніи вновь катихизиса* — послѣ исторіи, ноября 1824 года, заведена была Серафимомъ въ Москвѣ на коронаціи. Вышло изъ этого жаркое объясненіе митрополитовъ между собою, не ограничившееся вопросомъ объ учебникѣ, какъ видно далѣе, но, въ результатѣ — *порученіе поправить* катихизисъ, самому же Филарету. „Когда, послѣ того, — высказалъ самъ онъ о себѣ, — я пріѣхалъ въ Петербургъ, преосвященный Серафимъ встрѣтилъ меня такими словами: если вы будете настаивать на продолженіе перевода священнаго писанія, я выйду въ отставку“. Поставивъ вопросъ такъ, Серафимъ, конечно заставилъ уступить Филарета, сказавшаго — „я недошолъ до такого безумія, чтобы считать служеніе вашего высокопреосвященства излишнимъ для церкви“. И потомъ прервалась бесѣда, не поселивъ въ обоихъ митрополитахъ, желаніе сойтись ближе.

Между тѣмъ явилось обстоятельство, вызвавшее новыя разсужденія о переводѣ и Священнаго писанія, въ Синодскомъ засѣданіи. Поступилъ въ Синодъ по Высочайшему повелѣнію проектъ объ улучшеніи духовнаго управленія, составленный Мердеромъ воспитателемъ наслѣдника престола, Государь сочувствовалъ идеѣ: прекратить злоупотребленія вкравшіяся въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ Аракчеева. Прямо стать противъ проекта, значило навлечь неудовольствія и нареканія на Синодъ, гдѣ

первенствовалъ Серафимъ, непосредственный участникъ въ затѣяхъ Аракчеева. Ему труднѣе всѣхъ было выражать противодѣйствіе проекту и онъ очень былъ радъ предложенію Филарета, отозваться частно, съ тѣмъ, чтобы его личное мнѣніе доведено было до Высочайшаго свѣденія. Съ доводами московскаго владыки Его Величество согласился и дѣло кануло въ вѣчность, а былъ поднятъ вопросъ очень существенный: введеніе свѣтскихъ членовъ въ Синодъ, по образцу лютеранскихъ консисторій. Введеніе другаго элемента, въ среду духовную, полагалось въ качествѣ мотива всесторонняго обсужденія предлагаемыхъ мѣръ, которыя направлялись въ пользу цѣлаго общества, а не одной духовной его части. Неудобства могли при этомъ выказаться очень важныя и на нихъ-то больше всего налегали объясненія Филарета, въ его частномъ мнѣніи. Но, будучи правъ вполнѣ въ этомъ вопросѣ, прямо затрогивающемъ духовные интересы и права Синода, владыка московскій простеръ далеко нетерпимость мнѣній, въ дѣлѣ, самомъ по себѣ чистомъ и не дававшемъ повода къ тѣмъ предположеніямъ, какія допускала его ревность,—если и принятъ былъ источникомъ дѣйствій, здѣсь одно это настроеніе, чисто духовно-каноническое. Мы хотимъ сказать объ огорченіяхъ нанесенныхъ ученому протоіерею Павскому, по поводу конспектовъ его преподаванія Наслѣднику Престола, напечатанныхъ подъ заглавіями: „Начертаніе церковной исторіи“ и „Христіанское ученіе въ краткой системѣ“. Преосвященный Филаретъ, которому Андрей Николаевичъ Муравьевъ успѣлъ достать не издававшіяся для публики

экземпляры этихъ книжекъ, написалъ на нихъ примѣчанія, отличающіяся такими же точно особенностями, какъ и разборъ „разсужденій Ансильона“ противъ Феофилакта рязанскаго. Безъ посторонней цѣли, сами по себѣ, книжки Павскаго, не могли внушить идеи тѣхъ толкованій и нахожденія мнимыхъ погрѣшностей, которыя набрасывали примѣчанія Филарета на курсъ Павскаго, хотя оговорившагося, что его „Христіанское ученіе“ составлено по утвержденной программѣ и составляетъ только планъ законоученія, а не катихизисъ самый. Прямая цѣль нападенія однако достигнута. Зависть лицъ, видѣвшихъ въ Павскомъ и расположеніе къ нему Императора Николая I для себя невыгоду, успѣла распространеніемъ пристрастныхъ примѣчаній на конспектъ, поселить подозрѣнія въ неправославіи ученія, преподаваемаго наслѣднику цесаревичу. Опровергнувъ навѣты примѣчаній, Павскій, тѣмъ неменѣе понималъ, что впечатлѣніе ими произведенное, не можетъ быть изглажено его объясненіями, въ виду высокаго авторитета критика и потому просилъ самъ увольненія отъ должности законоучителя Его Высочества, послѣ 8-ми лѣтнихъ занятій съ нимъ, въ 1835 году. Увольненіе это съ пенсіей, дѣлало возможнымъ впредь напасть на ученаго гебраиста съ большею настойчивостью, въ спеціальной средѣ его профессуры за прошлое время. Мы разумѣемъ процессъ о переводѣ съ еврейскаго Ветхаго Завѣта въ классахъ Санктпетербургской Духовной Академіи. Буря возбужденная противъ Павскаго, привлеченіемъ его къ отвѣтственности за чужую вину, возбужденіемъ мотивовъ обвине-

нія и стараніемъ создать изъ него преступленіе умышленное, бросаетъ на самаго Митрополита Филарета московскаго нежелательный оттѣнокъ личной мстительности жертвѣ недоразумѣнія. И въ конечномъ результатѣ своемъ, процессъ этотъ, нанесъ дѣйствительную непріятность Филарету, послѣ того, лично не присутствовавшему въ Святѣйшемъ Синодѣ и не выѣзжавшему изъ Москвы. Кромѣ этаго исхода, процессъ противъ Павскаго и самъ по себѣ, выставляетъ въ характерѣ великаго іерарха черты общечеловѣческой слабости, хотя и выкупаемой высокими дѣяніями на пользу церкви, но все же свидѣтельствующей, что борьба со страстью, источники которой шли издалека, и для такого свѣтила было неподсильною.

По окончательному переселенію въ Москву преосвященнаго Филарета, учено-литературная дѣятельность его замѣняется почти исключительно проповѣдническою. Нѣтъ возможности привести здѣсь наименованіе всѣхъ произнесенныхъ словъ. Намъ остается только прибавить, что общей характеристикой его ораторскаго таланта служитъ ясность, сжатость и сила. Рѣчи его по истинѣ замѣчательны по логическому развитію мысли, по строгой сосредоточенности, никогда не допускавшей ни малѣйшаго отступленія. Онъ пользовался событіями, какъ источниками для аналогій и сравненій, обыкновенно поражавшими своей вѣрностью.

Образъ жизни митрополита, до самой его смерти, былъ самый дѣятельный, самый простой. Сколько спалъ онъ, какъ рано вставалъ — о томъ не знали даже и его приближенные. Уходя спать и вставая,

келейникъ всегда заставалъ преосвященнаго за работой. Въ урочные часы служились утрени, затѣмъ пился чай. Послѣ чая начиналось дѣловое утро, доклады письмоводителя, объясненія съ просителями и пр. Къ третьему часу — обѣдъ, по возможности легкій. Затѣмъ два часа *отдыха,* проводимыхъ за чтеніемъ журналовъ и газетъ. Послѣ отдыха опять занятія и такъ велось до поздняго вечера.

19-го ноября 1867 года этого неутомимато общественнаго дѣятеля и высоко чтимаго святителя не стало. Въ день своей кончины, митрополитъ Филаретъ совершалъ литургію въ своей домашней церкви и, по замѣчанію приближенныхъ, совершалъ ее особенно громко и бодро; нѣсколько часовъ спустя лежалъ уже въ своей комнатѣ почти безъ признаковъ жизни, и вскорѣ предалъ Господу великій духъ свой. По заключенію докторовъ, онъ скончался отъ апоплексіи. Тѣло его было перенесено въ Чудовъ монастырь, а потомъ торжественно погребено въ Троицко-Сергіевской лаврѣ.

Князь Варшавскій

II.

[illegible]

ГРАФЪ ИВАНЪ ӨЕДОРОВИЧЪ ПАСКЕВИЧЪ ЭРИВАНСКІЙ.

[illegible]

[illegible] ле- [illegible] овъ [illegible] Николая. онъ былъ въ числѣ пер- [illegible] ной войны 1812 года, уча- [illegible] про- [illegible] елъ [illegible] мя- [illegible] ую [illegible] онъ [illegible] му. [illegible] га- рѣлый фельдмаршалъ дѣйствовалъ менѣе удачно, и то не вслѣдствіе успѣховъ непріятеля, а главнымъ образомъ отъ опасенія враждебности Австріи. Отличительныя качества его, какъ полководца, были знаніе военнаго искусства, вѣрное и быстрое соображе-

II.

Генералъ-фельдмаршалъ князь варшавскій,

ГРАФЪ ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ПАСКЕВИЧЪ-ЭРИВАНСКІЙ.

1782—1856.

Съ именемъ Паскевича связаны почти всѣ блестящія кампаніи, веденныя во времена императоровъ Александра I и Николая. Онъ былъ въ числѣ первыхъ героевъ отечественной войны 1812 года, участвовалъ въ послѣдовавшемъ за нею походѣ противъ Наполеона за предѣлы Россіи, блестяще велъ въ Азіи войны съ Персіею и Турціею, усмиреніе мятежа Польши въ 1830—31 годахъ и Венгерскую кампанію 1849 года. Болѣе 30-ти лѣтъ стоялъ онъ во главѣ русскихъ армій и счастіе не измѣнило ему. Только въ Восточной войнѣ, въ 1854 году, престарѣлый фельдмаршалъ дѣйствовалъ менѣе удачно, и то не вслѣдствіе успѣховъ непріятеля, а главнымъ образомъ отъ опасенія враждебности Австріи. Отличительныя качества его, какъ полководца, были знаніе военнаго искусства, вѣрное и быстрое соображе-

трѣ арміи, курганную баттарею Раевскаго и отбивалъ жестокія аттаки французовъ, не отступилъ даже тогда, когда баттарея была взята, напротивъ, подкрѣпленный Ермоловымъ и Кутайсовымъ, вновь аттаковалъ непріятеля. Вполнѣ довѣряя Паскевичу, Кутузовъ возлагалъ на него различныя важныя порученія. Такъ, ему поручено было защищать Дорогомиловскій мостъ — входъ въ Москву, затѣмъ Медынскую дорогу, на которую могли надвинуться всѣ силы Наполеона. Вообще въ отечественной войнѣ имя Паскевича стоитъ на ряду съ самыми славными и дорогими именами героевъ ея. Кутузовъ, представляя своихъ сотрудниковъ императору Александру въ Вильнѣ, указалъ на него, какъ на одного изъ лучшихъ генераловъ, а Паскевичу было тогда всего 30 лѣтъ.

За предѣлами Россіи Паскевичъ покрылъ себя новою боевою славою. Особенно замѣчательны были его дѣйствія при наступательномъ движеніи къ Лейпцигу и въ знаменитой битвѣ подъ этимъ городомъ. За нихъ онъ получилъ отъ короля Пруссіи — орденъ Орла 1-й ст., отъ императора Александра — чинъ генералъ-лейтенанта. Кромѣ того онъ отличился въ сраженіяхъ при Арсисѣ, гдѣ сбилъ каре маршала Нея, и на Бельвильскихъ высотахъ предъ Парижемъ.

По заключеніи мира, Паскевичъ командовалъ гренадерскою дивизіею, сопровождалъ, въ 1817 г, заграницу Великаго Князя Михаила Павловича и командовалъ затѣмъ гвардейскими дивизіями. Въ 1824 г. онъ былъ пожалованъ генералъ-адъютантомъ и назначенъ командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса. Въ началѣ царствованія императора Николая I,

Паскевичу вновь пришлось участвовать въ битвахъ. Когда персидскія войска въ 1826 г. внезапно вторглись въ наши предѣлы и обложили крѣпость Шушу, императоръ повелѣлъ ему отправиться въ Грузію и дѣйствовать подъ начальствомъ главнокомандующаго генерала Ермолова. Въ концѣ августа Паскевичъ былъ уже въ Тифлисѣ. Новые лавры вынесъ онъ изъ этой кампаніи, такъ какъ, соединившись съ генераломъ Мадатовымъ и имѣя не болѣе 7-ми тыс. войска при 22-хъ орудіяхъ, разбилъ на голову, 13-го сентября, въ 7-ми верстахъ отъ Елизаветполя, 35-ти тыс. армію персіянъ, подъ начальствомъ наслѣдника персидскаго престола, Аббасъ-Мирзы. Въ 1827 г. онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ Кавказа, съ правами главнокомандующаго. Въ персидскомъ походѣ этого года послѣдовали: пораженіе Аббасъ-Мирзы при Джаванъ-Булакѣ, паденіе крѣпостей Аббасъ-Аббада и Сэрдарь-Аббада и взятіе неприступной Эривани. Перейдя, по взятіи послѣдней, Араксъ, Паскевичъ занялъ Тавризъ и наконецъ Ардебиль на пути къ столицѣ Персіи—Течераку, что взволновало всю страну, и Аббасъ-Мирза явился къ нему съ покорностью. 10-го февраля 1828 г. былъ подписанъ въ Туркманчаѣ знаменитый мирный договоръ, въ силу котораго, сверхъ уступленія Эривани и Нахичевани, Персія предоставила Россіи исключительное право плаванія по Каспійскому морю и заплатила 10 куруровъ (20 мил. руб. сер.) контрибуціи. За эту войну Паскевичъ получилъ Владиміра 1 ст., Георгія 2 ст., милліонъ руб. и титулъ графа Эриванскаго.

Персидскій шахъ прислалъ ему орденъ Льва и Солнца на бриллiантовой цѣпи. Въ слѣдующемъ походѣ противъ Турціи Паскевичъ также блистательно заявилъ себя. При объявленіи войны въ 1828 г. у насъ на Кавказѣ, за обезпеченіемъ границъ, оставалось всего 12 тыс. войска. Противъ насъ было 60 тыс. турокъ, кромѣ курдовъ и лазовъ. Не смотря на такое превосходство въ силахъ, Паскевичъ двинулся на врага по непроходимымъ дорогамъ, при величайшихъ затрудненіяхъ въ продовольствіи, будучи притомъ самъ боленъ.

12-го іюня начался этотъ замѣчательный походъ, въ которомъ подъ смѣлыми ударами русскихъ пали, помимо малыхъ крѣпостей, Карсъ и Ахалцыхъ, взятію котораго предшествовало совершенное разбитіе арміи Кіосъ-Магомета-паши. 5-го октября Паскевичъ возвратился въ Тифлисъ, покоривъ въ столь короткое время 9 большихъ и малыхъ крѣпостей, взявъ 315 пушекъ, 200 знаменъ и бунчуковъ и 8 тыс. плѣнныхъ. За этотъ походъ онъ получилъ — лестный рескриптъ Государя, орденъ Андрея Первозваннаго и 2 пушки изъ числа взятыхъ въ Карсѣ. Кромѣ того, храбрый Ширванскій полкъ названъ его именемъ.

Не менѣе замѣчательна была кампанія 1829 года. Порта приготовилась къ самому дѣятельному сопротивленію — смѣнила главнокомандующихъ, объявила поголовное вооруженіе и даже, въ надеждѣ на свои силы, приказала начать наступательныя дѣйствія зимою, не выжидая похода русскихъ, вслѣдствіе чего турецкія войска осадили Ахалцыхъ. Но

Паскевичъ не дремалъ. Немедленно двинулъ онъ отрядъ къ Ахалцыху, который разогналъ турокъ и освободилъ крѣпость, а укротивъ внутреннія волненія Кавказа, 19-го мая, снова выступилъ въ походъ. На Саганлукскихъ горахъ, въ 20-ти верстахъ отъ Карса, стоялъ Гакки-паша съ 20-ю тыс., въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него сераскиръ Гаджи-Салехъ съ 30-ю тыс., а Кіая-Сардарь съ 15-ю тыс., въ Шушетскихъ горахъ, угрожая нападеніемъ на Ахалцыхъ. Паскевичъ первоначально направился къ этой послѣдней крѣпости. Отъ с. Котанлы онъ двинулъ къ Ахалцыху 7-ми тыс. отрядъ, который привлекъ на себя Кіаю, разбилъ его 2-го іюня при Чабаріи, разсѣялъ турокъ и возвратился обратно. Тогда Паскевичъ устремился съ 18-ю тыс. на Гакки-пашу и сталъ тревожить его ложными нападеніями, но лишь только узналъ о приближеніи сераскира, двинулся ему на встрѣчу. Побѣда русскихъ была полная: армія сераскира бѣжала, оставивъ въ нашихъ рукахъ 12-ть пушекъ, лагерь и всѣ запасы. Паскевичъ-же, не останавливаясь, обратился на Гакки-пашу разсѣялъ его войско и самого взялъ въ плѣнъ. Уничтоживъ три турецкія арміи. русскіе двинулись на Эрзерумъ, который сдался 27-го іюня, въ день полтавской побѣды. Успѣхи Паскевича въ этомъ походѣ были остановлены только извѣстіемъ о заключеніи адріанопольскаго мира. Трофеи кампаніи — Эрзерумъ, 4 крѣпости, 262 орудія, 65 знаменъ и 10 бунчуковъ. Награды Паскевичу — алмазные знаки ордена Андрея Первозваннаго, Георгій 1 ст., чинъ фельд-

маршала и особенныя воинскія почести по пріѣздѣ его въ Петербургъ.

1830 годъ также богатъ боевою дѣятельностію Паскевича: въ этомъ году онъ предпринялъ на Кавказѣ удачную экспедицію противъ шапусовъ и участвовалъ въ усмиреніи мятежа Польши. 13-го іюня Паскевичъ прибылъ въ Пултускъ и принялъ послѣ генералъ-фельдмаршала гр. Дибича главное начальство надъ войсками. Армія наша страдала недостаткомъ продовольствія и была расположена отдѣльными отрядами отъ Замостья до Вильны. Главныя силы мятежниковъ, подъ начальствомъ Скжинецкаго находились у Варшавы, куда и двинулся фельдмаршалъ. Удачно переправившись чрезъ Вислу, армія его остановилась къ концу августа предъ укрѣпленіями столицы Польши, которыя были чрезвычайно сильны и состояли изъ городскаго вала, трехъ рядовъ баттарей, составлявшихъ 80 редутовъ и люнетовъ, и баррикадъ на улицахъ. Матежники клялись умереть подъ развалинами города. Но 25-го августа были взяты штурмомъ укрѣпленія Воли, и варшава покорилась въ день Бородинской битвы. Какъ труденъ былъ этотъ штурмъ, показываетъ наша потеря въ 10 тыс. убитыми и ранеными; самъ Паскевичъ былъ контуженъ. Въ награду за эту компанію онъ получилъ титулъ князя Варшавскаго и былъ назначенъ затѣмъ намѣстникомъ Царства Польскаго. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи 18-ти лѣтъ, онъ былъ такимъ-же ревностнымъ слугою престола и отечества на гражданскомъ поприщѣ, какъ ранѣе на военномъ, пока венгерская

кампанія 1849 года не вызвала его вновь на бранное поле. Въ мартѣ мѣсяцѣ этого года императоръ обратился къ мператору Николаю, съ просьбою о помощи. Мятежъ въ Венгріи достигъ тогда высшаго развитія. Венгры всюду одолѣвали, даже Вѣнѣ угрожала опасность. Для скораго и рѣшительнаго успѣха, составленъ былъ планъ кампаніи съ 200-ми тыс. войска. Главныя силы русской арміи вошли въ Венгрію двумя колоннами: правая подъ начальствомъ князя Варшавскаго перешла Карпаты отъ Дуклъ, лѣвая, подъ начальствомъ гр. Ридигера, отъ Неймарка, Въ Дуклахъ австрійское правительство обязалось заготовить сорокадневное продовольствіи зерновой фуражъ для всей почти арміи, но приготовило только на двое сутокъ: если бы не предусмотрительность генералъ-фельдмаршала, обезпечившаго довольствіе войскъ средствами Россіи, то положеніе арміи могло бы быть критическимъ, такъ какъ страна была разорена. Вступивъ въ предѣлы Венгріи, войска двинулись внутрь страны. Непріятель все отступалъ предъ ними, поражаемый въ различныхъ сраженіяхъ (напр. при с. Галацѣ, Гаркалѣ и др.), пока наконецъ предводитель венгерцевъ Гергейне сложилъ оружіе при Вилагосѣ, 13 августа 1849 г. За эту кампанію Паскевичъ получилъ австрійскіе ордена Стефана и Маріи Терезіи первыхъ степеней, Императоръ же Николай наградилъ его воинскими почестями, присвоенными только особѣ Государя и рескриптомъ, заключавшимся словами „Вашъ другъ“, 5-го октября 1850 г. исполнилось 50-тилѣтіе службы фельд-

маршала, при этомъ Государь лично вручилъ ему въ Варшавѣ фельдмаршальскій жезлъ, осыпанный бриллiантами. На 72 году отъ рожденія Паскевичъ принялъ личное участіе и въ Восточной войнѣ 1853—56 годовъ. Дѣятельность его въ этой войнѣ ограничилась, впрочемъ, короткимъ временемъ въ апрѣлѣ и маѣ 1854 года, главнымъ образомъ при неудачной осадѣ крѣпости Силистріи. При этомъ онъ не выказалъ обычной своей рѣшительности и энергіи, чему причиной была излишняя въ то время боязнь Австріи и западныхъ державъ. Паскевичъ скончался въ Варшавѣ 20-го января 1856 г. По случаю его смерти, былъ наложенъ 9-ти дневный трауръ на войска. Погребенъ онъ въ своемъ помѣстьѣ, селѣ Ивановскомъ.

Князь Варшавскій былъ женатъ на Елизаветѣ Алексѣевнѣ Грибоѣдовой, дочери помѣщика Смоленской губерніи. Онъ имѣлъ сына Θеодора и дочерей: Александру (замужемъ за Балашевымъ), Анну (за княземъ Волконскимъ) и Анастасію (за княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ).

Адмиралъ Лазаревъ

годовъ. Научныя заслуги адмирала были признаны различными учеными учрежденіями, такъ, онъ состоялъ почетнымъ членомъ Императорскаго Географическаго Общества, Казанскаго университета и др.

Михаилъ Петровичъ родился во Владимірской

III.

АДМИРАЛЪ МИХАИЛЪ ПЕТРОВИЧЪ
ЛАЗАРЕВЪ.

(1788—1851.)

Лазаревъ, устроитель знаменитаго черноморскаго флота, такъ безвременно погибшаго въ роковую севастопольскую кампанію, былъ изъ числа наиболѣе замѣчательныхъ личностей своего времени. Изумительно трудолюбивый и одаренный блестящими способностями, онъ оказалъ родинѣ важныя услуги на поприщахъ боевомъ и военно-административномъ, своими же кругосвѣтными плаваніями послужилъ и наукѣ. Административныя способности онъ особенно выказалъ, управляя, въ теченіе 18-ти лѣтъ, черноморскимъ флотомъ, причемъ поставилъ его на ту высоту блеска и достоинства, на которой этотъ флотъ находился предъ войной 1853—56 годовъ. Научныя заслуги адмирала были признаны различными учеными учрежденіями, такъ, онъ состоялъ почетнымъ членомъ Императорскаго Географическаго Общества, Казанскаго университета и др.

Михаилъ Петровичъ родился во Владимірской

губерніи 3-го ноября 1788 года, воспитывался въ Морскомъ корпусѣ, откуда вышелъ, въ 1803 году, гардемариномъ и былъ отправленъ въ Англію, для пріобрѣтенія познаній въ морскомъ дѣлѣ. До 1808 года онъ служилъ на различныхъ судахъ великобританскаго флота, почти постоянно находясь въ морѣ; заграницею же былъ произведенъ и въ чинъ мичмана. Въ годъ возвращенія Лазарева на родину происходила, какъ извѣстно, война со Швеціею и Англіею. Онъ принялъ въ ней участіе и служилъ подъ начальствомъ капитанъ-командора Быченскаго въ эскадрѣ адмирала Ханыкова. Въ эту войну было первое боевое отличіе Михаила Петровича: онъ вызвался, въ числѣ другихъ охотниковъ, идти на помощь кораблю „Всеволоду", аттакованному двумя англійскими кораблями при Балтійскомъ портѣ. Когда корабль нашъ, несмотря на упорную защиту, долженъ былъ сдаться, Лазаревъ попалъ въ плѣнъ, изъ котораго, впрочемъ, скоро былъ возвращенъ. Въ слѣдующихъ годахъ онъ участвовалъ въ крейсерствѣ по Финскому заливу, а въ 1812 году плавалъ на бригѣ „Фениксъ", подъ командою лейтенанта Дохтурова, съ дессантомъ къ Данцигу.

1-го сентября 1813 г. лейтенантъ Лазаревъ принялъ командованіе надъ судномъ „Суворовъ", принадлежавшимъ Россійско-американской компаніи, и отправился на немъ въ Ситху. Путешествіе это продолжалось три года и дало ему случай выдвинуться и выказать свои способности. Одинъ изъ эпизодовъ плаванія отлично рисуетъ смѣлый и рѣшительный характеръ будущаго адмирала. Тогдашній началь-

никъ колоній компаніи былъ коллежскій совѣтникъ Барановъ—человѣкъ въ высшей степени самовластный. Выведенный изъ себя поступками Баранова, Михаилъ Петровичъ не задумался самовольно оставить Ситху, для чего въ одну ночь снарядилъ корабль, находившійся разгруженнымъ подъ выстрѣлами баттареи. Трудное возвращеніе назадъ, безъ медика, прошло счастливо только благодаря твердости Лазарева и его познаніямъ въ морскомъ дѣлѣ. Россійско-американская компанія сначала протестовала противъ поступка его, но убѣдившись въ дѣйствительной крайности того положенія, въ которомъ находились командиръ и экипажъ „Суворова" въ Ситхѣ, удалила Баранова.

Въ 1819—21 годахъ Лазаревъ принялъ участіе въ кругосвѣтномъ плаваніи подъ начальствомъ Беллингсгаузена. Экспедиція состояла изъ двухъ судовъ, однимъ изъ нихъ шлюпомъ „Мирный" командовалъ Михаилъ Петровичъ. Она извѣстна открытіями въ Южномъ полярномъ морѣ, гдѣ Беллингсгаузенъ дошелъ до 70°30′ широты, далѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, и открылъ много острововъ, давъ почти всѣмъ русскія названія (Петръ I, Александръ I и т. д.). За эту экспедицію Лазаревъ былъ награжденъ чиномъ капитана 2-го ранга, съ ежегоднымъ прибавленіемъ, въ продолженіе всей службы, къ получаемому жалованью, еще таковаго же по чину, въ которомъ возвратился, т. е. лейтенанта.

Въ 1822 году онъ былъ назначенъ командиромъ фрегата „Крейсеръ" и отправился на немъ въ третіе (считая и плаваніе въ Ситху) кругосвѣтное путеше-

ствіе. Щегольское состояніе фрегата снова обратило вниманіе на страстно-любившаго морское дѣло командира. По возвращеніи ему были пожалованы орденъ св. Владиміра 3-й ст. и чинъ капитана 1-го ранга, съ ежегоднымъ прибавленіемъ жалованья капитана 2-го ранга.

Въ 1826 году Лазаревъ былъ назначенъ командиромъ 12-го флотскаго экипажа и извѣстнаго впослѣдствіи корабля „Азовъ", тогда еще строившагося. Въ 1827 г. онъ служилъ сначала въ эскадрѣ адмирала Сенявина, а затѣмъ, продолжая командовать „Азовомъ", былъ назначенъ начальникомъ штаба отдѣльной эскадры подъ флагомъ вице-адмирала гр. Гейдена, находясь въ которой, принялъ участіе въ знаменитомъ сраженіи при Наваринѣ, гдѣ, какъ извѣстно, 8-го октября 1827 г. была одержана блестящая побѣда соединеннымъ англо-французо-русскихъ флотомъ надъ египетско-турецкимъ. По свидѣтельству гр. Гейдена, Лазареву принадлежитъ первый лавръ этого боя. Въ награду за него Михаилъ Петровичъ получилъ чинъ контръ-адмирала, со старшинствомъ со дня побѣды. англійскій орденъ Бани, французскій — св. Людовика и отъ греческаго короля впослѣдствіи орденъ Спасителя.

Въ 1828—29 годахъ Лазаревъ плавалъ по Средиземному морю и блокировалъ Дарданеллы; въ 1832 году командовалъ 1-ю бригадою 2-й флотской дивизіей и былъ назначенъ начальникомъ штаба черноморскаго флота. Далѣе, въ томъ же году предводительствовалъ эскадрой, посланной на помощь союзной намъ Турціи, произведенъ въ вице-адми-

ралы, а по возвращеніи изъ Константинополя, получилъ званіе генералъ-адъютанта. Султанъ пожаловалъ ему осыпанную алмазами медаль въ петлицу и свой портретъ, осыпанный бриллiантами.

Вся дальнѣйшая дѣятельность Михаила Петровича, до самой его смерти, была посвящена Черноморскому флоту, такъ какъ вскорѣ онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность главнаго командира означеннаго флота, а 31-го декабря 1834 года утвержденъ въ этой должности. Въ 18-ти лѣтнее управленіе свое на Черномъ морѣ, онъ не только ввелъ многоразличныя преобразованія въ судахъ, кораблестроеніи и проч., но и успѣлъ передать служащимъ подъ его начальствомъ тотъ духъ рвенія и любви къ дѣлу, которымъ исполненъ былъ самъ. Одно краткое перечисленіе того, что сдѣлалъ Лазаревъ для знаменитиго флота, можетъ показать, какъ велики были заслуги незабвеннаго дѣятеля. Улучшивъ кораблестроеніе, онъ укомплектовалъ число линейныхъ судовъ; усовершенствовалъ артиллерію, введеніемъ многихъ приспособленій и употребленіемъ на всемъ флотѣ орудій новаго литья; устроилъ адмиралтейство въ Николаевѣ, со всѣми современными улучшеніями, затѣмъ адмиралтейство въ Новороссійскѣ, а для вновь строившагося въ Севастополѣ выбралъ мѣстность и далъ планы. (Послѣ смерти его, послѣднее названо было Лазаревскимъ). Гидрографическое депо, почти не существовавшее въ 1833 году, было приведено имъ въ полный порядокъ. Въ 1844 году при немъ построено было зданіе библіотеки для морскихъ офицеровъ, вскорѣ сгорѣв-

шее, но возобновленное вновь въ 1849 году. Имъ же наконецъ устроены и доки, оконченныя въ 1850 г. Самый городъ Севастополь преобразился при Лазаревѣ и былъ украшенъ многими новыми постройками, таковы церковь Петра и Павла, домъ собранія, училище для дѣвицъ и проч.

Почти вся должность Михаила Петровича въ Севастополѣ происходила въ мирное для флота время, только въ 1838, 39 и 40 годахъ онъ лично предводительствовалъ эскадрою, доставлявшего десантныя войска на Кавказъ. Своею распорядительностью при высадкахъ, онъ способствовалъ занятію пунктовъ при рѣчкахъ Туапсе, Псезуапе Субаши и др. Укрѣпленіе на рѣчкѣ Псезуапе и названо вслѣдствіе этого въ честь его фортомъ Лазарева.

Такая плодотворная дѣятельность Михаила Петровича поощрялась многочисленными наградами императора. Въ 1834 г. онъ получилъ Владиміра 2 ст., дважды затѣмъ повышена на 1000 р. ранѣе назначенная аренда, въ 1842 г. ему пожалованы брилліантовые знаки Александра Невскаго и повелѣно носить мундиръ 12-го флотскаго экипажа, въ которомъ былъ при Наваринѣ въ 1843 г. — чинъ адмирала, въ 1845 г. при посѣщеніи Государемъ Севастополя и Николаева — орденъ Владиміра 1 ст., а въ 1850 году — Андрея Первозваннаго.

Къ несчастію, безъ устали занимаясь дѣлами, адмиралъ слишкомъ мало дорожилъ своею драгоцѣнною жизнію. Уже въ 1843 г. показались первыя приступы болѣзни, которая въ 1850 г. чрезвычайно

усилилась. Въ Январѣ 1851 г. онъ переселился, по совѣту врачей, въ Одессу, но — замѣчательная сила духа — не смотря на то, что 4 уже мѣсяца не принималъ почти никакой пищи, не оставлялъ своихъ занятій. Наконецъ 15-го февраля 1851 г. императоръ въ милостивомъ письмѣ къ Лазареву просилъ его отдохнуть и поручалъ сдать управленіе флота и портовъ гр. Борху.

Вслѣдъ затѣмъ адмиралъ отправился въ Вѣну совѣтываться о болѣзни со знаменитыми мѣстными докторами. Но было уже поздно: 11-го Апрѣля труженика не стало — онъ умеръ отъ образовавшагося въ желудкѣ рака. Прахъ Михаила Петровича преданъ землѣ въ Севастополѣ.

IV.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ СЕМЕНОВИЧЪ ВОРОНЦОВЪ.

(1782—1856.)

Намѣстникъ кавказскій при Николаѣ I, герой отечественной войны, равно искусный полководецъ и администраторъ, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ родился въ ночь съ 18-го на 19-е мая 1782 года, отъ брака генерала отъ-инфантеріи графа Семена Романовича и графини Екатерины Алексѣевны, урожденной Синявиной. Мать, родивъ дочь Екатерину, въ слѣдующемъ году и умерла, осиротивъ супруга и дѣтей (1783 г.). Вступленіе въ міръ сына, графъ Семенъ Романовичъ встрѣтилъ словами: „рожденіе твое всѣхъ порадовало; веди жизнь такую, чтобы всѣ сокрушались о твоей смерти", — и слова эти достойный сынъ выполнилъ буквально. Какъ сына вельможи, по обычаю того времени, графа Михаила Семеновича записали въ службу и произвели въ прапорщики еще 4-хъ лѣтъ отъ роду, а 16-ти лѣтъ, Павелъ I пожаловалъ юношу дѣйствительнымъ камергеромъ, но, не желая пользо-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] при Николаѣ I, герой отече[illegible] [illegible] искусный полководецъ и [illegible] Михаилъ Семеновичъ Во[illegible] [illegible] на 19-е мая [illegible] [illegible] графини [illegible] [illegible] родивъ доч[illegible] [illegible] ти[illegible] [illegible] дѣтей (1783 г.). Вступленіе въ міръ сына, графъ Семенъ Романовичъ вст[illegible] [illegible]вами: „рожденіе твое всѣхъ [illegible] жизнь [illegible]“ — [illegible]лова эти достойный [illegible] [illegible]илъ буквально. [illegible] сына вельможи, [illegible] обычаю того времени, [illegible] Михаила Семеновича записали [illegible] службу и [illegible] въ прапорщики еще 4-хъ [illegible] отъ роду. [illegible] Павелъ I пожаловалъ юношу дѣйствительнымъ камергеромъ, но, не желая пользо-

ваться незаслуженными отличіями, будущій намѣстникъ Кавказа просилъ какъ милости начать службу съ нижнихъ чиновъ и въ царствованіе Александра I началъ (20-го октября 1801 года) вступленіемъ на дѣйствительную службу поручикомъ въ Преображенскій полкъ, оставаясь по двору камергеромъ, званіе котораго давало генералъ-маіорскій чинъ. Желая служить внѣ всякихъ благопріятныхъ вліяній, и неотбывать только время службы, а дѣйствовать съ пользою, по мѣрѣ своихъ способностей, М. С. Воронцовъ 21 года (1803 г.) перепросился въ дѣйствующія войска, въ Грузію, волонтеромъ при корпусѣ. При этомъ отецъ писалъ къ князю П. Д. Циціанову, что имѣя одного сына, онъ желаетъ, чтобы онъ „былъ полезенъ отечеству и для того усовершенствовался" во всемъ, относящемся къ службѣ. Согласно такому заявленію, князь Циціановъ взялъ съ собою Воронцова въ экспедицію противъ владѣтеля Ганжи (нынѣ у насъ Елизаветполь). На приступѣ, при взятіи съ боя стѣнокъ садовыхъ, за которыми сидѣли защитники (2-го декабря 1803 года). М. С. Воронцовъ командуя ротою, вынесъ изъ боя ранего героя Котляревскаго, а въ 1804 г., находясь въ отрядѣ Гулякова, показалъ храбрость при разбитіи лезгинъ въ Бѣлокалахъ (1-го января), также какъ и 15-го января въ Закаталахъ, гдѣ убитъ Гуляковъ. Вступая послѣ ганжинскаго похода въ сношенія съ Имеретинскимъ царемъ Соломономъ, Циціановъ возложилъ на М. С. Воронцова порученіе вести переговоры о подданствѣ, — очень щекотливое и требовавшее большой проницатель-

ности. Соломонъ собственно хотѣлъ провести мнимымъ подчиненіемъ своимъ Россіи и дѣйствія Воронцова настаивавшаго на подписаніи условій, по которымъ приходилось выполнять обязательство, раскрыли глаза Циціанова, который заставилъ царя, неувертываясь согласиться на предложенія вполнѣ (25-го апрѣля 1804 года). Паденіе Ганжи и подчиненіе Имеретіи вызвали борьбу съ персіянами у Эривани, но бои 19-го іюня и 15-го іюля 1804 г. кончились неудачею Аббаса Мирзы, всюду. Представляя объ отличившихся въ этихъ славныхъ бояхъ, гдѣ на одного русскаго приходилось по шести и семи непріятелей, Циціановъ писалъ государю о Воронцовѣ, что „дѣятельностью и попечительностью своею замѣняя дряхлость (его), служитъ большою (ему) помощью и достоенъ быть сравненъ съ его сверстниками“. Это представленіе вызвало пожалованіе Воронцова въ капитаны и награжденіе орденомъ Георгія 4 кл. (24-го августа 1804 года). Въ декабрѣ того же года Воронцовъ совершилъ походъ въ горныя ущелья для наказанія вредившихъ намъ горцевъ, а въ январѣ 1805 года бился въ горахъ противъ возставшихъ осетинъ. Весною 1805 года Воронцова потребовали въ Петербургъ и назначили бригадъ-маіоромъ въ отрядъ генералъ-лейтенанта графа Толстаго, перевезенный въ шведскую Померанію моремъ, и проведенный черезъ Макленбургъ въ Ганноверъ, гдѣ блокирована имъ крѣпость Гамельнъ. Вступивъ непосредственно въ войну съ Наполеономъ, Александръ I осенью собралъ главныя силы наши у Гродно и оттуда въ

октябрѣ двинулъ ихъ на соединеніе съ единственнымъ оставшимся у прусскаго короля корпусомъ Лестока, на Вислѣ, куда шли 150,000 французовъ, по тремъ направленіямъ. Встрѣчать враговъ предстояло корпусу Бенигсена, при которомъ находился М. С. Воронцовъ, въ составѣ отряда О. Толстаго. Воронцовъ отличился въ бою при Пултускѣ и произведенъ въ полковники. Въ этомъ чинѣ, въ 1807 году М. С. Воронцовъ командовалъ 1-мъ батальономъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка при Гутштадтѣ (24-го — 25-го мая), на рѣкѣ Пассаргѣ, да при Гейльсбергѣ (29-го мая) и Фридландѣ (2-го іюня). Пораженіе наше было причиною Тильзитскаго мира и свиданія Александра I съ Наполеономъ, при которомъ Преображенскимъ батальономъ, начальствовалъ Воронцовъ. Въ 1809 году назначенный командиромъ Нарвскаго пѣхотнаго полка, Воронцовъ поступилъ въ армію князя Багратіона, дѣйствовавшую противъ турокъ и въ 1810 г. 22-го мая за штурмъ Базарджика произведенъ въ генералъ-маіоры и затѣмъ, 23-го іюля выдержалъ отчаянныя нападенія турокъ на нашъ отрядъ, подъ Шумлою, а 26-го августа участвовалъ въ разбитіи визиря при Батинѣ, удостоившись полученія высочайшаго рескрипта и Владиміра 3-й степени, за овладѣніе крѣпостью Систово. Въ октябрѣ же 1810 года отрядъ Воронцова (3,000 пѣхоты и 1,000 конницы) направился изъ Журжево и прошелъ черезъ Плевно, Ловчу и Сельви, уничтоживъ тамъ находившіяся укрѣпленія и взявъ 9 пушекъ у турокъ. За этотъ подвигъ награж-

денъ М. С. Воронцовъ орденомъ Св. Анны 1-й степени.

Въ 1811 году, при начальствованіи Кутузова, Воронцову пришлось участвовать въ кровопролитнѣйшемъ бою 22-го іюня, при Рущукѣ, гдѣ визирь вздумалъ взять у насъ эту крѣпость и окружить со всѣхъ сторонъ, отрѣзавъ отступленіе и приперевъ къ Дунаю. Выдержавъ всѣ отчаянныя аттаки турокъ, Кутузовъ самъ повелъ противъ нихъ свои силы и прогналъ ихъ въ окопы Кафикіой. Воронцовъ выказавшій въ этомъ дѣлѣ распорядительность, а не одну блистательную храбрость, получилъ шпагу осыпанную брильянтами при рескриптѣ, выясняющемъ самый подвигъ, вызвавшій награжденіе." Вы командовали, гласитъ рескриптъ, двумя кареями съ особеннымъ искусствомъ и, черезъ благоразумныя распоряженія свои, принудили непріятеля ретироваться съ потерею." Разбитіе при Рущукѣ визиря сопровождалось движеніемъ Кутузова за Дунай по взорваніи и сожженіи крѣпости. Наши расположились у Журжи и, чтобы помѣшать переправѣ визиря, Кутузовъ послалъ Воронцова на устьѣ р. Жіо, противъ Оршовы, чтобы тамъ построить баттарею и обстрѣливать съ нее Дунай. Турки переправились между тѣмъ у Виддина и противъ нихъ, отъ Краіовы двинулся Зассъ, принужденный выдерживать упорный бой съ превосходными силами непріятелей. На помощь бѣдствовавшему Зассу, прибыли съ неимовѣрною быстротою графы Воронцовъ и Орурќъ, но и за подкрѣпленіемъ ихъ, отрядъ Засса оказывался въ четверо слабѣе турокъ. Отъ нападеній ихъ наши укрѣпились редутами, тамъ,

гдѣ свободный былъ доступъ между болотами. При Калафатѣ, считая наше укрѣпленіе слабѣйшимъ, турки сами напали на него, съ значительными силами (7-го сентября). Въ дѣлѣ этомъ Воронцовъ командуя правымъ крыломъ Засса, выдерживалъ цѣлый день стремительнѣйшія, учащенныя аттаки турокъ, нисколько неподавшись назадъ. Награждая этотъ подвигъ орденомъ Владиміра 2-й степени, Государь въ рескриптѣ выразилъ благодарность герою. Въ послѣднемъ говорится „командуя 2-мя пѣхотными и казачьимъ полками, отразили сильное стремленіе на васъ превосходныхъ силъ непріятеля, превозмогая всякое препятствіе и упорство войскъ непріятельскихъ, обратили оныя въ бѣгство, съ нанесеніемъ жестокаго пораженія и, вообще во всѣхъ случаяхъ ознаменовали себя истиннымъ присутствіемъ духа и знаніемъ военнаго искусства“. Отбивъ аттаки турокъ, наши отрядные вожди успѣли постройкою редутовъ и между ними устройствомъ волчьихъ ямъ, запереть турокъ въ ихъ собственномъ лагерѣ. Напрасно бился Измаилъ-бей 17-го и 30-го сентября, желая пробиться изъ устроенной ему западни, отбитый всюду, онъ потерялъ энергію, а Кутузовъ велѣлъ Воронцову 7-го октября перейти Дунай у Груи и въ составѣ 6-ти батальоновъ и 17-ти эскадроновъ, при 19-ти орудіяхъ, ударить туркамъ въ тылъ. Октября 8-го, Воронцовъ выполнилъ превосходно порученіе: при деревнѣ Куримбекъ, разбилъ на голову 3,000 турокъ вышедшихъ изъ Виддина и награжденъ за это Георгіемъ 3-го класса. Разбитіе визиря передъ тѣмъ (2-го октября), заставило Измаила-бея вступить съ Зассомъ

въ переговоры, прося, дозволить ему переправиться черезъ Дунай, подъ условіемъ невоевать больше съ ними, но Кутузовъ не соглашаясь на это, еще разъ поручилъ Воронцову, переправясь черезъ Дунай, дѣйствовать на турокъ отъ Ломъ-Паланки. Въ результатѣ получилось полное распущеніе войска Измаиломъ, но Воронцову пришлось пробыть за Дунаемъ до 2-го декабря. Переправясь черезъ Дунай и поставя войска на зимнія квартиры. М. С. Воронцовъ отозванъ съ Дуная и къ веснѣ (въ Мартѣ) 1812 г. уже прибылъ во 2-ю армію, собранную для встрѣчи Наполеона, на Волыни, подъ начальствомъ князя Багратіона. Воронцовъ получилъ въ команду сводную Гренадерскую дивизію, въ корпусѣ Бороздина.

При нашествіи Наполеона, вторая армія успѣла соединиться съ первою подъ стѣнами Смоленска, и здѣсь (4-го августа) Воронцовъ со своею дивизею, участвовалъ въ отбитіи нашими всѣхъ нападеній французовъ, наконецъ увидѣвшихъ невозможность овладѣть Смоленскимъ. Но и мы были не въ состояніи удержать напоръ непріятеля, потому Багратіонъ отступилъ къ Дорогобужу, оставивъ въ 4-хъ верстахъ отъ города аріергардъ, подъ начальствомъ князя Горчакова, въ которомъ находился М. С. Воронцовъ. 7-го августа аріергардъ 2-ой арміи во весь день удерживалъ наступленіе враговъ и отступилъ получивъ приказаніе, къ деревни Соловьевой. При Бородинѣ (24-го августа) въ войскахъ Горчакова защищавшихъ Шевардинскій редутъ была дивизія Воронцова и мужественно выполнила долгъ свой, отбивъ всѣ нападенія

французовъ. Редутъ этотъ мы оставили сами 25-го августа и Кутузовъ своднымъ гренадерскимъ батальономъ Воронцова приказалъ на 26-го августа занять Семеновское укрѣпленіе и самъ Воронцовъ укрѣпившій здѣсь свою дивизію, выразился: „что хотя сопротивленіе мое не было продолжительно, но оно прекратилосьсъ лишь существованіемъ дивизіи“. Графъ М. С. Воронцовъ былъ раненъ тутъвъ лѣвую ляжку и былъ вынесенъ изъ боя и привезенъ въ домъ свой, въ Москву, въ Нѣмецкой слободѣ. Найдя въ домѣ достаточное число подводъ, высланныхъ изъ деревни его — села Андреевскаго, Владимірской губерніи графъ приказалъ на подводы наполнить какъ можно больше нашихъ раненыхъ и везти къ себѣ. Въ Андреевскомъ, самъ лечась, М. С. Воронцовъ вылечилъ и героевъ Бородинскихъ (до 50-ти раненыхъ генераловъ и офицеровъ и до 300 рядовыхъ). При офицерахъ находилось до 100 деньщиковъ и до 300 лошадей, и всѣ они содержались на графскій счетъ. Лечилъ искусный операторъ Гильтебрандтъ и по выздоровленіи каждый рядовой получилъ кромѣ теплой одеждой по 10 рублей отъ щедротъ графа, отправляясь на службу. Отъ раны при Бородинѣ, Воронцовъ получилъ возможностъ ходить только къ концу года и явился въ главную квартиру уже въ Вильнѣ. Здѣсь получилъ онъ въ командованіе опять сводную гренадерскую дивизію, въ арміи Чичагова, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Воронцову ввѣренъ былъ отдѣльный летучій отрядъ, составлявшій авангардъ 3-ей арміи. Съ нимъ выступилъ онъ заграницу и имѣлъ дѣло съ

французами у Брамбера, занявъ этотъ городъ 7 янв. 1813 г. Оттуда, Чичаговъ послалъ его къ Познани, гдѣ была главная квартира Принца Евгенія де-Богарне. На пути туда 29 января 1813 г. Воронцовъ разбилъ отрядъ польскихъ войскъ у м. Рагазенъ, (послѣдующій день занявъ Познань 30 января) за что произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Затѣмъ отрядъ Воронцова обходилъ Магдебургъ, наблюдая за охраненіемъ береговъ Эльбы, отъ Гавельберга до Рослау. Соединясь съ Чернышевымъ, Воронцовъ подошелъ къ Лейпцигу, и взяли бы его вдвоемъ, если бы французы не прислали (26-го мая) увѣдомленія о заключеніи перемирія. Затѣмъ Воронцову ввѣренъ отрядъ изъ 13 батальоновъ, въ числѣ 6179 человѣкъ принадлежавшій къ корпусу Винценгероде и находившійся въ составѣ Сѣверной арміи, ввѣренной въ команду Бернадота, бывшаго шведскимъ наслѣднымъ принцемъ и потомъ королемъ (Карлъ Іоаннъ). Графъ Воронцовъ, командуя авангардомъ, имѣлъ въ августѣ 1813 г. дѣло при Ютерболѣ и Шмалькендорфѣ. Отбитіе Нея за Эльбу, вызвало со стороны Наполеона сосредоточеніе силъ у Лейпцига. Воронцову принадлежитъ честь подвиговъ 6 октября. Онъ поддержалъ приступъ Бюлова къ Гримскому (восточному) предмѣстію, и выгналъ оттуда французовъ, потерявшихъ 40 орудій. Черезъ германскія ворота, около полудня и вступили въ Лейпцигъ Императоръ Александръ съ Прусскимъ Королемъ. Воронцовъ получилъ орденъ Александра Невскаго.

Послѣ лейпцигской побѣды, состоя въ арміи Бер-

надота, Воронцовъ занялъ Кассель, а часть отряда его, легкія войска, преслѣдуя Вестфальскаго короля, первые дошли до Рейна. Самъ Воронцовъ, находясь вмѣстѣ съ Бернадотомъ, пройдя черезъ Ганноверъ, оставленъ у Гамбурга, со Строгоновыми удерживая покушенія Даву пробиться. Отвлеченныя въ эту сторону, дивизіи графовъ Орлова и Воронцова вступили во Францію только въ февралѣ 1814 г. Воронцовъ въ отрядѣ Винцегеродѣ былъ при сдачѣ Суассона и лично ввелъ войска въ городскія ворота (19-го февраля). Затѣмъ ему принадлежитъ честь удержанія Наполеона при Краотъ (22-го и 24-го февраля) гдѣ наши были въ четверо слабѣе. Много легло здѣсь храбрыхъ, но съ прибытіемъ подкрѣпленій силами князя Васильчикова, явилась возможность отойти съ честью, неоставивъ ничего въ жертву непріятелю. Французы потеряли 8,000 челов., мы — 6,000 и это отступленіе покрыло славою графа Воронцова, получившаго Георгія 2 ст. Здѣсь, если бы Блюхеръ не бездѣйствовалъ, Наполеонъ могъ быть совсѣмъ и безвозвратно разбитымъ, благодаря стойкости войскъ нашихъ и умнымъ распоряженіямъ Воронцова, успѣху котораго мѣшало несоразмѣрное превосходство силъ непріятеля. Не полная удача здѣсь, была причиною побѣды черезъ день (26-го февраля) при Лаонѣ. За этимъ пораженіемъ послѣдовалъ подходъ союзниковъ къ Парижу (17-го марта). Марта 18-го Воронцовъ, стоявшій въ резервѣ у Оберъ-Вилье, послалъ 5 полковъ взявшихъ Ла-Вильетъ и преслѣдовали французовъ до воротъ Парижа, гдѣ велѣно имъ было остановиться. Вечеромъ составлена

была капитуляція о сдачѣ столицы Франціи, и 19-го марта союзники вступили въ нее. Мая 18-го подписанъ миръ и 22-го пошла обратно армія, въ авангардѣ который, въ корпусѣ Ермолова, былъ Воронцовъ, командуя 12-ой дивизіей. Войска наши были уже въ Царствѣ Польскомъ, когда получена вѣсть о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы (1815). Пришлось вторично идти къ Парижу и вступить въ окрестности его, откуда къ осени опять потянулись домой. Однимъ изъ наиболѣе тяжелыхъ на этотъ разъ условій мира для Франціи, было содержаніе въ теченіе 5-ти лѣтъ гарнизоновъ союзниковъ. Въ 18-ти крѣпостяхъ гарнизонные войска во Франціи отданы въ команду герцогу Веллингтону и въ армію его вошелъ отдѣльный русскій корпусъ, ввѣренный въ команду Воронцова.

Въ бытность во Франціи, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, 20 апрѣля 1819 г. вступилъ въ бракъ съ графинею Елизаветою Ксаверьевною Браницкой, дочерью оберъ-гофмейстерши, графини Александры Васильевны, племянницы Потемкина, урожденной Энгельгардтъ. Проводя до границъ Россіи корпусъ свой послѣ трехъ-лѣтняго пребыванія во Франціи, — гдѣ память о Воронцовѣ, во всѣхъ имѣвшихъ до него дѣло, сохраняетъ самыя горячія чувства признательности, — графъ Михаилъ Семеновичъ ѣздилъ въ Лондонъ видѣться съ отцемъ и, затѣмъ, назначенъ командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса (19 февраля 1820 г.). Черезъ три года онъ посвящаетъ свою административную опытность водворенію порядка и благоденствія въ южномъ краѣ,

присоединенномъ къ России трудами дѣда жены его— князя Потемкина. Мая 7-го 1823 г. графъ М. С. Воронцовъ назначенъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ полномочнымъ намѣстникомъ Бессарабской области. Двадцать два года дѣятельности здѣсь служатъ, такъ сказать, мирнымъ подготовленіемъ къ кавказскому намѣстничеству, увѣнчавшему его подвиги. Блистательна была его 20-ти лѣтняя боевая карьера, но мирное служеніе въ Одессѣ — при немъ поднявшейся по выбору, по праву выгоднаго положенія на берегу Чернаго моря, принадлежавшую этому городу, — государственная заслуга, оцѣниваемая только по результатамъ процвѣтанія края. Пустынею почти имѣлъ Воронцевъ сѣверное наше Черноморское прибрежье, а оставилъ областью населенною богатою и имѣющею всѣ средства для дальнѣйшаго развитія, ни чѣмъ не задерживаемаго. По нѣсколько разъ въ годъ объѣзжалъ обширную сторону, ввѣренную его попеченіямъ и каждый пріѣздъ былъ ознаменованъ улучшеніями. Видя по мѣстному положенію возможность высокаго развитія въ Крыму винодѣлія, гр. М. С. выписалъ изъ Франціи, Испаніи и съ береговъ Рейна виноградныя лозы, пригласилъ искусныхъ винодѣловъ и садовниковъ и принялся за дѣло въ широкихъ размѣрахъ, въ своихъ имѣніяхъ заведя опытное винодѣліе. Мы уже пьемъ вина Воронцовскія и не можемъ не сказать, что безъ благотворной заботливости намѣстника-помѣщика, едва ли бы винодѣліе у татаръ привело къ чему-либо подобному настоящему положенію. Очаровательный южный берегъ Крыма,

составляющій самый восхитительный уголокъ въ южной Россіи, до Воронцова не имѣлъ дорогъ; предстояло въ 1825 году еще Императору совершать верхомъ переѣзды. А теперь удобныя пути сообщенія, относятъ къ преданіямъ, чуть несказочнымъ прошлое бездорожье.

Тонкорунное овцеводство тоже развитіемъ своимъ обязано почину Воронцова, заслуги котораго уже оцѣнилъ и Александръ I, передъ кончиною произведя достойнаго сановника въ полные генералы (29-го марта 1825 г.). Воронцовъ изъ устъ Благословеннаго слышалъ лестные отзывы о своемъ управленіи, и только разставшись съ Государемъ получилъ извѣстіе о его болѣзни, а затѣмъ, воротясь въ Одессу, опечаленъ вѣстью о кончинѣ Монарха. Преемникъ Его, въ первые же мѣсяцы своего правленія, выказалъ уваженіе къ административнымъ трудамъ Воронцова, мая 24-го 1826 г. назначивъ его членомъ Государственнаго Совѣта. Николаю I вслѣдъ за коронаціею оказалась надобность готовиться къ войнѣ съ турками. Но, прежде чѣмъ вступить въ борьбу, Государь хотѣлъ испытать надъ турецкимъ правительствомъ силу дипломатическихъ сношеній.

Рибопьеръ и графъ М. С. Воронцовъ, открыли съ турецкими уполномоченными переговоры въ Аккерманѣ и заключили конвенцію, дополняющую условія бухарестскаго трактата, недавая нарушать его постановленія.

За заключеніе конвенціи Воронцовъ награжденъ алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго. Заботясь о мирномъ преуспѣяніи страны, графъ Во-

ронцовъ, проводя дороги по сухому пути, завелъ въ 1828 году срочное пароходство по Черному морю, между Одессою и Крымомъ, употребивъ для того коммерческій пароходъ „Одесса". Изъ этаго развились, съ теченіемъ времени, срочныя отправленія вдоль всего сѣвернаго черноморскаго берега, по Азовскому морю, и непрерывныя сообщенія съ Константинополемъ. На Воронцова возложена была доставка моремъ провіанта войскамъ нашимъ, дѣйствовавшимъ въ 1828 и 29 гг. въ Турціи, а когда контузія въ обѣ ноги, лишила князя Меньшикова возможности продолжать осаду Варны, Государь поручилъ тоже графу Воронцову принять команду надъ корпусомъ нашимъ при Варнѣ. 16-го августа 1828 г. Воронцовъ отплылъ изъ Одессы къ Варнѣ, а 27-го августа прибылъ Государь.

Мѣры принятыя Воронцовымъ, не смотря на отчаянныя попытки турокъ вредить осаждающимъ, привели къ взрыву (2-го сентября) части контръ-эскорта приморскаго бастіона крѣпости. Отбивъ наши два штурма, турки 29-го сентября сдали Варну, не могши долѣе обороняться.

Государь наградилъ графа М. С. Воронцова 2-ою шпагою съ алмазами и съ подписью „За взятіе Варны", и утвердилъ вполнѣ представленіе о наградахъ подчиненнымъ. При этомъ Воронцовъ сказалъ: „что награду подчиненныхъ" онъ цѣнитъ выше всего на свѣтѣ, — ни съ чѣмъ не можетъ сравниться блаженство, ощущаемое предоставленіемъ радости другимъ. Находясь въ присутствіи Государя, Воронцовъ повергалъ лично Высочайшему благоусмотрѣнію раз-

личныя свои предположенія о благоустройствѣ края и сопровождалъ Государя на кораблѣ „Императрица Марія“ отъ Варны до Одессы. Во время 1½ суточнаго плаванія, путникамъ пришлось выдержать самую страшную бурю, такъ что корабль пришелъ въ Одессу съ поврежденными почти всѣми снастями.

Въ 1829 г. Воронцовъ, снабжая армію провіантомъ, не покидалъ Одессы, въ 1830 году испытавшей бѣдствіе отъ чумы. Дѣятельными мѣрами Воронцова, эпидемія была ослаблена, но дѣло не обошлось безъ сильныхъ потерь и народныхъ волненій. Въ Севастополѣ вспыхнулъ бунтъ и возмутившіеся убили военнаго губернатора Столыпина. Пришлось Воронцову, уже получившему отпускъ для отбытія заграницу — лечить дочь—спѣшить на мѣсто возмущенія и прекративъ волненіе, вести слѣдствіе и судъ.

Исполнивъ это, онъ поѣхалъ, но недоѣзжая Вѣны, узналъ о смерти дочери. Въ печали, скорбный отецъ провелъ зиму (1830 - 31) въ Вѣнѣ, а въ маѣ отправился въ Англію и тамъ прожилъ до смерти родителя своего. Тамъ же похороненъ и младшій сынъ гр. М. С. Воронцова.

Воротясь въ Одессу, Воронцовъ занялся устройствомъ Керчи и положилъ начало образованію матросовъ для купеческихъ судовъ, заведя въ городахъ Алешки и Никополѣ вольно-матросскіе цехи. Принимались въ нихъ на 10 лѣтъ и 5 лѣтъ службы, которую и отбывали въ Черноморскомъ флотѣ. Освобожденіе отъ повинностей было очень видимою льготою, привлекавшею молодыхъ людей въ цехи. Въ 1835 году на пустынной косѣ основанъ Воронцовымъ г. Бердянскъ,

а въ 1837 году начаты разрабатываться копи антрацита въ Грушевкѣ. Заботы о народномъ образованіи шли, между тѣмъ своимъ чередомъ и двадцать одинъ годъ въ благородныхъ заботахъ объ общей пользѣ пролетѣли не истощивъ ни силъ, ни энергіи умнаго правителя.

Собственноручнымъ письмомъ 17 ноября 1844 г. Императоръ Николай I, выразивъ графу М. С. Воронцеву свою волю, поручилъ ему управленіе Кавказомъ съ званіемъ намѣстника и неограниченнымъ полномочіемъ. Государь выражалъ надежду, что избранный имъ, не откажется принять возложенный на него санъ и прибавлялъ, что считалъ порученіе дѣломъ, могущимъ продлиться не менѣе трехъ лѣтъ и потому сохранялъ за нимъ главное завѣдываніе Новороссійскимъ краемъ, находя „совершенно возможнымъ“ представить графу намѣстнику „ежегодно проводить по нѣсколько мѣсяцевъ на отдохновеніи, въ Крыму“, въ помѣстьѣ, въ кругу семейства. Вѣрноподданный принялъ съ покорностью волю своего государя и, согласно заявленной въ отвѣтѣ его, необходимости личныхъ объясненій по дѣламъ, вызванъ въ столицу, новымъ письмомъ Монарха отъ 8 декабря. Воротился изъ столицы онъ черезъ Москву, считая нужнымъ видѣться тамъ съ А. П. Ермоловымъ и отъ него получить совѣты. Въ мартѣ 1845 г. пароходъ увезъ намѣстника изъ Одессы въ Крымъ, и въ Керчи издалъ замѣчательный приказъ къ войскамъ кавказскаго и 5 корпусовъ. Проѣхавъ вдоль всего восточнаго берега Чернаго моря, намѣстникъ высадился въ Редутъ-Кале и посѣтилъ въ

Зугдиди владѣтеля Мингреліи, черезъ Кутаисъ и Гори, прибылъ въ Тифлисъ въ день Благовѣщенія (25 марта 1845 г.), вечеромъ, при огняхъ иллюминаціи. Тотчасъ по прибытіи, Воронцовъ занялся гражданскими дѣлами и управя самое настоятельное, къ концу мая объявилъ походъ въ гнѣздилище безпокойствъ, гдѣ власть Шамиля, казалась незыблемою. Походъ начался 31 мая и въ теченіе іюня и іюля русскіе проникли туда, гдѣ до тѣхъ поръ не проходила нога наша — въ Чечнѣ. Изъ крѣпости Внѣзапной чеченскій отрядъ, имѣя во главѣ намѣстника, прошелъ въ Буртунай, при Гертме соединился съ дагестанскимъ отрядомъ (3 іюня) и, въ составѣ 21 батальона, 7 ротъ саперъ и стрѣлковъ, 16-ть сотень казачьихъ съ 1000 грузинской пѣшей милиціи, при 46 орудіяхъ двинулся въ Гумберъ, черезъ Мижкалъ и Кыркъ. Предъупреждая скопище враговъ, войска быстро захватывали завалы и сбивали горцевъ съ горъ. Общество Анди, заключенное въ ущельѣ, проходъ къ которому защищали завалы, послѣ жаркаго дѣла оставлено намъ. Оттуда Воронцовъ, не глядя на всевозможныя препятствія достигъ до Дурго — резиденціи Шамиля, и овладѣвъ ею, еще съ увеличившимися трудностями прошелъ назадъ, по путямъ и безъ обороны считаемымъ непроходимыми.

Этотъ двухмѣсячный походъ — цѣлая эпопея, гдѣ русское удальство беретъ верхъ надъ возбужденными въ высшей степени фанатиками, оспаривавшими у насъ каждый шагъ, былъ блистательнымъ прологомъ воронцовскаго управленія Кавказомъ. Мило-

стивый рескриптъ монарха, полученный намѣстникомъ въ Кисловодскѣ, былъ лестенъ для вождя и справедливъ. Въ немъ перечислялось все, совершенное избранникомъ, оправдавшимъ монаршее довѣріе. Выраженіемъ его закончилъ Государь и частное письмо къ Воронцову: „Благодарю васъ душевно за новые ваши подвиги. Я ожидалъ ихъ отъ васъ; вы ихъ исполнили"... Блистательно начавъ управленіе воинскими подвигами, Воронцовъ отправился въ Севастополь и тамъ увидѣлся съ Государемъ. Результатомъ совѣщаній былъ новый порядокъ администраціи края, раздѣленнаго на 6 губерній: Тифлисскую, Кутаисскую, Шемáхинскую, Дербентскую, Эриванскую, Ставропольскую, Джаробѣлоканскій округъ и управленіе на восточномъ берегу Чернаго моря. На банковыхъ началахъ образованъ закавказскій приказъ общественнаго призрѣнія. Учреждена экспедиція при главномъ управленіи края для завѣдыванія государственными имуществами. Изъ 2-хъ казенныхъ палатъ — за Кавказомъ составлена одна. Образована коммиссія для приведенія въ ясность дворянскихъ и княжескихъ фамилій въ Грузіи, дворянство тифлисское и кутаисское получило право выборовъ на должности; въ Тифлисѣ заведенъ коммерческій судъ, учреждены дирекціи училищъ, открыты училища; кавказскимъ уроженцамъ предоставлено право воспитываться въ учебныхъ заведеніяхъ имперіи; приняты мѣры къ образованію даже полудикихъ племенъ; заведены благотворительныя учрежденія, открыта въ Тифлисѣ публичная библіотека, заведена газета „Кавказъ", образованъ кавказскій

отдѣлъ Географическаго Общества и даны средства печатать произведенія грузинской литературы. Для яснаго и точнаго изображенія территоріи Кавказа, произведена тріангуляція и опредѣлены уровни, омывающихъ край морей. Составленіе топографическихъ картъ пошло объ руку съ межеваніемъ и приступлено къ военно-статистическому описанію губерній на Кавказѣ. Улучшеніе путей сообщенія, и особенно проложеніе дорогъ и просѣкъ въ дремучихъ горныхъ лѣсахъ, было одною изъ самыхъ характерныхъ чертъ управленія Воронцовымъ Кавказа, также какъ устройство мостовъ. Срочное пароходство по Каспійскому морю открыто въ 1846 же году, одновременно съ изслѣдованіемъ р. Кура, въ первый разъ при Воронцовѣ промѣреннаго. Украшеніе городовъ тоже не было оставлено безъ вниманія зоркимъ взглядомъ намѣстника; особенно Тифлисъ, при немъ принялъ приличный видъ. Наконецъ, возвысилось благосостояніе сельскаго сословія, начавшаго получать доходы отъ садоводства и шелководства, не забыта и горная часть, и открытъ каменный уголь.

Заботливый правитель, между тѣмъ, не имѣлъ ни однаго года спокойнаго отъ волненій, возбуждаемыхъ миридизмомъ, платившимъ за неудачи свои новыми, не болѣе успѣшными вторженіями.

Мстя за разгромъ Дарю, Шамиль въ 1846 г. отврген въ Кабарду, весною, но безъ успѣха. Чтобы удержать на будущее время нападенія со стороны Чечни, Воронцовъ 21-го іюля заложилъ Ачхоевское укрѣпленіе (въ Малой Чечнѣ, проведя

тамъ все лѣто). Въ 1847 году самъ намѣстникъ находился при отрядѣ Слѣпцова, отбивавшаго сборища Шамиля, направленныя на Сунженскія станицы и былъ при бомбардировкѣ Гиргеболя и взятіи Салты. Въ 1848 г. оставивъ укрѣпленіе Урусъ-Маршанское (3-го августа), а до того былъ при взятіи Гиргеболя. Въ 1850 году, съ 23-го мая по 11-е іюля Воронцовъ былъ на Самурѣ и заложилъ Лучекское укрѣпленіе, и осенью встрѣчалъ, нынѣ благополучно царствующаго, Государя Императора, посѣтившаго Кавказъ.

Признательный къ заслугамъ неутомимаго намѣстника своего, Императоръ Николай I возвелъ его въ 1852 г. въ княжеское достоинство, съ нисходящимъ потомствомъ и титуломъ свѣтлости, „въ изъявленіе особеннаго благоволенія и искреннѣйшей признательности за достохвальные труды, съ примѣрнымъ самоотверженіемъ на пользу престола и отечества подъемлемые“.

Годъ пожалованья въ князья Воронцова, былъ однимъ изъ самыхъ кровопролитныхъ на Кавказѣ и однимъ изъ самыхъ гибельныхъ полчищамъ Шамиля. Не будь вслѣдъ за этими успѣхами, войны у насъ съ турками, Кавказъ бы совершенно усмиренъ былъ въ это время. Но судьба рѣшила иначе, въ годъ разрыва съ Турціею, уложивъ въ постель и престарѣлаго, до того постоянно бодраго, князя Воронцова. Осенью 1853 года, силы его окончательно оставили, но изнемогая, онъ успѣлъ приготовить средство для отпора вторженія турокъ въ Закавказье, изъ Азіятской Турціи.

Ноября 18-го, князь Бебутовъ нанесъ туркамъ полное пораженіе при Башокадыкъ-Ларѣ, а 18-го декабря, генералъ Баклановъ—горцамъ, близъ аула Гордали-Юртъ. Это были послѣднія торжества за время управленія Воронцовымъ Кавказа. Чувствуя полный упадокъ силъ, князь просилъ увольненія, и 4-го Марта 1854 г. оставилъ край имъ управляемый навсегда, а не на время, какъ предполагали. Пользованіе минеральными водами въ Германіи и морскія купанья въ Схефенингенѣ, лѣтомъ нѣсколько поправили силы престарѣлаго вождя, но осень вызвала новую потерю силъ и заставила угасающаго старца просить полнаго увольненія. Неохотно далъ его Николай I (19-го октября 1854 г.). Кончина Николая I была неожиданнымъ ударомъ для преданнаго слуги, потеря сестры — графини Пемброкъ, усилила его горесть, но, онъ перенесъ эти потрясенія и казалось, сталъ поправляться. Въ августѣ 1855 г. пріѣхалъ въ Петербургъ; на весну 1856 г., уѣхалъ въ Германію и пользовался карлсбадскими водами, но на коронацію пріѣхалъ въ Москву. Участвовать въ торжествѣ помѣшала ему однако, лихорадка и, непрерываясь почти затѣмъ, 6-го ноября 1856 г. прекратила жизнь заслуженнаго дѣятеля, всѣ дни котораго, съ юныхъ лѣтъ посвящены были добру. Предреченіе отца исполнилъ достойный сынъ вполнѣ и бронзовый образъ вождя администратора, будетъ говорить отдаленному потомству о немъ и его подвигахъ.

М. Сперанскій.

[illegible]ъ

СПЕРАНСКІЙ

[illegible] инѣ, Влади- [illegible] Василье- [illegible] мъ. Свя- [illegible] теченіе чуть [illegible] но пред- [illegible] яла также [illegible] на добрую [illegible] сельчанъ [illegible] церкви, [illegible] грехъ въ бога- [illegible]. Способности сына Михаила Черкутин- [illegible] лась ему [illegible] попалъ въ [illegible] вездѣ, по [illegible] ая и отъ [illegible] по ихъ [illegible] ому вре- [illegible] когда Михаилу [illegible] ло окон- чить курсъ во Владимірской семинаріи, явилось требованіе отъ новгородскаго митрополита Гавріила, выслать въ С.-Петербургъ, въ Александровскую лавру, лучшихъ воспитанниковъ семинарій, для образованія „Главной семинаріи“ — готовившейся въ сто-

М. Сперанскій.

V.

ГРАФЪ МИХАИЛЪ МИХАИЛОВИЧЪ СПЕРАНСКІЙ.

(1772—1839.)

Января 1-го 1772 г. въ селѣ Черкутинѣ, Владимірской губерніи, у священника Михаила Васильевича родился сынъ, нареченный Михаиломъ. Священство при Черкутинской церкви, въ теченіе чуть не двухъ столѣтій, сохранялось преемственно предками отца Михаила и сыну его предстояла таже участь: поучать на добрую жизнь часть сельчанъ прихода своей церкви, одной изъ трехъ въ богатомъ селѣ. Способности сына Михаила Черкутинэкаго были необыкновенные и грамота далась ему въ раннемъ возрастѣ. Семи лѣтъ онъ попалъ въ училище, а затѣмъ въ семинарію и былъ вездѣ, по классамъ первымъ, все зная, все усматривая и отъ товарищей получивъ прозваніе *завсегдаша* по ихъ представленію себѣ — „Спасовы очи". Къ тому времени когда Михаилу Михаиловичу предстояло окончить курсъ во Владимірской семинаріи, явилось требованіе отъ новгородскаго митрополита Гавріила, выслать въ С.-Петербургъ, въ Александровскую лавру, лучшихъ воспитанниковъ семинарій, для образованія „Главной семинаріи" — готовившейся въ сто-

лицѣ духовной Академіи. Какъ лучшаго ученика, Михаила Черкутинскаго прозваннаго въ семинаріи „Сперанскимъ“, т. е. внушающимъ большія надежды, по своимъ способностямъ, послали первымъ въ Петербургъ, изъ Владиміра. И въ Петербургѣ онъ опередилъ скоро всѣхъ сверстниковъ, по лѣтамъ оказываясь моложе другихъ. Въ 20 лѣтъ отъ роду, Михаилъ Сперанскій, произнося проповѣди, былъ настолько уже замѣтенъ по таланту и знаніямъ, что митрополитъ Гавріилъ испросилъ разрѣшенія св. Синода (9-го января 1792) не отсылать его во Владиміръ за окончаніемъ курса, а оставить здѣсь наставникомъ словесности. При этомъ сдѣлано было молодому наставнику предложеніе вступить въ монашество, но онъ рѣшительно отказался и, что многихъ удивило, митрополитъ на этомъ не настаивалъ, а въ 1795 году (8-го апрѣля) назначивъ Сперанскаго, бѣльца, префектомъ главной семинаріи. Повышенный такъ быстро, между тѣмъ, не думалъ продолжать училищной карьеры, выказавъ на составленіи курса реторики („правило высшаго краснорѣчія“) и тактъ, и знанія, и легкость облеченія въ форму самыхъ трудныхъ для передачи словами идей и положеній. Благодаря одной изъ случайностей, устраиваемыхъ судьбою для возвышенія избранниковъ, Сперанскому открылась служебная карьера, не многимъ доступная. Онъ сдѣлался извѣстнымъ и даже сталъ домашнимъ человѣкомъ въ домѣ князя Алексѣя Борисовича Куракина. Есть два, несхожія одно съ другимъ, извѣстія о томъ, какъ попалъ Сперанскій къ Куракину. По одному, нѣкто чинов-

никъ Ивановъ, землякъ Сперанскаго, изъ семинаристовъ же, по предложенію князя: отыскать человѣка молодаго, легко пишущаго, для порученія ему должности секретаря, — указалъ на своего знакомца князю и привелъ его, въ назначенное время. По другому указанію (приводимому покойнымъ Падинымъ) и тоже очень вѣроятному, рекомендовалъ Сперанскаго Столыпинъ. Разсказъ этотъ шелъ отъ сына того лица, очень дружнаго со Сперанскимъ. Пензенскій помѣщикъ, Алексѣй Емельяновичъ Столыпинъ оказалъ кн. А. Б. Куракину услугу, — выведя его изъ бѣды по взятому отъ казны подряду, выставки вина со своего завода — и черезъ это сдѣлался знакомъ и друженъ съ княземъ, даже очень близокъ къ нему. Привезя въ Петербургъ сына, для помѣщенія по совѣту князя, въ гражданскую службу, Столыпинъ былъ въ необходимости подготовить по наукамъ взрослаго юношу, дома недостаточно наученнаго и взялъ для этой цѣли, изъ семинаріи Петербургской, Сперанскаго. Быстрое выполненіе имъ порученіе Столыпина было поводомъ рекомендаціи молодаго наставника князю Куракину, искавшему учителя словесности для сына. И въ это время послѣдовало настояніе начальства духовнаго о монашествѣ. Сперанскій, князю Куракину полюбился и, по его ходатайству, вѣроятно, перестали принуждать къ постриженію ловкаго учителя, у князя Куракина выказавшаго умѣнье справляться съ письменною корреспонденціею вельможи, довольствуясь его разсѣяннымъ заявленіемъ, что нужно изложить въ письмѣ. Зная легкость писанья Сперанскаго, о

чемъ угодно, анекдотъ о написаніи пробныхъ одиннадцати писемъ, при первомъ знакомствѣ, пожалуй, непредставляетъ ничего невѣроятнаго, но подставка фамилія чиновника Иванова у Куракина, могшаго рекомендовать Сперанскаго князю, представляется намъ не совсѣмъ вѣроятною, по неимѣнію такого лица въ штатѣ служащихъ, видныхъ сколько-нибудь. Такъ что, рекомендація Столыпина намъ кажется ближе къ дѣлу. Оно впрочемъ не такъ важно, въ сущности, чтобы доискиваться до мелочей тамъ, гдѣ фактъ несомнѣненъ—принятіе къ себѣ Куракинымъ Сперанскаго, скоро въ мнѣніи князя, разумѣется, поднявшагося, благодаря своимъ способностямъ и легкому усвоенію всякаго дѣла. А дѣлъ было не мало и по экспедиціи свидѣтельства счетовъ — государственному контролю въ зародышѣ — которымъ управлялъ кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ при Екатеринѣ II. Съ воцареніемъ Павла I, Куракинъ съ братомъ, люди преданные издавна новому императору, поднялись вдругъ высоко. Кн. Алексѣй Борисовичъ 4-го декабря 1796 г. назначенъ генералъ-прокуроромъ, на мѣсто графа Самойлова и секретарь его, Сперанскій, — быстро усвоившій въ домѣ князя французскій языкъ (пользуясь уроками гувернера Брикнера), — могъ вдругъ тоже шагнуть „не въ примѣръ прочимъ“, какъ тогда выражались. Нужно было бросить семинарскую префектуру, уже формально просьба объ увольненіи митрополиту подана въ декабрѣ же 1896 г., а 2 января 1797 г., Сперанскій, произведенный въ титулярные совѣтники, зачисленъ въ штатъ генералъ-

прокурора, съ окладомъ 750 р. въ годъ — по тому времени не малымъ. Черезъ три мѣсяца, Сперанскій получилъ еще чинъ, черезъ полгода — другой, въ началѣ 1798 г. — третій, коллежскаго совѣтника и вскорѣ затѣмъ—статскаго совѣтника,—четыре чина въ полтора года. Августа 8-го 1798 г. Куракина, назначенного сенаторомъ — въ знакъ не милости, — замѣнили на должность генералъ-прокурора, Петръ Васильевичъ Лопухинъ. Сперанскій, получившій уже мѣсто экспедитора, при удаленіи покровителя, думалъ оставить службу, но, тотъ воспротивился. Оставшись же, талантливый экспедиторъ, 26-ти лѣтъ отъ роду, не только не оказался — въ качествѣ любимца предшественника, гонимымъ новымъ начальникомъ, но отличеннымъ имъ скоро, по талантливости. Не боясь за свою будущность, 3-го ноября 1798 года Сперанскій женился на англичанкѣ, нечаянно увидѣвъ ее и влюбившись съ такимъ пыломъ, что кончина жены, въ концѣ 1799 г., оставивъ вдовымъ, красиваго собою молодаго человѣка, всего въ 27 лѣтъ отъ роду, не возбудила въ немъ уже желанія вступить въ новый бракъ. Скандальная хроника относитъ впрочемъ, къ этому времени, связь поднимавшагося Сперанскаго, съ одною, высокопоставленною дамою большаго свѣта, не объясняя чѣмъ она кончилась.

Опровергать подобное извѣстіе нѣтъ, разумѣется, возможности, хотя всѣ относили безбрачіе Сперанскаго къ любви женѣ и дочери ею оставленной, и дѣйствительно, составляющей во всю жизнь отца, предметъ горячей заботливости его. Служба

шла своимъ чередомъ. Лопухина скоро смѣнилъ Беклешовъ, въ свою очередь въ 1800 г. осенью, замѣненный П. Хр. Обольяниновымъ, суровымъ, но умнымъ, оцѣнявшимъ способности въ другихъ безъошибочно. Сперанскій, по должности правителя „канцеляріи генералъ прокурора по снабженію столицы продовольствіемъ“, еще при Беклешовѣ на него возложенной, долженъ былъ сдѣлаться извѣстнымъ цесаревичу Александру Павловичу, при родителѣ занимавшему должность С.-Петербургскаго военнаго губернатора. Будущій императоръ Александръ I, при Павлѣ I, въ числѣ искреннихъ друзей имѣлъ уже племянника канцлера Безбородко, Виктора Павловича Кочубея, по смерти дяди, лѣтомъ 1799 года вышедшаго въ отставку. Вѣроятно при управленіи Кочубея, Сперанскій, ему сдѣлавшійся извѣстнымъ, уже завѣдывалъ перепискою по экспедиціи ордена св. Андрея Первозваннаго. По крайней мѣрѣ, безъ знакомства съ этою частью, покажется страннымъ назначеніе при Беклешовѣ, правителя его одной спеціальной канцеляріи (по снабженію продовольствіемъ столицы), Сперанскаго, съ прибавочнымъ жалованьемъ по 2,000 р. въ годъ, секретаремъ Андреевскаго ордена. Беклешовъ назначенъ 7-го іюля 1799 г. генералъ-прокуроромъ и это совпадаетъ, какъ разъ съ отставкою Кочубея. Обольяниновъ, преемникъ Беклешова, уже испросилъ особое жалованье (по 1,500 руб. въ годъ), Сперанскому по должности секретаря орденъ св. Андрея и 31-го декабря 1800 года 2,000 десятинъ земли въ Саратовской губер-

нiи, да орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго. Замѣтимъ, что съ вечерняго засѣданія Сената, въ октябрѣ 1799 года (въ Гатчинѣ), Наслѣдникъ престола сталъ присутствовать во всѣхъ засѣданiяхъ Сената, *занимая первое мѣсто*, послѣ Государя,—послѣ того неприсутствовавшаго. Что вечернее засѣданiе созвано было: разсмотрѣть проектъ объ учрежденiи запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, тѣсно связанный съ положенiемъ о городскихъ с.-петербургскихъ хлѣбныхъ амбарахъ, высочайше утвержденныхъ 12-го ноября 1799 г. По предмету, эти законоположенiя несомнѣнно прошли черезъ руки Сперанскаго, если не имъ вполнѣ написаны. Трудно не видѣть на этомъ подтвержденiя о знаемости Сперанскаго уже въ это время, Наслѣдникомъ престола. Неудивительно, что съ воцаренiемъ Александра I (12-го марта 1801 г.), о Сперанскомъ вспомнилъ онъ черезъ недѣлю. Марта 19-го Сперанскому, пожалованному въ статсъ-секретари, повелѣно состоять при Трощинскомъ, съ жалованьемъ по 2,000 р. въ годъ и обращенiемъ въ пенсiонъ, получавшихся до того окладовъ, черезъ двѣ недѣли послѣ этого (30-го марта) учрежденъ при дворѣ постоянный совѣтъ „для разсматриванiя важныхъ государственныхъ дѣлъ"; при немъ образована канцелярiя въ завѣдыванiи Трощинскаго и Сперанскiй опредѣленъ начальникомъ 3-й ея экспедицiи „дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ". Іюля 9-го 1801 г. онъ произведенъ въ дѣйствительные статскiе совѣтники.

Александръ I вызвалъ изъ за-границы Виктора Павловича Кочубея (23-го iюля 1801 года), назна-

-чивъ его, въ званіе сенатора, состоять при особѣ своей. И это не могло быть невыгоднымъ для большаго возвышенія Сперанскаго, 9-го іюля 1801 года произведеннаго въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Чинъ этотъ заслужилъ будущій статсъ-секретарь трудами по завѣдыванію 3-ею экспедиціею канцеляріи совѣта „важныхъ государственныхъ дѣлъ", ввѣренной Д. Пр. Трощинскому. Онъ цѣнилъ административныя стилистическія способности Сперанскаго, въ экспедиціи котораго сосредоточены были духовныя и гражданскія дѣла, быстро подготовлявшіяся къ слушанію совѣта, съ освѣщеніемъ и распутаніемъ всякихъ темныхъ, затруднительныхъ вопросовъ, не одними справками, но всестороннимъ обслѣдованіемъ: Богатыя способности помогали быстро пріобрѣтать Сперанскому усвоеніе сущности дѣла, какъ бы не было оно запутано и усложнено. Эти драгоцѣнныя качества въ чиновникѣ не могли бы нигдѣ остаться незамѣченными, а тѣмъ болѣе у насъ, съ воцареніемъ Александра I, стремившагося улучшить и обновить во всѣхъ частяхъ систему государственной администраціи. Судьба готовила для предстоящихъ трудовъ Сперанскаго и онъ оказалъ дѣлу пересозданія существенныя услуги, трудомъ и умѣньемъ завоевалъ себѣ доступъ къ средоточенію движенія административной машины. Черезъ полтора года по водвореніи Александра I, уже явилось учрежденіе министерствъ (8-го сентября 1802 года). Кочубей получилъ въ завѣдываніе министерства внутреннихъ дѣлъ и привлекъ туда Сперанскаго, ввѣривъ ему управленіе второю экспеди-

ціею (департамента внутреннихъ дѣлъ) государственнаго благоустройства. Всѣ проекты, впрочемъ, по министерству писались Сперанскимъ и изъ-подъ пера его являлись одни за другими положенія, въ формѣ докладовъ: о классѣ свободныхъ земледѣльцевъ (предоставлены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ разсмотрѣнія условій между помѣщиками и крестьянами 21-го февраля 1803 года); о средствахъ исправленія казенныхъ зданій (февраля 24-го); о вспоможеніи крестьянамъ по неурожаю (10-го марта); о формѣ сношеній правленія колонистовъ съ губернскимъ правленіемъ (16-го марта); о генеральномъ межеваніи Маллоросіи (10-го апрѣля въ тотъ же день); о вспоможеніи переселяющимся менонитамъ; о распространеніи новороссійской казенной фабрики (21-го апрѣля); объ опредѣленіи врачей къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ (24-го апрѣля); объ учрежденіи въ Петербургѣ комитета лифляндскихъ дѣлъ (мая 11-го); о назначеніи непремѣнныхъ работниковъ въ замѣнъ крестьянъ, приписанныхъ къ котронскимъ заводамъ (іюня 23-го); о соляномъ производствѣ въ Иркутской губерніи (іюня 26-го, іюля 30-го); объ удержаніи фабрикантовъ отъ притѣсненія фабричныхъ и отпускѣ денегъ для водворенія переселенцевъ въ Новороссійскомъ краѣ. Наиболѣе важными мѣропріятіями были, послѣ свободныхъ хлѣбопашцевъ, распространеніе тонкорунныго овцеводства, пособія почтовымъ сборамъ государственнаго казначейства, вольный промыселъ солью, новое устройство медицинской части и возвышеніе одесской торговли. Министерство внутреннихъ дѣлъ

предприняло изданіе „С.-Петербургскаго журнала", въ которомъ Сперанскій самъ писалъ статьи ученаго содержанія, изящнымъ языкомъ. Онъ ввелъ его и въ дѣловую переписку, въ замѣнъ безобразнаго нанизыванья безсвязныхъ фразъ съ умышленною цѣлью затруднить пониманье крючковъ подьяческихъ.

Это нововведеніе, ненравившееся дѣльцамъ, для которыхъ закрывался одинъ изъ источниковъ прибытка, разумѣется, породило въ терявшихъ враждебность къ нововводителю. Они стали распространять на его счетъ безсмысленныя клеветы, но ядъ ихъ недостигалъ до поднявшагося слишкомъ быстро и высоко, Сперанскаго. Оказываясь главнымъ дѣльцомъ у Качубея, въ болѣзнь его (1806 г.), Сперанскій сталъ являться съ докладами къ Государю и на столько понравился Его Величеству отчетливымъ исполненіемъ повелѣній и порученій, что Александръ I уволивъ дѣльца-статсъ-секретаря изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, взялъ его съ собою въ 1807 году въ Витебскъ, и въ 1808 г. въ Финляндію и Эрфуртъ. Тамъ происходило свиданіе Александра I съ Наполеономъ I. Сперанскій понравился властителю Франціи и полу-Европы и самъ приведенъ былъ въ восторгъ Наполеономъ, геніальная натур-котораго, какъ извѣстно, производила обояніе на того, кого думалъ или желалъ обласкать „сынъ судебъ." Съ Эрфуртскаго свиданія, Сперанскій сдѣлался очень близокъ Александру I, назначенъ имъ присутствующимъ въ Совѣтѣ Коммиссіи Законовъ и вскорѣ сдѣлался главнымъ двигателемъ въ ней дѣ-

ла, въ рукахъ Розенкампфа чуть не останавливающихся. Въ 1809 г. сдѣлавшись товарищемъ Министра Юстиціи, Сперанскій сосредоточивалъ въ рукахъ своихъ всю распорядительную часть Коммиссіи составленія законовъ и въ 1810 году, при подчиненіи ея учрежденному тогда Государственному Совѣту, сталъ единственнымъ хозяиномъ ея съ именемъ директора. Работа закипѣла тогда у геніяльнаго стилиста-законодателя и черновая подготовка Розенкампфа совсѣмъ исчезала подъ редакціею директора, перевода на русскій. Баронъ Корфъ говоритъ, что „Сперанскій, наканунѣ внесенія въ Государственный Совѣтъ, прочитывая работу, перечеркивая большую часть ея, исправленное имъ Вронченко (старшій письмоводитель), приводилъ въ порядокъ, а четыре писца переписывали и, къ началу засѣданія поспѣвало нѣсколько стройныхъ главъ“. Такъ составлено было все гражданское Уложеніе, двѣ части котораго одобрены и 3-я разсматривалась Государственнымъ Совѣтомъ въ 1812 г.

Если этотъ скороспѣлый трудъ былъ не безъупреченъ по части ненадобныхъ заимствованій изъ кодекса Наполеона I, то и планъ лучшаго устройства финансовъ, какъ и Уложеніе неосуществленный, страдалъ отъ ошибокъ при дурномъ выполненіи теоріи правильнаго государственнаго хозяйства, въ основѣ неошибочной. Главныя положенія плана, улучшенія финансовъ заключались: въ пресеченіи выпуска ассигнацій, сокращеніи государственныхъ расходовъ, установленіи лучшаго контроля надъ издержками и прибавки налоговъ для выполненія чрез-

вычайныхъ затратъ на веденіе войнъ. На 1810 годъ расходы сокращены на 20 милльоновъ, экономическія суммы разныхъ вѣдомствъ объявлены принадлежащими Государственному Казначейству. Для возстановленія кредита, образованъ капиталъ для выкупа ассигнацій и учреждена Государственная Коммиссія погашенія долговъ. Капиталъ погашенія предполагали составить отъ продажи государственныхъ имуществъ, въ теченіе 5-ти лѣтъ и надобность потребовала открытія внутренняго срочнаго займа свыше 100 милліоновъ. Единицею цѣнности оставленъ серебряный рубль. Всѣ эти мѣры могли быть полезны и если они неудались, то отъ злоупотребленій лицъ призванныхъ для выполненія положеннаго. Первая часть займа пошла хорошо, и продажа казенныхъ имуществъ въ первый годъ (на $^1/_5$ итога) состоялась, а дальше тормозили дѣло мѣстныя коммиссіи формальностями умышленно придумываемыми для вымогательства отъ покупщиковъ. За всѣмъ тѣмъ оборотъ 1810 г. составилъ передержку сверхъ бюджета въ 56 милліоновъ, совсѣмъ непредвидимую при опредѣленіи нормы расходовъ, по политическимъ обстоятельствамъ. Между тѣмъ, невиннаго въ возникшихъ черезъ то затрудненіяхъ, винили Сперанскаго и враги его умышленно старались раздуть мнимую вину до преступленія противъ государства. Языкъ клеветы видѣлъ въ планѣ финансовъ завѣдомое обѣднѣніе Россіи, съ цѣлью предать ее Наполеону. Клеветы росли съ возвышеніемъ Сперанскаго и усиленіемъ къ нему довѣренности монарха. Горячіе патріоты, не понимая стрем-

леній законодателя, дали себя увлечь представленіями общаго вреда отъ перемѣнъ, душой которыхъ былъ Сперанскій. Самыми важными законоположеніями, усилившими ряды ненавистниковъ талантливаго статсъ-секретаря-реформатора, были указы о экзаменѣ на чинъ 8-го класса и о придворныхъ званіяхъ. Послѣдній изъ этихъ указовъ лишалъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ привиллегіи получать чины 4-го и 5-го класса прямо по этимъ званіямъ, безъ заслугъ и, слѣдовательно, направленъ былъ для остановленія излишняго накопленія чиновныхъ лицъ, неспособныхъ къ дѣлу, но имѣвшихъ право по чину своему занять довольно значительныя должности. Вся клика обиженныхъ запретомъ пользоваться легкимъ возвышеніемъ, пристала къ безчисленнымъ почти массамъ низшаго чиновничества, безъ экзамена лишеннаго возможности подняться выше титулярнаго совѣтника. Если эти трутни производили волненіе не замѣтное на высотѣ, за то родовитые камергеры и камеръ-юнкеры вліяли на вооруженіе противъ Сперанскаго, — поповича-выскочки, — въ средѣ высшаго круга. Честолюбцы пользовались этимъ вооруженіемъ высшаго класса для окончательной побѣды надъ соперникомъ, казалось стоявшимъ твердо и гордообращавшимся съ равными себѣ. Сношенія съ Феофилактомъ рязанскимъ и Лопухинымъ, да и самыя письма къ нимъ Сперанскаго неоставляютъ сомнѣнія въ его наклонности къ религіозному мистицизму, представителемъ котораго съ крайнимъ направленіемъ является князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, сверстникъ по

воспитанію и близкій человѣкъ императора Александра I съ 1803 г. оберъ-прокуроръ св. Синода. Мистическія бесѣды несомнѣнно происходили и у Сперанскаго съ Александромъ I, въ послѣднее время даже, передъ его удаленіемъ.

Первымъ шагомъ къ нему, провожавшимъ путь къ болѣе дерзкимъ нападеніямъ на любимца царя, его „правую руку“ въ вопросѣ о реформахъ, была записка, охуждавшая перемѣны въ законодательствѣ и системѣ администраціи еще въ 1810 г. Записку эту приписывали тогда Армфельду, но графъ Корфъ съ большею основательностью относитъ ее къ трудамъ Розенкампфа, считавшаго себя оскорбленнымъ вмѣшательствомъ Сперанскаго въ свой трудъ. Графъ Растопчинъ руководилъ Карамзинымъ и ввелъ исторію графа въ кружокъ великой княгини Екатерины Павловны. Запискою „о старой и новой Россіи“ осуждалась легкомысленность перемѣнъ чуждыхъ строю нашей исторической жизни. Неудовольствіе Александра I по передачѣ ему записки понятно; нападеніе на статсъ-секретаря, облекавшаго въ форму идеи монарха, было въ самомъ дѣлѣ осужденіе его задушевныхъ стремленій. Поэтому одному можно скорѣе придти къ заключенію о безвредности нападенія для Сперанскаго этимъ путемъ. Грубѣе нападало письмо приписывавшееся самому Растопчину. Въ этомъ письмѣ Сперанскій выставлялся главою заговора въ интересахъ Наполеона. Обвиненіе основано на предположеніи: будто бы Сперанскій совѣтовалъ государю усилить польскую армію, для того, чтобы оставить безъ защиты Петербургъ и

Финляндію. Доносъ рекомендовалъ Балашова избрать орудіемъ царской воли для удаленія Сперанскаго, которому дѣйствительно министръ полиціи приготовилъ западню, рискуя самъ подвергнуться опалѣ. Покрайней мѣрѣ такъ высказывалъ въ ссылѣ Сперанскій, выразившись въ Нижнемъ у Архіерея: „что еслибы Болашовъ не ускорилъ двумя часами, то былъ бы на мѣстѣ“ его; ловушка подставленная Сперанскому, заключалась въ предложеніи: „учредить изъ трехъ лицъ Сперанскаго, Болашова и Арнфельдта помимо монарха, безгласный тайный комитетъ, который бы управлялъ вмѣстѣ дѣлами употребляя государственный совѣтъ, сенатъ и министерство единственно въ видѣ своихъ орудій“. Сперанскій отвергъ предложеніе, но не донесъ государю, а предлагатели донесли, объясняя умолчаніе недостаткомъ преданности статсъ-секретаря и его хитростью отверженіе словесное, когда умъ еще расчитывалъ и ожидалъ новыхъ предложеній съ признаніемъ первенства между олигархами. Повѣрилъ ли вполнѣ Александръ I совѣту этому, вѣдаетъ одинъ Сердцевѣдецъ, но, внѣзапно, вечеромъ 17 марта 1812 г. Сперанскій потребованъ во дворецъ въ 8 часовъ. Въ секретарской комнатѣ дожидались дежурный генералъ-адъютантъ и два министра. Сперанскій, — съ открытіемъ государственнаго совѣта, государственный секретарь,—позванъ прежде ихъ на аудіенцію, полную таинственныхъ разоблаченій. Цѣлые два часа продолжалась эта аудіенція, по окончаніи которой, Сперанскій вышелъ отъ государя, чуть живой, растерянный, убитый. Когда сбиралъ онъ

бумаги въ секретарской, государь тихо изъ дверей промолвилъ: — Прощайте Михаилъ Михайловичъ!

Изъ дворца проѣхалъ Сперанскій на квартиру М. Я. Магницкаго, свое гопомощника, тоже сосланнаго, но его не нашелъ уже дома. Пріѣхавъ же къ себѣ въ домъ, послѣдній съ лѣвой стороны въ Сергіевской улицѣ, крайній къ Таврическому саду, нашелъ у себя А. Д. Балашова, министра полиціи, объявившаго ему указъ о немедленномъ выѣздѣ съ ожидавшимъ уже приставомъ Петербургской полиціи. Убитый нравственно, Сперанскій не имѣлъ духа разбудить дочь для прощанья и въ полночь уже оставилъ Петербургъ, на дорогу даже взявъ мѣховую шапку у своего человѣка. Удаляясь отъ столицы онъ неожидалъ, что не увидитъ ее девять лѣтъ, а думалъ скоро воротиться и въ первое время часто писалъ къ Государю. Не получая отвѣтовъ, только сталъ онъ понимать, что прежнія отношенія едвали возстановятся; но, возвращенія своего въ столицу ожидалъ вскорѣ, основываясь на словахъ Монарха, при послѣдней аудіенціи. Вмѣсто возврата, ожидали изгнанника новыя бѣды, какъ увидимъ, по милости враждебниковъ, Александръ I, какъ можно заключить по словамъ его, въ первое время чувствовалъ тягость утраты близкаго человѣка. Марта 18-го, на другой день высылки Сперанскаго, Императоръ высказался такъ въ разговорѣ съ княземъ Голицынымъ—„еслибъ у тебя отсѣкли руку, ты вѣрно кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно: у меня въ прошлую ночь *отняли* Сперанскаго, а онъ былъ моею правой рукой!“

Въ Нижнемъ Новгородѣ, на завтракѣ у преосвященнаго, Сперанскій замѣтилъ вскользь, что Наполеонъ выказывалъ въ покоряемыхъ странахъ внимательность къ духовенству. Слова эти истолкованы въ посланномъ доносѣ намѣреніемъ сдѣлать духовенство покорнымъ орудіемъ плановъ Бонапарта, которому уже по петербургскому обвиненію, оказывался предавшимся Сперанскій финансовыми реформами, будто бы ведшій Россію къ безсилію, что доставитъ завоевателю легкую побѣду. Лишняя искра,—какою представляется нижегородскій доносъ, конечно произвела пожаръ, обрушивъ на голову изгнанника цѣлый потокъ незаслуженныхъ ничѣмъ оскорбленій со стороны предъубѣжденнаго народа. Съ удаленіемъ изъ Нижняго въ Пермь и общимъ устраненіемъ отъ ссылочнаго, какъ отъ измѣнника, тягость выпавшей доли сломила и уничтожила остатокъ надежды на лучшее въ статсъ-секретарѣ законодателѣ. Изгнанникъ нашелъ силу перенести этотъ ударъ въ одной религіи, занявшись переводомъ книги Ѳомы Кемпійскаго „о подражаніи Христу“. Примѣняясь всею душею къ источнику благъ, самыя бѣдствія посылающему для нашего нравственнаго возвышенія, бывшій министръ поднялся духомъ выше, чѣмъ были во дни счастія.

Спокойствіе, котораго прежде онъ не имѣлъ совсѣмъ, мучась нравственно отъ сознанія потери значенія и растройства финансоваго, мало по малу стало водворяться въ душѣ Сперанскаго; вмѣстѣ съ тѣмъ улучшили его положеніе матеріально. Успокоиваясь, изгнанникъ глубже сталъ погружаться въ мисти-

цизмъ и такое настроеніе ума перешло въ письма его. Одно изъ нихъ посланное къ государю-миротворцу Европы, тронуло на столько монарха, что скромное желаніе Сперанскаго: поселиться въ своей Новгородской деревнѣ,—признано возможнымъ; ему позволено тамъ поселиться. То правда, что и этому письму, улучшившему участь изгнанника, едва ли не предшествовала смиренное моленіе у Аракчеева, для котораго сосланный уже не былъ страшенъ. Два года успѣли охладить совсѣмъ прежнія чувства къ нему Александра I. Поселясь въ своемъ Великолѣпьѣ (въ 9-ти верстахъ отъ Новгорода), на основаніи разрѣшенія, даннаго 16-го сентября 1814 года, въ сосѣдствѣ съ Аракчеескимъ Грузинымъ, Сперанскій старается любезными письмами расположить къ себѣ врага, несомнѣнно принимавшаго участіе и въ назначеніи послѣ Перми тяжелаго бездѣйствія уму, искавшему дѣятельности. Прошло еще два года, посвященные окончательному образованію любезной дочери (Елизаветы Михайловны, родившейся 5-го сентября 1799 года и черезъ 2 мѣсяца оставшейся безъ матери), до назначенія бывшаго министра въ губернаторы въ Пензу (1-го октября 1816 года). Въ указѣ о назначеніи туда сказано, что дается имъ изгнаннику „способъ усердною службою очистить себя въ полной мѣрѣ“. Эта фраза была отвѣтомъ Сперанскому на просьбу: явиться въ Петербургъ, отнимая у него возможность настаивать на ней. Онъ, стало быть, недавалъ еще покоя временщику, живя недалеко отъ столицы. То правда, что ходатайства прибыть въ Петербургъ, Сперан-

скій сталъ теперь возобновлять при всякомъ удобномъ случаѣ, и блистательное управленіе его запущенною губерніею — чего добраго, назначеннаго тоже, скорѣе всего съ враждебною цѣлью: запутать въ новыя интриги—давало часто возможность представлять о необходимости личнаго доклада дѣлъ монарху. Ходатайства эти возбуждалъ онъ въ 1818 году, и такъ какъ трудно было подыскать предлогъ для отказа на этотъ разъ, Аракчееву подали мысль: предложить Сперанскаго для обслѣдованія дѣлъ въ Сибири, при возбужденныхъ жалобами подозрѣніяхъ, насчетъ управленія генералъ-губернатора Пестеля, тоже поддерживаемаго временьщикомъ. Это и было поводомъ назначенія Сперанскаго генералъ-губернаторомъ Сибири, рескриптомъ 22-го марта 1819 года, при которомъ въ особомъ письмѣ императора заявлена невозможность дозволить прибыть въ Петербургъ, какъ просилъ Сперанскій, „по домашнимъ дѣламъ". Я надѣюсь, писалъ теперь императоръ, что вы сами почувствуете невозможность мнѣ нынѣ удовлетворить желанію вашему. Присутствіе начальника въ Сибири дѣлается день ото-дня необходимѣе не говоря уже о чрезмѣрномъ прибавленіи къ пути вашему поѣздкою въ Петербургъ". Порученіе ѣхать въ Сибирь, въ рескриптѣ изложено, какъ неотложная мѣра, отъ которой ожидалось больше пользы, чѣмъ отъ ревизіи сенаторами.

„Имѣвъ уже неоднократный опытъ сколь мало подобныя ревизіи достигаютъ своей цѣли, кольми паче нельзя ожидать лучшаго успѣха въ столь отдаленномъ и обширномъ краѣ, посему понялъ я

полезнѣйшимъ, облеча васъ въ званіе генералъ-губернатора, препоручить вамъ сдѣлать осмотръ Сибирскихъ губерній, не существовавшаго до сего времени въ оныхъ управленія", въ видѣ начальника, и со всѣми правами и властію, присвоенными званію генералъ-губернатора.

„*Исправя* сею властію *все* то, *что будетъ въ возможности*, облича лица, предающіяся злоупотребленіямъ, предавъ кого нужно законному сужденію, важнѣйшее занятіе ваше должно быть: *сообразить на мѣстѣ полезнѣйшее устройство и управленіе сего отдаленнаго края и сдѣлавъ оному начертаніе* на бумагѣ, по окончаніи занятій вашихъ, *самимъ лично привезти оное ко мнѣ въ Петербургъ*, дабы имѣлъ я способъ узнать изустно отъ васъ настоящее положеніе сего важнаго края и прочнымъ образомъ установить на предбудущія времена его благосостояніе".

„По моему исчисленію, возлагаемое на васъ *препорученіе можетъ продолжиться года полтора*, или, по большей мѣрѣ, *два*....".

Такимъ образомъ, два года — крайній предѣлъ отсрочки, на этотъ разъ послѣдней, для возвращенія изгнанника, съ обѣщаніемъ затѣмъ личныхъ сношеній съ Государемъ. Тяжелъ подвигъ и обширна задача возлагаемая на этотъ разъ на способности и опытность человѣка, за семь лѣтъ ворочившаго всѣми дѣлами по измѣненію къ лучшему порядка дѣлъ во всей Имперіи; но Сперанскій, съ горечью въ сердцѣ принялъ и выполнилъ блистательно порученіе. Ревизія его самый почтенный періодъ его

служебной карьеры, гдѣ примѣтны на дѣлѣ всѣ пріемы ускоренія многосложныхъ процессовъ, вдругъ выплывшихъ наружу и освѣтившихъ мракъ злоупотребленій, на которыя нарушители закона и правды смотрѣли какъ на невозможное открыть и выяснить. Предавъ суду главныхъ виноватыхъ и освободивъ отъ преслѣдованій тысячи невинныхъ. Сперанскій думалъ въ половинѣ 1820 года кончивъ все, быть въ Петербургѣ, когда получилъ 7-го мая приказаніе явиться не раньше марта же будущаго года. Въ рескриптѣ этомъ, бросившемъ въ море горечи изгнанника, приказано однако представить о порядкѣ управленія въ Сибири при отбытіи оттуда, стало быть идея, объ оставленіи тамъ уничтожалась. Иркутскъ — гдѣ открыты самыя тяжкія преступленія губернатора, оставленъ былъ Сперанскимъ въ февралѣ 1820 г. для поѣздки въ Кяхту и Нерчинскъ, 7-го марта генералъ-губернаторъ былъ снова въ Иркутскѣ, въ іюлѣ отправилъ миссію въ Пекинъ и 1-го августа совсѣмъ оставилъ столицу Восточной Сибири, 11-го былъ въ Томскѣ и тамъ получилъ (17-го августа) разрѣшеніе оставить Сибирь по усмотрѣнію, съ чѣмъ, оканчивалось собственно, изгнанническая жизнь. 8-го октября пріѣхавъ въ Тобольскъ, Сперанскій оставилъ этотъ городъ 8-го февраля 1812 г., 11-го былъ въ Екатеринбургѣ, 14-го въ Кунгурѣ и 15-го въ Перми. Затѣмъ, два дня — до Казани, въ ночь слѣдующаго дня выѣздъ изъ нея, день до Симбирска, тамъ 2 дня; съ 25-го февраля по 6-е марта — въ Пензѣ, за своими дѣлами, 14-го въ Москвѣ и 22-го встрѣ-

ча съ дочерью въ Царскомъ Селѣ, и вечеромъ — въ Петербургѣ.

Девять лѣтъ и четыре дня пережиты въ изгнаніи. Наканунѣ Благовѣщенья послано донесеніе государю о прибытіи сюда, но свиданіе съ монархомъ, замедлилось не за однимъ непріѣздомъ его въ столицу, и по прибытіи, позванъ Сперанскій черезъ двѣ недѣли только. Свиданіе черезъ девять лѣтъ показало, что онъ сталъ государю — чужой. Это отчужденіе не измѣнилось въ послѣдніе четыре года жизни Александра I. Только съ занятіемъ, составленіемъ полнаго собранія законовъ и сводамъ законовъ, Николай I имѣлъ случай достойно оцѣнить, нестарѣвшійся умъ Сперанскаго. Засѣданіе государственнаго совѣта 19 января 1833 г. — было тріумфомъ Сперанскаго. За совершеніе труда собранія и свода законовъ, Николай I обнялъ труженика и снявъ съ себя Андреевскую звѣзду, надѣлъ на него. Графское достоинство — 1-го января 1839 г. было послѣднею наградою Сперанскаго, хилаго, слабаго, но все продолжавшаго трудиться. Легкая простуда, по возвращеніи изъ Одессы, дошла окончательно поздно оцѣненнаго дѣльца, неоставляемаго злобною клеветою. Когда смерть — 11-го февраля 1839 года освободила тѣло отъ страданій, Императоръ Николай, на докладъ государственнаго секретаря Корфа о потерѣ, высказалъ слѣдующія слова: „Михайла Михайловича, не всѣ понимали, не всѣ умѣли довольно цѣнить. Сперва я и самъ въ этомъ, болѣе всѣхъ, можетъ быть, противъ него грѣшилъ. Мнѣ столько было наговорено о его превратныхъ

идеяхъ, о его замыслахъ! Клевета осмѣлилась коснуться его даже и по случаю исторіи 14-го декабря. Но потомъ время и опытъ уничтожили во мнѣ дѣйствіе всѣхъ этихъ наговоровъ. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго и ревностнаго слугу съ огромными свѣдѣніями, съ огромною опытностью, съ неустававшею никогда дѣятельностью. Теперь всѣ знаютъ: чѣмъ я, чѣмъ Россія ему обязаны и клеветники давно замолчали". Потомъ съ глубокимъ чувствомъ сожалѣнія прибавилъ великодушный Государь: „Другаго Сперанскаго мнѣ не найдти! Да и кѣмъ я попытаюсь даже замѣнить его умъ, свѣдѣнія, опытность, усердіе, быстроту!"

Что можетъ біографъ прибавить отъ себя къ такой высокой оцѣнкѣ страдальца-труженика? Что онъ былъ человѣкъ всѣмъ желавшій добра и дѣлавшій его, кому представлялся случай. Что онъ любилъ науку и чтеніе; безпрестанно занимался въ изгнаніи, услаждая одиночество изложеніемъ нравственныхъ мыслей и философскихъ положеній. Высоконравственный, горячо любившій дочь и всѣхъ тѣхъ съ кѣмъ сближался, Сперанскій и въ домашнемъ быту былъ образцомъ христіанскихъ добродѣтелей.

VI.

АКАДЕМИКЪ МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ОСТРОГРАДСКІЙ.

1801 — 1861.

Михаилъ Васильевичъ былъ сынъ помѣщика, родился въ 1801 году 12-го сентября, Полтавской губерніи, Кобеллкскаго уѣзда, въ деревнѣ Чаплиной. Еще въ дѣтскомъ возрастѣ Остроградскій выказывалъ наклонность узнавать величину и мѣру предметовъ, въ особенности сложныхъ такъ: онъ очень любилъ наблюдать за движеніемъ вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ, для чего, нерѣдко, во время прогулокъ, со слезами на глазахъ просилъ родителей останавливаться, чтобъ ему была возможность подольше посмотрѣть на свои любимые предметы. Онъ носилъ всегда при себѣ шнурокъ съ камешкомъ, которымъ вымѣрялъ ямы и колодцы, попадавшіеся ему на пути. Съ ранняго дѣтства Михаила Васильевича можно было замѣтить, что изъ него выйдетъ человѣкъ съ умомъ наблюдательнымъ и способнымъ къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. На 9 году его опредѣлили въ пансіонъ при полтавской гимназіи, гдѣ онъ пробылъ очень не долго. Изъ пансіона онъ перешелъ въ гимназію, учился въ ней не съ особеннымъ прилежаніемъ, но былъ замѣченъ,

ди [illegible]
бе[illegible]
Е[illegible]
ва[illegible]
ме[illegible]
лю[illegible]
дян[illegible]
гул[illegible]
ост[illegible]
дол[illegible]
нос[illegible] при себѣ шнурокъ [illegible]
кото[illegible] вымѣрялъ ямы и колодцы, [illegible]
ему на пути. Съ ранняго дѣтства Михаил[illegible]
вича [illegible]
чело[illegible]
къ с[illegible]
его с[illegible]
назі[illegible]
сіона [illegible]
не съ особеннымъ прилежаніемъ, но былъ замѣченъ,

Остроградскій

какъ бойкій и остроумный мальчикъ. По желанію отца онъ вышелъ изъ нее не кончивъ курса (изъ 3-го класса). Въ 1816 году его повезли въ Петербургъ для опредѣленія въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, но совѣтъ одного изъ родственниковъ Остроградскихъ измѣнилъ это намѣреніе и было рѣшено опредѣлить Остроградскаго въ университетъ. Приготовленіе его для поступленія туда, было поручено адъюнкту харьковскаго университета преподавателю военныхъ наукъ, Робушу. Остроградскій сначала выказывалъ полное нежеланіе заняться науками и постоянно стремился къ военной службѣ такъ, что когда отецъ рѣшительно не позволилъ ему опредѣлиться въ кременчугскій пѣхотный полкъ, Михаилъ Васильевичъ пришелъ въ отчаяніе. Наконецъ онъ поступилъ въ университетъ вольнослушателемъ, а въ 1817 году зачисленъ въ студенты физико-математическаго отдѣленія. Первое время своего студенчества Остроградскій занимался плохо и постоянно мечталъ о военной службѣ, но когда онъ поселился у преподавателя математики, Павловскаго, настроеніе Остроградскаго совершенно измѣнилось. Павловскій обратилъ вниманіе на способности юноши, показалъ ему всю несообразность его стремленій и съумѣлъ возбудить въ немъ любовь къ наукѣ. Остроградскій съ жаромъ принялся за математику и чрезъ 3 мѣсяца удивилъ Павловскаго своими успѣхами: онъ не только быстро усвоивалъ готовое, но усвоивъ тутъ же, творилъ свое. Послѣ 3-хъ-мѣсячныхъ занятій Остроградскій могъ упрощать самыя трудныя математическія формулы.

Въ 1818 г. 3-го декабря Остроградскій вышелъ изъ университета съ аттестатомъ, изъ котораго видно, что онъ въ короткое время оказалъ большіе успѣхи, какъ въ математикѣ, такъ и въ другихъ предметахъ, относящихся къ физико-математическому отдѣленію. Нѣсколько времени спустя, Остроградскій снова захотѣлъ поступить въ университетъ для усовершенствованія себя въ нѣкоторыхъ наукахъ, особенно въ прикладной математикѣ. Въ 1820 году онъ экзаменовался вмѣстѣ съ прежними студентами и имя его было превозглашено въ числѣ отличившихся, поэтому бывшій ректоръ университета профессоръ математики, Осиповскій, оцѣнивъ способности и успѣхъ Остроградскаго, хотѣлъ удостоить его званіемъ кандидата, на основаніи новаго положенія о производствѣ въ ученыя степени, но благодаря интригамъ экстроординарнаго профессора Дубровича, имѣвшаго личность противъ Осиповскаго, Остроградскій званія кандидата не получилъ. Всѣ испытанія, которыми пришлось подвернуться Остроградскому во время рѣшенія вопроса: слѣдуетъ ли дать ему это званіе или нѣтъ, могли бы парализировать энергію молодаго математика; но къ счастію этого не случилось. За это время въ немъ окончательно остылъ воинскій недръ и укоренилась любовь къ наукѣ и сознаніе своихъ дарованій. Онъ поѣхалъ къ отцу и просилъ отпустить его путешествовать — поучиться у французскихъ знаменитыхъ математиковъ. Отецъ охотно согласился, но разсказываютъ, что эта его рѣшимость надѣлала много шума въ околодкѣ; поѣздка

заграницу была дѣломъ неслыханнымъ и опаснымъ для провинціаловъ того времени, поэтому родственники и сосѣди считали молодаго Остроградскаго погибшимъ. Прежде всего онъ отправился въ Парижъ (1822 г.), тамъ въ Сорбонѣ и французскомъ коллегіумѣ посѣщалъ прилежно лекціи. Своими блестящими дарованіями обратилъ на себя вниманіе знаменитыхъ французскихъ математиковъ Лапласса, Фурье, Ампера, Пуассона, Коши и съ нѣкоторыми изъ нихъ сблизился.

Въ 1825 г. Коши, въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ отзывается объ Остроградскомъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, такъ онъ говоритъ между прочимъ: „одинъ молодой русскій одаренный большою проницательностію и весьма свѣдущій въ исчисленіи безконечно малыхъ, далъ новое доказательство моихъ формулъ, помѣщенныхъ мною въ 19 тетради журнала политехнической школы".

Извѣстія объ успѣхахъ Остроградскаго въ Парижѣ, произвели сильное впечатлѣніе въ Харьковскомъ университетѣ. Больше всѣхъ радовался Павловскій.

Въ 1826 г. Остроградскій представилъ парижскому институту мемуаръ: Mémoire sur la propagation des ondes dans un bassin cylindrique *), имѣющій предметомъ рѣшеніе одного изъ вопросовъ математической физики. Изъ этого перваго труда Остроградскаго видно, что онъ послѣ 3-хъ лѣтнихъ занятій подъ руководствомъ знаменитыхъ геометровъ вполнѣ овла-

*) Мемуаръ о распространеніи волнъ въ цилиндрическомъ бассейнѣ.

дѣлъ анализомъ и стоялъ на томъ уровнѣ, котораго достигли въ то время изысканія европейскихъ ученыхъ.

Отецъ звалъ его къ себѣ и чтобъ побудить къ скорѣйшему отъѣзду не высылалъ денегъ, между тѣмъ какъ Остроградскому хотѣлось еще остаться въ Парижѣ. Нуждаясь въ средствахъ къ жизни, Остроградскій занялъ должность преподавателя математики въ коллегіумѣ Генриха IV, откуда при оставленіи должности получилъ одобрительный аттестатъ. Вскорѣ послѣ этого Остроградскій появляется въ Петербургѣ. Пріѣздъ сюда молодаго ученаго былъ чрезвычайно знаменателенъ. Около Остроградскаго собрался кружокъ любителей науки, желавшихъ ознакомиться съ новыми взглядами и методами въ анализѣ. Слушателямъ его особенно нравилась общность и изящество изложенія, заимствованныя имъ у Лагранжа и Коши. Императорская Академія Наукъ не замедлила избрать его въ адъюнкты по прикладной математики въ 1828 году, вскорѣ потомъ онъ получилъ званіе экстра-ординарнаго академика, а черезъ годъ ординарнаго. Многія другія ученыя общества избрали его въ свои члены. Ему принадлежала одно изъ самыхъ почетныхъ для ученаго званій „члена корреспондента Парижской Академіи. Кромѣ того онъ избранъ членомъ академій: Туринской, Римской и Американской, а также почетнымъ докторомъ Александровскаго университета. Высшія спеціальныя заведенія въ Петербургѣ пригласили Михаила Васильевича преподавать математику и считали большею честью видѣть его у себя профессоромъ. Польза, доставляемая лекціями

Остроградскаго юношеству была несомненная, но тяжелая преподавательская обязанность отвлекала его отъ научныхъ занятій. Можно смѣло сказать, что еслибъ Остроградскій былъ вполнѣ обезпеченъ и не нуждался бы въ иныхъ занятіяхъ, кромѣ академическихъ, талантъ его былъ бы гораздо плодотворнѣе. Не смотря ни на что Остроградскій съ честью совершилъ свою ученую карьеру и занялъ высокое мѣсто между современными математиками.

Остроградскій между прочимъ неутомимо трудился на пользу военно-учебныхъ заведеній, гдѣ долгое время состоялъ главнымъ наблюдателемъ по математическимъ наукамъ. Для употребленія въ общихъ курсахъ кадетскихъ корпусовъ, онъ составилъ „Руководство къ начальной геометріи".

Остроградскій издалъ 48 записокъ на французскомъ языкѣ, кромѣ того 3 его записки были напечатаны въ изданіяхъ парижской академіи наукъ и одна помѣщена въ Bulletin scientifique de Ferussae. Сверхъ того сдѣлалъ онъ разборъ 9-ти сочиненій, представленныхъ на соисканіе демидовскихъ премій; для военно-учебныхъ заведеній, кромѣ упомянутаго выше руководства составилъ конспектъ тригонометріи.

Самый замѣчательный трудъ Остроградскаго по чистому анализу есть мемуаръ: *„объ исчисленіи варьяцій кратныхъ интеграловъ"*. Наиболѣе замѣчательный результатъ изслѣдованій Остроградскаго въ математической физикѣ, есть выводъ общихъ интеграловъ уравненій движенія упругаго тѣла. Нѣсколько разъ Остроградскій читалъ публичные курсы, изъ которыхъ 2 на французскомъ языкѣ.

Своеобразность въ изложеніи чтеній Остроградскаго, нравилась только тѣмъ изъ его слушателей, которые были на столько развиты и подготовлены, что понимали его. Способныхъ учениковъ Остроградскій поощрялъ къ занятіямъ и отличалъ, а для бездарныхъ онъ былъ грозою. Михаилъ Васильевичъ вообще былъ веселаго характера, любилъ шутить со своими слушателями и сослуживцами; философствовалъ съ ними, разсказывалъ анекдоты и городскія новости. Онъ обладалъ хорошею памятью, зналъ много стихотвореній и особенно хорошо читалъ „Поэтъ и математикъ". Въ душѣ онъ былъ чистый малоросъ и нерѣдко подшучивалъ надъ москалями.

Будучи здоровой комплекціи, Остроградскій рѣдко хворалъ и хорошо переносилъ суровый петербургскій климатъ. Въ бытность свою во второй разъ въ Парижѣ, онъ испортилъ себѣ глазъ, сталъ лечиться, но не дождавшись полнаго излеченія, отправился моремъ въ Петербургъ и дорогой простудилъ больной глазъ, а по пріѣздѣ въ Петербургъ совсѣмъ его лишился.

Въ 1861 г. Михаилъ Васильевичъ отправился на лѣто въ свою деревню „Долгое" и тамъ опасно заболѣлъ; у него на спинѣ образовался нарывъ, а потомъ рана, которая истощала силы больнаго. Чрезъ мѣсяцъ больной почувствовалъ себя лучше и порывался въ Петербургъ, куда призывали его обязанности службы, однако вслѣдствіе ухудшенія здоровья, онъ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія и отправился только въ Харьковъ для совѣта съ лучшими докторами. На пути туда, онъ

остановился въ Полтавѣ, въ домѣ г. Старицкаго. Хозяинъ дома уговаривалъ его поберечься и не продолжать пути. Тутъ онъ опять совѣтовался съ докторами и казался началъ поправляться, но вслѣдствіе неосторожнаго употребленія пищи впалъ въ лихорадочное состояніе, затѣмъ у него сдѣлалась гнилая горячка и обнаружились признаки паралича легкихъ. Не смотря на всѣ старанія медиковъ, 20-го декабря 1861 г. въ 12 час. пополудни, Россія лишилась одного изъ выдающихся ея дѣятелей.

Тѣло покойнаго отвезено въ деревню Пашенную и поставлено въ фамильномъ склепѣ Остроградскихъ, какъ того желалъ покойный.

VII.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

1799—1837.

Знаменитый поэтъ нашъ родился въ Москвѣ; 26-го мая 1799 года. Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, былъ изъ стариннаго рода Пушкиныхъ; мать, Надежда Осиповна, происходила изъ фамиліи Ганнибаловыхъ, родоначальникомъ которой былъ негръ Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестникъ Петра Великаго. Такимъ образомъ по рожденію Александръ Сергѣевичъ принадлежалъ къ избранному русскому дворянству. Развитіе маленькаго Александра было весьма медленное. Въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ, мы не видимъ вовсе основныхъ качествъ его характера — впечатлительности, живости, энергіи, напротивъ до 7-ми лѣтъ онъ былъ робкій, тучный, неповоротливый и молчаливый ребенокъ. Надежда Осиповна любила даже болѣе другихъ своихъ дѣтей, сначала старшую дочь Ольгу, а затѣмъ младшаго сына Льва. Отецъ поэта былъ человѣкъ добрый, но легкомысленный: острякъ, блестящій въ обществѣ, но уже совсѣмъ не дѣловой. Воспитаніемъ дѣтей, какъ и вообще серьезными дѣлами, онъ не занимался, предоставивъ это

[illegible]

Зна [illegible]
26-го [illegible]
вичъ, [illegible]
мать, [illegible] изъ фа-
миліи [illegible] которой
былъ [illegible]
никъ П [illegible]
денію [illegible]
избранн [illegible]
каго Ал [illegible]
немъ дѣ [illegible] основ-
ныхъ к [illegible]
живости [illegible]
былъ р [illegible]
вый ребе [illegible]
лѣе други [illegible]
Ольгу, [illegible]
былъ чел [illegible]
блестящ [illegible]
вой. Во [illegible]
ми дѣла [illegible] предоставивъ это

Александръ Пушкинъ

женѣ, которая и старалась по мѣрѣ силъ исправлять недостатки сына. Отъ ея настойчивыхъ требованій, быть по живѣе, мальчикъ спасался обыкновенно къ бабушкѣ своей Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, гдѣ его уже никто не тревожилъ, а онъ могъ по долгу смотрѣть на ея работы. Марья Алексѣевна была женщина замѣчательная по своей опытности, здравому смыслу и по приключеніямъ жизни. Она владѣла также прекрасно роднымъ языкомъ: ея рѣчь и письменный слогъ приводили впослѣдствіи въ восторгъ друзей поэта. Бабушка была первой наставницей маленькаго Александра въ русской грамотѣ. Дальнѣйшее обученіе поэта было обыденное, дворянское того времени, съ цѣлой серіей гувернеровъ, гувернантокъ и велось преимущественно на французскомъ языкѣ, который и зналъ онъ за то въ совершенствѣ. По нѣмецки Пушкинъ совсѣмъ не учился, по англійски учился, но плохо, да и все вообще ученье подвигалось крайне медленно. Маленькій лѣнтяй, обладавшій замѣчательною памятью, зналъ уроки только тогда, когда спрашивали ранѣе его сестру, если же начинали экзаменъ съ него, то отвѣтомъ было молчанье. Первыя четыре правила арифметики, которую онъ вообще плохо понималъ, стоили ему многихъ слезъ, особенно дѣленіе. Къ числу лицъ, вліявшихъ на поэта въ первомъ періодѣ дѣтства, надо отнести еще няню его Арину Родіоновну, принадлежавщую къ самому симпатичному типу нянь, ворчливо-добродушныхъ и безгранично любящихъ своихъ питомцевъ. Арина Родіоновна извѣстна своимъ знаніемъ русскаго сказочнаго міра,

который и передавала чрезвычайно оригинально пословицы, поговорки, присказки не сходили съ языка няни, и поэтъ, любившій ее всю жизнь родственною любовію, конечно ей обязанъ первымъ знакомствомъ съ народной поэзіею.

Съ 9-го года у маленькаго Александра начала развиваться страсть къ чтенію, не покидавшая его всю жизнь. Онъ прочелъ сперва Плутарха, потомъ „Иліаду" и „Одиссею", затѣмъ приступилъ къ библіотекѣ отца своего, наполненной классиками и философами XVII и XVIII вѣковъ. Тайкомъ забирался онъ въ кабинетъ отца и проводилъ здѣсь безсонныя ночи, пожирая безъ разбора всѣ книги, попавшіеся ему подъ руку. Сочинять самъ Пушкинъ началъ очень рано: авторство (на французскомъ языкѣ) шло у него параллельно съ чтеніемъ. Прочитавъ Лафонтена онъ, началъ писать басни, ознакомившись съ Генріадой, написалъ шуточную поэму „La Tolyade". Кромѣ того онъ любилъ импровизировать комедійки и устроилъ съ сестрою нѣчто въ родѣ театра, гдѣ актеромъ былъ онъ, а публикою сестра. Первый толчокъ къ чтенію и авторству былъ данъ Александру Сергѣевичу, конечно, примѣромъ отца, который былъ все-таки человѣкъ развитый, образованный и не чуждый литературы: онъ самъ писалъ французскіе стихи и принималъ въ своемъ домѣ тогдашнихъ знаменитыхъ писателей: Карамзина, Батюшкова, Дмитріева и др. Расположеніе же къ чтенію, Сергѣй Львовичъ поддерживалъ въ сынѣ не только косвенно, но и прямо, прочитывая съ дѣтьми избранныя сочиненія.

11-го августа 1811 г. Пушкинъ выдержалъ пріемный экзаменъ и былъ принятъ во вновь открывавшійся царскосельскій лицей. Въ лицеѣ характеръ мальчика совершенно измѣнился: оставаясь добрымъ и любящимъ, изъ неповоротливаго и робкаго, онъ сдѣлался живымъ, задорнымъ, расположеннымъ къ насмѣшкѣ и къ преслѣдованію непріязненныхъ личностей. Товарищи называли его за эти качества и за превосходное знаніе французскаго языка—французомъ. Несмотря на такое измѣненіе характера, расположеніе къ ученію осталось тоже. Онъ продолжалъ, правда, выказывать свою обширную, почти изумительную память, но ему не доставало продолжительныхъ, равныхъ усилій вниманія. Профессора (Кайдановъ, Куницынъ) аттестовали его даровитымъ, но мало прилежнымъ и не способнымъ овладѣвать предметами, требующими умственнаго напряженія. По словамъ брата поэта, Льва Сергѣевича, аттестатъ Пушкина по окончаніи курса свидѣтельствуетъ о плохихъ успѣхахъ даже въ русскомъ языкѣ. Страсть его къ чтенію здѣсь не уменьшилась и находила пищу въ довольно богатой библіотекѣ лицея. Кромѣ русской и французской словесности, онъ занимался еще исторіею и дѣлилъ между этими предметами всѣ свои чтенія. Авторство еще усилилось въ лицеѣ. Помимо французскихъ, онъ началъ здѣсь писать и русскіе стихи. Вообще лицейское воспитаніе отличалось наклонностью къ литературѣ: воспитанниками издавались рукописные журналы, устраивались игры, на которыхъ участвовавшій долженъ былъ разсказать по-

вѣсть или продолжать начатую другимъ. На этихъ играхъ Пушкинъ передалъ, конечно, въ грубыхъ чертахъ двѣ повѣсти свои „Мятель“ и „Выстрѣлъ“, написанныя много лѣтъ позже. Вскорѣ первыя попытки русскихъ стихотвореній Пушкина, носившія слѣды несомнѣннаго таланта, были замѣчены. Особенно прославился онъ своими, дѣйствительно, ѣдкими и остроумными эпиграммами, жаль только, что дешевую славу, пріобрѣтаемую ими, Пушкинъ предпочиталъ болѣе дѣльному отличію въ наукахъ. Не только масса, но и корифеи литературы заинтересовались даровитымъ юношею. Въ 1815 г. на публичномъ экзаменѣ Пушкинъ прочелъ свое стихотвореніе „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ и привелъ въ восторгъ присутствовавшаго при этомъ Державина. Карамзинъ часто принималъ его у себя и бесѣдовалъ съ юношею объ отечественной исторіи. Жуковскій нарочно ѣздилъ въ Царское Село освѣдомляться о занятіяхъ Пушкина и прочитывалъ ему свои стихотворенія. Обладая необыкновенною памятью, Александръ Сергѣевичъ обыкновенно запоминалъ ихъ и на долго удерживалъ въ головѣ, если же случайно забывалъ какой-нибудь стихъ, то по одному этому признаку, Жуковскій считалъ послѣдній дурнымъ. Въ такихъ же нѣжныхъ, дружескихъ отношеніяхъ стоялъ къ Пушкину и А. И. Тургеневъ. Первыя русскія стихотворенія Пушкина были „Посланіе къ сестрѣ“ и помѣщенныя въ „Вѣстникѣ Европы“ 1814 г. „Къ другу стихотворцу“, „Кольна“ и др. Стихъ лицейскихъ опытовъ поэта еще очень неправиленъ, очень небреженъ, но онъ льется изъ-

подъ пера автора, повидимому, безъ малѣйшихъ усилій, хотя на самомъ дѣлѣ отдѣлка стоила ему значительнаго труда. Стихотворенія эти—подражанія отчасти французскимъ анакреонтическимъ поэтамъ, отчасти русскимъ писателямъ Батюшкову, Державину, Жуковскому и др., но въ нихъ встрѣчаются и оригинальные образы и пріемы; они полны намековъ, бѣглыхъ линій, которыми поэтъ воспользовался въ дальнѣйшихъ своихъ трудахъ. Основный характеръ большинства изъ нихъ—веселый взглядъ на жизнь и стремленіе къ беззаботному наслажденію, что и доставило имъ успѣхъ въ публикѣ и между товарищами Пушкина.

9-го іюня 1817 года, Александръ Сергѣевичъ окончилъ курсъ въ лицеѣ. Онъ считался 19-тымъ по выпуску и принадлежалъ ко второму разряду, т. е. имѣлъ право на чинъ 10-го класса и на 700 руб. асс. жалованья до полученія штатнаго мѣста. Его ученическая мечта была начать службу кавалерійскимъ офицеромъ, вслѣдствіе чего, ему хотѣлось поступить въ гусарскій полкъ. Но этому рѣшительно воспротивился Сергѣй Львовичъ. Ссылаясь на недостатокъ средствъ, онъ предлагалъ сыну поступленіе въ пѣхотный гвардейскій полкъ. Послѣднему поэтъ предпочелъ гражданскую службу и вскорѣ былъ опредѣленъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ съ чиномъ коллежскаго секретаря. Тотчасъ по вступленіи въ жизнь, Пушкинъ бросился на удовольствія столичной жизни. Въ немъ всегда было замѣтно стараніе ничѣмъ не отличаться отъ окружающихъ его людей, а тонъ въ обществѣ

совпадалъ съ его наклонностями. Удальство, молодечество, беззаботная растрата ума, времени и здоровья на знакомства, похожденія и связи всѣхъ родовъ — составляли основу жизни золотой молодежи того времени. Для шумныхъ похвалъ сотоварищей по пирушкамъ, Пушкинъ писалъ тѣ легкія замѣтки, воспѣвавшія броженія юности, о которыхъ старался умалчивать съ людьми, понимавшими искусство. Отъ такой жизни, не смотря на крѣпость организма, развитаго гимнастическими упражненіями, поэтъ черезъ восемь мѣсяцевъ, по выходѣ изъ лицея, лежалъ въ жестокой горячкѣ, приговоренный даже къ смерти докторами. Но такова сила генія: даже при такомъ образѣ жизни, талантъ Пушкина продолжалъ развиваться, и въ 1819 году достигъ самостоятельности. Правда, онъ не разрывалъ дружескихъ сношеній съ серьезными писателями: Карамзинымъ, Жуковскимъ и др. Уже по первымъ своимъ опытамъ онъ былъ зачисленъ ими въ члены литературнаго общества „Арзамасъ“, образовавшемся ради противодѣйствія неподвижному и устарѣлому обществу „Бесѣды любителей россійскаго слова“. Въ послѣднемъ царила важность, боязнь всякой новизны, въ „Арзамасѣ“ — веселость, шутка и покровительствовалось все даровитое новое и живое. Къ „Арзамасу“ пристроились всѣ желавшіе новыхъ формъ для поэзіи и языка, и новыхъ источниковъ для искусства вообще. Предметами спора между обществами были сначала Карамзинъ и Жуковскій, а съ появленіемъ Пушкина, преимущественно его творенія. — Въ 1819 году, появилась, наконецъ,

настоящая Пушкинская поэзія: въ этомъ году написаны имъ такіе перлы, какъ „Элегія“ (Увы, зачѣмъ она блистаетъ...), „Уединеніе“, „Возрожденіе“ и пр. и окончена поэма „Русланъ и Людмила“, за исключеніемъ только эпилога, написаннаго въ 1820 году, на Кавказѣ. Появленіе „Руслана и Людмилы“ привело въ восторгъ публику и въ недоумѣніи литературныхъ консерваторовъ, видѣвшихъ въ ней униженіе поэзіи. Одобреніе друзей литераторовъ было также за Пушкинымъ: Жуковскій, по прочтеніи поэмы, подарилъ ему портретъ свой, украшенный надписью „ученику отъ побѣжденнаго учителя“. Мы, конечно, не считаемъ теперь Руслана за народную поэму, отдавая должное замѣчательному для того времени стиху, ее должно признать послѣднимъ блестящимъ метеоромъ, написаннымъ поэтомъ подъ вліяніемъ французскихъ писателей.

Жизнь, полная всевозможныхъ увлеченій, сопровождаемая неосмотрительностію и заносчивостью въ мнѣніяхъ и поступкахъ, сказалась наконецъ въ 1820 году высылкою поэта изъ столицы. Первоначально предполагавшееся наказаніе было смягчено по ходатайству Н. М. Карамзина: Пушкинъ былъ переведенъ только изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ на службу въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ южнаго края, Генералъ-Лейтенанта Инзова. Попечительный комитетъ находился въ Екатеринославлѣ, куда и направился поэтъ. Высылка его изъ Петербурга была положительно полезна, для развитія таланта; она прервала веселую жизнь Пушкина и направила его мысли къ болѣе

серьезнымъ предметамъ, къ саморазвитію. По пріѣздѣ въ Екатеринославль, онъ простудился и заболѣлъ лихорадкой. Въ это время чрезъ городъ проѣзжалъ генералъ Раевскій съ семействомъ на Кавказъ. Пушкинъ отправился вмѣстѣ съ ними, скоро выздоровѣлъ и уже въ іюнѣ послалъ въ Петербургъ эпилогъ „Руслана и Людмилы". Кавказъ поразилъ впечатлительную натуру поэта и результатомъ поѣздки была поэма „Кавказскій плѣнникъ" — первый опытъ Пушкина въ созданіи характера. Опытъ былъ не вполнѣ удачный, какъ это указалъ первый самъ авторъ, но не захотѣлъ передѣлывать своего творенія. Въ „Кавказскомъ плѣнникѣ" замѣчательны картины мѣстности природы и людей. Съ Кавказа Пушкинъ съ Раевскими отправился чрезъ Кубань въ Крымъ. И здѣсь поражала его природа: видъ моря ночью, берегъ съ его роскошной зеленью и горами и пр. Много пользы принесло поэту и самое пребываніе въ миломъ семействѣ почтеннаго Раевскаго, ветерана 1812 года. Подъ вліяніемъ этихъ благопріятныхъ обстоятельствъ измѣнилось и творчество его — такъ сталъ онъ писать антологическія стихотворенія, полныя жизни и чувства. Большая часть ихъ, правда, навѣяна еще А. Шенье, но Пушкинъ значительно улучшалъ его произведенія въ передачѣ (Нереида, Дорида и пр.). Къ слову: онъ мало подчинялся царящимъ мнѣніямъ, всегда былъ самостоятеленъ въ своихъ взглядахъ; такъ первый заговорилъ о А. Шенье, когда гремѣлъ еще Ламартинъ. Мѣриломъ постепеннаго нравственнаго развитія Александра Сер-

гѣевича могутъ служить его черновыя тетради, которыя онъ началъ систематически вести съ пребыванія въ Крыму. Надо отдать справедливость поэту: за исключеніемъ первыхъ двухъ годовъ, по выходѣ изъ лицея, онъ чрезвычайно трудился надъ саморазвитіемъ. Онъ много читалъ: тетради его полны выписокъ, замѣтокъ, мыслей, ихъ прерываютъ стихотворенія, отрывки поэмъ и черновыя письма къ друзьямъ; все это пестрится рисунками перомъ. — Результатомъ пребыванія Пушкина въ Крыму была поэма „Бахчисарайскій фонтанъ", написанная подъ вліяніемъ уже не французскихъ поэтовъ, а Байрона. Въ этой поэмѣ видимъ мы неслыханную ранѣе гармонію языка и роскошь стиховъ и описаній. Недостатки ея, какъ напримѣръ отсутствіе плана, объясняются тѣмъ, что, по словамъ самого Пушкина, онъ просто и суевѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ одной молодой женщины".

Въ сентябрѣ 1820 года поэтъ возвратился къ своему начальнику по службѣ, генералу Инзову, но не въ Екатерославль, а въ Кишеневъ, такъ какъ Инзовъ былъ уже назначенъ намѣстникомъ Бессарабіи. Служба Александра Сергѣевича была, конечно, только номинальная и дозволяла ему постоянные разъѣзды: то въ имѣніе Каменку (Кіевской губерніи), принадлежавшее одному знакомому его, то въ Кіевъ, въ Одессу и т. д. Подвижность была въ натурѣ живаго и дѣятельнаго Пушкина; въ послѣдній періодъ своей жизни, уже женатый, онъ чрезвычайно часто мѣнялъ... даже квартиры свои въ Петербургѣ. Жизнь въ Кишиневѣ въ то

время была очень оживленная. Населеніе было — сборище разнородныхъ національностей. Возстаніе грековъ наполнило городъ греческими и молдаванскими фамиліями; кромѣ нихъ были выходцы французскіе и итальянскіе, много русскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, занятыхъ съемками плановъ въ новопріобрѣтенной области и т. д. Поэтъ зажилъ здѣсь прежнею свѣтскою жизнью. Опять пошли различныя развлеченія, проказы, ссоры, доставлявшія не мало хлопотъ добродушному начальнику его Инзову, обращавшемуся съ нимъ положительно, какъ отецъ съ сыномъ. Частые разъѣзды были благодѣтельны для поэта — они освѣжали его: какъ въ будущемъ „почуявъ рифмы" онъ убѣгаетъ въ имѣнія свои Михайловское или Болдино, такъ въ этотъ періодъ уѣзжаетъ въ Каменку и пр. Въ Каменкѣ написанъ, напримѣръ, „Кавказскій плѣнникъ". Благодаря этому обстоятельству, поэтическая дѣятельность Пушкина въ Кишиневскій періодъ была весьма плодотворная. Изъ мелкихъ стихотвореній, онъ написалъ здѣсь Наполеона, Овидія, Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ и пр,; изъ большихъ поэмъ, кромѣ Кавказскаго плѣнника и Бахчисарайскаго фонтана, — Братья разбойники и первыя строфы Евгенія Онѣгина. Здѣсь же онъ собралъ матеріалъ для поэмы „Цыгане", такъ какъ въ 1822 году внезапно изсчезъ на нѣкоторое время изъ Кишинева, отправился въ Измаилъ и на пути присталъ къ цыганскому табору, при чемъ прожилъ нѣсколько дней жизнью кочеваго племени. Въ 1823 году генералъ Инзовъ сдалъ свою должность вновь назначенному

генералъ-губернатору, графу М. С. Воронцову и управленіе Бессарабіей было соединено въ одной власти съ новымъ центромъ — Одессою. Пушкинъ былъ зачисленъ въ канцелярію новаго генералъ-губернатора и перебрался въ Одессу. Жизнь въ Одессѣ была, конечно, еще оживленнѣе, чѣмъ въ Кишиневѣ: театры, рестораны и пр. дѣлали его почти столичнымъ, но поэтъ пробылъ здѣсь недолго, такъ какъ новый начальникъ потребовалъ отъ него болѣе серьезныхъ служебныхъ занятій, на что Александръ Сергѣевичъ былъ не способенъ, вслѣдствіе чего, 8-го іюля 1824 года, послѣдовало увольненіе его отъ службы и въ томъ же мѣсяцѣ онъ переведенъ на жительство въ имѣніе своей матери, Михайловское, въ Псковской губерніи. Прощаясь съ Чернымъ моремъ, поэтъ написалъ чудное стихотвореніе „Къ морю", которое было вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ выраженіемъ исключительнаго вліянія на него Байрона. Къ періоду пребыванія его на югѣ, относится начало страсти къ собиранію книгъ, на которыя Пушкинъ потратилъ очень много денегъ, но за то оставилъ послѣ себя отличную библіотеку. Замѣчательно, что и въ этотъ періодъ, не смотря на путешествія, разъѣзды, свѣтскую жизнь, онъ находилъ время серьезно учиться, такъ на югѣ изучилъ онъ англійскій и итальянскій языки и много читалъ на нихъ. Онъ слѣдилъ также со вниманіемъ за ходомъ возрожденія Греціи.

Въ Михайловское Александръ Сергѣевичъ пріѣхалъ въ тревожномъ состояніи духа. Ему исполнилось 25 лѣтъ—первый пылъ молодости прошелъ,

наступилъ обычный въ жизни каждаго нравственный переломъ. Мощная натура поэта скоро осилила это состоянiе и Пушкинъ еще дѣятельнѣе приступилъ къ труду и дальнѣйшему развитiю. Въ Михайловскомъ онъ нашелъ теплое родственное чувство близкихъ и дорогой няни Арины Родiоновны, дружбу и наслажденiе творчествомъ въ тиши. Здѣсь приступилъ онъ къ изученiю русскаго сказочнаго мiра и обычаевъ народа, заслушивался по вечерамъ сказокъ няни, послужившихъ ему позже матерiаломъ для созданiя уже такихъ вполнѣ народныхъ произведенiй, какъ напр. сказки о царѣ Салтанѣ, о купцѣ Остолопѣ и пр. Кромѣ того, онъ ходилъ по базарамъ, терся между простыми людьми, для изученiя живой народной рѣчи. Такъ, между прочимъ, поэтъ доставилъ Кирѣевскому, для его извѣстнаго „Собранiя народныхъ пѣсенъ“ матерiалъ по Псковской губернiи. Въ творчествѣ Пушкинъ сдѣлалъ въ этотъ перiодъ чрезвычайный шагъ впередъ: подъ влiянiемъ изученiя главнымъ образомъ Шекспира, онъ выработалъ свое понятiе о драмѣ и написалъ Бориса Годунова, любимое свое произведенiе. Здѣсь же написаны имъ „Цыгане“, шесть главъ „Онѣгина“ и „Графъ Нулинъ“.

Въ сентябрѣ 1826 года, Александръ Сергѣевичъ получилъ разрѣшенiе на въѣздъ въ Москву, а вскорѣ затѣмъ въ 1827 г. и въ Петербургъ. По прибытiи въ Москву, онъ былъ представленъ Государю Императору, который очаровалъ поэта своимъ величiемъ и добротою. Зима 1826—27 года прошла въ общественныхъ удовольствiяхъ, весною поэтъ былъ

снова въ деревнѣ и написалъ рядъ замѣчательныхъ стихотвореній, выражавшихъ его взглядъ на творчество („Чернь", „Поэтъ", „Эхо", „Не дорожи любовію нородной"). Послѣднее Пушкинъ понималъ произвольнымъ и самостоятельнымъ актомъ души поэта, независимымъ отъ требованій толпы. Съ 1826 по 1829 годъ онъ велъ обширную издательскую дѣятельность. Его произведенія расходились въ публикѣ въ небываломъ, до того времени, количествѣ экземпляровъ, на что указываетъ чрезвычайный авторскій гонораръ. Такъ за „Евгенія Онѣгина" напр. было заплачено поэту 12 тыс. руб. асс. Въ 1828 г. самъ Пушкинъ говорилъ, что ему даютъ по 10 руб. за стихъ. Вообще онъ первый развилъ у насъ книжную торговлю. Въ 1827 году была написана первая проза Пушкина „Мысли и замѣчанія", напечатанная въ „Сѣверныхъ цвѣтахъ" на 1828 годъ. За ней въ томъ же году послѣдовала повѣсть „Арапъ Петра Великаго", пролежавшая въ портфелѣ автора до самой его смерти.

Въ началѣ зимы 1827 г. Александръ Сергѣевичъ покинулъ Михайловское и провелъ зиму то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. Существованіе его въ это время было порывистое и безпокойное: такъ онъ просился даже участвовать въ турецкой кампаніи 1828 г., но получилъ отказъ. Въ этомъ году, снова въ деревнѣ, въ одинъ мѣсяцъ написана имъ замѣчательная по выразительному и простому стиху поэма „Полтава", напечатанная въ 1829 г., непонятая въ началѣ и принятая холодно. Геніальный поэтъ былъ самъ учителемъ нашимъ въ художественности, при

томъ учителемъ постоянно двигавшимся впередъ на пути развитія. Общество не успѣвало, конечно, слѣдовать за геніемъ, оттуда разладъ и непониманіе, вызывавшія въ Пушкинѣ столько горечи. Только позже, въ 1832 году, уяснилъ онъ, наконецъ, себѣ свою роль и съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на уколы критики не по разуму.

Въ мартѣ 1829 года Александръ Сергѣевичъ внезапно уѣхалъ на Кавказъ, не спросивъ даже разрѣшенія. По его собственному объясненію, онъ поѣхалъ только лечиться на водахъ, но желаніе видѣть войну увлекло его къ участію въ знаменитомъ походѣ того года подъ начальствомъ Паскевича. Онъ присутствовалъ при блестящихъ побѣдахъ этой кампаніи, былъ и при взятіи Эрзерума. Результатомъ путешествія были мелкія стихотворенія: „Донъ", „Делибашъ", „Кавказъ" и пр., а также извѣстный журналъ, приведенный въ порядокъ только въ 1835 г. и напечатанный въ „Современникѣ" 1836 г. подъ заглавіемъ „Путешествіе въ Арзрумъ, во время похода 1829 года". По возвращеніи изъ путешествія, Пушкинъ приступилъ къ новой поэмѣ „Галубъ", но написалъ только программу ея и первый очеркъ. Это былъ первый проблескъ эпическаго творчества, развившагося только съ 1833 г. „Галубъ" оконченъ былъ значительно позже, чрезъ 3—4 года. Въ 1830 г. поэтъ принялъ дѣятельное участіе въ „Литературной Газетѣ" Дельвига, и помѣстилъ въ ней много критическихъ замѣтокъ и статей. Полемическія произведенія въ этой газетѣ, особенно въ 1831 году сопровождаемыя многочисленными ѣдкими

и остроумными эпиграммами, слишкомъ увлекли автора, дѣло дошло до личностей и дѣятельность Пушкина за это время не соотвѣтствуютъ обычному у него чувству мѣры и изящества въ литературныхъ пріемахъ.

1830 годъ былъ особенно знаменателенъ для Александра Сергѣевича — это годъ избранія имъ супруги. Еще въ 1828 году познакомился онъ съ семействомъ Натальи Николаевны Гончаровой, когда ей шелъ всего 16 годъ. Онъ былъ представленъ будущей своей невѣстѣ на балѣ и тогда же сказалъ, что участь его связана съ нею. Уже тогда своею красотою Наталья Николаевна обращала на себя общее вниманіе. Когда же въ 1830 г. молва о успѣхахъ ея на празднествахъ въ честь присутствія въ Москвѣ высочайшаго двора, достигла Петербурга, то Пушкинъ стремительно уѣхалъ въ Москву и вскорѣ сдѣлалъ предложеніе, которое и было принято. Въ августѣ 1830 г. онъ отправился въ имѣніе Пушкиныхъ, село Болдино, Нижегородской губерніи, для принятія той части его, которая была отдана ему отцомъ. Дорога въ Москву изъ деревни скоро была загорожена многочисленными карантинами и поэтъ поневолѣ долженъ былъ остаться здѣсь до декабря мѣсяца. Въ уединеніи онъ предался чрезвычайному творчеству, изумительному по количеству созданныхъ въ такое короткое время твореній. Такъ въ Болдинѣ написаны: „Домикъ въ Коломнѣ“, „Скупой рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“, „Пиръ во время чумы“, „Донъ-Жуанъ“, четыре прощальныя строфы 8-й главы Онѣгина, около 30 мел-

кихъ стихотвореній, кромѣ того пять повѣстей (Бѣлкина), „Лѣтопись села Горохина“ и рядъ полемическихъ статей. Такую необычайную дѣятельность можно объяснить тѣмъ, что, вѣроятно, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ произведеній, были готовы уже планы и содержаніе. Прибавимъ, что въ Болдинѣ Пушкинъ читалъ еще многихъ англійскихъ писателей и пересматривалъ все, что объ немъ писано въ журналахъ.

Вскорѣ по возвращеніи Александра Сергѣевича въ Москву, 18-го февраля 1831 года послѣдовало бракосочетаніе его съ Гончаровой. Новобрачные послѣ Святой выѣхали въ Петербургъ и поселились въ Царскомъ селѣ, гдѣ ихъ совершенно уединило развитіе холеры въ столицѣ. Въ годъ женитьбы начались и историческія изслѣдованія поэта: въ іюлѣ ему былъ дозволенъ входъ въ государственный архивъ, для собиранія матеріаловъ по исторіи Петра Великаго. Вслѣдствіе этихъ занятій, 14-го ноября того же года, онъ вновь принятъ на службу въ государственную коллегію и съ особою милостію — жалованьемъ по 5,000 руб. асс. въ годъ, которая была началомъ многихъ дальнѣйшихъ царскихъ щедротъ. Въ Царскомъ селѣ поэтъ написалъ стихотворенія: „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“, „Письмо Онѣгина къ Татьянѣ“ и нѣсколько русскихъ сказокъ. Послѣднія вызваны турниромъ съ Жуковскимъ: каждый изъ нихъ обязался написать по русской сказкѣ. Произведенія Пушкина: „Царь Салтанъ“, „Купецъ Остолопъ“ и проч., были вполнѣ на-

родны; сказки же Жуковскаго: „Спящая царевна“ и „Берендѣй“ принадлежали германскому міру, хотя сюжетъ „Берендѣя“ взятъ изъ сказокъ Арины Родіоновны.

Въ октябрѣ 1831 года Пушкинъ переѣхалъ въ Петербургъ. Въ томъ же году онъ издалъ въ свѣтъ Бориса Годунова и повѣсти Бѣлкина. Первый, хотя и далъ поэту 10,000 руб., былъ принятъ холодно публикою: толпа еще не доросла до пониманія великаго творенія поэта. Въ этомъ періодѣ началось близкое знакомство его съ Гоголемъ, которому, какъ и вообще всѣмъ даровитымъ начинающимъ писателямъ, Пушкинъ оказывалъ чрезвычайное покровительство. Какъ извѣстно, сюжеты обоихъ величайшихъ произведеній знаменитаго автора „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ были уступлены ему Александромъ Сергѣевичемъ. Съ зимы 1832 года Пушкинъ началъ посвящать все свое время трудамъ въ архивахъ, при этомъ на ряду съ исторіей Петра Великаго, онъ заинтересовался Пугачевскимъ бунтомъ. Матеріалы для исторіи послѣдняго были вполнѣ собраны уже къ осени 1833 года. Въ началѣ этого года онъ былъ принятъ въ число членовъ Академіи Наукъ, засѣданія которой прилежно затѣмъ посѣщалъ и вообще серьезно смотрѣлъ на ученое сословіе, что доказывается нѣкоторыми статьями его, напримѣръ „Россійская академія“ и пр. Въ томъ же году написаны въ Петербргѣ имъ „Капитанская дочка“, „Дубровскій“, „Русалка“ и „Пѣсни западныхъ славянъ“. Въ августѣ поэтъ получилъ разрѣшеніе на посѣщеніе мѣстъ, извѣстныхъ въ дѣятельности Пу-

гачева. Онъ посѣтилъ Казань, Симбирскъ, Оренбургъ, разговаривалъ со стариками, еще помнившими событія бунта и вернулся въ Болдино. Здѣсь написана имъ „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ“ и эпическая поэма „Мѣдный всадникъ“, а также приведены въ порядокъ матеріалы исторіи Пугачевскаго бунта. По возвращеніи въ Петербургъ, Пушкинъ получилъ разрѣшеніе на печатаніе послѣдняго произведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ двѣ награды — чинъ камеръ-юнкера и 20,000 р. заимообразно на изданіе книги. Съ 1833 года у поэта начинаетъ развиваться религіозное настроеніе, выразившееся впослѣдствіи нѣсколькими стихотвореніями, напримѣръ „Странникъ“. „Молитва“ и пр. По словамъ друзей, онъ находилъ неистощимое наслажденіе въ чтеніи Евангелія и заучивалъ наизустъ много молитвъ. 1834 годъ былъ посвященъ хозяйственнымъ хлопотамъ и семейству: Пушкинъ приготовилъ только новое изданіе повѣстей Бѣлкина и написалъ нѣсколько стихотвореній. Въ слѣдующемъ году ему пожалованы заимообразно еще 30,000, такъ что долгъ его возросъ до 50,000. Оба эти года отличаются развитіемъ многочисленныхъ знакомствъ въ обществѣ, которымъ поэтъ посвящалъ много времени, продолжая, впрочемъ, дѣятельно заниматься собираніемъ матеріаловъ по исторіи Петра Великаго и сводомъ всѣхъ сказаній о данныхъ пріобрѣтеніи Камчатки Россіей. Оба эти труда, вслѣдствіе неожиданной смерти Александра Сергѣевича, такъ и остались сырыми матеріалами. Въ 1835 году имъ написаны также „Египетскія ночи“, которыя появились въ „Современникѣ“ уже послѣ смер-

ти поэта. Скоро затѣмъ, въ 1836 году, Пушкина посѣтило горе: онъ потерялъ мать, которую похоронилъ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ. Какъ бы предчувствуя близкую кончину свою, онъ сдѣлалъ въ этомъ монастырѣ вкладъ и на собственную могилу. 1836 годъ провелъ онъ, главнымъ образомъ, въ изданіи въ свѣтъ новаго, его собственнаго журнала „Современника", о чемъ такъ давно мечталъ, и отчасти въ занятіяхъ въ московскихъ архивахъ. Для „Современника" онъ написалъ много различныхъ статей. Поэтическая же дѣятельность его выразилась, между прочимъ, уже упомянутыми нами стихотвореніями „Молитва" и „Подражаніе итальянскому", выражавшими религіозное настроеніе автора. Годъ этотъ былъ тяжелъ для Пушкина тѣмъ, что его уже начинала мучить клевета о женѣ, поведшая къ роковой катастрофѣ въ первомъ мѣсяцѣ слѣдующаго года. Пылкій характеръ поэта не снесъ клеветы: 27-го января 1837 года онъ сразился на пистолетахъ съ Дантесомъ (Георгъ Гекернъ) и былъ смертельно раненъ, а 29-го января, въ пятницу, скончался послѣ страшныхъ мученій, окруженный друзьями. Горе всей столицы было чрезвычайное: люди всѣхъ сословій приходили поклониться праху геніальнаго человѣка. Пушкинъ не оставилъ послѣ себя никакого состоянія и заботы о семействѣ мучили его на смертномъ одрѣ. Но Государь успокоилъ его, извѣстивъ, что принимаетъ на себя всѣ заботы объ этомъ. На самые похороны было ассигновано 10,000 руб., всѣ долги сняты и вновь назначено 50,000 на изданіе всѣхъ сочиненій

поэта, сборъ денегъ съ котораго долженъ былъ идти на составленіе капитала дѣтей. Кромѣ того, два сына зачислены въ Пажескій корпусъ и вдовѣ назначена пенсія. Прахъ Александра Сергѣевича, по Высочайшему повелѣнію, преданъ землѣ въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Михайловскаго (Псковской губерніи, Опочковскаго уѣзда).

Гоголь

[illegible]

[illegible]АЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

[illegible]

[illegible]

[illegible] олтав-
[illegible] стечкѣ
[illegible] чъ Го-
[illegible] Гоголь [illegible] ловину
[illegible], свою
[illegible] что“,
[illegible] иліи я
[illegible] ъ кто
[illegible] свою
[illegible] своей,
[illegible] текло
[illegible] Ва-
[illegible] а об-
[illegible] ъ онъ
[illegible] зсказ-
[illegible] ивалъ
[illegible] обная
[illegible] амымъ
благотворнымъ образомъ на развитіе умственныхъ способностей Николая Васильевича. Сначала отецъ помѣстилъ его, вмѣстѣ съ другимъ сыномъ, скоро

Гоголь

VIII.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ГОГОЛЬ.

1809—1852.

Гоголь родился 19-го марта 1809 г. въ Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Сорочинцахъ. Отецъ его, Василій Афанасьевичъ Гоголь Яновскій (Гоголь откинулъ вторую половину своей половины и. впослѣдствіи, просилъ мать свою адресовать письма „просто Гоголю", „потому что", прибавлялъ онъ шутливо, „кончикъ моей фамиліи я не знаю гдѣ дѣлся; можетъ быть, его поднялъ кто нибудь на большой дорогѣ и носитъ, какъ свою собственность") жилъ съ семьею въ усадьбѣ своей, Васильевкѣ, въ которой, такимъ образомъ, протекло раннее дѣтство знаменитаго писателя. Семья Василія Афанасьевича служила центромъ кружка образованныхъ людей тамошней мѣстности. Самъ онъ славился какъ талантливый юмористическій разсказчикъ, выписывалъ столичные журналы, устраивалъ домашніе спектакли, даже писалъ комедіи. Подобная обстановка, разумѣется, должна была вліять самымъ благотворнымъ образомъ на развитіе умственныхъ способностей Николая Васильевича. Сначала отецъ помѣстилъ его, вмѣстѣ съ другимъ сыномъ, скоро

умершимъ, въ Полтаву, для приготовленія въ мѣстную гимназію, но затѣмъ, по открытію въ Нѣжинѣ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко, въ 1821 году отдалъ его туда на полный пансіонъ. Прилежаніемъ Гоголь не отличался, кромѣ того заниматься серьезно ему мѣшало и его крайне слабое здоровье. Въ письмахъ къ отцу онъ то и дѣло жалуется на боль въ груди и нервное разстройство. Переходить изъ класса въ классъ и кончить курсъ (въ 1828 г.), правда, съ грѣхомъ пополамъ, ему удалось только благодаря его блестящимъ способностямъ.

Впрочемъ, если ученье его въ гимназіи и не подвигалось особенно хорошо, то умственное его развитіе свершалось довольно быстро. Онъ съ жадностью накидывался на книги, выписывалъ ихъ самъ на свои карманныя деньги, просилъ отца высылать ему журналы, самъ писалъ для себя и товарищескаго кружка, устраивая спектакли и пр. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ матери, онъ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: „Я отказываю себѣ даже въ самыхъ крайнихъ нуждахъ, съ тѣмъ, чтобы имѣть хотя малѣйшую возможность поддержать себя въ такомъ состояніи, въ какомъ нахожусь, чтобы имѣть возможность удовлетворить моей жаждѣ видѣть и чувствовать *прекрасное*. Для него-то я съ трудомъ величайшимъ собираю все годовое свое жалованье, откладывая малую часть на нужнѣйшія издержки. За Шиллера, котораго я выписалъ изъ Лемберга, далъ я 40 рублей: деньги весьма немаловажныя по моему состоянію; но я награжденъ съ излишкомъ, и теперь нѣсколько часовъ въ день провожу съ величайшею

пріятностью. Не забываю также и русскихъ, и выписываю, что только выходитъ самаго отличнаго".

Усиленное чтеніе и литературныя занятія, очень естественно, вліяли на раннее умственное развитіе Гоголя. Такъ, напримѣръ, изъ воспоминаній Кулиша, намъ извѣстно, что онъ, будучи 16—17 лѣтнимъ юношей уже отлично зналъ человѣческое сердце и умѣлъ затрогивать самыя тончайшія жибры его, чему свидѣтельствомъ служитъ приводимый имъ анекдотъ. Гоголь, прогуливаясь, увидѣлъ на завалинкѣ бабу съ ребенкомъ, подсѣлъ къ ней, вступилъ въ разговоръ и распространился о дальнѣйшей судьбѣ ея сына: какъ онъ выростетъ, станетъ пьянствовать, буянить, бить ее, какъ сопьется съ кругу и угодитъ въ солдаты. Гоголь такъ искусно развивалъ свою идею, рисовалъ такія яркія картины, что баба, поругавшись съ нимъ предварительно, ударилась, наконецъ, въ слезы. Гоголь посидѣвъ немного, началъ утѣшать огорченную мать, незамѣтно перешелъ къ изображенію судьбы совершенно противоположной, насказалъ ей всякихъ благополучій (и разбогатѣетъ-то ея сынъ, и въ контору-то попадетъ, и приказчикомъ-то сдѣлается), такъ что баба совсѣмъ просіяла.

Первыя литературныя опыты Гоголя носятъ на себѣ слѣды господствовавшаго тогда въ литературѣ романтическаго вкуса: стремленіе къ возвышеннымъ предметамъ и высокому слогу. Въ такомъ, именно, духѣ написанъ имъ „Гансъ фонъ-Кюхельгартенъ", изданный Гоголемъ въ первый же годъ по пріѣздѣ въ Петербургъ и затѣмъ, подъ вліяніемъ насмѣшекъ

надъ нимъ, сожженный почти до послѣдняго экземпляра. Однако проблески самобытности видны даже и въ первыхъ, неудачныхъ его сочиненіяхъ. Сознаніе своихъ силъ возбуждало въ немъ непреодолимое желаніе обратить на себя вниманіе, стать во главѣ другихъ. Въ нѣкоторыхъ письмахъ своихъ, писанныхъ имъ еще въ нѣжинской гимназіи, мы встрѣчаемъ сѣтованія на то, что „тяжко быть зарыту вмѣстѣ съ созданьями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое"! Изъ тѣхъ же писемъ мы можемъ вывести заключеніе, что Гоголь, съ самой ранней юности, былъ склоненъ къ мечтательности и мистической вѣрѣ въ предопредѣленіе. Въ 1825 году, по случаю смерти отца, онъ писалъ матери о душевномъ своемъ настроеніи слѣдующее: „Къ вечеру я примѣтилъ въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая, наконецъ, превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія къ Всевышнему. Благословляю тебя священная вѣра! въ тебѣ я нахожу истинное утѣшеніе и утоленіе своей горести".

Тотъ внутренній разладъ, та двойственность натуры, которая выступила съ необыкновенною яркостью въ послѣдніе годы жизни Гоголя, повидимому, таилась въ немъ и въ юношескомъ возрастѣ. По крайней мѣрѣ, не задолго до своего выпуска, онъ пишетъ матери, что онъ для всѣхъ почитается загадкою, и никто не разгадалъ его совершенно. „У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей.

Вѣрите ли, что я внутренно смѣялся надъ собою съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый скромный, тихій, учтивый; въ другомъ—угрюмый, задумчивый, неотесанный и пр.; въ третьемъ —болтливъ и докучливъ до крайности, у иныхъ— уменъ, у другихъ—глупъ".

Въ 1829 году Гоголь пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ опредѣлиться на службу. Въ Нѣжинѣ онъ мечталъ о столицѣ, какъ о какомъ нибудь раѣ; но, разумѣется, ему очень скоро пришлось разочароваться. Средства его были крайне ничтожны и онъ испытывалъ страшную нужду, терпѣлъ и голодъ и холодъ. Скоро ко всѣмъ бѣдамъ присоединилась болѣзнь. По настоянію докторовъ въ августѣ 1829 г. предпринялъ онъ поѣздку въ Травемюнде, близъ Любека. Такъ какъ средствъ у него не имѣлось, то онъ принужденъ былъ затратить деньги, посланныя матерью для уплаты въ опекунскій совѣтъ, за заложенное имѣніе. Изъ-за границы, впрочемъ, онъ вернулся очень скоро и занялся пріисканіемъ себѣ мѣста. Впослѣдствіи Гоголь утверждалъ, что въ молодости онъ не чувствовалъ никакой наклонности къ литературѣ и пріѣхалъ въ Петербургъ именно съ намѣреніемъ составить себѣ служебную карьеру; но въ указанный нами періодъ времени, въ письмѣ своемъ къ матери, онъ налегалъ на то, что мѣста онъ искалъ лишь въ угодность ей.

Въ началѣ 1830 г. Гоголь получилъ канцелярское мѣсто въ министерствѣ удѣловъ съ жалованьемъ въ годъ по 500 рублей ассигнаціями. Посто-

ронней, журнальной работой онъ зарабатывалъ не болѣе ста рублей, такъ, что существовать на собственныя средства онъ положительно не могъ и долженъ былъ просить помощи отъ матери. Такъ какъ послѣднее обстоятельство ужасно мучило его, то онъ всѣми силами старался выбиться изъ нужды и, даже, стремился было поступить въ актеры, но сдѣланное ему испытаніе не удалось и Гоголь оставилъ навсегда мечты о театрѣ. Гоголь чрезвычайно тяготился своей должностью. Кромѣ того, что она не давала ему средствъ къ существованію, она еще отнимала у него слишкомъ много времени, и давила его своей мертвящей скукой. Мать его все еще продолжала мечтать о блестящей служебной карьерѣ, Гоголь же всей душой рвался на иной путь, куда призывалъ его геній. Стремленія эти отчасти отражаются въ его письмахъ, хотя онъ тщательно маскируетъ ихъ риторическими, ничего не объясняющими фразами. „Безумный, пишетъ онъ напримѣръ, въ одномъ письмѣ, я хотѣлъ — было противиться этимъ вѣчно неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду, ненасытимую бездѣйственною разсѣянностью свѣта... И я осмѣлился откинуть эти божественные помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней между сими служащими, издерживающими жизнь такъ безплодно“.

Въ это время Гоголь напечаталъ свою идиллію „Гансъ фонъ-Кюхельгартенъ“, о которой говорено выше. Неудача перваго опыта сильно повліяла на него и навела на мысль бросить преданья старины,

и заняться описаніемъ дѣйствительности. Петербургъ и та сфера, въ которой онъ вращался была ему еще слишкомъ мало знакома, Малороссію же онъ успѣлъ позабыть съ дѣтства; живя постоянно въ Нѣжинѣ онъ наѣзжалъ съ роднымъ лишь на короткія лѣтнія вакаціи. Задавшись однако мыслью непремѣнно написать, что нибудь изъ малороссійской жизни, онъ прибѣгъ къ крайне оригинальному средству, а именно: просилъ мать свою сообщить ему самымъ подробнымъ образомъ объ обычаяхъ, нравахъ и даже одежды малороссіянъ. „Прошу также, добрая и несравненная маменька, прибавлялъ онъ въ припискѣ, ставить какъ можно четче имена собственныя и вообще разныя малороссійскія проименованія“. И вотъ съ подобными-то скудными свѣдѣнія Гоголь принялся за писаніями своихъ малороссійскихъ разсказовъ и, благодаря силѣ своего громаднаго таланта, создалъ рядъ яркихъ картинъ.

Въ 1830 году, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Свиньина появился первый его разсказъ „Вечеръ на канунѣ Ивана Купала“ (Бисаврюкъ, малороссійская повѣсть, разсказанная дьячкомъ Покровской церкви). Хотя Свиньинъ и не рѣшился напечатать Бисаврюка безъ большихъ передѣлокъ (такъ сильно было тогда общее благоговѣніе предъ пресловутымъ романтизмомъ) но, тѣмъ не менѣе, первая попытка Гоголя на новомъ поприщѣ не прошла для него безслѣдно, такъ какъ съ этой эпохой именно совпадаетъ его сближеніе съ Пушкинымъ. Пушкинъ, впрочемъ, едва ли могъ оцѣнить Гоголя по его твореніямъ — ихъ было слишкомъ мало еще въ пе-

чати — но одинъ геніальный писатель, повидимому, предъугадалъ другаго, въ лицѣ едва только достигшаго совершеннолѣтія юноши.

Сближеніе съ Пушкинымъ не прошло для Гоголя безслѣдно, даже и по отношенію къ матерьяльному положенію. Поэтъ поспѣшилъ ввести Гоголя въ свой литературный кружокъ, къ которому принадлежали, между прочимъ, Жуковскій и Плетневъ. Стараніями послѣднихъ Гоголь въ скоромъ времени получилъ штатное мѣсто и 1,000 рублей жалованья, а въ 1831 г. опредѣленъ въ Патріотическій институтъ для дѣвицъ, въ качествѣ старшаго учителя исторіи. Имѣя болѣе свободнаго времени Гоголь прилежнѣе занялся литературой. Въ 1831 году въ "Сѣверныхъ Цвѣтахъ" явилась его глава изъ романа „Гетманъ", съ подписью OOOO (четыре о; въ имени и полной фамиліи Гоголя буква эта повторяется дѣйствительно четыре раза), въ „Литературной Газетѣ" два разсказа: „Учитель" и „Успѣхъ посольства", подъ псевдонимомъ П. Глечикъ и „Нѣсколько словъ о преподаваніи дѣтямъ географіи" съ подписью Г. Яновъ. Въ 1832 г. изданъ имъ отдѣльной книжкой рядъ разсказовъ подъ общимъ именемъ: „Вечера на хуторѣ близь Диканьки". „Повѣсти изданныя пасичникомъ Рудымъ Панькомъ". Псевдонимъ, Рудый Панько, выдуманъ Плетневымъ. Въ первой книжкѣ „Вечеровъ" помѣщены: „Вечеръ на канунѣ Ивана Купала" (Бисаврюкъ) съ значительными измѣненіями противъ „Отечественныхъ Записокъ", „Сорочинская ярмарка" Майская ночь", или „Утопленница", „Пропавшая грамота". Во второй — „Ночь передъ Рожде-

ствомъ", „Страшная месть", „Иванъ Федоровичъ Шпонька и его тетушка", „Заколдованное мѣсто".

„Вечерами" восторгались не только друзья писателя, но и публика. Успѣхъ ихъ былъ громадный. Гоголь въ это время писалъ матери: „Я не знаю, какъ могутъ люди жаловаться на скуку! Эти люди всегда недостойны названія людей!...." Объ измѣненіи его матерьяльныхъ средствъ къ лучшему, мы уже можемъ заключить изъ того обстоятельства, что въ апрѣлѣ 1831 г. онъ пишетъ матери, что пріѣдетъ на слѣдующій годъ въ деревню, не прося у нея денегъ на дорогу, а въ началѣ 1832 г. высылаетъ на свадьбу сестры 500 рублей. Какъ сказано выше, Гоголь чрезвычайно тяготился тѣмъ, что долгое время принужденъ былъ жить на счетъ матери; помогать своей семьи было всегдашней его мечтой. Лѣто 1832 г. онъ провелъ въ деревнѣ, о чемъ съ восторгомъ сообщаетъ одному изъ своихъ школьныхъ пріятелей и зоветъ его посмотрѣть какъ онъ блаженствуетъ: лѣниво возвращается съ поля отъ косарей или беззаботно лежитъ подъ широкой яблоней, безъ сюртука, на коврѣ, возлѣ ведра холодной воды съ льдомъ. Въ это время слава Гоголя уже достигла и его родины. „Мы весьма знаемъ, писалъ ему въ то время изъ Лубенъ какой-то Василій Ивановичъ, что присланная вами книга есть сочиненіе ваше (а не пасичника); это есть прекраснѣйшее дѣло, благороднѣйшее занятіе. Я читалъ и рекомендацію ей отъ Булгарина въ „Сѣверной Пчелѣ" очень съ хорошей стороны и къ поощренію сочинителя. Это видѣть пріятно".

Матерьяльное положеніе его семьи, находившее-

ся въ весьма печальныхъ обстоятельствахъ, произвело на Гоголя подавляющее впечатлѣніе. Онъ сталъ снова хандрить и жаловаться на разные недуги. Проѣздомъ черезъ Москву онъ познакомился съ Погодинымъ, Шевыревымъ, Максимовичемъ, Аксаковымъ, Языковымъ (поэтомъ) и Кирѣевскимъ. Благодаря своей впечатлительной и воспріимчивой натурѣ, онъ вдругъ сильно увлекся исторіей и сталъ на нее смотрѣть, какъ на цѣль своего существованія, такъ что даже писалъ новому своему другу Погодину: „Главное дѣло — Всеобщая Исторія, а прочее — постороннее".

Вернувшись изъ Москвы, Гоголь дѣйствительно собрался писать исторію Малороссіи и исторію среднихъ вѣковъ. Однако изъ этого предположенія ничего не вышло, въ прямомъ смыслѣ по крайней мѣрѣ, такъ какъ изъ собранныхъ имъ малороссійскихъ преданій, онъ создалъ „Тараса Бульбу". Занявъ съ помощію своихъ друзей каѳедру всеобщей исторіи въ 1834 г., онъ вообразилъ, что попалъ на настоящую свою дорогу и о литературныхъ своихъ трудахъ отзывался съ пренебреженіемъ. Первая его лекція, напечатанная въ Журналѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія. „О среднихъ вѣкахъ" привлекла многочисленную аудиторію и произвела извѣстное впечатлѣніе, но затѣмъ жаръ къ исторіи сталъ мало по малу потухать въ немъ и онъ принужденъ былъ сознаться Погодину, что онъ историкъ по неволѣ и давно уже „помѣшался на комедіи". Къ концу перваго-же семестра никто не ходилъ болѣе на лекціи Гоголя, да и онъ сталъ тяготиться своей профессурой. Въ это время онъ оканчивалъ цѣлый рядъ очерковъ: „Ста-

росвѣтскіе помѣщики", „Тарасъ Бульба", „Вій", „Портретъ",„Невскій проспектъ", "Записки сумасшедшаго", и приготовлялъ „Ревизора" къ постановкѣ на сценѣ. „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ", была написана раньше. Въ 1835 г. Гоголь наконецъ вышелъ въ отставку. Въ томъ же году появилось новое изданіе его сочиненій въ двухъ томахъ: „Арабески" и „Миргородъ".

Въ апрѣлѣ 1836 года оконченъ, наконецъ, „Ревизоръ". Очень возможно, что этимъ великимъ произведеніемъ мы обязаны Пушкину. Какъ извѣстно, онъ далъ сюжетъ Гоголю, разсказавъ, какъ въ Устюжнѣ одинъ проходимецъ выдалъ себя за ревизора и обобралъ жителей, но, главное, онъ своимъ вліяніемъ заставилъ Гоголя, какъ тотъ самъ признается, взглянуть на дѣло серьезно и приняться за большое сочиненіе. Слѣдуетъ замѣтить, что Гоголь писалъ своего „Ревизора", зная Россію столько же, сколько зналъ Малороссію, приступая къ своимъ разсказамъ изъ малороссійскаго быта. Личное знакомство его съ нею, ограничивалось двумя поѣздками на перекладныхъ отъ Петербурга до Полтавы. Ни вѣрность изображенія, ни яркость красокъ, однако, не пострадали отъ этого.

Постановка „Ревизора" на сцену встрѣтила затрудненія со стороны нѣкоторой части общества, видѣвшей въ немъ посягательство на все „святое", Но высокое заступничество Государя спасло великое произведеніе. Гоголь отмстилъ публикѣ, написавъ „Театральный разъѣздъ, послѣ перваго представленія комедіи". Однако, треволненія эти разбу-

дили въ душѣ Гоголя никогда не засыпавшія въ немъ тревоги. Въ письмахъ его къ друзьямъ встрѣчаемъ прежнія сѣтованія. Долги и болѣзнь поддерживали въ немъ безпокойное состояніе духа. Мнимая неудача „Ревизора“ еще болѣе усилила въ немъ мрачное настроеніе и онъ сталъ подумывать о переселеніи въ Кіевъ. Петербургъ опротивилъ ему. Въ Кіевъ, однако, равно какъ и въ Москву, куда тоже собирался на житье, онъ не поѣхалъ. Вмѣсто того, Гоголь собрался заграницу и пробылъ тамъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, въ продолженіи которыхъ только два раза побывалъ въ Россіи, да и то на короткое время. Добровольное свое изгнаніе онъ объяснялъ, какъ требованіемъ здоровья, такъ и желаніемъ заѣхать подальше отъ Россіи для того, чтобы „увидѣть Россію“. „Во все мое пребываніе въ Россіи, пишетъ онъ, Россія у меня разсѣевалась и разлеталась. Я не могъ никакъ собрать ее въ одно цѣлое; духъ мой упадалъ и самое желаніе знать ее ослабѣвало. Но какъ я только выѣзжалъ изъ нея, она совокуплялась въ мысли моей въ одно цѣлое, желанье знать ее, пробуждалось во мнѣ вновь и охота знакомиться со всякимъ свѣжимъ человѣкомъ, недавно выѣхавшимъ изъ Россіи, становилась вновь сильна. Во мнѣ рождалось даже умѣнье выспрашивать, и часто въ одномъ разговорѣ я узнавалъ то, чего не могъ, живя въ Россіи, узнать въ продолженіи недѣли“. Но этими словами далеко еще не объяснялось все. Въ душѣ его совершалось нѣчто весьма тяжкое, что онъ опредѣляетъ названіемъ „внутренней исторіи“ и „строгимъ анализомъ надъ

собственной душой“. Анализъ этотъ, какъ и слѣдовало, приводилъ его къ тревожному мечтанью; онъ то считаетъ себя ничтожнѣйшимъ изъ созданій, то гордится этимъ сознаніемъ, видитъ въ немъ выраженіе высшей, избранной природы. Выѣзжая изъ Петербурга, онъ писалъ Погодину, что ѣдетъ „глубоко обдумать свои авторскія обязанности“, что нынѣ онъ чувствуетъ „что неземная воля направляетъ его путь“.

Сюжетъ „Мертвыхъ душъ“ принадлежалъ, какъ и сюжетъ „Ревизора“ Пушкину. Гоголь предъ отъѣздомъ заграницу, уже сготовилъ весь планъ въ воображеніи. Между прочимъ, онъ пишетъ о будущей своей поэмѣ слѣдующее: „чѣмъ болѣе я обдумывалъ мое сочиненіе, тѣмъ болѣе видѣлъ, что не случайно слѣдуетъ мнѣ взять характеры, какіе попадутся, но избрать одни тѣ, на которыхъ замѣтнѣй и глубже отпечатлѣлись истинно-русскія коренныя свойства наши. Словомъ, хотѣлось бы, чтобы, по прочтеніи моего сочиненія, предсталъ, какъ бы невольно весь русскій человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ богатства и даровъ, доставшихся на его долю преимущественно предъ другими народами, и со всѣмъ множествомъ тѣхъ недостатковъ, которые находятся въ немъ также преимущественно предъ всѣми другими народами. Я думалъ, что лирическая сила, которой у меня былъ запасъ, поможетъ мнѣ изобразить такъ эти достоинства, что къ нимъ возгорится любовью русскій человѣкъ, а сила смѣха, котораго у меня также былъ запасъ, поможетъ мнѣ такъ ярко изобразить недостатки, что ихъ возненавидитъ читатель, если

бы даже нашелъ ихъ въ себѣ самомъ". Послѣднія слова, о лирической силѣ и силѣ смѣха указываютъ именно на ту двойственность въ характерѣ, о которой мы говорили выше, и которая привела къ такой трагической развязкѣ.

Въ 1842 г. появился первый томъ „Мертвыхъ душъ". Въ немъ мы почти не видимъ слѣдовъ болѣзненнаго настроенія и весь онъ пропитанъ той силою смѣха, на которую такъ надѣялся Гоголь. Но злой недугъ точилъ уже безсмертнаго творца поэмы. Первый ударъ, нанесенный Гоголю судьбой, была смерть Пушкина (1837). Вѣсть эта поражала тогда всякаго, какъ громомъ. Можно вообразить себѣ какъ отозвалась она на впечатлительной и больной душѣ Гоголя. „Все наслажденіе моей жизни, писалъ онъ, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ". Въ 1839 г. Гоголь не надолго пріѣзжалъ въ Россію для устройства сестеръ, помѣщенныхъ имъ еще въ 1832 г. въ институтъ. По возвращенію его заграницу въ 1840 г. болѣзнь усилилась. Къ ней присоединилась тоска, которой, по его словамъ, нѣтъ описанія. Едва живой добрался онъ до Рима. Тамъ ожидала его новая неудача. Онъ хлопоталъ о мѣстѣ при лицѣ, которому былъ порученъ надзоръ за пансіонерами Академіи Художествъ, но получилъ отказъ. Ему пришлось сдѣлать новый заемъ подъ „Мертвыя души", очень естественно, что болѣзненное настроеніе усилилось въ немъ, благодаря всѣмъ этимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Въ письмахъ, писанныхъ имъ въ 1841 г. слѣды подобнаго настроенія встрѣчаются

все чаще и чаще. Такъ, напримѣръ, сестрѣ своей онъ отвѣчаетъ: „мы присланы сюда затѣмъ, чтобы исполнить порученье, возложенное на насъ Пославшимъ. Молись Ему о томъ, чтобы Онъ Самъ внушилъ тебѣ совѣтъ". Между тѣмъ для печатанія „Мертвыхъ душъ" встрѣтились нѣкоторыя затрудненія. Это, разумѣется, стоило новыхъ тревогъ Гоголю. Плетневу онъ пишетъ изъ Москвы о намѣреніи своемъ совсѣмъ отложить печатаніе перваго тома и подвергнуть его передѣлкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что участь его была такая-же точно, какъ и участь втораго тома—сожженнаго имъ въ 1845 г.—если бы, по счастью, не послѣдовало разрѣшенія печатать. Издавъ „Мертвыя души" и выпустивъ полное собраніе своихъ сочиненій въ 4 томахъ, (I „Вечера на хуторѣ близь Диканьки", II „Миргородъ", III „Арабески",—куда присоединены новыя повѣсти: „Шинель" и напечатанные въ „Современникѣ" Плетнева „Коляска" и „Носъ", IV „Ревизоръ", „Женитьба" и драматическіе отрывки и сцены). Гоголь уѣхалъ заграницу на цѣлыхъ шесть лѣтъ и прожилъ тамъ почти до самой смерти.

Продолжительное пребываніе заграницей вдали отъ друзей, отъ благотворныхъ вліяній, подѣйствовало чрезвычайно пагубно на Гоголя. Онъ окружилъ себя лицами, настроеніе которыхъ, по его мнѣнію, ближе всего подходило къ его собственному и сталъ все болѣе и болѣе увлекаться мыслью „изучить самого себя". Средствомъ къ самоизученію, Гоголь выбралъ переписку съ друзьями, которые высылали ему сочиненія въ родѣ „Трубы словесъ", „Розыска" Дмитрія

Ростовскаго и т. п. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, раздражали Гоголя чуть ли еще не болѣе первыхъ, сообщая ему слухи о немъ самомъ. Ко всему этому присоединялись еще и матеріяльныя затрудненія. Въ 1845 году, впрочемъ ему было назначено отъ Государя по 1000 рублей на три года и отъ наслѣдника по 1000 франковъ; но физическое состояніе, а вслѣдствіи того и нравственное, было въ самомъ отчаянномъ положеніи. „Я мало чѣмъ лучше скелета, писалъ онъ. Дѣло доходило до того, что лицо дѣлалось зеленѣй мѣди, руки почернѣли, превратились въ ледъ, такъ что прикосновеніе ихъ ко мнѣ самому было страшно, и при 18° въ комнатѣ, я не могъ ничѣмъ согрѣться."

Въ такомъ именно состояніи Гоголь редактировалъ свою „Переписку", составленную изъ писемъ его къ друзьямъ изъ Швальбаха, въ половинѣ 1846 г. отправилъ онъ ея начало въ Петербургъ для напечатанія, подъ названіемъ „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями." Не смотря на то, что остальная часть была прислана имъ вскорѣ за первой, но книга появилась лишь въ началѣ 1847 г. и то въ сильно сокращенномъ видѣ, какъ вслѣдствіи общей цензуры, такъ и цензуры друзей. Обстоятельство это вызвало сильное неудовольствіе въ Гоголѣ.

Переписка въ публикѣ возбудила частью сожалѣніе, частью осужденіе. Нѣкоторые считали Гоголя сумашедшимъ.

Въ 1848 году Гоголь осуществилъ давнишнюю мечту свою и изъ Итали сдѣлалъ поѣздку въ Па-

лестину, на поклоненіе Гробу Господню. Оттуда онъ возвратился съ окончательно разстроеннымъ здоровьемъ и поселился въ Москвѣ. Тамъ онъ съизнова написалъ нѣсколько главъ для втораго тома „Мертвыхъ душъ", но жизненныя силы видимо угасали въ немъ. Въ 1851 году онъ снова хотѣлъ было уѣхать заграницу, доѣхалъ до Одессы, но потомъ вернулся въ Москву. Изнуривъ себя окончательно постомъ и молитвой, онъ умеръ отъ нервной горячки 21-го февраля 1852 г. на 43 году. Найденные послѣ его смерти отрывки втораго тома „Мертвыхъ душъ" были изданы въ 1855 году въ числѣ пяти главъ.

IX.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ
ГЛИНКА.

1804—1857.

Глинка родился 20-го мая 1804 г., въ селѣ Новоспасскомъ (Смоленской губерніи, въ 20-ти верстномъ разстояніи отъ гор. Ельни) принадлежавшемъ отцу его, отставному капитану Ивану Николаевичу Глинкѣ. Мать Михаила Ивановича, Евгенія Андреевна, урожденная Глинка, первоначальное воспитаніе сына передала матери своего мужа, Феклѣ Александровнѣ, въ комнатѣ которой и росъ маленькій Миша, рѣдко видаясь съ родителями. Онъ былъ ребенокъ слабый, болѣзненный, нервный. Не смотря на баловство обожавшей его бабушки, оставался кроткимъ и послушнымъ; „недотрогою", какъ говоритъ Глинка въ своихъ воспоминаніяхъ, онъ становился лишь тогда, когда его тревожили во время занятій. Онъ очень рано выучился читать, нерѣдко приводилъ окружающихъ въ умиленіе чтеніемъ священныхъ книгъ, любилъ рисовать и чувствовалъ страсть къ колокольному звону, жадно вслушивался въ него и потомъ подражалъ звонарямъ ударяя въ мѣдные тазы.

Послѣ кончины Феклы Александровны, Глинка

[illegible]

[illegible]ВИЧЪ

ГЛИНКА

[illegible]

Гли[illegible] спаско[illegible] губерніи, [illegible] разстоя[illegible] принадлежавшемъ отцу его, от[illegible] капитану Ивану [illegible] кѣ. Ма[illegible] урожден[illegible] Глинка, [illegible]начальное воспитаніе сына пере[illegible] матери своего [illegible] Феклѣ Александровнѣ, въ комнатѣ которой и росъ [illegible] Миша, рѣд[illegible] съ родителями. [illegible] нокъ сл[illegible] баловст[illegible] кимъ и послушнымъ; „недотрогою", [illegible] Глинка въ своихъ воспоминаніяхъ, [illegible] лишь тогда, когда его тревожили [illegible] Онъ очен[illegible] дилъ окр[illegible] ныхъ кн[illegible] къ коло[illegible] и потомъ подражалъ звонарямъ ударяя въ мѣдные тазы.

Послѣ кончины Феклы Александровны, Глинка

Михаилъ Глинка

перешелъ къ матери. Та баловала его менѣе чѣмъ бабушка и старалась пріучить къ свѣжему воздуху, отъ котораго Глинка у Феклы Александровны, женщинѣ болѣзненной и не молодой, совершенно отвыкъ; старанія эти, однако, не увѣнчались благопріятнымъ результатомъ. Для присмотра за дѣтьми, кромѣ нянекъ, въ домѣ находилась француженка; отецъ нанялъ также архитектора, учившаго Михаила Ивановича рисованію. Сверхъ того, не рѣдко бесѣдовалъ съ послѣднимъ старичекъ возбудившій въ немъ страсть къ путешествіямъ.

По обычаю помѣщиковъ того времени, Иванъ Николаевичъ въ торжественныхъ случаяхъ угощалъ сосѣдей музыкой: къ нему пріѣзжалъ оркестръ его шурина, брата Евгеніи Андреевны, и оставался по нѣскольку дней. Музыка эта производила на 10-ти—11-ти лѣтняго Глинку чарующее впечатлѣніе, онъ становился разсѣянъ, невнимателенъ и весь погружался въ неизъяснимо сладкое, томительное состояніе. Учитель неоднократно журилъ его, за то, что онъ только о музыкѣ и думаетъ. „Что дѣлать", отвѣчалъ Глинка, „музыка душа моя".

Первоначальное ученіе подъ руководствомъ гувернантки, плохой педагогички, требовавшей знанія уроковъ въ долбяшку, шло не блестяще. Музыкѣ она учила тоже совершенно механически. Глинка, однако, не смотря на плохой методъ дѣлалъ быстрые успѣхи. Онъ утверждаетъ, что не глядя на безсознательную любовь къ музыкѣ предпочиталъ тѣ пьесы, которыя были доступны его пониманію. Скрипачъ дяди началъ учить его на скрипкѣ, и самъ

владѣя смычкомъ не совсѣмъ свободно сообщилъ этотъ недостатокъ и Глинкѣ.

Въ началѣ зимы 1817 г. Глинка былъ помѣщенъ въ новооткрытый благородный пансіонъ при главномъ педагогическомъ институтѣ. Преподавателями въ старшихъ классахъ были люди свѣдующіе, профессора, кончившіе курсъ въ заграничныхъ университетахъ, въ младшихъ же грубые невѣжды въ родѣ англичанина Биттона, француза Трипе и т. п. Подъинспекторъ Ив. Ек. Колмаковъ пользовался громадной популярностью между воспитанниками благодаря своей добротѣ и своему чудачеству. Глинка, мастерски передразнивавшій его, не могъ забыть его всю жизнь. Про него воспитанники сложили стихи: „Подъинспекторъ Колмаковъ, умножаетъ дураковъ; онъ глазами все моргаетъ и жилетъ свой поправляетъ". Глинка же подобралъ къ нимъ музыку. За обѣдомъ начиналось нѣчто въ родѣ серенады. Колмаковъ прислушивается, начинаетъ догадываться о продѣлкѣ и рѣшительно направляется въ ту сторону гдѣ слышется пѣніе. Увы! подойдя близко онъ видитъ, что въ этомъ углу ученики сидятъ смирно и прилежно жуютъ, пѣсня же раздается въ совершенно противоположной сторонѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Глинка сталъ брать уроки на фортепьяно у знаменитаго Фильда и, разумѣется, оказалъ чрезвычайно быстрые успѣхи. По отъѣздѣ Фильда, онъ продолжалъ заниматься съ ученикомъ послѣдняго Оманомъ, а позднѣе съ Цейнеромъ. Цейнеръ однако требовалъ, чтобъ Глинка теоретическіе его уроки училъ въ долбяшку; Глинка же

возмущался этимъ и потому скоро взялъ себѣ въ учителя Карла Мейера. Въ день выпуска, въ 1822 г. Глинка, въ четыре руки съ Мейеромъ, на двухъ рояляхъ съигралъ публично А-мольный концертъ Гумеля. Занятія на скрипкѣ шли не такъ успѣшно. Въ 1819, 20 и 21 годахъ Глинка, посѣщая родителей на вакаціи, игралъ въ оркестрѣ дяди и, какъ кажется, увлекался Россиніевской музыкой. Въ Петербургѣ родители и родственники возили его въ театръ и онъ былъ въ восторгѣ отъ оперы и балетовъ. Учился Глинка по началу очень прилежно. Способности у него были богатыя и онъ, въ особенности въ языкахъ (нѣмецкомъ, латинскомъ, англійскомъ и персидскомъ) оказалъ поразительные успѣхи. Но впослѣдствіи онъ залѣнился и сталъ неглижеровать ученьемъ. Тѣмъ не менѣе въ 1822 г., отчасти за прежнія заслуги, отчасти благодаря ловкимъ уверткамъ онъ кончилъ курсъ первымъ, съ правомъ на чинъ 10-го класса.

Такъ какъ Иванъ Николаевичъ желалъ, чтобъ сынъ его служилъ въ иностранной коллегіи, то Глинка вышедши изъ пансіона продолжалъ заниматься французскимъ языкомъ; но языкъ этотъ казался ему чѣмъ-то дикимъ и вовсе не поэтическимъ и потому успѣхи были крайне плохіе. Впрочемъ въ 1823 г. отецъ пожелалъ, чтобы Глинка воспользовался представившемся удобнымъ случаемъ для поѣздки на Кавказъ и прибегъ бы къ тамошнимъ минеральнымъ водамъ. (Въ своихъ воспоминаніяхъ Глинка поясняетъ, что двоюродная сестра его, которую лечили магнетизмомъ, въ состояніи ясновидѣнія, посовѣтывала подобное лече-

ніе. Это не единственный случай, доказывающій странное суевѣріе нашего великаго композитора. Онъ вѣрилъ напримѣръ въ роковое предзнаменованіе трехъ горящихъ свѣчей и т. п.). Кавказскія минеральныя воды подѣйствовали на Глинку неблагопріятнымъ образомъ и здоровье его не только не улучшилось, а даже сдѣлалось хуже прежняго. По возвращенію въ Петербургъ, въ 1824 г. онъ опредѣлился въ канцелярію Совѣта Путей Сообщенія, помощникомъ секретаря; служба эта нравилась ему тѣмъ, что отнимала у него въ день не болѣе часа, и была причиной знакомства его съ графомъ Сиверсомъ, большимъ любителемъ музыки и его музыкальнымъ кружкомъ. Въ слѣдующемъ 1825 г. Глинкой написаны первое аллегро сонаты D-моль для фортепьяно съ альтомъ и романсъ „Неискушай меня безъ нужды“ (слова Баратынскаго). Уѣхавъ въ деревню на помолвку сестры, Глинка для „милой племянницы своей“ (Глинка предпочиталъ мужскому обществу дамское и былъ баловнемъ послѣдняго), въ Смоленскѣ написалъ варьяціи на модный въ то время романсъ Benedetta sia la madre, для семейства же ген. Апухтина музыку для пролога: „Кончина Александра и восшествіе на престолъ государя Николая Павловича“, состоявшую изъ хоровъ и аріи. Самъ Глинка изображалъ въ ней генія. Вообще этотъ періодъ жизни Глинки слѣдуетъ назвать мечтательнымъ: онъ увлекался поэзіей Жуковскаго, сочинялъ тоскливые романсы и „любилъ поплакать сладкими слезами умиленія“.

Въ 1827 г. случилось весьма важное обстоятельство. Нѣкто Погодинъ, въ послѣдствіи сенаторъ и

гофъ-интендантъ, узнавъ, что отецъ Глинки желаетъ заняться важной операціей, основываясь на безукоризненной репутаціи Ивана Николаевича, самъ предложилъ войти съ нимъ въ долю и внесъ 500,000 руб. асс. для залоговъ. Выгода отъ этой операціи освободила имѣнія Глинки отъ всѣхъ лежавшихъ на нихъ долговъ. Въ томъ же году Михаилъ Ивановичъ, благодаря личнымъ и чрезвычайно мелочнымъ придиркамъ своего начальника, подалъ въ отставку.

Знакомство съ княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Голицынымъ имѣло важное вліяніе на развитіе музыкальныхъ способностей Глинки. Онъ умѣлъ ободрить молодаго и застѣнчиваго композитора, возбуждать его къ дѣятельности, писалъ для него стихи и выполнялъ его сочиненія. Чрезъ него Глинка сошелся со многими представителями аристократической молодежи и, между прочимъ, съ камеръ-юнкеромъ Штеричемъ, съ которымъ впослѣдствіи подружился. Съ Голицынымъ и его кружкомъ Глинка катался по Черной рѣчкѣ въ двухъ катерахъ, иллюминованныхъ фонарями и акомпанировалъ музыкантамъ на фортепьяно, прилаженнымъ къ кормѣ. Объ этихъ „серенадахъ“ писали въ „Сѣверной Пчелѣ“ и этотъ успѣхъ поощрилъ друзей-музыкантовъ къ новымъ предпріятіямъ. Такъ они дали представленіе кн. Кочубею (президенту Государственнаго Совѣта) и Глинка, въ кисейномъ платьѣ и рыжемъ парикѣ исполнялъ роль Донны Анны въ „Донъ-Жуанѣ“ Моцарта.

Глинка съѣздивъ на Иматру, плѣнился пѣсней, которую пѣлъ его ямщикъ — чухонецъ, заучилъ ее, и впослѣдствіи употребилъ ее главною темою для

баллады „Финна въ Русланѣ„. Въ тотъ же годъ (1829) написана имъ музыка на слова Дельвига „Не осенній частый дождикъ“, которой онъ впослѣдствіи воспользовался для романса Антониды „Не о томъ скорблю, подруженки“. Осенью у Штерича Глинка слышалъ персидскую пѣсню. Мотивъ ея послужилъ для хора: „Ложится въ полѣ мракъ ночной“ въ оперѣ „Русланъ и Людмила“.

Здоровье Глинки между тѣмъ разстраивалось все болѣе и болѣе. Въ 1828 году, уже осматривавшій его докторъ Шпиндлеръ, объявилъ, что у него цѣлая „кадриль болѣзней“, и посовѣтывалъ года на три уѣхать заграницу. Въ 1830 году, наконецъ состоялось это путешествіе. Глинка поѣхалъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ въ то время теноромъ Ивановымъ, которому, по настоянію Ивана Николаевича, былъ данъ двухлѣтній отпускъ. Сверхъ того, послѣдній обязался подпиской матеріяльно поддерживать Иванова, во время его пребыванія заграницей.

Глинка проѣхалъ черезъ Дрезденъ, гдѣ совѣтывался съ докторами, пославшими его въ Аахенъ лечиться водами, въ Швейцарію и Италію. Жилъ въ Миланѣ, Туринѣ, Неаполѣ и посѣтилъ Венецію, Римъ и нѣкоторые другіе города. Два раза онъ и Ивановъ чуть не умерли отъ случайной отравы (имъ приготовили кушанье въ нелуженной кострюлѣ). Глинка много работалъ, постоянно вращался въ кругу пѣвцовъ, композиторовъ, любителей музыки, ознакомился съ труднымъ искусствомъ управлять голосомъ и писать для пѣнія. Послѣднее, благодаря Ноццари (тенору) и Фодоръ — русской пѣ-

вицѣ, поселившейся навсегда въ Италіи вмѣстѣ съ мужемъ французомъ. Этотъ періодъ жизни Глинки слѣдуетъ по всей справедливости назвать итальянскимъ, такъ какъ Глинка вполнѣ подпалъ подъ вліяніе тамошнихъ артистовъ и даже поддѣлывался подъ ихъ стиль. Ложность этого пути, впрочемъ скоро была сознана геніальнымъ композиторомъ, и онъ, въ послѣднее время пребыванія въ Италіи, жестоко скучалъ. Физическіе его недуги по временамъ принимали ужасающіе размѣры и доводили его до галлюцинацій. Вслѣдствіе сильнаго раздраженія нервной системы, голосъ Глинки, бывшій сиповатымъ и неопредѣленнымъ, вдругъ превратился въ звонкій и высокій теноръ. Въ Вѣнѣ Глинка прибѣгъ къ гомеопатическому способу леченія и, по его словамъ, почувствовалъ облегченіе. Наслушавшись Ланнера и Штрауса, онъ попробовалъ и самъ сочинить что нибудь въ томъ же родѣ, и изобрѣлъ тему, послужившую въ послѣдствіи для краковьяка въ оперѣ „Жизнь за Царя“. Узнавъ о кончинѣ отца своего, Глинка вернулся въ Новоспасское въ 1034 году. Въ іюнѣ того же года онъ переѣхалъ въ Москву и тутъ, впервые, запала ему мысль написать оперу. Словъ къ ней у него не было, но какъ онъ выражался: „въ головѣ вертѣлась „Марьина Роща“ и онъ сочинилъ нѣсколько сценъ, вошедшіе впослѣдствіи въ оперу „Жизнь за Царя“.

Въ 1834 г. Глинка снова намѣревался ѣхать заграницу и подалъ даже прошеніе о выдачѣ паспорта; однако обстоятельства сложились иначе. Въ домѣ Стунѣевыхъ онъ встрѣтилъ ихъ родственницу, Марью

Петровну Иванову, къ которую и влюбился. Кромѣ того онъ усердно сталъ посѣщать Жуковскаго и тотъ не только одобрилъ намѣреніе Глинки писать русскую оперу, но даже пожелалъ самъ написать къ ней слова. Онъ же предложилъ Глинки выбрать сюжетомъ подвигъ Ивана Сусанина. Хотя Жуковскому не удалось выполнить своего обѣщанія (сочиненіе текста был передано Розену), тѣмъ не менѣе, его сочувствіе ободрило Глинку, вселили въ него энергію. Онъ съ жаромъ принялся работать; у него разомъ возникъ планъ цѣлой оперы и мысль противупоставить русской музыкѣ — польскую. Началъ онъ съ увертюры, которую написалъ на четыре руки для фортепьяно, съ означеніемъ инструментовки. Барону Розену пришлось подлаживать свои стихи подъ готовую музыку. Но онъ этимъ не затруднялся. „Закажешь бывало столько-то стиховъ", говоритъ Глинка въ своихъ запискахъ, „такого-то размѣра, 2-хъ, 3-хъ-сложнаго и даже небывалаго — ему все равно; придешь черезъ день, ужъ и готово". Жуковскій смѣялся, „что у Розена по карманамъ разложены стихи; скажи какого сорта надо — и бери". Когда же стихи выходили неудачные (какъ, напр., знаменитый квартетъ „Такъ ты для земнаго житья грядущая женка моя"), тогда онъ упорно отстаивалъ ихъ и на всѣ увѣренія Глинки въ ихъ негодности, отвѣчалъ упрямо: „вы не понимаетъ, это сама лучшій поэзія".

Въ концѣ апрѣля 1835 г. Глинка женился. Сначало онъ жилъ съ женою счастливо, но скоро дѣла приняли довольно грустный оборотъ. Глинка отли-

чавшійся добродушіемъ, винитъ въ томъ тещу; но судя по тому, что намъ извѣстно о женѣ Глинки, онъ и безъ посторонняго вліянія не могъ быть счастливъ съ подобной женщиной. Чтобъ охарактеризовать ее, приведемъ два случая: когда Глинка писалъ свою безсмертную „Жизнь за Царя“, жена жаловавалась всѣмъ, что онъ изводитъ слишкомъ много нотной бумаги. Въ другой разъ она, при постороннихъ, обратилась къ мужу съ такой фразой: „Всѣ поэты и артисты дурно кончаютъ, какъ напримѣръ, Пушкинъ, котораго убили на дуэли!“ „Я не думаю быть умнѣе Пушкина, возразилъ ей Глинка, но изъ-за жены себя подъ пулю не поставлю“. Впослѣдствіи Глинка разъѣхался съ нею, а она, отъ живаго мужа вышла за другаго. Глинка хлопоталъ о разводѣ, перенесъ много непріятностей, а къ концу концовъ бросилъ это дѣло. Позднѣе онъ увлекался многими женщинами, но особо глубокой привязанности, долгой и прочной онъ, какъ кажется, не чувствовалъ ни къодной.

Глинку обязали подпискою не требовать за оперу вознагражденія, и наконецъ въ пятницу, 27-го ноября 1836 года она была поставлена въ первый разъ на сценѣ Большаго театра. Глинка, черезъ Гедеонова, получилъ разрѣшеніе посвятить оперу Государю Императору и потому вмѣсто „Ивана Сусанина“ названа она „Жизнь за Царя“. Успѣхъ ея былъ огромный. Тотчасъ по окончаніи спектакля Глинку позвали въ боковую императорскую ложу. Государь благодарилъ его, но замѣтилъ, что не хорошо, что Сусанина убиваютъ на сценѣ. Глинка объяснилъ, что случилось

это по недоразумѣнію. По его программѣ занавѣсъ долженъ сейчасъ опуститься. Императрица и великіе князья тоже благодарили Глинку. Въ скоромъ времени онъ получилъ за оперу высочайшій подарокъ: перстень въ 4,000 руб. асс.

1-го января 1837 г. Глинка былъ назначенъ капельмейстеромъ придворной пѣвческой капеллы. Въ 1838 г. въ апрѣлѣ, по высочайшему повелѣнію посланъ въ Малороссію для набора пѣвчихъ, откуда вывезъ 19 мальчиковъ и три взрослыхъ (въ томъ числѣ извѣстнаго Гулака-Артемовскаго). Онъ имѣлъ счастіе представить ихъ Государю Императору и Его Величество. проэкзаменовавъ, остался очень доволенъ. Глинка получилъ награду въ 1,500 асс. Однако, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья и стеченія разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ (ссоръ съ женой и проч.), Глинка сталъ тяготиться службою и вышелъ въ отставку 18-го декабря 1839 года.

Первую мысль о „Русланѣ и Людмилѣ“ подалъ Глинкѣ князь Шаховской. Айвазовскій, посѣщавшій весьма часто Кукольника — какъ извѣстно, Глинка былъ связанъ узами самой тѣсной дружбы съ братьями Кукольниками и въ домѣ послѣднихъ, съ 1835 года образовался довольно замкнутый товарищицкій кружокъ, жившій одной общей жизнью — сообщилъ Глинкѣ три татарскія пѣсни, двѣ изъ которыхъ вошли въ лезгинку, а третья въ анданте, сцены Ратмира въ 3-мъ актѣ оперы „Русланъ и Людмила“. Вообще Глинка надѣялся составить планъ по указанію Пушкина; но преждевременная кончина великаго поэта разрушила этотъ планъ. У Куколь-

ника, подстрекавшаго Глинку приняться скорѣй за оперу, находился нѣкто Бахтуринъ; онъ-то именно и взялся за составленіе плана и, какъ говоритъ Глинка, составилъ его въ четверть часа, подъ пьяную руку. Въ продолженіе всего 1839 года Глинка не писалъ ничего для „Руслана". Въ этотъ годъ скончался братъ Михаила Ивановича, Андрей, и, немного попозже, произошелъ разрывъ съ женой. Самъ Глинка захворалъ серьезно — у него началась горячка. къ счастію, скоро прерванная.

27-го ноября 1042 года было первое представленіе „Руслана и Людмилы„. Пѣвица Петрова была нездорова и потому роль Ратмира отдана воспитанницѣ того же имени, не сладившей съ своей партіей. Декораціи Роллера, поссорившагося съ директоромъ Гедеоновымъ, оказались въ 4-мъ дѣйствіи чрезвычайно плохими. Хоръ въ головѣ не удался. Потому опера была принята публикой холодно и послѣ паденія занавѣса, вмѣстѣ съ жидкими апплодисментами раздались свистки. „Выходить ли мнѣ на вызовъ?" спросилъ Глинка Дубельта. „Иди, отвѣчалъ тотъ, Христосъ страдалъ болѣе тебя".

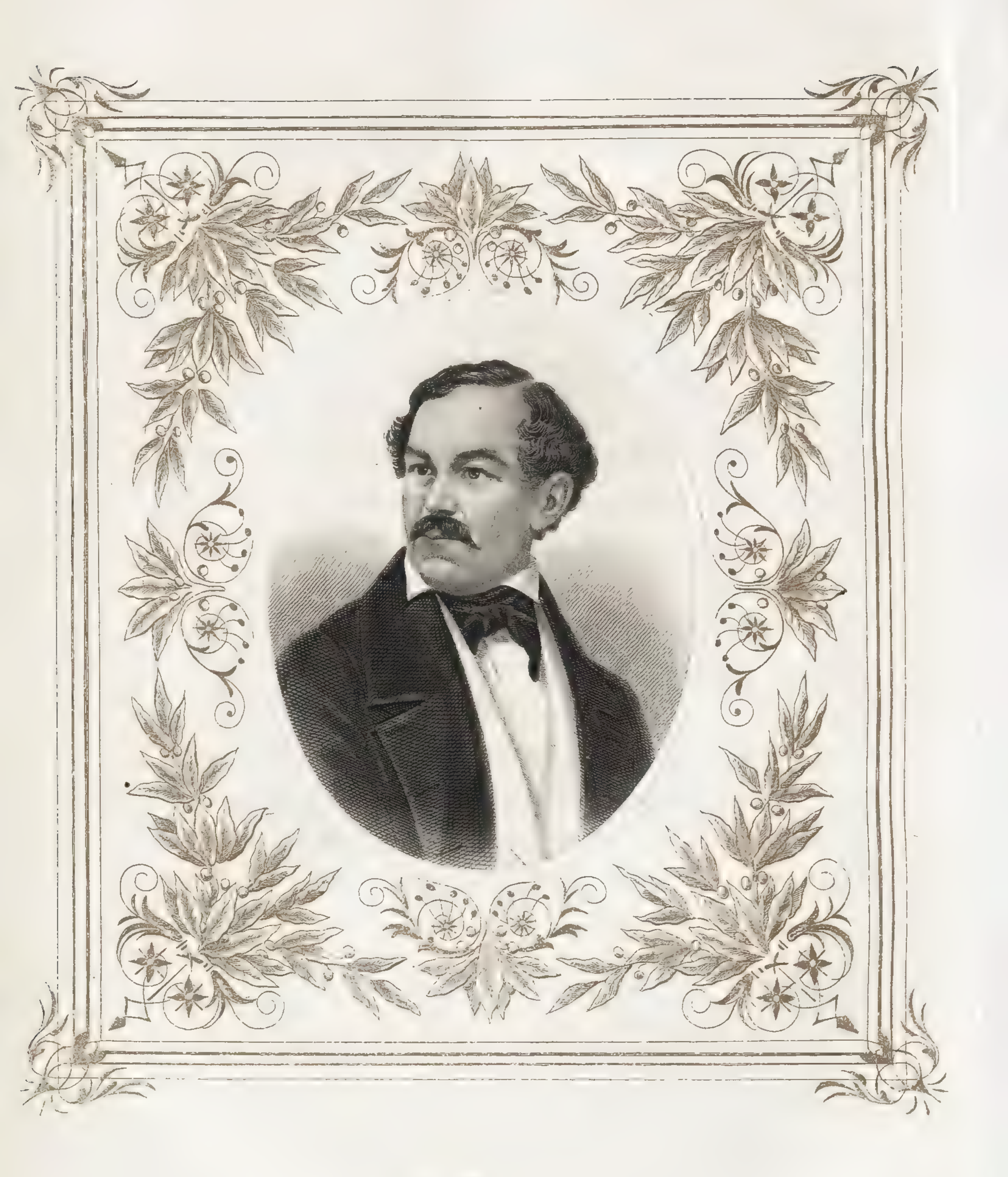
Съ третьяго представленія, однако, въ оперѣ приняла участіе Петрова и публика пришла въ восторгъ. Глинка за „Руслана" получилъ „разовые". т. е. 10 процентовъ съ $^2/_3$ сбора. За всю зиму пришлось на долю композитора до 3 тысячъ руб. сер. Булгаринъ нещадно напалъ на новую оперу въ своей „Сѣверной Пчелѣ". графъ же Вьельгорскій постоянно твердилъ: c'est un opera manqué (неудавшаяся опера).

Въ 1845 году Глинка вторично выѣхалъ заграницу и, на этотъ разъ, посѣтилъ Парижъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, на концертѣ — монстръ Бермоза сыграна „Лезгинка“ и г-жей Соловьевой спѣта каватина изъ оперы „Жизнь за Царя“, „Въ поле чистое гляжу“. Но ни та, ни другая, успѣха не имѣли. Вообще Глинка подмѣтилъ, что французы — плохіе слушатели музыки и плохіе цѣнители. Самъ онъ тоже давалъ концертъ, въ которомъ, между прочимъ, исполнены были „Краковьякъ“, „Маршъ Черномора“, вальсъ—Scherzo и итальянскій романсъ „il desiderio“. Публики собралось много, были всѣ русскія дамы, но тѣмъ не менѣе Глинка понесъ 1,500 франк. убытку. Въ половинѣ мая 1845 года Глинка отправился въ Испанію, объѣхалъ большую часть ее, изучая народные пѣсни и мотивы. Въ Мадритѣ написана имъ „Хота“. Въ концѣ 1847 года, по желанію престарѣлой матери Глинка вернулся въ Россію. Скоро здоровье его опять стало разстраиваться и онъ уѣхалъ въ Варшаву. Вообще съ этихъ поръ Глинка сталъ вести самую кочующую жизнь: ѣздилъ то въ Варшаву, то въ Петербургъ, то въ Смоленскъ. Такъ продолжалось съ 1847-го по 1852 годъ. Въ это время, для оркестра князя Варшавскаго имъ написаны: „Халео“ попурри „Воспоминанія о Кастильи“, „Слышули голосъ твой“, „Заздравный кубокъ“, „Маргариту“ и, наконецъ, „Камаринскую“. Въ іюнѣ 1851 года, въ Варшавѣ, онъ получилъ вѣсть о смерти своей матери. Это извѣстіе такъ поразило его, что онъ получилъ нервное пораженіе въ тѣхъ самыхъ пальцахъ, которыми онъ держалъ письмо съ этимъ извѣстіемъ. Въ

маѣ 1852 года Глинка снова уѣхалъ заграницу, посѣтилъ Парижъ и собрался было въ Испанію, но мучительныя нервныя страданія заставили его изъ Тулузы вернуться обратно въ Парижъ. Глинка грустилъ по родинѣ, мечталъ о тихой, замкнутой жизни въ домикѣ съ садикомъ, гдѣ было бы достаточно мѣста для любимыхъ имъ животныхъ и птицъ. Въ это же время онъ все болѣе и болѣе сталъ пристращаться къ серьезной музыкѣ великихъ мастеровъ: Бетховена, Баха, Генделя, Глюка. Въ маѣ 1854 года онъ пріѣхалъ въ Царское село, къ сестрѣ своей Людм. Ив. Шестаковой. Въ Петербургѣ онъ много занимался съ извѣстной пѣвицей Леоновой и началъ оперу „Двумужница или Волжскіе разбойники", куда вошли прежде написанные имъ отрывки изъ „Тарасы Бульбы". Либретто предполагаемой оперы, къ сожалѣнію, не поспѣло во время. Подъ вліяніемъ физическихъ страданій „упалъ духомъ" и сталъ опять рваться изъ Петербурга. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1856 года онъ уѣхалъ въ Берлинъ и болѣе уже не возвращался. Въ ночь съ 2-го на 3-е февраля 1857 года Глинка скончался тихо и спокойно. Въ послѣднія его минуты никого не было въ комнатѣ; онъ умеръ, прижимая маленькій образъ (благословеніе матери) къ губамъ своимъ.

Не задолго до его смерти (9-го января 1857 года) на парадномъ концертѣ у прусскаго короля было исполнено тріо „Ахъ, не мнѣ бѣдному". Кромѣ того, въ томъ же году собирались ставить въ Берлинѣ „Жизнь за Царя". То и другое обстоятельство очень радовало Глинку.

Тѣло его привезено изъ заграницы 22-го мая 1857 года и погребено на кладбищѣ Невскаго монастыря вблизи могилъ Крылова, Гнѣдича, Баратынскаго, Карамзина и Жуковскаго.

В. Каратыгинъ

[illegible]

талантъ. Какъ директоръ русской труппы того времени, Шаховской старался привлечь Каратыгина на сцену и образовать его по тогдашней классической

X.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ КАРАТЫГИНЪ.

(1802 — 1854.)

Знаменитый русскій трагикъ родился въ Петербургѣ 26-го февраля 1802 г. Отецъ и дѣдъ его служили при театрѣ, въ качествѣ музыкантовъ; мать его, первокласная трагическая актриса, была чрезвычайно образованною женщиною для того времени. Въ пансіонѣ, гдѣ она воспитывалась, русскую словесность преподавалъ Гречъ, музыки же она училась у знаменитаго Фильда и была прекрасною пьянисткою. Хотя родители Василія Андреевича были очень не богаты, однако они желали дать сыну фундаментальное образованіе, для чего и отдали его въ Горный корпусъ, гдѣ онъ готовился къ гражданской службѣ. Домашній театръ при Горномъ корпусѣ зажегъ впервые въ юношѣ любовь къ искусству. Находясь уже на службѣ въ Департаментѣ Внѣшней Торговли, онъ часто игрывалъ въ домашнихъ спектакляхъ, гдѣ его увидѣлъ князь Шаховской, извѣстный драматургъ, и предъугадалъ его талантъ. Какъ директоръ русской труппы того времени, Шаховской старался привлечь Каратыгина на сцену и образовать его по тогдашней классической

манерѣ. Въ 1818 г. Каратыгинъ познакомился съ писателемъ Катенинымъ, совѣты котораго значительно содѣйствовали ему въ достиженіи самобытности въ игрѣ и отрѣшенія отъ ложно классическаго вліянія. На сцену Императорскихъ Театровъ Каратыгинъ выступилъ 18 лѣтъ отъ роду, въ 1820 году, въ роли „Фингала" (трагедія Озерова) и заслужилъ единодушное одобреніе публики. Съ тѣхъ поръ началась его блистательная дѣятельность, которое можно раздѣлить на 3 эпохи. Въ первую Каратыгинъ игралъ преимущественно въ классическихъ трагедіяхъ, во вторую, когда на нашу сцену проникъ романтизмъ, Каратыгинъ явился, представителемъ героевъ новой французской драммы и въ 3-ю онъ является геніальнымъ изобразителемъ обще-человѣческихъ типовъ въ трагедіяхъ Шекспира: Гамлетѣ, Отелло, Каріоланѣ, Лирѣ. Появленіе у насъ романтизма относится къ 1828 года и начинается „Разбойниками" Шиллера, роль Карла Моора явилась поворотной точкой въ артистической дѣятельности Каратыгина. За Разбойниками послѣдовала новая французская драма „Игрокъ" Дюканжа. Съ этого времени начинается періодъ наибольшей славы Василія Андреевича, дошедшей до зенита исполненіемъ роли, въ патріотической драмѣ Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла" (1834 года). Послѣ этого Василій Андреевичъ начинаетъ создавать роли одну за другой. Такъ создана имъ роль Людовика XI, въ драмѣ „Заколдованный Домъ"; а позднѣе, въ 1837 году роль Гамлета.

Въ часы свободные отъ занятій, Василій Ан-

дреевичъ, какъ и его мать, занимался литературою, отыскивалъ для себя роли и переводилъ, — исключительно новѣйшія французскія пьесы. Такимъ образомъ переведено имъ множество французскихъ драмъ, изъ которыхъ до 20 были играны на русской сценѣ. Послѣднимъ его переводомъ была драма Гюго „Бургграфы" 1844 года. — Во время своихъ путешествій заграницу, Василій Андреевичъ познакомился съ Александромъ Дюма и возбудилъ въ немъ глубокое уваженіе къ своему таланту.

Онъ умеръ въ Петербургѣ, въ 1854 году.

XI.

КАРЛЪ ПАВЛОВИЧЪ БРЮЛЛОВЪ.

(1799—1852.)

Карлъ Павловичъ Брюлловъ родился въ 1799 г. О дѣтствѣ его нѣтъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній, извѣстно только, что онъ чрезвычайно рано сталъ чувствовать склонность къ рисованію и оказывалъ необычайно быстрые успѣхи въ этомъ искусствѣ. Въ 1809 году, онъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ, Александромъ, впослѣдствіи сдѣлавшимся извѣстнымъ архитекторомъ, поступилъ въ Академію Художествъ пансіонеромъ. Академія, въ то время было закрытое заведеніе, преслѣдовавшее и общеобразовательныя и спеціальныя цѣли. По дошедшимъ до насъ разсказамъ, мы съ увѣренностью можемъ сказать, что общеобразовательная часть велась неудовлетворительно. Свѣдѣнія почерпаемыя воспитанниками, оказывались отрывочными и очень скудными. Что же касается собственно спеціальной части, т. е. обученія рисованію, живописи, перспективѣ и т. д., то имъ заправляли люди знающіе и глубоко-преданные своему дѣлу. (Какъ напр. Егоровъ, Шебуевъ, Ивановъ и пр.), къ сожалѣнію въ то время въ Академіи царило такъ называемое

[illegible]

[illegible] дошедшимъ до насъ разсказамъ, мы съ увѣренностью можемъ сказать, что общеобразовательн[illegible] шлось неудовлетворительно. [illegible] сказывалось [illegible] Что же [illegible] обученія [illegible] преданные своему дѣлу (какъ напр. Егоровъ, Шебуевъ, Ивановъ и пр.), къ сожалѣнію въ то время въ Академіи царило такъ называемое

Карлъ Брюлловъ

классическое направленіе, т. е. педантическое и мертвенное. Историческая живопись ставилась выше остальнаго, а въ ней, на первомъ планѣ красовалось соблюденіе извѣстныхъ рутинныхъ пріемовъ и условныхъ формъ. Очень естественно, что подобное направленіе наложило свою руку и на талантъ молодаго художника. Брюлловъ будучи ученикомъ, считался весьма искуснымъ и опытнымъ рисовальщикомъ. Онъ изучилъ превосходно анатомію костей и мускуловъ, и потому всевозможныя изгибы тѣла, раккурсы и всякаго рода трудности были ему нипочемъ. Вѣрность рисунка давала самымъ фантазіямъ его тотъ характеръ простоты, который принадлежитъ этюдамъ, снятымъ съ натуры. По внутреннему же своему настроенію онъ былъ колористъ. Игра свѣта и тѣни, контрасты между ними плѣняли его и онъ предавался ихъ изученію съ рѣдкимъ жаромъ. Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, въ мнѣніяхъ его относительно свѣтовыхъ контрастовъ произошелъ переворотъ. Очень можетъ быть, что со временемъ онъ совершенно сбросилъ бы съ себя все привитое къ нему извнѣ и пошелъ бы по новой, болѣе раціональной дорогѣ; но смерть слишкомъ рано похитила его у искусства. Для состязанія на золотую медаль, Брюллову и его однокурсникамъ была назначена программа „Нарцисъ, глядящійся въ воду“. Товарищи Брюллова видѣли въ ней только случай для анатомическаго этюда и тѣмъ довольствовались. Брюлловъ же пожелалъ вникнуть глубже въ свой предметъ. Онъ очень часто хаживалъ въ Строгановскій садъ, нравившійся ему кра-

сотой своего мѣстоположенія. Тамъ наблюдая за игрой свѣта солнечныхъ лучей, скользившихъ между густыхъ, вѣтвистыхъ деревьевъ, онъ силою своего воображенія, угадалъ, такъ сказать, всю прелесть и нѣгу полуденныхъ странъ. Мечтаніи эти помогли ему въ созданіи его „Нарциса“. Онъ показалъ отливы солнечныхъ лучей между листьями, всю разнообразную игру свѣта и тѣни и прозрачность отблесковъ въ тѣни, на тѣлѣ молодаго красавца. Слетѣвшій съ дерева листокъ держался надъ гладкой поверхностью воды, не возмущая ея яснаго зеркала. Такимъ образомъ получилась уже не одна анатомическая фигура, а цѣлая картина.

Самостоятельность молодаго художника поразила и даже устрашила профессоровъ, и они обошли Брюллова (маленькаго Наполеона, какъ прозвали его въ Академіи) первой наградой. Въ 1821 г. онъ кончилъ курсъ, а въ 1822 г. онъ уѣхалъ въ Италію, гдѣ прилежно занялся копировкой съ картинъ древнихъ мастеровъ, а затѣмъ и оригинальнымъ творчествомъ.

Вообще большую часть своей жизни Брюлловъ провелъ заграницей. Онъ объѣздилъ Италію, Германію, Грецію и былъ въ Лондонѣ. Брюсселѣ и на островѣ Мадерѣ, куда его послали доктора, такъ какъ всю свою жизнь Карлъ Павловичъ былъ человѣкомъ болѣзненнымъ и нервнымъ.

О происхожденіи знаменитаго и капитальнѣйшаго его произведенія: „Послѣдній день Помпеи“, мы знаемъ слѣдующее. Брюлловъ въ бытность свою въ Южной Италіи посѣтилъ Помпею и, затѣмъ, въ непродолжительномъ послѣ того времени присут-

ствовалъ на оперѣ Паччини „Послѣднiй день Помпеи" производившей фуроръ. Брюлловъ такъ увлекся эффектнымъ сюжетомъ, что тотчасъ же начертилъ планъ картины. Противопоставленiе яркаго вулканическаго пламени и бѣлаго свѣта молнiи, чрезвычайно заняли Брюллова, какъ мы сказали любившаго подобные эффекты, и онъ съ жаромъ принялся за работу. Когда однако планъ былъ начерченъ и первый пылъ нѣсколько поостылъ, Брюлловъ понялъ, что однихъ свѣтовыхъ эффектовъ для подобной картины мало, и что планъ его страдаетъ отсутствiемъ единства. Въ возмещенiи этихъ недостатковъ, онъ придумалъ изобразить цѣлый рядъ отдѣльныхъ и трогательныхъ эпизодовъ, родъ поэмы, что, какъ мы знаемъ и удалось ему вполнѣ.

„Послѣднiй день Помпеи" возбудилъ въ итальянцахъ самый горячiй энтузiазмъ. Въ Римѣ и Миланѣ Брюллову были сдѣланы торжественныя овацiи. Слава его облетѣла всю Италiю. На улицахъ всѣ проходящiе снимали предъ нимъ шляпу. Въ театрахъ публика вставала при его появленiи. Самъ Брюлловъ разсказывалъ, что потерявъ паспортъ, онъ былъ безпрепятственно пропущенъ карауломъ, лишь только назвалъ свою фамилiю. Другой разъ, въ театрѣ, когда онъ явился въ кассу и всѣ билеты оказались распроданными, его окружила густая толпа и всѣ, даже дамы, наперерывъ предлагали ему свои мѣста.

Такой же точно восторженный прiемъ ожидалъ его и на родинѣ. Журналы разсылались въ похвалахъ его произведенiю, товарищи устраивали въ честь его торжественные обѣды, даже представители

высшаго круга считали за честь знакомство съ творцомъ „Помпеи“.

Только во Франціи, гдѣ картина его появилась на выставкѣ, въ 1834 г. отнеслись къ нему холодно и произведеніе его вызвало критику. Съ тѣхъ поръ Брюлловъ къ Франціи и французамъ относился почти враждебно.

Князь Г. Г. Гагаринъ, знавшій близко Брюллова, разсказываетъ о немъ слѣдующій характерный эпизодъ. Возвращаясь на кораблѣ изъ Афинъ (въ 1835 году), гдѣ онъ перенесъ злокачественную желтую лихорадку, Брюлловъ, благодаря врожденной своей наблюдательности оказалъ капитану корабля Корнилову, (бывшему впослѣдствіи начальникомъ черноморскаго флота и погибшему геройскою смертью при защитѣ Севастополя) и всему экипажу вообще серьезную услугу. Вѣтеръ все время дулъ противный и корабль цѣлыхъ 11 дней стоялъ въ Дарданеллахъ почти безъ движенія. Брюлловъ замѣтилъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ проливъ дѣлаетъ поворотъ, стремленіе воды образуетъ обратное теченіе вблизи самаго берега и, что кромѣ того, въ моментъ захожденія солнца, въ проливѣ ежедневно водворяется минутъ на пять совершенное безвѣтріе. Брюлловъ посовѣтывалъ Корнилову воспользоваться пятиминутнымъ штилемъ и добраться до попутнаго стремленія. Корниловъ согласился послѣ нѣкотораго колебанія и опытъ удался блестяще.

Изъ Афинъ Брюлловъ проѣхалъ въ Константинополь и прилежно изучалъ городъ, отъ котораго онъ былъ въ восторгѣ. Тамъ же, въ Константино-

полѣ, Брюлловъ занялся чтеніемъ исторіи Карамзина и послѣдствіемъ этого занятія появилась сначала мысль о возможности существованія русской національной живописи, а потомъ первая идея будущей картины: „Осада Пскова“. Идея этой картины создалась у него мгновенно и во всей полнотѣ; но впослѣдствіи онъ подвергнулъ первоначальную мысль свою многочисленнымъ измѣненіямъ. Переселившись изъ Стамбула въ Перу, Брюлловъ сталъ скучать, нерѣдко предавался кутежамъ, сталъ пить. Вино, однако, не развеселяло его и, напившись онъ дѣлался угрюмъ, строптивъ и мраченъ.

Вскорѣ онъ былъ удостоенъ званія профессора и принужденъ былъ вернуться на родину. По высочайшему повелѣнію получилъ онъ командировку въ Псковъ и тамъ занялся изученіемъ художественныхъ древностей. Знакомство съ Псковомъ однако не послужило на пользу его „Осадѣ“. Картина эта, не смотря на всѣ старанія Брюллова, на безпрестанныя поправки, никакъ не удавалась. Безъ того раздраженный и измученный художникъ только прибавлялъ себѣ муки своимъ трудомъ. Это не „Осада Пскова“ говаривалъ онъ, а „досада отъ Пскова“.

Вообще въ послѣдній періодъ жизни Брюллова, взгляды его на живопись значительно измѣнились. Эффекты, основанные на контрастахъ свѣта и тѣни, по его словамъ, страшно ему надоѣли. „Я хочу, чтобъ у меня все было въ свѣту, все было залито свѣтомъ, какъ у Поля Веронеза“, твердилъ онъ. Онъ мало по малу утрачивалъ свой идеализмъ; можетъ быть врожденный талантъ восторжествовалъ бы надъ

гнетомъ, наложеннымъ первоначальнымъ классическимъ развитіемъ и онъ постигъ бы силу и значеніе реализма, но, какъ мы сказали, смерть слишкомъ рано похитила его. Онъ умеръ въ 1852 г. въ маленькомъ городкѣ около Рима отъ аневризма и похороненъ тамъ же на протестантскомъ кладбищѣ Monte Festaccia. Надъ нимъ воздвигнутъ памятникъ, выполненный профессоромъ Щуруповымъ.

Брюлловъ оставилъ послѣ себя такъ много масляныхъ и акварельныхъ картинъ, эскизовъ и т. п., что нѣтъ возможности перечислить ихъ всѣхъ. Мы ограничимся переименованіемъ самыхъ выдающихся его произведеній.

Кромѣ превосходныхъ копій съ древнихъ итальянскихъ мастеровъ, кромѣ картинъ: „Послѣдній день Помпеи“ и „Осада Пскова“ Брюлловъ написалъ: для Казанскаго собора: „Взятіе Богородицы на небо“, для лютеранской церкви Св. Петра „Распятіе“, для Сергіевской пустыни (1840 г.) „Троицу“, для церкви на Аптекарскомъ островѣ (1845 г.) „Вседержителя“, „Богородицу“ и „четырехъ Евангелистовъ“, для домашней церкви гр. Адлерберга (1846 г.) превосходный по рисунку транспарантъ „Спаситель во гробѣ“; портреты императрицы Александры Ѳедоровны, великихъ княженъ: Маріи, Ольги и Александры Николаевны (1837 — 1839); Елизаветы, Маріи и Екатерины Михаиловны (1846); портреты: Жуковскаго, гр. Перовскаго, Демидовой, Н. Кукольника, А. Брюллова (1846) кн. Оболенскаго и многихъ другихъ; жанровыя картинки: „Турчанка“, „Турецкое кладбище“, „Прогулка султанскихъ женъ въ лодкѣ“, „Одалиска“,

„Утро“ и „Полдень“. „Прогулка на островѣ Мадерѣ“, „Кардиналъ Ришелье, танцующій передъ Анной Австрійской“ (рисованы акварелью и карандашемъ); картины мифологическія „Эндиміонъ и Діана“ и др. Имъ же начата, но, къ сожалѣнію, недокончена (по совершенно разстроившемуся здоровью) разрисовка Исаакіевскаго плафона. Работа эта, по проектамъ и эскизамъ Брюллова докончена профессоромъ П. Басинымъ.

XII.

НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧЪ ПИМЕНОВЪ.

(1812—1864).

Николай Степановичъ Пименовъ, скульпторъ, сынъ скульптора, профессора Императорской Академіи Художествъ, родился 24-го ноября 1812 года въ Петербургѣ, въ маленькомъ домикѣ въ 3-й линіи, занятомъ отцомъ его, какъ должностнымъ лицомъ, при квартирѣ имѣвшемъ мастерскую, доступную публикѣ и скульпторамъ. Среди художниковъ росъ талантливый ребенокъ, начавшій лѣпить раньше, чѣмъ принялся за карандашъ, а карандашемъ владѣвшій опять-таки раньше посѣщенія рисовальныхъ классовъ Академіи.

Двѣ серебряныя медали даны Н. С. Пименову за композиціи барельефовъ, изъ которыхъ первый былъ исполненъ имъ въ 18 лѣтъ отъ роду. Несмотря на ранній возрастъ композитора, „явленіе ангела Агари въ пустынѣ“—такой барельефъ, который можно бы смѣло приписать опытному мастеру. Такое начало, заставляло предполагать блестящую будущность, и надежды эти дѣйствительно оправдались. Въ двадцать лѣтъ отъ роду, Николай Степановичъ принялъ на себя окончаніе работы покойнаго отца, а именно колоссальныя статуи для фасада зданія Правительствующаго Сената, по-

[illegible]ВИЧЪ

Ник[illegible] сынъ ск[illegible] міи Ху[illegible] въ Пете[illegible], въ маленькомъ [illegible] ніи, зан[illegible] отцомъ его, какъ должностн[illegible] цомъ, [illegible] квартирѣ имѣвшемъ мастерскую, доступную [illegible] и [illegible]. Среди художниковъ ро[illegible] раньше, [illegible] шемъ в[illegible] совальн[illegible]

Двѣ [illegible] за комп[illegible] которыхъ первый былъ и[illegible] имъ въ 18 лѣтъ отъ роду. Несмотря [illegible] композитора, „[illegible] ангела Агари въ пустынѣ“ — такой [illegible] торый можно бы смѣло [illegible] Такое начало, заста[illegible] будущность, и надежды эти [illegible] дались. [illegible] двадцать лѣтъ отъ род[illegible] панович[illegible] на себя [illegible] койнаго [illegible] а именно колоссальныя статуи для фасада зданія Правительствующаго Сената, по-

Профессоръ Нимеевъ

строеннаго К. И. Росси. Академія поручилась передъ правительствомъ за молодаго художника, и юный скульпторъ блистательно оправдалъ это довѣріе. Его статуи „Законъ и Правосудіе“ считаются лучшими на всемъ фасадѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Николай Степановичъ успѣлъ окончить къ сроку и свой програмный барельефъ „Гекторъ въ ложницѣ Елены, упрекаетъ Париса въ бездѣйствіи“, — за который получилъ 2-ю золотую медаль.

Тогда (1833 г.) въ Академіи Художествъ былъ такой порядокъ, что удостоенные 2-ой залотой медали при выпускѣ, оставались на три года для выполненія программы на 1-ую золотою медаль, дававшую право на пенсіонерство въ Италіи. Пименовъ былъ въ числѣ 10-ти подобныхъ кандидатовъ, имѣя соперникомъ сына священника Академической церкви Александра Васильевича Логановскаго, отличавшагося искусствомъ лѣпки, но не обладавшимъ даромъ творчества. Логановскому видимо покровительствовалъ ректоръ Академіи И. П. Мартосъ и, для того, чтобы соперничество съ талантливымъ Пименовымъ не оказалось свыше силъ Логановскаго, выбралъ для программы обнаженныя фигуры, надѣясь замаскировать недостатокъ творчества въ Логановскомъ мастерской копировкой. При такой задачѣ, казалось, талантъ Пименова былъ окончательно связанъ, тѣмъ болѣе, что и натурщика съ изящными формами дали Логановскому. Но, послѣднее обстоятельство послужило Пименову лишь на пользу: онъ не сталъ рабски слѣдовать натурѣ, а приложилъ все свое старанiе, дабы придать фигурѣ жизнь

и движеніе. Народность въ творческомъ трудѣ талантливаго скульптора нашего сохранилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ получился граціознѣйшій образъ идеальнаго „бабочника", которому, говоря безъпристрасно оказывался уже не подъ пару тяжеловатый „сваячникъ" Логановскаго, рабски сработанный съ натурщика. Разница была такъ поразительна, что рѣшивъ заранѣе доставить пенсіонерство Логановскому, Мартосъ не могъ не дать 1-ой медали Пименову, дерзкому на слова и говорившему, что тогдашніе его учители „если всѣхъ вмѣстѣ взять — мизинца Козловскаго не стоятъ". Безсмертный поэтъ нашъ А. С. Пушкинъ, посѣтивъ выставку 1836 г., при первомъ взглядѣ на трудъ Пименова, сказалъ: „Слава Богу! наконецъ и скульптура въ Россіи явилась народная". Постоялъ передъ статуею довольно долго, написалъ въ своей записной книжкѣ слѣдующее четверостишіе:

„Юноша трижды шагнулъ, наклонился рукой о колѣно
„Бодро оперся, другой — поднялъ мѣткую кость.
„Вотъ ужъ прицѣлился..... Прочь! раздайся народъ любопытный;
„Врозь раступись: не мѣшай русской удалой игрѣ".

Растроганный поэтъ, вырвалъ листокъ изъ книжки, и съ пожатіемъ руки, передалъ его неменѣе растроганному художнику. Неблаговоленіе начальства выразилось только дачею Пименову 2000 руб., а Логановскому 3000 рублей, за модель статуй подъ бронзу. По волѣ Императора Николая I вылитые

изъ металла статуи Пименова и Логановскаго, поставлены въ Царскосельскомъ саду, у подъѣзда Александровскаго дворца, и даютъ каждому желающему возможность самому рѣшить: чья лучше работа? Съ окончаніемъ ея, въ іюлѣ 1837 года, Н. С. Пименовъ поѣхалъ въ Римъ; немного ранѣе онъ занялся выполненіемъ колоссальнаго бюста генералъ-маіора Бахтина, и нарочно ѣздилъ въ Орелъ для лѣпки головы съ натуры; постановка бюста (бронзоваго) въ корпусной залѣ совершилась, когда уже онъ былъ въ Италіи.

На пути въ Римъ, Пименовъ съ двумя товарищами (живописцемъ Завьяловымъ и архитекторомъ Кудиновымъ) по случаю холеры въ 1837 г. — останавливался въ Вѣнѣ. Они пробыли въ Австріи до лѣта 1838 г.; Пименовъ занялся въ это время живописью, которую не оставлялъ и въ первое время по прибытіи въ Римъ. Въ Вѣнѣ написаны имъ „два отдыхающіе Словака“: а въ Римѣ голова Микель Анджело и другаго художника вѣка возражденія, находящіяся теперь въ Музеѣ Императорской Академіи Художествъ. Особенно хороша голова Буонаротти, чтимаго имъ болѣе всѣхъ остальныхъ старыхъ мастеровъ.

Наставникомъ своимъ Пименовъ выбралъ флорентійскаго скульптора Бартолини, незамѣчая сперва его односторонности во взглядѣ на искусство. Бартолини выше и прежде всего цѣнилъ выраженіе, не гонясь за благородствомъ и граціею формъ. Поддавшись его теоріи, Пименовъ скоро почувствовалъ, что въ погонѣ за выраженіемъ нельзя

въ тоже время терять изъ вида и изученія формъ. Усиленно принявшись наверстывать потерянное время, художникъ нашъ на столько пристрастился къ штудированью, что съ примѣтною робостью и не охотою принялся за собственную композицію „мальчика, просящаго милостыню". Круглая фигура выполнена имъ очень удачно, хотя, недовольный своимъ техническимъ выполненіемъ, Пименовъ не одинъ разъ ломалъ и передѣлывалъ цѣлыя части своей статуи. Нынѣ царствующій Государь Императоръ, тогда Наслѣдникъ Престола, посѣтивъ Италію, посѣтилъ и студію Пименова, заказавъ ему „нищаго" выполнить въ мраморѣ. Это произведеніе (1842) находится въ Петергофѣ, въ верандѣ павильона на островкѣ. Послѣ Августѣйшаго заказа, Пименовъ выполнилъ еще экземпляръ своей статуи, для графа С. С. Уварова (1844 г.) А. Я. Нелидова (въ Курскъ) и Судіенко (въ Кіевъ).

Выполнивъ „Нищаго" въ первый разъ, Пименовъ вылѣпилъ „мальчика подкрадывающагося къ бабочкѣ сидящей на деревѣ, изъ дупла котораго выползшая змѣя, готова ужалить въ пятку шалуна". Эту группу хвалили, но находили не совсѣмъ удачною и выраженіе лица грубымъ, хотя формы тѣла мальчика были очень изящны, а лѣпка ничего почти неоставляла желать въ техническомъ отношеніи. Неудовлетворяясь самъ „ловящимъ бабочку",— Пименовъ выполнилъ граціознаго мальчика, „кормящаго птичку, вышедшую изъ гнѣзда"; эту статую выполнилъ онъ для Великой Княгини Маріи Николаевны и она украшаетъ одну изъ залъ Маріинскаго дворца. Но, эти

мелкія такъ сказать занятія, не вполнѣ занимали мысли художника, талантъ котораго успѣлъ получить достаточное развитіе. Въ 1844 году, онъ прислалъ въ Петербургъ (съ начальникомъ русскихъ художниковъ въ Римѣ, Кривцовымъ) модель богатыря „Янъ Усмовичь съ быкомъ". Видѣвшій эту группу въ Римѣ, въ 1847 г. — недавно умершій. профессоръ Московскаго университета Ѳ. Вас. Чижовъ — плѣнился ею до того, что воротясь въ Москву, подбивалъ тамошнихъ капиталистовъ на заказъ, въ складчину, выполненія изъ бронзы „Яна Усмовича" для фонтана, могшаго украсить Иверскую площадь Бѣлокаменной, — гдѣ одна только Красная имѣла памятникъ Минину и Пожарскому. Пименовъ, въ этихъ видахъ написалъ объясненіе къ своему проекту (выполнивъ модель уже во Флоренціи), въ 1844 г. Въ это время онъ женился на дочери извѣстнаго антикварія, Антоніо Нибби, красавицѣ Корнеліи, вызвавъ преслѣдованіе папской власти, недававшей ему покойно жить въ Римѣ. Уѣхавъ поэтому во Флоренцію, Н. С. Пименовъ долженъ былъ здѣсь поселиться, на первыхъ же порахъ занявшись прибавкою къ „Яну Усмовичу" двухъ другихъ группъ, богатырей „Горыни" и „Дубыни", поражающихъ трехглавыхъ чудовищъ. Изъ соединенія ихъ составлялась средняя группа „фонтанъ Богатырей", пьедесталъ для котораго имѣлъ боковыя впадины (низкія ниши) служившія помѣщеніемъ лежащихъ фигуръ четырехъ русалокъ, да рѣкъ Волги и Днѣпра. Изъ сосудовъ въ рукахъ рѣкъ могла литься широкими потоками вода, выше которой красовалась роскошная. полная движенія и силы — тройственная

группа борцовъ за Русь, по народнымъ пересказамъ. Вмѣстѣ съ богатырями, Пименовъ обработывалъ по предложенію Монферрана, эскизы сидящихъ группъ четырехъ евангелистовъ, въ паруса Исаакіевскаго собора. Выполнивъ три группы въ глинѣ, — когда оставался въ рисункѣ только св. Маркъ, Пименовъ узналъ, что рѣшеніемъ коммиссіи техниковъ (между которыми былъ однимъ изъ вліятельныхъ голосъ медальёра-вице-президента Императорской Академіи Художествъ) скульптура въ парусахъ найдена тяжелою и не эффектною. Хотя золоченыя рельефы по своду выполнены декоративно и вышли эффектными. Дѣло въ томъ, что графъ Толстой взялъ на себя скульптуру входныхъ вратъ въ соборъ, но не получилъ заказа въ парусахъ.

Пименовъ между тѣмъ сжился уже съ идеею круглыхъ фигуръ для священныхъ изображеній и мысль художника создавала грандіозные типы, полные величія и характера. Остановить вдругъ настроеніе творчества было немыслимо. Поэтому, имѣя энергичную фигуру „Каина“ скомпанованную и вылѣпленную изъ глины въ небольшой модели, еще въ 1839 году, — Пименовъ, въ pendant создалъ „Молящагося Авеля“, но статуя эта ни чѣмъ несоотвѣтствовала первой и не улучшалась при двухъ передѣлкахъ. Неудача въ „Евангелистахъ“, сгладилась отъ возникшихъ новыхъ надеждъ, возбужденныхъ милостью Монарха. Прибывъ во Флоренцію, по пути въ Россію, Императоръ Николай I, 10-го декабря 1845 года посѣтилъ студію Пименова и остался восхищеннымъ его трудами. Государь лично выразивъ свое благо-

воленіе талантливому ваятелю, благоволилъ заказать ему „сочинить проекты шести группъ, для украшенія постояннаго моста черезъ Неву“. Въ исполненіе Высочайшей воли, Пименовъ сочинилъ и нарисовалъ карандашемъ и перомъ подъ гравюру, восемь проектовъ. Изъ нихъ, *четыре* (2, 3, 4 и 5) выбраны были Государемъ для постановки по сторонамъ моста, на обоихъ берегахъ Невы, а проектъ подъ № 1. „Торжество надъ водною стихіею“—тема самаго Государя — назначался для помѣщенія при раздѣлѣ подъемныхъ съѣздовъ съ моста, на мѣстѣ теперешней часовни св. Николая, построенной Штакеншнейдеромъ. Проектъ этотъ, самимъ художникомъ цѣнимый выше всего, что ему удавалось скомпановать, заключался въ группѣ изъ четырехъ аллегорическихъ фигуръ, на подножіи изъ куска необдѣланнаго камня, украшеннаго четырьмя тритонами.

Второй проектъ Пименова выражалъ „торжество христіанства въ Россіи“ и представлялъ *низверженіе идоловъ* при Владимірѣ. Съ рисунка своего выполнивъ модель группы Пименова, въ 1854 г. послалъ ее на всемірную выставку, въ 1862 г. Третій проектъ группы на Николаевскій мостъ выражалъ „охраненіе русскихъ предѣловъ“, представляя *Александра Невскаго,* послѣ совершенной побѣды, вкладывающаго мечь въ ножны, и возносящаго благодареніе Богу; аллегорія *Москвы,* въ группѣ изъ трехъ фигуръ, на пьедесталѣ, украшенномъ четырьмя геніями, были четвертымъ проектомъ Пименова, а аллегорія *Петербурга* — пятымъ. Геніи на пьедесталѣ здѣсь были тоже, но фигуръ было не три, а четыре въ группѣ. *Новгородъ,*съ фи-

гурою старца Волхова, былъ темою шестаго проекта, *Сибирь* — въ группѣ изъ восьми фигуръ была темою седьмаго проекта, а *Казань* — восьмаго, „низверженіе идоловъ" и „Александра Невскаго" назначилъ Императоръ Николай I поставить по сторонамъ нынѣшней часовни, съ края моста къ водѣ, группы же „Петербургъ" и „Москва"—при въѣздѣ на мостъ, со стороны Англійской набережной. Позволительно думать о величіи эффекта, такъ украшеннаго моста, по мысли талантливаго художника, четыре года посвятившаго на композицію, настолько грандіозныхъ предначертаній. Думая объ этомъ, невольно приходитъ въ голову широкость задуманнаго по заказамъ папы Юлія II, Микель Анджеломъ Буонаротти, выполнившаго большую часть своихъ геніальныхъ предположеній. Видно, что избитая фраза *хорошенькаго по немножку*, для всего великаго и въ искусствѣ, какъ въ жизни, оказывается чуть не непреложнымъ закономъ, дѣлая судьбу нашего Пименова, во многомъ схожею съ участью Микель Анджело, любимаго имъ мастера, которому онъ силился подражать и котораго личность, изготовивъ строго вѣрный костюмъ, представлялъ на пышномъ маскарадѣ въ Императорской Академіи Художествъ, въ 1861 году.

Чтобы остаться вѣрными себѣ въ точности передачи всего, что извѣстно намъ о Пименовѣ, предстоитъ упомянуть, послѣ проектовъ, оставшихся только въ идеѣ, да въ эскизахъ работы художника менѣе цѣнныя, дошедшія до осуществленія, въ бытность его въ Италіи. До 1843 г., —послѣ указанныхъ

выше работъ, выполнилъ еще Пименовъ *портретъ статуэтки князя Паскевича и графа Шувалова* (сына графа Павла Андреевича и графини Варвары Петровны, во второмъ бракѣ княгини Бутера-Радоли). Въ 1844 году дѣлалъ Пименовъ изъ *мрамора* „голову Аполлона Бельведерскаго“, бюстъ супруги Г. Ѳ. Орлова, въ натуральную величину, со сквозною вуалью, находящійся у дочери ея графини Оренни, во Флоренціи. Изъ эскизовъ лучшій былъ въ этомъ году, „Амуръ съ завязанными глазами“, и нѣсколько портретныхъ бюстовъ и статуэтокъ, изъ которыхъ, въ мастерской художника, въ Академіи, по смерти его оказались статуэтки Суханова и Всеволожскаго. Возведенный за своего „нищаго“ въ академики нашей Императорской Академіи Художествъ, Пименовъ еще пять лѣтъ продолжалъ жить въ Италіи, началъ въ это время бюстъ изъ мрамора, харьковскаго помѣщика Н. Б. Суханова и выполнилъ бюстъ его сына. Въ мастерской художника, во Флоренціи, выполненъ только по рисунку его, а не самимъ имъ, фонтанъ изъ мрамора: находящійся на Собственной дачѣ близъ Петергофа, и въ 1849 году конкурсный проектъ для памятника Крылову—очень грандіозная композиція, въ Петербургѣ пропавшая, оставшись вѣроятно неутвержденною за не представленіемъ на конкурсъ. На комъ лежитъ въ томъ вина, — осталось тайною, но художникъ своего эскиза обратно не получилъ.

Всего этого, выполненнаго Пименовымъ, всякій согласится, очень довольно и для двѣнадцатилѣтней дѣятельности таланта, несомнѣнно въ это именно время окрѣпшаго и вполнѣ почувствовавшаго свои

силы. Все выполненное за это время Пименовымъ, носитъ на себѣ, положимъ, до извѣстной степени изысканность и, ради стремленія къ усиленному эффекту, манерность. Но и этотъ недостатокъ не мѣшаетъ видѣть въ исполнителѣ живой талантъ и эффектъ поражающій. Въ группахъ для Невскаго моста, положимъ, есть части напоминающія подражаніе Бернини съ его летящими драпировками, но можемъ ли мы за это упрекать художника, усматривая подобное нарушеніе закона изящности въ рисункѣ, зная, что при выполненіи многое выходитъ далеко не такъ, какъ задумывалось. Къ Пименову это особенно приложимо, въ виду его строгости къ самому себѣ. Больше грѣшатъ, впрочемъ, подражательностью Бернини композиціи для фасада храма Спасителя въ Москвѣ, которыхъ впрочемъ не пришлось выполнять Пименову, а исполненное тамъ Рамазановымъ и барономъ Клодтомъ, уже на столько ниже выполненія Пименова, что не можетъ быть и рѣчи о сравненіи, или о вопросѣ: какъ бы у него вышло? Модели группъ для Невскаго моста, уже безконечно самобытнѣе, сильнѣе и изящнѣе рисунковъ, стало быть, примѣняя только подобную возможность улучшать при выполненіи задуманное, мы можемъ оцѣнить подлинное художественное значеніе собственныхъ работъ автора исаакіевскихъ иконописныхъ группъ, гдѣ выказалъ художникъ все свое умѣнье и вкусъ.

Пріѣхалъ Пименовъ въ Петербургъ 12-го ноября 1850 года, и представивъ эскизы мостовыхъ группъ, получилъ заказъ выполнить группы для малыхъ иконостасовъ въ Исаакіевскій соборъ. Онѣ, какъ извѣст-

но, представляютъ „Преображеніе“ и „Воскресеніе Христа Спасителя“ въ колоссальныхъ круглыхъ фигурахъ (7½ футовъ вышина статуи). Окончательность превосходнаго выполненія этихъ колоссовъ, всего въ 1½ года, вполнѣ изумительна и доказываетъ, какъ работалъ Пименовъ, когда житейскія невзгоды не мѣшали ему творить и не отнимали силъ, связавшись въ узелъ безвыходнаго положенія. Октября 10-го 1854 года, Академія, за исаакіевскія группы признала Н. С. Пименова профессоромъ, и съ 15-го ноября 1855 года, по смерти Витали, онъ вступилъ наставникомъ въ Академію Художествъ.

Судьба самаго великаго изъ твореній Пименова въ это время уже рѣшилась. Онъ выполненіемъ десяти колоссальныхъ статуй за 14,000 руб. сер., по причинѣ ошибочно объявленной дешевой цѣны онымъ, приведенъ былъ въ крайнее положеніе и имѣлъ счастіе просить защиты Ея Императорскаго Высочества, президента Академіи, испрашивая ходатайства о прибавкѣ за означенныя работы для Исаакіевскаго собора 10,000 руб., но Его Сіятельство, г. предсѣдатель коммиссіи, о построеніи собора, изволилъ объявить, что въ этой прибавочной суммѣ отказано.

Дѣло и по выполненію мостовыхъ группъ разошлось, по казавшейся докладчикамъ высокою суммѣ, запрашиваемой Пименовымъ, хотя понимающіе достоинство выполненія этаго не находили. Оцѣнивалъ и находилъ дорогимъ гонораръ, испрашиваемый Пименовымъ, графъ П. А. Клейнмихель; Императорская Академія Художествъ находила, на-

противъ, просимое Пименовымъ вознагражденіе умѣреннымъ. Пименовъ на запросъ графа Клейнмихеля о цѣнѣ группъ, объявилъ за всю эту громадную работу, металлъ и отливку 247,000 руб. сер., изъ коихъ 138,000 руб. сер. за модели (27 фигуръ) и 109,000 руб. за бронзу, назначивъ срокъ для исполненія своей работы семь лѣтъ. Это найдено слишкомъ значительною суммою, и Пименовъ сбавилъ съ моделей 3,000 руб., а баронъ Клодтъ съ бронзы 9,000 руб. Графъ Клейнмихель словесно объявилъ, „что и это тоже дорого". Желая еще больше облегчить средства къ выполненію группъ касательно бронзовой работы, Пименовъ уговорилъ гальвано-пластическое и литейное заведеніе взять 72,000 руб. за отливку, чеканку и постановку на мѣсто";—но и эта смѣта его сіятельствомъ не принята Тогда въ запискѣ своей Пименовъ выставилъ крайнія условія для выполненія 4-хъ групъ въ семь лѣтъ: 37,000 руб.", и его семилѣтнее содержаніе, казенные матеріалы для выполненія" и при этомъ, чтобы „особенная плата дѣлана помощникамъ, работникамъ и натурщикамъ, а не на счетъ его, Пименова. Что же касается до суммы, которую Пименовъ могъ бы выработать въ продолженіе семи лѣтъ, то онъ въ этомъ, по мѣрѣ достоинства его работы, совершенно ввѣряетъ себя Высочайшей милости Государя Императора". На это отъ графа Клейнмихеля не послѣдовало никакого отвѣта. Можно ли же, зная этотъ ходъ дѣла о мостовыхъ группахъ, возлагать вину въ неосуществленіи блистательнаго предположенія на память художника, жившаго для искусства, но дѣй-

ствительно, не политика, не умѣвшаго достигать успѣха окольными путями. Враги Пименова — а, какъ талантъ, имѣлъ онъ ихъ въ достаточномъ количествѣ, — больше всего напирали на гордость его, и въ силу такого о немъ мнѣнія, успѣли добиться полнаго уничтоженія всякихъ надеждъ для скульптора между русскими едва ли не перваго, по могучести таланта и возвышенности стиля.

Въ 1853 году открытъ былъ конкурсъ на сочиненіе проектовъ памятника адмиралу Лазареву, лучшимъ найдено предположеніе Пименова: фигура адмирала стоящая (въ 3 сажени вышиною), на пьедесталѣ, съ пушками, съ четырехъ сторонъ накрестъ. Пименовъ выполнилъ модель окончивъ исакіевскія группы и заказъ за нимъ высочайше утвержденъ 29-го декабря 1854 года, а къ апрѣлю 1855 г. морское вѣдомство заключило съ художникомъ формальное условіе на выполненіе памятника изъ бронзы, причемъ художнику за модель назначено 20,000 руб. и за отливку 11 тыс. руб. Въ іюлѣ того же года послѣдовало отложеніе дѣла, снова разрѣшеннаго въ 1857 году, ибо выполнивъ статую, Пименовъ не видѣлъ памятника открытымъ. При воцареніи Государя Императора Александра Николаевича Пименовъ выполнилъ модель коронаціи съ изображеніемъ Его Императорскаго Величества. Профессоръ получилъ Высочайшій сеансъ и при поднесеніи Государю отливка изъ серебра своего медальона, удостоенъ награжденія перстнемъ. Затѣмъ, по Высочайшему повелѣнію Пименовъ выполнилъ модель конной группы Св.

Георгія, для украшенія залы ордена Св. Георгія въ Кремлевскомъ дворцѣ. За выполненіемъ модели заказъ отмѣненъ. Августа 5-го 1856 года Пименовъ выполнилъ самый сходный и самый изящный бюстъ президента Императорской Академіи Художествъ, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны, въ натуральную величину. Около этого же времени сдѣланы имъ медальоны Императоровъ Николая I-го и Александра II-го и бюстъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго — для празднованія 25-ти-лѣтія Его Высочества въ званіи шефа лейбъ-гвардіи уланскаго полка. Приэтомъ, для помѣщенія медали, Пименовъ выполнилъ модель фигурнаго серебрянаго пьедестала съ орломъ, штандартами, пиками и арматурою. Въ это же время (1856 г.) получилъ художникъ заказъ Императрицы Александры Өеодоровны — выполнить стоящую статую Императора Николая I, изъ мрамора въ натуральную величину, для помѣщенія на дачѣ Ея Величества, въ Александріи. Модель выполнена прекрасно, и окончательно, до обложенія драпировкою. Въ этомъ видѣ найденная, статуя докончена съ эскиза, по смерти Пименова одновременно съ утвержденіемъ модели статуи Лазарева, Пименовъ составилъ проектъ памятника адмиралу Корнилову. Онъ поставилъ фигуру его на двойномъ пьедесталѣ: верхній украшенъ по боковымъ фасамъ барельефами погребальнаго шествія и преданія земли тѣла его, а на нижнемъ пьедесталѣ каждый фасъ представляетъ по одному геройскому дѣянію Корнилова и

въ углахъ помѣщены пушки. Модель эта неосуществлена. Впослѣдствіи (1856 года ноября) послѣдовалъ заказъ общаго монумента всѣмъ тремъ черноморскимъ героямъ: Корнилову, Нахимову и Истомину. Въ исполненіи этой воли Государя Великаго Князя Константина Николаевича, Пименовъ составилъ проектъ мовзолея въ формѣ часовни, въ стилѣ старинныхъ московскихъ церквей. Фигуры адмираловъ, помѣщены были внѣ часовни этой на особыхъ подножіяхъ, отставленныхъ отъ каждой стѣны и отъ столбовъ, въ углахъ ея. Столбы увѣнчаны были главами на башенкахъ крестами, а подъ самою срединою часовни выше прочихъ башенка заканчивалась ангеломъ съ распростертыми крыльями. Съ четвертой стороны часовни была арматура изъ орудій, а входы въ часовню устроены въ пьедесталахъ статуй. За этимъ проектомъ, — представленнымъ Его Высочеству 22-го декабря 1856 года— Пименовъ получилъ Высочайшій заказъ модели статуи фельдмаршала князя Паскевича-Эриванскаго, для постановки въ Варшавѣ. Государю Императору благоугодно было повелѣть изобразить фельдмаршала въ шинели, съ открытою головою, а у ногъ стоящей статуи, — каску; на граняхъ пьедестала 2 барельефа герба князя и надпись. Позу фигуры фельдмаршала, Пименовъ взялъ съ портрета писаннаго Крюгеромъ, какъ самаго лучшаго по естественности движенія, не только по сходству лица и по фризу той грани, гдѣ помѣщенъ гербъ, положилъ два фельдмаршалскіе жезла австрійскій и прусскій. Съ оборотной же стороны изобразилъ фигуры „Славы и му-

жества“ поддерживающіе доску, на которой геній войны вписываетъ титулъ и лѣта князя Варшавскаго, а на грунтѣ накрестъ положенные русское ружье и шпага въ лаврахъ. Боковые барельефы поддерживали фигуры плѣненныхъ непріятелей, съ украшеніями изъ оружій.

Барельефы представляли эпизоды славной жизни фельдмаршала: „Встрѣчу благополучно царствующей Государыни Императрицы, невѣстою Государя Наслѣдника, въ Варшавѣ“, „Сраженіе подъ Парижемъ“, „Вступленіе графа Паскевича въ Таврисъ“, „Взятіе имъ Эрзерума“ и „Штурмъ Варшавы“. За модель статуи Пименовъ назначилъ 12,000 руб., за модель пьедестала съ барельефами 14,000 руб., и за отливку всего изъ бронзы 20,000 руб. Статуя была выполнена и весь памятникъ по смерти Пименова, фонъ-Бокомъ. Въ 1858 г. Пименовъ произвелъ колоссальный бюстъ Императора Николая I въ здѣшнюю биржевую залу и выполнилъ проектъ медали по этому случаю. Затѣмъ, для юбилея 50-лѣтней службы генерала А. Я. Вильсона, выполнилъ бюстъ его, изъ каррарскаго мрамора и модель медальона для медали. Для 25-ти-лѣтія шефства Великаго Князя Михаила Николаевича въ Л. Гв. Конногренадерскомъ полку, Пименовъ произвелъ отлитую изъ серебра фигуру „Славы“, держащей юбилейную медаль, имъ же сочиненную. Для монумента Императору Николаю I, постановленнаго у Синяго моста, скомпанованъ барельефъ „обнародованіе Свода Законовъ“, изобразивъ засѣданіе Государственнаго Совѣта 19-го января 1833 года и въ немъ возложеніе Государемъ на

Сперанскаго Андреевской ленты. Прекрасно выполнилъ рисунокъ, отъ исполненія барельефа съ 14-ю портретными фигурами на срокъ съ февраля до Августа, впрочемъ онъ отказался, нежелая выполнять декоративно только.

Въ началѣ 1860 года принялъ художникъ выполненіе памятника князю М. С. Воронцову, въ Тифлисѣ и до смерти успѣлъ выполнить превосходно фигуру меньше натуры (съ головою) безъ драпировки, — тоже скомпанованной на манекенѣ. Выполненіе въ настоящую величину совершено по смерти художника съ этой модели.

Затѣмъ сдѣлалъ профессоръ Пименовъ *шесть моделей* половинныхъ статуй, для носовой части корветовъ: „Богатырь“ и „Варягъ“, и фрегатовъ: „Пересвѣтъ“, „Ослабя“ и „Дмитрій Донской“ и „Св. Александръ Невскій“. Достойный профессоръ успѣлъ и подготовить для выполненія съ этихъ моделей, рѣщиковъ адмиралтейскихъ, введя при выполненіи изъ дерева тотъ же пріемъ, который въ употребленіи у скульпторовъ при выполненіи изъ мрамора, а именно: *выводъ на пункты* (въ низовье дерева въ подлежащую глубину сверленіемъ круглыхъ скважинъ, по размѣру). До того адмиралтейскія рѣзчики употребляли шаблонную рѣзку.

Къ 1860 году принадлежитъ и докончаніе Пименовскаго бюста Императора Николая I поставленнаго въ Эрмитажѣ, пять лѣтъ работы доказываетъ высшую добросовѣстность профессора, дѣйствительно доведшаго окончательность до высшей степени, при постоянномъ недовольствѣ своимъ

трудомъ. Этою чертою его характера объясняется частое нарушеніе сроковъ по принимаемымъ имъ заказовъ исполненій, но едвали любитель искусства найдетъ эту неаккуратность преступленіями со стороны художника, строгаго къ себѣ больше, чѣмъ его собратія, поспѣвавшія сдавать къ сроку свои работы. Неудовольствіе его современниковъ просрочку неоправдывая взявшагося выполнить, для потомства будетъ имѣть другое значеніе въ вопросѣ опредѣленія художественныхъ достоинствъ Пименова, какъ мастера.

Мы не будемъ говорить, что художникъ былъ совсѣмъ правъ въ неблагопріятномъ оборотѣ большинства даваемыхъ ему порученій, но позволимъ одно себѣ представить въ его оправданіе. Онъ былъ, какъ талантъ, впечатлительнѣе всякаго другаго и несправедливость, а тѣмъ болѣе происки и интриги вреднѣе на него дѣйствовали, повергая въ бездѣйствіе при раздраженіи и обидѣ. Поводовъ для того и другаго, бывало много и были они часты, а затѣмъ присоединились ко всѣмъ непріятностямъ и мученія ревности, далеко не неосновательной. Весь этотъ адъ въ душѣ, при неудачѣ въ дѣлахъ извнѣ и наростаніи долговъ, сломилъ, наконецъ, крѣпкую натуру Пименова. Онъ получилъ неизлечимую болѣзнь. Ходъ ея, между тѣмъ, вслѣдствіе неудачи съ памятникомъ „Тысячелѣтія“ и поэту Пушкину, получилъ быстрый, неотвратимый характеръ. Уже чувствуя припадки болѣзни, сведшей въ гробъ его, Пименовъ ѣздилъ вь Севастополь, осенью 1861 года. Воротясь оттуда, художникъ вылѣпилъ модель па-

мятника Пушкину, поставивъ поэта на скалѣ; ниже его помѣстивъ парящаго генія, съ хартіею и лирою, а внизу, въ лицѣ русскаго молодца, вырубающаго на скалѣ слова „Пушкину—Россія"!—себя. Въ маѣ 1862 г. онъ представилъ эту модель съ описаніемъ и сочинилъ жетонъ „на освобожденіе крестьянъ". Лѣтомъ 1864 г. опасная болѣзнь заставила художника ѣхать заграницу, но недостатокъ средствъ позволилъ ему совершить поѣздку только осенью и, воротился онъ оттуда, сильнѣе заболѣвъ еще въ Берлинѣ. Силы оставили уже почти изможденное тѣло и простуда, быстро развила водяную. Декабря 5-го 1864 г., Пименовъ перестaлъ страдать, оставивъ кучу недоконченныхъ твореній, 22,000 р. долга и осиротѣлое семейство безъ куска хлѣба.

Какъ человѣкъ онъ, по словамъ враговъ, былъ вспыльчивъ, раздражителенъ, неуживчивъ, но не то говорили ученики, не то думали друзья искусства и не то скажетъ о Пименовѣ безпристрастная исторія. Она скажетъ, что Николай Степановичъ Пименовъ былъ благороднѣйшій человѣкъ, никогда не кривившій душою; какъ художникъ онъ стоитъ выше всѣхъ русскихъ скульпторовъ, и какъ наставникъ выше многихъ.

Исидоръ Митрополитъ

ИСИДОРЪ,

МИТРОПОЛИТЪ НОВГОРОДСКІЙ И С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ.

[illegible] ко- [illegible] ѣя- [illegible] рг- [illegible] со- [illegible] омъ [illegible] то- [illegible] и [illegible] вы [illegible] ра- [illegible] ній [illegible] аз- [illegible] въ [illegible] ѣя- [illegible] сти [illegible] пей [illegible]

[illegible] ро- [illegible] Ма-
тери, въ селѣ Никольскомъ, Тульской губерніи, Каширскаго уѣзда, гдѣ отецъ его Сергій Ивановъ былъ діакономъ. По окончаніи курса въ Тульской Духовной Семинаріи, въ 1821 году, Яковъ Никольскій поступилъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію, гдѣ окончилъ курсъ однимъ изъ луч-

Исидоръ Митрополитъ

I.

ИСИДОРЪ,

МИТРОПОЛИТЪ НОВГОРОДСКІЙ И С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ.

Передать на немногихъ страницахъ жизнь и полувѣковую, многотрудную, доблестную и плодотворную дѣятельность митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго Исидора, согласно съ духомъ нашего времени и современными требованіями знаній, представляется дѣломъ крайне труднымъ и даже невыполнимымъ. Полвѣка неутомимыхъ трудовъ, полвѣка живыхъ подвиговъ св. вѣры и благочестія, полвѣка истинной любви къ ближнему и молитвы за русскій народъ, полвѣка учительства въ церкви и охраненія Евангельскихъ истинъ и Апостольскихъ преданій должны занять, какъ бы ни былъ сжатъ и простъ разсказъ, много страницъ. Остается потому ограничиться, въ предлагаемой статьѣ, изложеніемъ только важнѣйшихъ дѣяній архипастыря и не помышлять о полнотѣ и цѣльности разсказа о разнообразной, многосложной и обильнѣйшей памятными подвигами жизни его.

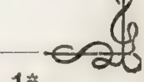
Митрополитъ Исидоръ, въ мірѣ Яковъ Никольскій, родился 1-го октября 1799 года, въ день Покрова Божіей Матери, въ селѣ Никольскомъ, Тульской губерніи, Каширскаго уѣзда, гдѣ отецъ его Сергій Ивановъ былъ діакономъ. По окончаніи курса въ Тульской Духовной Семинаріи, въ 1821 году, Яковъ Никольскій поступилъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію, гдѣ окончилъ курсъ однимъ изъ луч-

шихъ студентовъ, со степенью кандидата, въ 1825 году. Вскорѣ послѣ окончанія курса въ Академіи, на 26-мъ году отъ рожденія, онъ, по желанію своему, постригся, 22-го августа 1825 года, въ монашество, съ именемъ Исидора, опредѣленъ баккалавромъ богословскихъ наукъ той же Академіи, а 29-го августа рукоположенъ въ іеродіакона; затѣмъ, 5-го сентября произведенъ въ іеромонаха, и 10-го сентября назначенъ библіотекаремъ Академіи. Черезъ годъ, 30-го октября 1826 года, Коммиссіею Духовныхъ Училищъ удостоенъ степени магистра. Послѣ пятилѣтнихъ плодотворныхъ трудовъ учительства въ С.-Петербургской Духовной Академіи, іеромонахъ Исидоръ, 24-го августа, 1829 года, опредѣленъ въ Орловскую Духовную Семинарію ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ, и въ томъ же году 14-го сентября возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ настоятелемъ Мценскаго Петропавловскаго монастыря, а 11-го ноября — присутствующимъ Орловской Духовной Консисторіи. Лѣто 1830 года, архимандритъ Исидоръ провелъ на ревизіи Ливенскихъ духовныхъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, а 10-го февраля 1831 года утвержденъ въ званіи члена Орловскаго Тюремнаго Комитета. Въ 1833 году архимандритъ Исидоръ, 21-го іюля, переведенъ ректоромъ въ Московскую Духовную Семинарію и опредѣленъ настоятелемъ ставропигіальнаго Заиконоспасскаго монастыря. Пятилѣтняя ректорская дѣятельность архимандрита Исидора въ Орлѣ и Москвѣ, по свидѣтельству современниковъ, была «благотворнымъ управленіемъ», о чемъ доселѣ живетъ память въ этихъ заведеніяхъ. Въ 1834 году, 11-го ноября, по Высочайшему указу архимандритъ Исидоръ хиротонисанъ во епископа Дмитровскаго, викарія Московской митрополіи. Вручая ему епископскій жезлъ, архипастырь Московскій, митрополитъ Филаретъ, какъ будущему «сотруднику и содѣйствователю» своему, между прочимъ, сказалъ: «Верховный Пастыреначальникъ да упасетъ и управитъ тебя, и дарованный тебѣ

нынѣ даръ свой да сохранитъ въ тебѣ и возраститъ и многоплоднымъ сотворитъ въ благопотребное и полезное служеніе церкви». Молитвенное желаніе святителя Московскаго вполнѣ осуществилось: даръ благодатный возросъ и содѣлался многоплоднымъ. Великій и вдохновенный учитель земли русской, митрополитъ Филаретъ, воспиталъ въ епископѣ Исидорѣ для русской церкви достойнаго ученика, благовѣстника и доблестнаго воина Христова, мощнаго защитника православія и дѣятельнаго насадителя св. вѣры и благочестія.

Въ санѣ викарія Московской митрополіи, преосвященный какъ бы подготовлялся къ той, требовавшей особенной опытности и мудрости, дѣятельности, которою ознаменовалъ онъ свое служеніе на каѳедрахъ Бѣлорусской и Грузинской. Московская паства полна отрадныхъ воспоминаній о служеніи епископа Исидора въ древней столицѣ, а Московская Академія «имѣетъ и письменное свидѣтельство, что онъ съ участіемъ относился къ ея ученымъ трудамъ, и что митрополитъ Филаретъ дорожилъ его о нихъ отзывами, повелѣвая руководиться ими труженникамъ духовной науки».

Черезъ три года, викарій Московскій, въ 1837 году, 5-го іюня былъ призванъ къ самостоятельной дѣятельности на каѳедрѣ Полоцкой епархіи, а въ слѣдующемъ 1840 году, 5-го іюня же перемѣщенъ на каѳедру Могилевской епархіи и на слѣдующій годъ, 5-го іюня, возведенъ въ санъ архіепископа. Полоцкъ и Могилевъ, въ продолженіи четырехъ лѣтъ, были свидѣтелями неутомимой, истинно пастырской дѣятельности архіепископа Исидора. Возникшія тогда религіозныя движенія между уніатами вынуждали то изучать и уяснять себѣ прошедшія судьбы Западнаго края, то зорко вникать въ тогдашній бытъ мѣстнаго духовенства, то защищать православіе отъ посягательствъ исконныхъ враговъ его, то возбуждать и содѣйствовать соединенію съ православною церковію черезъ унію отторгнутыхъ католичествомъ

духовныхъ чадъ ея, то, утверждая православіе, возстановлять древніе обычаи православной церкви, являя въ себѣ высокій примѣръ строго благочестивой, христіанской жизни. Мудрая кротость, любовь и неутомимые труды благоговѣніе убѣждали и побѣждали сердца колебавшихся въ вѣрѣ, и разсѣевали навѣянныя имъ сомнѣнія.

Покоренный, въ 1840—1850 годахъ, Закавказскій край, требовалъ распространенія въ немъ свѣта истинной Христовой вѣры и вообще устройства края, а потому по Высочайшей волѣ, дѣятельность архіепископа Исидора была перенесена съ сѣверо-запада на юго-восточную окраину государства. Высочайшимъ указомъ, 12-го ноября 1844 года, архіепископъ Могилевскій назначенъ на каѳедру епархіи Карталинской и Кахетинской и возведенъ въ званіе члена Святѣйшаго Сѵнода и экзарха Грузіи. Здѣсь, въ продолженіи 13-ти лѣтъ, архипастырь неутомимо трудился по общему управленію церковными дѣлами Закавказскихъ епархій и постепенному благоустройству ихъ; пастырская попечительность и ревностное содѣйствіе экзарха особенно обращено было къ возобновленію и на устройство новыхъ храмовъ въ мѣстахъ разноплеменнаго и разновѣрнаго населенія. Труды эти ознаменовались благодатными успѣхами просвѣщенія христіанскою вѣрою многихъ пріобрѣтенныхъ чадъ церкви и положили прочное основаніе развитію православія въ краѣ. Вся Грузія съ величайшимъ уваженіемъ, благодарностію и трогательною любовію вспоминаетъ и благословляетъ имя экзарха Исидора, какъ возстановителя упадавшаго православія на Кавказѣ. Труды и заботы экзарха для Закавказья были оцѣнены Монаршимъ благоволѣніемъ. Въ 1853 году, 19-го апрѣля, при Высочайшемъ рескриптѣ, экзарху былъ препровожденъ алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ, а въ 1856 году, 26-го августа, возведенъ онъ лично въ санъ митрополита, «за ревностные труды по общему управленію церковными дѣлами Закавказскаго края».

По смерти Кіевскаго митрополита Филарета, экзархъ Грузіи призванъ 1-го марта 1858 года къ высшему служенію, на Кіевскую митрополію, гдѣ онъ украшалъ древнѣйшую каѳедру св. Софіи два года, которые незабвенны для Кіевской епархіи, академіи и семинаріи.

Въ 1860 году, 1-го іюля, митрополитъ Исидоръ призванъ на служеніе въ сѣверную столицу, въ первопрестольный градъ, на каѳедру митрополита Новгородскаго, С.-Петербургскаго, Эстляндскаго и Финляндскаго. Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя митрополита Исидора, 12-го сентября 1875 года, въ день пятидесятилѣтняго служенія его въ священномъ санѣ, при чемъ былъ препровожденъ ему архипастырскій посохъ, осыпанный драгоцѣнными камнями, сказано, что на теперешнюю каѳедру архипастырь призванъ «руководить дѣяніями высшаго правительства Церкви Всероссійской», и что «первоприсутствованіе» митрополита въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ «постоянно свидѣтельствуетъ о разумѣ» его, «изощренномъ опытомъ служенія въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества; лично изучивъ нужды духовенства, потребности духовнаго образованія и недостатки церковнаго хозяйства и управленія», митрополитъ «неуклонно направляетъ труды Святѣйшаго Сѵнода на устраненіе замѣченныхъ» имъ «несовершенствъ». Занявъ первенствующее мѣсто въ высшемъ церковномъ управленіи, митрополитъ Исидоръ, по мнѣнію С.-Петербургскаго духовенства, выраженнаго въ адресѣ къ нему, поданномъ ему 12-го сентября 1875 года, «сталъ достойнымъ представителемъ Всероссійской православной церкви, твердымъ защитникомъ и лучшимъ истолкователемъ ея правъ, современныхъ потребностей, ожиданій, постояннымъ охранителемъ чести духовенства, и, принимая непосредственное и ближайшее участіе въ ея управленіи», несетъ «великія обязанности въ дѣлѣ цѣлесообразнаго направленія государственныхъ реформъ, клонящихся къ улучшенію разныхъ сторонъ религіозно-нрав-

ственной жизни русскаго народа, касающихся и быта духовенства».

О дѣятельности митрополита по отношенію къ Петербургскому духовенству, оно высказалось въ такихъ выраженіяхъ: «Возвратясь къ намъ, ты принесъ намъ заповѣдь любви и милосердія, смиренія и труда, и ежечасно и словомъ, и дѣломъ учишь насъ хранить и соблюдать ее. Возможно ли намъ нынѣ, во всеуслышаніе, не говорить предъ тобой о нашей радости и благодарности, видя, какъ высоко несешь ты знамя правителя Христовой паствы, какъ заботливо трудишься для блага цѣлой епархіи и каждаго изъ насъ въ отдѣльности. Ты всегда желалъ быть для насъ болѣе любящимъ отцомъ, чѣмъ начальникомъ. Мы дивилися, какъ, въ твои преклонныя лѣта, ты неутомимо лично занимаешься всѣми дѣлами, самъ непосредственно во все вникаешь, и никакое дѣло или событіе изъ нашей епархіальной жизни не проходитъ безъ твоего личнаго разсмотрѣнія и мудраго рѣшенія. Да будетъ позволительно нашему смиренію упомянуть о твоихъ, правдолюбивый архипастырь, извѣданныхъ нами безпристрастіи и осторожности при рѣшеніи иногда самыхъ маловажныхъ дѣлъ: милостивое вниманіе къ заслугамъ каждаго изъ насъ, истинное, проникнутое христіанскою любовію, правосудіе и справедливость всегда сопровождаютъ твои рѣшенія. Твое архипастырское управленіе извѣстно и дорого намъ и по твоей отеческой доступности, по которой ты всегда какъ бы вблизи насъ и среди насъ: каждый изъ насъ всегда можетъ надѣяться получить твой добрый совѣтъ, святительское наставленіе, видѣть твою помощь. Разрѣшенные тобою въ нашей епархіи, впервые въ Россіи, благочинническіе совѣты, а равно выборы помощниковъ благочинныхъ, открыли намъ способы къ самоуправленію и къ самоулучшенію многихъ сторонъ нашей жизни. Твоей просвѣщенной архипастырской заботливости обязаны своимъ благосостояніемъ и благоустрой-

ствомъ наши духовно-учебныя заведенія. Любовь твоя къ благолѣпію храмовъ Божіихъ ревностно изыскиваетъ всевозможные способы для украшенія и для поддержанія въ народѣ благочестиваго усердія къ нимъ. Весьма осязательны послѣдствія твоего кроткаго пастырскаго вліянія и на иновѣрцевъ, не говоря уже объ исповѣдующихъ единовѣріе, которые постоянно приходятъ въ болѣе ясное сознаніе своихъ забужденій и болѣе и болѣе приближаются къ истинному православію, благодаря твоему любвеобильному и искреннему воздѣйствію на нихъ. Твое неутомимое усердіе къ Богослуженію и высоко-религіозное благоговѣніе во время общественной молитвы постоянно и наглядно учатъ насъ достойному предстоянію у престола Господня. Какъ пастырь милостивый и благосердый, ты незамѣтнымъ образомъ и среди насъ водворяешь любовь и миръ и съ благоснисхожденіемъ исправляешь наши недостатки. И отрадно видѣть, что доблестныя качества пастыря православнаго, ставящія его на высоту его великаго призванія, находятъ въ тебѣ лучшее себѣ выраженіе и примѣненіе къ жизни, любовь и милость у тебя живы и дѣйственны. Проводя свою подвижническую жизнь въ подвигахъ иноческаго благочестія, умѣренности и простоты, ты избытокъ отъ своихъ средствъ посвящаешь на дѣла благотворительности, на пользу многихъ неимущихъ. Тебѣ, по всякому праву, принадлежитъ достойно носимое тобой званіе Главнаго Попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Во имя тѣхъ же правъ тебѣ давно и навсегда присвоено нами имя отца и попечителя нашихъ бѣдныхъ вдовъ и сиротъ. Въ теченіи полустолѣтія, въ разныхъ мѣстахъ, наблюдая и направляя жизнь духовенства, ты давно понялъ его многочисленныя нужды и увидѣлъ, что среди него бѣдность и безпомощное сиротство едва ли не сильнѣе даютъ себя чувствовать, чѣмъ во всякой другой средѣ. И съ первыхъ же лѣтъ, по пріѣздѣ въ нашу епархію, попе-

ченіе о бѣдныхъ духовныхъ, призрѣніе вдовъ, воспитаніе и устройство сиротъ ты поставилъ, между прочимъ, важною задачею своего архипастырскаго служенія. Лѣтъ 14-ть назадъ, ты задумалъ устроить въ С.-Петербургѣ домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія и основать въ немъ училище для сиротъ. При благословеніи Божіемъ, тобою найдены нужныя средства къ постройкѣ дома, которая произведена была подъ ближайшимъ твоимъ наблюденіемъ; тобой указано обезпеченіе и для дальнѣйшаго существованія этого благотворительнаго учрежденія и училища при немъ. Въ 1869 году, обширный, благоустроенный во всѣхъ отношеніяхъ, «*Александро-Невскій домъ призрѣнія бѣдныхъ духовнаго званія*» открытъ и навсегда останется незабвеннымъ памятникомъ любви и милосердія къ ближнему; онъ во очію свидѣтельствуетъ, какое великое дѣло благотворительности создалъ ты для нашихъ бѣдныхъ, особенно для круглыхъ малолѣтнихъ сиротъ, которымъ безъ твоего попеченія, грозили нищета и грубое невѣжество. Въ тебѣ же, сердобольный владыко, наши сироты находятъ заботливаго отца, а въ устроенномъ тобою училищѣ при домѣ — родной пріютъ и средства къ своему существованію и образованію».

Петербургское духовенство въ память 50-ти лѣтняго юбилея архипастыря своего, учредило на вѣчныя времена 8-мъ стипендій митрополита Исидора въ устроенномъ имъ Александро-Невскомъ домѣ, чтобы онѣ напоминали изъ рода въ родъ, что Петербургская паства глубоко цѣнила заботы пастыря своего о ней. Тѣже искреннія чувства духовенства внушили ему поднести высокому юбиляру богатую икону Покрова Пресвятыя Богородицы. Вся Россія откликнулась на торжество архипастыря сердечными и искренними пожеланіями, чтобы съ крѣпостію силъ продолжалъ юбиляръ высокое и благотворное служеніе церкви и Россіи.

Кромѣ перечисленныхъ трудовъ митрополита Исидора,

собственно, по епархіальнымъ дѣламъ, онъ несъ обязанности въ дѣлѣ цѣлесообразнаго направленія государственныхъ реформъ, клонящихся къ улучшенію разныхъ сторонъ религіозно-нравственной жизни русскаго народа, касающихся не только быта духовенства, но и всего общества. Именнымъ указомъ, даннымъ 21-го августа 1860 года, Совѣту Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, митрополитъ Исидоръ назначенъ Главнымъ Попечителемъ Общества и Предсѣдателемъ Совѣта, а въ 1862 году, 28-го іюня—Предсѣдателемъ Высочайше учрежденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства. Пятнадцати-лѣтніе труды по Человѣколюбивому Обществу архипастыря знаменательны. Въ это короткое время Обществомъ учреждено болѣе 30-ти новыхъ воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній и распространено дѣйствіе Общества до такой степени, что вмѣсто 16,000 неимущихъ, получавшихъ пособія при назначеніи архипастыря, Общество оказываетъ нынѣ помощь 76,000, и, не смотря на столь значительное расширеніе благотворительности своей, оно, благодаря благоразумному хозяйству, возрастило цѣнность своихъ денежныхъ и недвижимыхъ имуществъ болѣе чѣмъ на $2^1/_2$ милліона рублей. За труды эти не разъ митрополитъ Исидоръ удостоивался «Высочайшей душевной благодарности».

Труды по званію Предсѣдателя Высочайше учрежденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства,—при извѣстной опытности архипастыря, свѣтломъ взглядѣ на необходимыя реформы въ клирѣ и добромъ желаніи удовлетворить хорошо извѣстнымъ ему многимъ нуждамъ духовенства,—принесли обильные плоды. До 1862 года введены были въ штатное положеніе съ назначеніемъ жалованья 17,615 церквей, на которые расходовалось изъ Государственнаго Казначейства и изъ духовно-учебныхъ капиталовъ 3,768,828 руб. $2^1/_2$ коп. Черезъ 17-ть лѣтъ, за время предсѣдательства митрополита Исидора въ Высочайше

учрежденномъ присутствіи по дѣламъ православнаго духовенства, цифра эта значительно возрасла. Въ 1876 году было уже обезпечено жалованьемъ изъ Государственнаго Казначейства до 18,000 церквей, на которыя отпускалось 5,599,843 руб.

Перечисленные разнообразные, многочисленные и неутомимые труды, не отвлекали архипастыря и отъ ученыхъ занятій. Въ 1876 году напечатаны въ первый разъ: «Слова и рѣчи сѵнодальнаго члена, высокопреосвященнѣйшаго Исидора, митрополита Новгородскаго, С.-Петербургскаго и Финляндскаго»; въ изданіи этомъ 62 замѣчательныхъ поученія. Въ томъ же 1876 году издана Св. Сѵнодомъ «Библія или книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта въ русскомъ переводѣ».

Представителями нашей церкви сдѣланъ починъ перевода Библіи съ еврейскаго на русскій языкъ. Трудъ этотъ въ высшей степени знаменательный, совершался въ продолженіи многихъ лѣтъ, подъ надзоромъ Св. Сѵнода и изданъ по его благословенію. Несомнѣнно, потому что высокое уваженіе къ еврейскому тексту Библіи, какъ къ тексту оригинальному, воодушевляло представителей нашей церкви къ этому тяжелому и обширному труду, и убѣжденіе, что его распространеніе среди членовъ церкви послужитъ къ болѣе глубокому пониманію ими истинъ откровенія и преуспѣнію въ дѣлѣ вѣры.

По изданію въ свѣтъ Священныхъ Книгъ архипастырь прилагалъ «особые труды», за что Всемилостивѣйше пожалована ему, 27-го марта 1877 года, «украшенная драгоцѣнными каменьями митра, съ воздруженнымъ на ней крестомъ, по Кіевскому обычаю».

Митрополитъ Исидоръ имѣетъ всѣ Россійскіе ордена высшихъ степеней, украшенные алмазами, а также и греческій Спасителя, 1-ой степени.

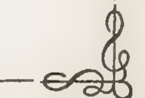
Полувѣковые труды и заслуги архипастыря, по отно-

шенію къ церкви, духовенству и наукѣ, вызвали русскія и иностранныя академіи, университеты и ученыя общества избрать митрополита Исидора въ почетные и дѣйствительные члены, въ такомъ послѣдовательномъ порядкѣ: а, въ 1845 г., 27-го августа, Королевское Копенгагенское Общество сѣверныхъ древностей; б, въ 1850 г., 27-го февраля, Сельское Кавказское Общество; в, въ 1852 г., 11-го апрѣля, Императорское Русское Географическое Общество; г, въ 1854 г., 30-го іюля, Кіевская Духовная Академія; д, въ 1857 г., 29-го декабря, Императорская Академія Наукъ; е, въ 1859 г., 27-го января, Королевское Копенгагенское Общество сѣверныхъ древностей—фундаторомъ; ж, въ 1859 г., 24-го февраля, С.-Петербургская Духовная Академія; з, въ 1859 г., 24-го февраля, Московская Духовная Академія; и, въ 1859 г., 27-го марта, Комитетъ для всесторонняго распространенія грамотности, учрежденный при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства; і, въ 1860 г., 21-го августа, С.-Петербургскій Университетъ; к, въ 1861 г., 18-го февраля, С.-Петербургская Медико-Хирургическая Академія; л, въ 1861 г., 27-го декабря, Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ; м, въ 1873 г., 26-го января, Музей имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, въ Москвѣ, н, и въ 1877 г., 15-го октября, Московскій Университетъ.

Благотворнымъ и полезнымъ трудамъ митрополита Исидора, на страницахъ исторіи отечественной церкви, будетъ отведено видное и обширное мѣсто.

Н. Г.

II

[illegible]

[illegible]

Радецкій

У [illegible] еменныхъ
[illegible] ситъ отъ
[illegible] ралъ или
[illegible] я стран-
[illegible] й коман-
[illegible] го отряда
[illegible] я ему до-
[illegible] воспользо-
[illegible] хъ цѣлей;
[illegible] вника по-
[illegible] р., и толь-
[illegible] ринявъ во
[illegible] на то или
[illegible] й, или же
[illegible] всѣ боевыя
[illegible] цѣлесооб-
[illegible] т. е. сол-
[illegible] исполненіе
[illegible] видѣ вся-
кое сраженіе и цѣлая кампанія имѣетъ большое сходство съ сложнымъ механизмомъ, отдѣльныя части котораго могутъ быть сравнены съ отдѣльными большими отрядами,

А Ка[illegible]

II.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

Θедоръ Θедоровичъ Радецкій.

Удачный исходъ битвы или сраженія въ современныхъ войнахъ, въ весьма рѣдкихъ случаяхъ зависитъ отъ личной храбрости одного лица: будь то генералъ или солдатъ. Это положеніе, быть можетъ, покажется страннымъ, но мы его постараемся защитить. Каждый командиръ, каждый начальникъ штаба или отдѣльнаго отряда обязанъ пользоваться всѣми средствами, которыя ему доставляетъ наука и цивилизація; онъ долженъ воспользоваться ими и употребить ихъ въ дѣло для своихъ цѣлей; затѣмъ онъ обязанъ разузнать положеніе противника посредствомъ разъѣздовъ, развѣдокъ, справокъ и пр., и только, послѣ зрѣлой оцѣнки добытыхъ данныхъ и принявъ во вниманіе свое положеніе и свои силы, рѣшиться на то или другое: или держаться оборонительныхъ дѣйствій, или же перейти въ наступленіе. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ боевыя силы должны быть употреблены по возможности цѣлесообразно и, въ свою очередь, отъ боевыхъ единицъ, т. е. солдатъ требуется только строгое и своевременное исполненіе данныхъ распоряженій и приказаній. Въ такомъ видѣ всякое сраженіе и цѣлая кампанія имѣетъ большое сходство съ сложнымъ механизмомъ, отдѣльныя части котораго могутъ быть сравнены съ отдѣльными большими отрядами,

а безчисленныя колеса и ихъ оси — съ полками, ротами и и малыми отрядами. Какъ въ сложномъ механизмѣ все останавливается, какъ скоро сломался зубецъ или лопнула ось, такъ точно и въ битвѣ—одно неисполненіе приказаній можетъ повлечь за собою цѣлую массу гибельныхъ послѣдствій. Вотъ характеръ кампаніи съ точки зрѣнія полководца или главнокомандующаго. Возьмемъ теперь положеніе боевой единицы или солдата. Онъ употребляется въ дѣло для исполненія той или другой цѣли. При этомъ онъ становится лицомъ къ лицу со смертью, будь онъ одинъ или же въ цѣломъ отрядѣ; во всякомъ случаѣ, онъ долженъ ожидать смерти въ каждое мгновеніе. Всякое дѣло можетъ кончиться гибелью того или другого солдата, того или другого офицера или генерала. Чѣмъ же отличается храбрость солдата, идущаго одинъ на одинъ или участвующаго въ цѣлой партіи? По нашему, рѣшительно ничѣмъ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ одинаково рискуетъ своею жизнью и одинаково исполняетъ свой долгъ. Мы скажемъ болѣе, что солдатъ, по своему назначенію, долженъ рисковать своею жизнью, а если онъ не рискуетъ, если онъ укрывается отъ боя, то онъ трусъ и предается за это военному суду. Итакъ, полководецъ долженъ такъ руководить кампаніей, чтобы устранить всѣ случайности, гдѣ бы отдѣльныя части не подвергались напрасно опасностямъ, и въ то же время, онъ не долженъ разсчитывать ни на одно дѣло, которое зависѣло бы отъ личной храбрости того или другого солдата, того или другого офицера. А если при стычкѣ и окажется, что успѣхъ явился слѣдствіемъ личной храбрости какого-нибудь героя, то эти дѣла, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ никакого вліянія на общій ходъ войны. Мы увѣрены, что только неумѣлый военачальникъ снанетъ строить планъ кампаніи, разсчитывая на личную храбрость того или другого офицера. Такой полководецъ всегда бы проигралъ въ современныхъ войнахъ, хотя въ прошедшихъ вой-

нахъ такой ходъ дѣла былъ почти единственный: тамъ все зависѣло отъ личности воина; но вѣдь тогда и условія были другія. Тогда не было тѣхъ средствъ, какія имѣются теперь, и вслѣдствіе этого ни одна изъ воюющихъ сторонъ не знала силъ противника, шла наобумъ, и дѣло кончалось иногда подъ вліяніемъ какого-нибудь удачнаго дѣла одного лица.

Мы далеки отъ желанія отвергать важность и значеніе личной храбрости, мы говоримъ только, что у солдата должно быть строгое понятіе объ исполненіи своихъ военныхъ обязанностей, — правда, весьма важныхъ, — и полководецъ, основывая планъ кампаніи, долженъ руководиться только этимъ соображеніемъ, и ни въ какомъ случаѣ не долженъ разсчитывать на какую-нибудь особенную, выдающуюся личную храбрость солдатъ. Очевидно, слѣдовательно, что генералъ, разсчитывающій на личную храбрость и геройство солдатъ, не можетъ быть поставленъ на ряду съ тѣмъ, который ведетъ дѣло спокойно, строго взвѣсивъ всѣ условія и разсчитывая на-вѣрняка.

Недавно оконченная война даетъ намъ нѣсколько фактовъ въ подтвержденіе всего нами изложеннаго. Какія прекрасныя дѣла имѣли наши отважные моряки на Дунаѣ! Но, не желая умалять достоинство ихъ дѣлъ, спросимъ мы, имѣли ли они какое-нибудь рѣшительное вліяніе на ходъ войны? Мы отвѣтимъ: нѣтъ, никакого. Далѣе, многіе генералы выдались особенно своею личною храбростью, участвовали и были героями многихъ битвъ, такъ что солдаты сложили про нихъ пѣсни, которыя и будутъ передаваться изъ рода въ родъ, но и эти дѣла существенно не вліяли на ходъ кампаніи. Въ то-же время, и рядомъ съ этими дѣлами, было много другихъ, строго обдуманныхъ, гдѣ личная единичная храбрость не имѣла никакого вліянія, а успѣхъ зависѣлъ отъ раціональнаго, цѣлесообразнаго веденія дѣла; гдѣ всѣ силы дѣйствовали согласно, стройно, свое-

временно, какъ всѣ отдѣльныя части упомянутаго нами сложнаго механизма. Про эти дѣла не такъ много кричали наши газеты, такъ какъ въ нихъ нѣтъ геройской, поэтической подкладки; зато они имѣли существенное вліяніе на ходъ всего дѣла, и время ихъ удачнаго окончанія составляетъ рѣзкое ограниченіе двухъ или нѣсколькихъ періодовъ въ кампаніи. Мы укажемъ на переправу черезъ Дунай и на плѣненіе шипкинской арміи генераломъ Радецкимъ.

Это послѣднее дѣло мы изложимъ настолько подробно, насколько оно намъ извѣстно по существующимъ даннымъ и насколько намъ позволятъ опредѣленныя рамки нашего сборника. Но прежде всего познакомимся съ личностью Өедора Өедоровича Радецкаго, шипкинскаго героя и, какъ мы увидимъ, самаго выдающагося генерала нашего времени.

Өедоръ Өедоровичъ Радецкій родился въ 1820 году. По происхожденію онъ дворянинъ Казанской губерніи. Получивъ дома первоначальное образованіе, онъ поступилъ въ Инженерное училище, откуда былъ выпущенъ офицеромъ въ одинъ изъ инженерныхъ батальоновъ. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ строю, онъ поступилъ въ Николаевскую инженерную академію, гдѣ блистательно окончилъ курсъ въ 1841 году. Послѣ этого ему открылось болѣе широкое поле дѣятельности. Онъ получилъ званіе военнаго инженера и поступилъ на службу въ варшавскую инженерную команду. Но здѣсь пробылъ онъ недолго и перешелъ въ грузинскій инженерный округъ. Съ этихъ поръ Өедоръ Өедоровичъ Радецкій провелъ почти все свое время на Кавказѣ, участвуя, какъ инженеръ, во многихъ дѣлахъ противъ горцевъ; дѣла эти, какъ извѣстно, стоили русскимъ много денегъ, много времени и много крови. Въ то время на Кавказѣ главнокомандующимъ былъ князь Воронцевъ. Этотъ генералъ хорошо оцѣнилъ способности Өедора Өедоровича Радецкаго и постоянно давалъ ему серьезныя порученія. Первымъ выдающимся подвигомъ Радецкаго была постройка оборони-

тельной башни на каменномъ мосту въ верховьяхъ Кубани гдѣ пришлось производить работы подъ непріятельскими выстрѣлами. Послѣ этого онъ участвовалъ въ отрядѣ, дѣйствовавшемъ противъ неприступныхъ позицій Шамиля близъ Чертмы. Это дѣло было весьма удачное для русскаго оружія. Русскіе, расположившись и укрѣпившись на высотахъ при Чертмѣ, напали на непріятеля и, не смотря на его многочисленность, вытѣснили его изъ сильныхъ позицій и обратили въ бѣгство. Обращенный въ бѣгство, непріятель не былъ оставленъ въ покоѣ: русскіе преслѣдовали его и прогнали почти до аула Буртунай. Въ этомъ же году Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій получилъ чинъ поручика, а въ слѣдующемъ онъ отличился при штурмѣ Анчиндерской горы, и затѣмъ въ дѣлѣ на Заканъ-Бакскихъ высотахъ.

Проведя два года въ строю и притомъ въ строевой жизни, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій, желая увеличить свои военныя познанія, поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба въ С.-Петербургѣ, въ которой пробылъ два года и блистательно окончилъ въ ней курсъ. Во время пребыванія своего въ академіи онъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а затѣмъ, по выходѣ изъ нея, въ капитаны генеральнаго штаба, съ назначеніемъ въ дѣйствующую армію. Это было въ 1849 году. Послѣ окончанія венгерской кампаніи, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ командующаго войсками Прикаспійскаго края. Черезъ годъ онъ получилъ чинъ полковника, съ назначеніемъ начальникомъ штаба войскъ того же края. Съ 1852 года начинается снова его боевая дѣятельность на Кавказѣ. Онъ отличается въ опасныхъ дѣлахъ противъ горцевъ на Лезгинской линіи; въ слѣдующемъ году,—именно въ 1853, — сражается противъ горцевъ въ Дагестанѣ и въ дагестанскомъ округѣ; въ 1855 году участвуетъ при взятіи штурмомъ главныхъ позицій мятежниковъ въ Табассарѣ. Въ слѣдующихъ затѣмъ годахъ идетъ цѣлый рядъ блестя-

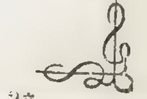
щихъ дѣлъ, въ которыхъ Радецкій принимаетъ самое дѣятельное участіе. Въ 1857 онъ отличился въ урочищѣ Джончаго-Голъ и въ Салаватіи; а въ 1859 году, назначенный командиромъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, онъ выказываетъ всѣ свои блестящія военныя способности при переправѣ нашихъ войскъ черезъ Андійское Койсу, и затѣмъ въ Ичкеріи и Яухѣ.

Въ 1860 году Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій получаетъ мѣсто начальника штаба войскъ Терской области. Въ 1861 году его производятъ въ чинъ генералъ-маіора и поручаютъ ему командованіе 38-й дивизіей, затѣмъ 31-й и наконецъ 9-й. При мобилизаціи войскъ, въ 1876 году, генералъ Радецкій получаетъ командованіе 8-го корпуса. Вмѣстѣ съ этимъ корпусомъ онъ перешелъ турецкую границу, переправился черезъ Дунай и участвовалъ сначала при геройской защитѣ шипкинскаго перевала, а затѣмъ при плѣненіи шипкинской арміи подъ начальствомъ Сулеймана-паши.

Во время службы на Кавказѣ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій получилъ много орденовъ и нѣсколько именныхъ Монаршихъ благоволеній. Первый орденъ св. Станислава 3-й степени онъ получилъ въ 1845 году. Въ 1859 году онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени и золотую саблю съ надписью «за храбрость». Въ минувшую русско-турецкую войну онъ получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени за переходъ черезъ Дунай, а за Шипку — орденъ св. Георгія 2-й степени и произведенъ въ полные генералы.

Шипка была сначала занята небольшимъ отрядомъ войскъ подъ начальствомъ генерала Столѣтова и Дерожинскаго, нашедшаго здѣсь славную геройскую смерть. Въ теченіи семидневнаго боя наши храбрецы упорно защищались и почти не уступали ни одной пяди земли изъ занятыхъ ими позицій. Наши войска укрѣпились на горѣ Св. Николая, которая господствуетъ надъ Шипкинскимъ переваломъ. Гора эта очень крутая. Но турки, превосходя по численности нашъ

отрядъ въ нѣсколько разъ, рѣшились атаковать наши позиціи на горѣ Св. Николая. Къ нимъ постоянно прибывали новыя подкрѣпленія, неусыпно и энергично нападавшія на нашихъ; но наши защищались по истинѣ геройски и давали отпоръ каждому нападенію турокъ; однако, 13-го августа, къ двумъ часамъ пополудни, солдаты брянскаго полка и болгарскаго легіона, защищавшіе позиціи на такъ называемомъ «турецкомъ люнетѣ», очутились въ ужасномъ положеніи: они разстрѣляли всѣ свои патроны. Огонь съ нашей стороны сталъ мало-по-малу ослабѣвать, наконецъ совсѣмъ прекратился. Тогда турки, замѣтивъ это, бросились на нашихъ въ штыки, желая взять важную позицію штурмомъ. Но когда они почти достигли вершины, наши солдаты вышли изъ-за окоповъ и осыпали непріятеля градомъ крупныхъ камней и бревенъ. Камни, пріобрѣтая все большую скорость при своемъ паденіи, никого не щадили. Эта своеобразная защита была настолько сильна, что, не смотря на постоянно прибывавшія свѣжія силы, не допустила турокъ до площадки люнета. Но долго такъ не могли держаться осажденные русскіе, насталъ моментъ, когда не было болѣе камней, да и бревна были всѣ израсходованы. Что дѣлать? Брали подсумки, наполняли ихъ мелкими камнями и пускали въ карабкавшагося непріятеля, который не могъ преодолѣть этихъ препятствій. Въ этотъ критическій моментъ, когда все было истощено—и силы солдатъ, и припасы,—вдругъ раздалось могучее «ура» съ переднихъ редутовъ: то была вѣсть о прибытіи генерала Радецкаго, котораго ежеминутно ожидали осажденные его товарищи. Радецкій пробилъ себѣ дорогу и спасъ ихъ. Послѣ этого, дѣла приняли нѣсколько иной оборотъ. Наши войска могли рѣшиться нѣсколько перейти въ наступленіе: они заняли новыя позиціи, окопались, укрѣпились, и оказывали непріятелю непреодолимое препятствіе. Но въ это время, подъ Плевной, нашему оружію не посчастливилось, и для обложенія ея по-

требовались значительныя силы, вслѣдствіе чего на Шипкѣ было оставлено только самое необходимое число войскъ для защиты этого важнаго пункта.

Послѣ паденія Плевны, войска освободились и рѣшено было перейти Балканы; для этой цѣли были назначены въ помощь Радецкому два большихъ отряда подъ начальствомъ Скобелева 2-го и Святополкъ-Мирскаго. Движеніе нашихъ войскъ должно было начаться 24-го декабря по направленію къ деревнѣ Шипкѣ. Въ этотъ день должны были направиться къ этой деревнѣ оба отряда: Скобелева—черезъ Зелено-Древо, Караджи и Иметли; а князя Святополкъ-Мирскаго — черезъ Крестецъ, Сельца, Гудово и Янину. Святополкъ-Мирскій выступилъ и пришелъ въ условленное время, а Скобелевъ пришелъ цѣлыми сутками позже. Самъ же Радецкій оставался на горѣ Св. Николая. Войска взяли съ собою восьмидневный запасъ сухарей, крупы, соли, чаю, сахару, спирта и ячменя; у каждаго солдата было 96 патроновъ и на вьюкахъ везли по 76 патроновъ на солдата. Аптека и перевязочные средства были на вьюкахъ; артиллерія переложена на салазки. Трудности были неимовѣрныя, такъ что 25 декабря, — во время сильнаго мороза, — князь Святополкъ-Мирскій дошелъ до Сельца, а Скобелевъ до Короджи. Какъ морозъ, такъ и снѣжные завалы, доходившіе мѣстами до полутора сажень въ вышину, представляли весьма серьезныя затрудненія. 26-го числа войска двинулись еще на шагъ: Мирскій подошелъ къ Гузову, а Скобелевъ занялъ и вступилъ въ Иметли. 27-го числа оба должны были дойти до Шипки, но такъ какъ Скобелевъ опоздалъ на цѣлыя сутки, то въ первый день боя участвовали только войска одного Мирскаго. Бой былъ трудный и ожесточенный съ обѣихъ сторонъ. Не смотря на то, взято два орудія и 100 человѣкъ плѣнныхъ турокъ. На слѣдующій день, именно 28-го декабря, была сильнѣйшая буря, отъ мятели ничего не было видно. Однако, войска наши не остановились, а оба

отряда вступили въ бой у деревни Шипки. Когда объ этомъ получилъ донесеніе генералъ Радецкій, то онъ двинулся въ атаку противъ непріятеля. Вскорѣ наши войска овладѣли первою линіею ложементовъ; тутъ были даже и рукопашныя схватки. Наши наступали неуклонно и заставили турецкій огонь стихнуть. Къ тремъ часамъ онъ уже былъ на много слабѣе первоначальнаго, а около четырехъ — совершенно умолкъ. Въ это время было взято, въ отрядѣ Скобелева, нѣсколько знаменъ и двѣнадцать полевыхъ орудій. Всѣ дрались блистательно. Болгары также взяли два орудія. Донесенія шли за донесеніями о ходѣ боя съ удивительною быстротою;—очевидно, турки потеряли нить боя и сами растерялись,—и въ $4^1/_2$ часа прибылъ къ генералу Радецкому сначала ординарецъ Скобелева, а затѣмъ генералъ Столѣтовъ, съ извѣстіемъ, что турецкая армія сдалась въ плѣнъ. Восторгъ былъ всеобщій. Была послана телеграмма главнокомандующему и Государю.

Численность шипкинской арміи, сдавшейся въ плѣнъ, была въ 25,000 чел.; въ томъ числѣ 1 дивизіонный генералъ, два бригадныхъ генерала, 80 штабъ-офицеровъ и 280 оберъ-офицеровъ. Сулейманъ-паша успѣлъ скрыться. Знаменъ было взято пять, а значковъ — очень много. Взяты всѣ орудія, въ томъ числѣ 11 дальнобойныхъ мортиръ.

Плѣненіе шипкинской арміи не есть дѣло случайное: это дѣло строго подготовлено и разсчитано на несомнѣнный успѣхъ. Личная единичная храбрость не имѣла въ немъ никакого вліянія на ходъ боя. Атака была такъ обставлена, что турецкія войска не могли найти себѣ выхода и принуждены были сдаться. Ни одна часть войскъ не была поставлена такъ, чтобы исходъ ея атаки зависѣлъ отъ храбрости того или другого солдата или офицера. Нѣтъ, исходъ зависѣлъ отъ дружнаго и своевременнаго исполненія всѣми отрядами отданныхъ имъ приказаній. Плѣненіе шипкинской

арміи самое блестящее дѣло въ минувшую русско-турецкую войну.

Планъ этого замѣчательнаго дѣла принадлежитъ генералу Ѳедору Ѳедоровичу Радецкому и приведенъ въ исполненіе подъ непосредственнымъ его начальствомъ.

С.

П. А. Шуваловъ.

III

ГРАФЪ ПЕТРЪ АНДРЕЕВИЧЪ

ШУВАЛОВЪ

[illegible]

[illegible]

[illegible] обер-гофмейстера и обер-гофмаршала императорскаго двора, любимца и приближеннаго покойнаго императора Николая Павловича.

III.

Графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ.

События, послѣдовавшія въ Европѣ, въ началѣ 1878 года, вслѣдъ за уничтоженіемъ турецкихъ армій и заключеніемъ Санстефанскаго мирнаго договора, между Россіею и Турціею, потребовали усиленной дѣятельности русскихъ дипломатовъ, при чемъ одна изъ первыхъ ролей, на этомъ поприщѣ, выпала на долю графа Петра Андреевича Шувалова, занимающаго постъ русскаго посла при дворѣ королевы Великобританіи.

Энергическая дѣятельность графа Шувалова, не мало способствовавшая мирному разрѣшенію на берлинскомъ конгресѣ восточнаго вопроса, даетъ ему одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду дѣятелей послѣдней русско-турецкой войны; такъ какъ ему пришлось отстаивать на дипломатическомъ полѣ интересы Россіи и Балканскихъ славянъ, за которые пролита русская кровь.

Петръ Андреевичъ, старшій сынъ графа Андрея Петровича Шувалова, оберъ-гофмейстера и оберъ-гофмаршала императорскаго двора, любимца и приближеннаго покойнаго императора Николая Павловича.

Въ родѣ графовъ Шуваловыхъ встрѣчаются имена лицъ, принесшихъ много пользы отечеству своею службою; такъ отецъ Петра Андреевича и графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ оставили по себѣ память трудами и стараніями о распространеніи просвѣщенія въ Россіи.

Петру Андреевичу теперь 51 годъ, онъ родился въ 1827 году, получилъ воспитаніе въ пажескомъ, Его Императорскаго Величества, корпусѣ и, изъ камеръ пажей, въ 1846 году, произведенъ въ корнеты кавалергардскаго Ея Императорскаго Величества полка.

Оставаясь въ военномъ министерствѣ графъ Шуваловъ посвятилъ себя сначала административной дѣятельности и въ чинѣ полковника, состоя флигель-адъютантомъ Его Величества, занималъ должность с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера. Затѣмъ Петръ Андреевичъ нѣкоторое время управлялъ, въ качествѣ директора, департаментомъ общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Былъ генералъ-губернаторомъ Остзейскаго края и затѣмъ — начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, а въ 1866 году былъ назначенъ шефомъ корпуса жандармовъ и главнымъ начальникомъ III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Съ 21 іюля 1874 года Петру Андреевичу пришлось оставить административную службу для дипломатіи, такъ какъ Государю Императору угодно было назначить его на высокій и важный постъ чрезвычайнаго посла и полномочнаго министра въ Англію. Кромѣ званія посла, Петръ Андреевичъ состоитъ членомъ Государственнаго Совѣта, имѣетъ чинъ генерала отъ кавалеріи и званіе генералъ-адъютанта Его Величества.

Въ Англіи Петръ Андреевичъ, благодаря своимъ связямъ, образованію и быстро высказавшимся дипломатическимъ способностямъ, былъ принятъ радушно и вскорѣ пріобрѣлъ

обрѣлъ расположеніе и уваженіе со стороны вліятельной англійской аристократіи и успѣлъ сойтись съ государственными людьми, что много способствовало Шувалову во время политическихъ недоразумѣній и враждебныхъ Россіи стремленій англійскаго правительства, дало возможность ослабить слишкомъ натянутыя отношенія лондонскаго и петербургскаго правительства и если не навсегда, то хотя временно разогнать грозныя тучи, собравшіяся на политическомъ горизонтѣ и предотвратить новую жестокую и изнурительную войну.

Почти съ самаго пріѣзда въ Лондонъ для Петра Андреевича настала трудная и кипучая работа, необходимо было зорко слѣдитъ за направленіемъ англійской политики, объяснять недоразумѣнія, предупреждать столкновенія, поводовъ къ которымъ у англичанъ находилось множество, такъ какъ вскорѣ послѣ назначенія графа посломъ началось движеніе славянъ на Балканскомъ полуостровѣ, а вслѣдъ за нимъ русско-турецкая война, — событія, всегда интересовавшія и по настоящее время волнующія какъ англійскій народъ, такъ и его правительство.

Самое тяжелое время трудовъ и нравственнаго волненія началось для нашего посла, послѣ того какъ былъ заключенъ Санстефанскій мирный договоръ, а русская армія расположилась въ виду Константинополя. Англія, недовольная успѣхами русскихъ войскъ, боясь потерять свое вліяніе на востокѣ, всѣми силами старалась ослабить результаты русскихъ побѣдъ. Британское правительство быстро вооружало флотъ и мобилизировало армію; а между тѣмъ новый англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ Салисбери, въ отвѣтъ на приглашеніе Англіи участвовать въ конгресѣ, въ циркулярной нотѣ къ англійскимъ представителямъ за границею, заявилъ неудовольствіе со стороны своего пра-

вительства санстефанскимъ договоромъ и ставилъ непремѣннымъ условіемъ конгреса обсужденіе всѣхъ его пунктовъ. Положеніе графа Шувалова было въ высшей степени затруднительно — достоинство Россіи не позволяло согласиться на требованія англійскаго правительства и оставалось уладить дѣло путемъ дипломатическихъ соглашеній или же отстаивать свои интересы оружіемъ.

Графу Шувалову потребовалась вся его энергія и дипломатическая ловкость, тѣмъ болѣе, что съ выходомъ въ отставку лорда Дерби онъ потерялъ въ немъ личнаго друга, на поддержку и слово котораго могъ положиться; но, не смотря на всѣ затрудненія, Петру Андреевичу удалось войдти въ соглашеніе съ маркизомъ Салисбери и заключить съ нимъ конвенцію, результатомъ которой было собраніе уполномоченныхъ на берлинскомъ конгресѣ.

На конгресѣ графъ Шуваловъ присутствовалъ въ качествѣ уполномоченнаго, причемъ, по болѣзни канцлера князя Горчакова, на него палъ главный трудъ по частнымъ соглашеніямъ съ уполномоченными, совѣщанія съ которыми составляли подготовку рѣшеній конгреса, и въ этомъ случаѣ графъ Шуваловъ вполнѣ оправдалъ свое назначеніе. Въ трудныя минуты онъ энергически отстаивалъ порученное ему дѣло и по возможности успѣвалъ достигать благопріятныхъ результатовъ. Такъ напримѣръ, когда въ засѣданіи конгреса 26 іюня былъ возбужденъ вопросъ объ очищеніи русскими войсками занятыхъ ими позицій, вопросъ, касавшійся очень близко чести Россіи, графъ Шуваловъ горячо защищалъ права своего отечества и добился рѣшенія въ свою пользу.

По подписаніи конгресомъ постановленій, графъ Шуваловъ возвратился къ своему посту въ Лондонъ, но ему не пришлось отдохнуть, онъ былъ вызванъ Государемъ Импе-

раторомъ въ Ливадію и въ послѣднихъ числахъ октября мѣсяца посланъ въ Вѣну къ Австрійскому Императору для переговоровъ о созваніи новой европейской конференціи для обсужденія средствъ къ окончательному приведенію въ исполненіе постановленій берлинскаго конгреса.

А. Меридіановъ.

IV.

Генералъ-адъютантъ

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ 2-й.

[illegible] ившихъ
[illegible] урецкую
[illegible] анимаетъ
[illegible] чъ Ско-
[illegible]

[illegible] и восем-
[illegible] алергард-
[illegible] онеты съ
[illegible] й полкъ,
[illegible] Варшавѣ.
[illegible] особности
[illegible] ь въ Ни-
[illegible] отличіемъ
[illegible] нъ къ ге-
[illegible] зъ Турке-
станскій край ([illegible] г.), а потомъ на Кавказъ (1870 г.), но тамъ оставался не долго. По возвращеніи съ Кавказа, Скобелевъ былъ нѣкоторое время въ военно-ученомъ коми-

IV.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ,

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ 2-й.

Въ ряду нашихъ доблестныхъ героевъ, возвеличившихъ славу русскаго оружія въ послѣднюю русско-турецкую войну, одно изъ видныхъ мѣстъ, безспорно, занимаетъ молодой, талантливый генералъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ 2-й.

Скобелевъ родился въ 1843 г., 17 сентября, и восемнадцати лѣтъ поступилъ унтеръ-офицеромъ въ Кавалергардскій полкъ. Черезъ два года его произвели въ корнеты съ переводомъ въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ, находившійся въ то время (начало 1863 г.) въ Варшавѣ. Въ этотъ періодъ впервые выказались боевыя способности Михаила Дмитріевича. Послѣ этого онъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба и съ отличіемъ окончилъ въ ней курсъ, послѣ чего былъ причисленъ къ генеральному штабу и назначенъ на службу сперва въ Туркестанскій край (1868 г.), а потомъ на Кавказъ (1870 г.), но тамъ оставался не долго. По возвращеніи съ Кавказа, Скобелевъ былъ нѣкоторое время въ военно-ученомъ коми-

тетѣ главнаго штаба, а потомъ назначенъ адъютантомъ 22-й пѣхотной дивизіи. Начавшаяся война съ коканцами вызвала его исключительно къ боевой дѣятельности. За дѣла и отличія подъ Хивой Скобелевъ получилъ всѣ высшія боевыя награды: золотую саблю съ надписью «за храбрость», орденъ св. Георгія побѣдоносца 4-й и 3-й степени и золотую шпагу, украшенную бриллiантами, а также чины полковника и генералъ-маіора, съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. За участіе въ турецкой войнѣ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества. На 30-мъ году отъ рожденія, въ чинѣ полковника и въ званіи флигель-адъютанта, Скобелевъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Ферганской области и командующимъ въ ней войсками, но онъ охотно оставилъ эту почетную и важную должность, чтобы отправиться на театръ войны, въ дѣйствующую дунайскую армію. На первое время онъ получилъ назначеніе при парановскомъ отрядѣ исполнять должность начальника штаба. Здѣсь первые шаги его дѣятельности ознаменовываются отличіемъ: онъ получаетъ орденъ св. Станислава съ мечами, въ награду за мужество и храбрость, оказанныя при переправѣ войскъ черезъ Дунай у Зимницы, въ ночь съ 14-го на 15-е іюня. По истеченіи нѣкотораго времени генералъ Гурко исполняетъ важную экспедицію—переваливаетъ Балканы. Въ ожиданіи, пока онъ появится съ юга шипкинскаго перевала, съ сѣверной стороны ему посылаютъ на встрѣчу Орловскій полкъ, который терпитъ неудачу; послѣ чего Скобелевъ принимаетъ надъ нимъ начальство и дѣло увѣнчивается успѣхомъ — турки бросаютъ шипкинскія позиціи и разбѣгаются по горнымъ тропинкамъ. Затѣмъ Скобелеву поручаютъ занять Ловчу, съ цѣлью разъединенія двухъ армій Османа и Сулеймана пашей. Сознавая важное

стратегическое значеніе Ловчи, Скобелевъ до 22-го августа исключительно занимается рекогносцировками мѣстности, а 22-го августа даетъ рѣшительный бой, замѣчательный по упорству, съ которымъ турки отстаивали Ловчу и по настойчивости, съ которою русскіе атаковали ее. Видя, что рѣдѣютъ ряды наступающихъ колоннъ, Скобелевъ лично ведетъ новыя силы на подмогу. Зная по опыту, что отбитая атака порождаетъ въ солдатахъ панику, Скобелевъ не допускаетъ отступленія. Бой длился 12 часовъ къ ряду... Разсказываютъ, что солдаты, изнеможенные до крайнихъ предѣловъ, говорили генералу: — «Моченьки нѣтъ, ваше превосходительство!.. »

Скобелевъ, самъ работавшій все время, напряженно крикнулъ имъ:

— Благодѣтели! каша вечеромъ будетъ, кашей накормлю—возьмите еще эту турецкую батарею!...

Солдаты напрягали послѣднія силы: къ вечеру Ловча была въ ихъ рукахъ.

Какъ ни анекдотиченъ, по своему существу, только что приведенный фактъ могущественнаго вліянія каши, но тѣмъ не менѣе, въ немъ сказалось глубокое пониманіе натуры и требованій русскаго солдата.

Во время осады плевненскихъ позицій Скобелевъ, находившійся на лѣвомъ флангѣ, взялъ 28 и 29 августа двѣ возвышенности, господствующія надъ двумя редутами близъ Плевны, и укрѣпилъ свои позиціи, расположивъ на нихъ 2 полка и 24 орудія. Такимъ образомъ, въ достаточной степени онъ прикрылъ свой лѣвый флангъ противъ турецкаго Кришинскаго редута. 30-го августа, съ разсвѣта до 2-хъ часовъ пополудни, батареи усиленно обстрѣливали Плевну, прекращая по временамъ разомъ огонь на часъ или полтора, чтобы заставить турокъ напрасно ожидать штурма,

назначеннаго въ 3 часа. Согласно диспозиціи, Скобелевъ долженъ былъ овладѣть укрѣпленіями на Кришинскихъ высотахъ. Въ то-же время румыны съ русской бригадой 5-й дивизіи бросились на Гривицкій редутъ и овладѣли имъ; а съ юга — части 4-го корпуса, во главѣ съ Крыловымъ, штурмовали большой редутъ западнѣе Радищева, но были отбиты. Скобелевъ же овладѣлъ тремя редутами послѣ ожесточеннаго боя. Въ его распоряженіи было 4 полка и 4 стрѣлковыхъ баталіона.

Открывъ по туркамъ безпощадный артиллерійскій огонь, Скобелевъ подъ защитою его расположилъ въ лощинѣ отлогаго ската, на которомъ былъ возведенъ редутъ, 2 полка съ 2-мя стрѣлковыми баталіонами на разстояніи не далѣе какъ 1200 ярдовъ отъ вала. Затѣмъ, прекративъ огонь, отдалъ приказъ наступать. Во время приступа велѣно было дѣлать перерывы въ пальбѣ; солдаты двинулись впередъ съ музыкой и развѣвающимися знаменами, исчезая въ дыму и копоти. Скобелевъ былъ тутъ-же и, видя какъ порѣдѣвшая линія дрогнула, окликнулъ громовымъ голосомъ, подзывая на помощь первый изъ попавшихся полковъ. Стремительно ринулись впередъ эти свѣжія силы мимо шанцевъ и контрашанцевъ, черезъ брустверъ, и ураганомъ ворвались въ редутъ. Дружный радостный окликъ скоро извѣстилъ, что одинъ изъ могущественнѣйшихъ оплотовъ Плевны теперь находился въ нашихъ рукахъ.

Съ разсвѣтомъ другого дня, 30 августа, какъ и слѣдовало ожидать, турки атаковали отбитый редутъ. Противъ Скобелева они направили всѣ свои усилія, сознавая всю стратегическую важность этого пункта, такъ какъ его расположеніе болѣе прочихъ угрожало ихъ расположенію и пути отступленія.

Скобелевъ хотя за ночь и окопался на позиціяхъ, но,

выдержавъ пять дружныхъ атакъ непріятеля и, потерявъ массу войска, онъ принужденъ былъ оставить редутъ, пріобрѣтенный цѣною такихъ страшныхъ жертвъ. Такимъ образомъ результатъ вчерашняго боя сводился на ничто.

Говорятъ, что онъ просилъ помощи, отъ своевременной подачи которой зависѣло-бы взятіе Плевны; но поддержка, посланная ему, была столь незначительна, что оказалась каплею въ морѣ. Послѣдствія выяснили, что помощь не была подана за отсутствіемъ резервовъ. Въ этотъ день потеря Скобелева равнялась 6000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя, изъ которыхъ 3500 были перевезены въ госпитали.

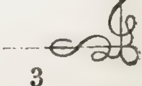
Враги Скобелева указываютъ на эту роковую катастрофу, какъ на слѣдствіе ненасытной жажды славы и военныхъ отличій, ради чего онъ легко жертвуетъ столькими жизнями. Но дѣло въ томъ, что здѣсь все зависѣло отъ обстоятельствъ: получи онъ поддержку во-время — и факта отступленія не существовало-бы. При всемъ своемъ горѣ Скобелевъ понималъ это и на вопросъ: кого винитъ онъ? отвѣчалъ:

— Я никого не виню въ этомъ. Такова, видно, воля Господня!...

И только горячая слеза, выкатившаяся изъ глазъ этого закаленнаго въ бояхъ генерала, являлась нѣмымъ протестомъ противъ несправедливости рока. Онъ былъ въ страшномъ состояніи. Мундиръ его запятнанъ грязью, сабля сломана, георгіевскій крестъ болтался на плечѣ, лицо черное отъ пороховаго дыма, глаза блуждали налитые кровью; вмѣсто голоса изъ запекшихся губъ вылеталъ какой-то хриплый шепотъ.

— Я сдѣлалъ что могъ, говорилъ онъ, большаго сдѣлать я не былъ въ состояніи.

Съ прибытіемъ генерала Тотлебена плевненская трагедія вступила въ новый фазисъ своего развитія. Мѣсто моло-

децкихъ схватокъ заняла правильная осада. Скобелеву было поручено послѣдовательное занятіе турецкихъ ложементовъ, расположенныхъ на трехъ кряжахъ «Зеленыхъ горъ». Въ виду этого отрядъ Скобелева выдвинулся, 24 октября, на передовую позицію влѣво отъ Брестоваца. 28 октября, утромъ, подъ покровомъ густаго тумана, генералъ Скобелевъ овладѣваетъ первымъ кряжемъ горъ, покрытыхъ турецкими ложементами, и, занявъ отнятую позицію, укрѣпляетъ ее подъ градомъ непріятельскихъ выстрѣловъ, дѣлая тѣмъ значительный шагъ впередъ къ овладѣнію лагеремъ Османа. И дѣйствительно, «взятая позиція представляла собою то, что принято называть *тактическимъ ключемъ позиціи*, т. е. такимъ пунктомъ, переходъ котораго въ руки противника дѣлалъ лишнимъ всякое сопротивленіе на всѣхъ другихъ пунктахъ боевой линіи». Новая позиція русскихъ стѣсняла турокъ до послѣдней степени; поэтому въ ночь съ 29 на 30 октября они рѣшились сдѣлать попытку нечаяннаго нападенія съ цѣлью вернуть свои ложементы. Но генералъ Скобелевъ, въ свою очередь, предусмотрѣлъ вѣроятность атаки и принялъ надлежащія мѣры. Впереди траншеи велѣно залечь секретамъ съ тѣмъ, чтобы зорко слѣдить за намѣреніями непріятеля.

Самъ Скобелевъ безотлучно поселился тутъ же. Солдаты вырыли ему ямку въ траншеѣ, все убранство которой состояло въ санитарныхъ носилкахъ, служившихъ ему вмѣсто кровати и низкаго стола, заложеннаго картами и планами. Въ этомъ-то незатѣйливомъ помѣщеніи и расположился Михаилъ Дмитріевичъ вмѣстѣ съ начальникомъ своего штаба капитаномъ Куропаткинымъ, вскакивая на призывъ перваго выстрѣла и появляясь среди солдатъ. Одинъ изъ людей секрета предупредилъ во время о томъ, что турки собираются напасть на насъ въ расплохъ и собрали въ

траншеяхъ отъ 5 до 7 таборовъ. По словамъ корреспондента, въ совершенной тишинѣ весь нашъ передовой отрядъ былъ поднятъ на ноги, причемъ, не взирая на потемки осенней полночи, порядокъ въ траншеѣ былъ образцовый. Приказанія и распоряженія, передаваемыя почти шепотомъ, принимались къ исполненію быстро, безъ малѣйшей суеты; людямъ велено было приготовиться и ждать условнаго знака. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ мертвой тишины. Вотъ послышался неопредѣленный шумъ; то былъ глухой звукъ легкихъ, какъ бы крадущихся шаговъ; вслѣдъ за этимъ чуть чуть обрисовалась темная масса, приникшая къ землѣ, будто ползущая... Вотъ она на разстояніи всего 60 шаговъ, какъ вдругъ у насъ раздался условный свистокъ, сверкнула полоса молніи и грянулъ оглушительный залпъ. У турокъ—отчаянныя вопли испуга, стоны... Они пошатнулись и бросились назадъ. Второй залпъ догналъ въ спину бѣжавшихъ. Только на значительномъ разстояніи они остановились, залегли и завели безпорядочную лихорадочную перестрѣлку. Весь въ огнѣ, стоя на брустверѣ, въ виду непріятеля, Скобелевъ лично велъ оборону. Бой былъ жестокій и защиту Зеленыхъ горъ по справедливости сравниваютъ съ защитою Шипки. Потери съ обѣихъ сторонъ были очень значительны. Но вотъ у турокъ рожокъ прозвучалъ «отбой», и они ушли къ себѣ. Съ этихъ поръ за лѣвымъ флангомъ былъ обезпеченъ успѣхъ положительный, и по занятіи 29-го числа третьей высоты, генералъ Скобелевъ получилъ возможность дѣйствовать какъ по южному фронту турецкихъ укрѣпленій, такъ и по городу. Теперь Зеленыя горы были взяты, но Кришинскій редутъ, господствующій надъ ними, находился еще въ рукахъ турокъ и осыпалъ насъ цѣлымъ дождемъ пуль и картечи. Пріобрѣтеніе его представляло насущную необходимость и вотъ, 28-го ноября

генералъ Скобелевъ взялъ Кришинскій редутъ и редутъ Зеленаго холма. Послѣ этого Османъ паша сдѣлалъ попытку пробиться разомъ съ трехъ сторонъ: на сѣверо-западъ — между Горнимъ Митрополемъ и Горнимъ Дубнякомъ, на югъ—въ направленіи къ Зеленой горѣ и на сѣверъ — въ направленіи къ Опанцу. Османъ-паша лично командовалъ войсками на вылазкѣ съ сѣверо-запада, и тамъ, также какъ и у Опанца, турки проникли до русскихъ редутовъ. Колонна же ихъ, двинувшаяся противъ Скобелева, была отражена и преслѣдуема. За нею русскія войска вошли въ Плевну и оттуда ударили на Османа-пашу. Окруженный со всѣхъ сторонъ и раненый, Османъ-паша видѣлъ всю безполезность сопротивленія и сдался со всею арміею.

Послѣ взятія Плевны отрядъ Скобелева былъ посланъ на Шипку, гдѣ онъ участвуетъ въ славномъ дѣлѣ подъ Шейновымъ противъ Весселя-паши, причемъ особенно отличились полки Углицкій, Владимірскій и Казанскій. Трофеями этой блистательной побѣды были: 27 орудій, семь знаменъ, нѣсколько значковъ, болѣе 10,000 ружей и масса снарядовъ, причемъ взяты въ плѣнъ 2 паши, четыре полковника, 280 офицеровъ и болѣе 12,000 человѣкъ низама.

Послѣ погрома Весселя-паши русская армія быстро двинулась на югъ, и 31-го января мы видимъ уже Скобелева съ 16-ю дивизіею на возвышенности подъ Константинополемъ. Очевидецъ говоритъ: «Было прекрасное, ясное утро, теплое какъ весною. Хоры полковой музыки играли, пѣсенники пѣли и звуки этой гармоніи, видъ этихъ мундировъ и лицъ у самыхъ воротъ Константинополя свидѣтельствовалъ объ успѣхахъ русской арміи и о заключеніи перемирія. Войска привѣтствовали генерала въ то время, какъ онъ ѣхалъ впереди, отвѣчали на его здорованье съ солдатами; на всѣхъ лицахъ сіяла радость». Всѣ любовались чудною

картиною: красивый Стамбулъ выдѣлялся изъ свѣжаго утренняго тумана и сверкалъ своими легкими минаретами и высокими башнями въ утреннихъ лучахъ солнца.

Освѣтивъ главные моменты дѣятельности генерала Скобелева въ русско-турецкую кампанію, скажемъ нѣсколько словъ о его личности и объ отношеніяхъ къ солдату. Теперь ему 34 года. Онъ прекрасно образованъ, обладаетъ бойкою памятью, считается большимъ знатокомъ военной исторіи и умѣетъ извлекать изъ ея примѣровъ практическую пользу. Обладая замѣчательными стратегическими способностями, онъ быстро намѣчаетъ слабѣйшіе пункты непріятеля.

Достаточно взглянуть на эту высокую, стройную фигуру, красивое симпатичное лицо, обрамленное русою бородою, на ласковые голубые глаза—и всякому будетъ понятно его обаяніе на солдатъ, которые готовы идти за нимъ всюду. Скобелевъ любитъ солдата какъ своего боеваго товарища, дѣлящаго съ нимъ всѣ труды, невзгоды и лишенія, и печется о немъ съ отеческою заботливостью, такъ что любовь солдатъ къ нему не болѣе какъ откликъ на его собственную. Безъ злобы онъ не можетъ слышать разсужденій въ родѣ слѣдующихъ: теперь война, слѣдовательно солдатъ можетъ плохо ѣсть, быть плохо одѣтымъ. Въ 16-й дивизіи ротные котлы возились всюду и въ моменты самыхъ жаркихъ битвъ солдатамъ прямо на позиціи доставлялась горячая пища.

— Со Скобелевымъ драться можно, говорятъ солдаты,— всегда сытъ будешь!..

Куда-бы они ни приходили, гдѣ-бы ни останавливались— первые часы были посвящены на рытье землянокъ, вслѣдствіе чего здоровье солдатъ было превосходно. Вездѣ строились имъ бани.

Въ обращенiи съ солдатами генералъ не допускаетъ себѣ ни малѣйшей рѣзкости, всегда съ ними ласковъ. Разсказываютъ, что кто видѣлъ Скобелева въ бою—не могъ не полюбить его.

— Пѣсенники, на правый флангъ! кричитъ подскакивая Скобелевъ передъ штурмомъ.

— Чахлы со знаменъ долой!... Это самая торжественная минута въ жизни полка.

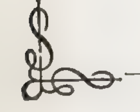
Даже турки знаютъ его и величаютъ «Акъ-паша» (Бѣлый генералъ). На нихъ онъ наводитъ паническiй страхъ однимъ своимъ появленiемъ впереди войска въ бѣломъ кителѣ, на бѣлой лошади, всегда отважный, ежеминутно подвергая жизнь свою опасности, но пули какимъ-то чудомъ не касаются его; онъ остается невредимъ въ то время, когда кругомъ него царитъ смерть и ужасъ.

Съ какимъ-то упованiемъ и вѣрой безграничной смотритъ солдатъ на Скобелева; фигура его, въ глазахъ простолюдина, разростается, принимаетъ грандiозные размѣры и превращается въ какого-то сказачнаго, легендарнаго героя. Существуетъ анекдотъ о томъ, какъ раненый солдатъ въ лазаретѣ разсказываетъ своимъ товарищамъ:

— Вотъ эта пуля сквозь него (Скобелева) прошла; ему ничего, а меня ранила.

Уже по одной той массѣ ходячихъ анекдотовъ про Скобелева видно, на сколько эта личность мила и дорога русскому солдату. Отсюда понятна его популярность.

С.

Я. Гротъ.

ынъ
ился
иза-
овія,
орфъ,
астора
скомъ
и цер-
эцеръ,
втобіо-
я были
водомъ.
словъ,
Екате-
очиненіе
очерку
иновѣрческихъ приходовъ въ импер[illegible] [illegible]лавіемъ: «Замѣчанія о свободѣ вѣроисповѣданій въ Россіи». Іоакимъ Гротъ, умершій въ 1799 году, горячо полюбилъ Россію и

Я. Гротъ.

V.

АКАДЕМИКЪ

Яковъ Карловичъ Гротъ.

Дѣдъ Якова Карловича, Іоакимъ-Христіанъ Гротъ, сынъ адвоката въ голштинскомъ городѣ Плэнѣ, переселился въ Россію въ концѣ царствованія Императрицы Елизаветы Петровны. Онъ былъ тогда кандидатомъ богословія, пріѣхалъ въ Нарву домашнимъ учителемъ баронессы Корфъ, а оттуда въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ занялъ мѣсто пастора лютеранскаго Екатерининскаго прихода на Васильевскомъ острову, и въ 1770 году построилъ для этого прихода церковь на углу 1-й линіи и Большаго проспекта. Шлэцеръ, хорошо знакомый съ пасторомъ Гротомъ, въ своей автобіографіи хвалитъ его проповѣди. Изъ нихъ нѣкоторыя были въ свое время изданы вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ. Въ подлинникѣ между прочимъ напечатано собраніе словъ, сказанныхъ имъ въ пользу оспопрививанія, за что Екатерина II пожаловала ему золотую медаль. Главное сочиненіе его, въ трехъ томахъ, посвящено историческому очерку иновѣрческихъ приходовъ въ имперіи, подъ заглавіемъ: «Замѣчанія о свободѣ вѣроисповѣданій въ Россіи». Іоакимъ Гротъ, умершій въ 1799 году, горячо полюбилъ Россію и

русскій народъ, и эту любовь передалъ своему единственному сыну, Карлу Ефимовичу, который, получивъ образованіе въ Петропавловскомъ училищѣ, впослѣдствіи служилъ въ департаментѣ государственныхъ имуществъ (принадлежавшемъ къ министерству финансовъ) и умеръ начальникомъ отдѣленія въ 1816 году, 46-ти лѣтъ отъ роду. Лѣтъ 14-ти онъ удостоился быть избраннымъ въ число молодыхъ людей, которые приглашались къ малолѣтному великому князю Александру Павловичу для разговора на иностранныхъ языкахъ,—обстоятельство, упоминаемое самою Императрицею, въ письмахъ ея къ Гримму.

Родившись 15-го декабря 1812 года въ Петербургѣ, Яковъ Карловичъ такимъ образомъ, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ Константиномъ (нынѣ членомъ Государственнаго Совѣта) и старшею сестрою (умершею въ дѣвицахъ въ 1874 г.), остался малолѣтнымъ на рукахъ матери, урожденной Цизмеръ, которая, хотя также нѣмецкаго происхожденія, чувствовала особенное предпочтеніе ко всему русскому и потому воспитала дѣтей своихъ въ любви къ русскому языку и народу, въ привязанности и благодарности къ Россіи. Первый языкъ, на которомъ она съ ними говорила, былъ отечественный, но уже въ самые ранніе годы они незамѣтно ознакомлялись также съ нѣмецкимъ и французскимъ.

Когда Якову Карловичу минуло десять лѣтъ, въ январѣ 1823 года, онъ принятъ былъ на казенный счетъ въ царскосельскій лицейскій пансіонъ. Здѣсь въ число предметовъ преподаванія входила между прочимъ латынь, къ которой большую охоту умѣлъ возбудить въ немъ учитель русскаго и латинскаго языковъ, В. В. Троицкій; Яковъ Карловичъ вскорѣ занялъ первое между товарищами мѣсто и, пройдя три класса, въ 1826 году переведенъ былъ, въ видѣ отли-

чія, въ лицей, любимое созданіе Императора Александра I, пользовавшееся славою лучшаго въ то время учебнаго заведенія въ Россіи. Здѣсь ученіе продолжалось шесть лѣтъ. 25-ть одновременно поступившихъ въ лицей воспитанниковъ черезъ три года всѣ вмѣстѣ переходили (не смотря на различіе успѣховъ) изъ младшаго курса въ старшій и вмѣстѣ же выпускались на службу. Изъ стѣнъ лицея къ роднымъ и знакомымъ отпускали воспитанниковъ по праздникамъ только на день; причемъ они не могли отлучаться за предѣлы Царскаго села и Павловска. Тотъ же порядокъ соблюдался даже и во время вакацій. Это въ сильной степени развивало между тогдашними лицеистами духъ товарищества и было благопріятно для занятій. Но слишкомъ большое разнообразіе предметовъ, которые преподавались ученикамъ, вредило основательности ученія; въ составъ курса входили и историческія и политическія науки, и права̀ и высшая математика съ физикой; изъ древнихъ языковъ учили только латинскому, изъ новыхъ иностранныхъ—французскому и нѣмецкому (англійскій былъ введенъ гораздо позднѣе). Недостатокъ основательнаго обученія вознаграждался въ нѣкоторой мѣрѣ свободнымъ чтеніемъ. Конечно, многіе ограничивались одними романами, но другіе читали также историческія сочиненія, классическихъ писателей и поэтовъ. Не надо забывать, что Яковъ Карловичъ вступилъ въ лицей только черезъ 9 лѣтъ послѣ выпуска Пушкина и Дельвига; преданіе о нихъ и ихъ товарищахъ было тамъ еще свѣжо и не могло не имѣть большаго вліянія на его умственное развитіе: любовь къ поэзіи и попытки въ стихотворствѣ сдѣлались между учениками тѣмъ болѣе общими, что профессоръ по русской литературѣ, Н. Ф. Кошанскій (вскорѣ умершій), поощрялъ это направленіе и даже задавалъ темы для стихотвореній. По роду своихъ способностей

и живой впечатлительности, Яковъ Карловичъ пристрастился къ литературѣ, много читалъ, сочинялъ стихи, особенно юмористическіе, и издавалъ рукописные журналы, которые наполнялъ большею частью своими же статьями и самъ переписывалъ. Не будучи особенно прилеженъ и даже подтрунивая надъ самыми усидчивыми изъ товарищей, онъ успѣлъ, однакожъ, и въ лицеѣ стяжать пальму первенства по всѣмъ предметамъ; всего болѣе отличался онъ въ языкахъ и, по переходѣ въ старшій курсъ, изучилъ по собственной охотѣ, безъ учителя, еще одинъ иностранный языкъ — итальянскій, на которомъ скоро прочиталъ сочиненія лучшихъ писателей. Нѣсколько товарищей, увлекшись примѣромъ, стали брать у него уроки въ этомъ языкѣ, и для одного изъ нихъ онъ тогда же написалъ трактатъ объ итальянскомъ глаголѣ. Для выпускнаго же экзамена Яковъ Карловичъ избралъ темою одно изъ сочиненій трагика Альфіери.

По выпускѣ изъ лицея онъ мечталъ поступить на дипломатическое поприще, какъ вдругъ одинъ изъ бывшихъ его наставниковъ, покойный И. П. Шульгинъ, вздумалъ отрекомендовать его предсѣдателю Комитета министровъ, князю Кочубею, по предложенію котораго онъ и поступилъ подъ начальство управлявшаго дѣлами Комитета, барона Мод. Андр. Корфа, вышедшаго изъ лицея вмѣстѣ съ Пушкинымъ въ 1817 году.

Вскорѣ баронъ Корфъ приблизилъ Якова Карловича къ себѣ, предложивъ жить у него въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ на дачѣ и такимъ образомъ помогать ему въ его служебныхъ занятіяхъ. Въ 1834 г., бывъ назначенъ государственнымъ секретаремъ, онъ перевелъ и Якова Карловича въ канцелярію Государственнаго совѣта.

Здѣсь онъ прослужилъ около шести лѣтъ, составляя ме-

моріи для поднесенія Государю, отчасти и переписывая ихъ на-бѣло, такъ какъ имѣлъ замѣчательно-красивый почеркъ. Служба эта, пріятная по внѣшнему, во многихъ отношеніяхъ исключительному положенію чиновниковъ, не нравилась Якову Карловичу по характеру занятій, не требовавшихъ почти никакой самостоятельной дѣятельности и очень мало полезныхъ для пріобрѣтенія служебной опытности; все, что онъ извлекъ изъ нихъ для своего умственнаго развитія, заключалось въ нѣкоторомъ редакторскомъ искусствѣ, въ умѣніи ясно и сжато изложить всякое дѣло. Въ этомъ отношеніи бар. Корфъ, будучи самъ ученикомъ Сперанскаго, могъ служить хорошимъ образцомъ.

Во все это время страсть къ литературнымъ занятіямъ и къ распространенію своихъ свѣдѣній не давала Якову Карловичу покою. Съ самаго выпуска изъ лицея онъ не переставалъ усердно стремиться къ пополненію своего образованія; выучился по книгамъ, въ короткое время, англійскому языку, прочелъ въ подлинникѣ Байрона и Шекспира, продолжалъ изучать латынь и исторію и безпрестанно дѣлалъ выписки изъ своихъ чтеній. Къ поддержанію его энергіи въ этомъ дѣлѣ не мало способствовало сближеніе съ однимъ сослуживцемъ, начавшимъ службу одновременно съ нимъ въ Комитетѣ министровъ, но окончившимъ курсъ въ Московскомъ университетѣ. Это былъ извѣстный впослѣдствіи своими трудами по министерству государственныхъ имуществъ, оцѣненный по достоинству покойнымъ графомъ Киселевымъ, Дм. Степ. Протопоповъ († 1871 г.). Бывши еще молодыми людьми, оба много занимались вмѣстѣ и письменно передавали другъ другу результаты своихъ чтеній.

Первымъ, болѣе значительнымъ литературнымъ трудомъ Якова Карловича былъ переводъ въ стихахъ *Мазепы* Байрона. Прочитавъ его, одинъ изъ старшихъ товарищей г. Грота

по лицею, самъ извѣстный многими удачными произведеніями поэзіи и пострадавшій за одно изъ нихъ, покойный М. И. Деларю, познакомилъ Якова Карловича съ Плетневымъ, который, незадолго передъ тѣмъ, принявъ на себя изданіе основаннаго Пушкинымъ «Современника», изъявилъ желаніе напечатать въ немъ этотъ трудъ. Русскій переводъ *Мазепы* явился въ 1-й книгѣ «Современника» за 1838 г. Съ тѣхъ поръ Яковъ Карловичъ сталъ постояннымъ сотрудникомъ этого журнала до перехода его, въ 1847 году, въ другія руки. Перспектива лестной служебной карьеры уже не могла отвлечь его отъ науки и литературы. Послѣ первыхъ успѣховъ на новомъ поприщѣ, баронъ Корфъ, въ разговорѣ съ Плетневымъ, не безъ нѣкотораго сожалѣнія сказалъ о немъ, махнувъ рукой: «Пропалъ для службы!» Дѣйствительно, по пословицѣ: «Какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ», Яковъ Карловичъ сталъ серьезно стремиться къ такому положенію, которое давало бы ему возможность совершенно посвятить себя любимымъ занятіямъ и удалиться отъ сферы, гдѣ, какъ онъ давно замѣтилъ, успѣхи часто гораздо болѣе зависятъ отъ нѣкоторой ловкости и хитрости, чѣмъ отъ истинныхъ заслугъ и добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей. Для достиженія желаннаго положенія ему пришлась чрезвычайно кстати подготовка, которую онъ между тѣмъ безсознательно доставилъ себѣ, самъ не предвидя, какъ она сдѣлается ему полезна. Это было пріобрѣтенное незадолго передъ тѣмъ знакомство съ шведскимъ языкомъ. Посѣщая въ Петербургѣ новое въ то время гимнастическое заведеніе шведа Паули, Яковъ Карловичъ имѣлъ случай начать изученіе этого языка на лучшихъ произведеніяхъ шведской литературы, которыми тотъ снабжалъ его, и скоро принялся за переводъ Тегнеровой Фритіофесаги. Тогда же онъ посѣщалъ въ лѣтніе мѣсяцы Финляндію, со-

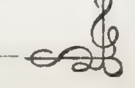
вершенствовался въ шведскомъ языкѣ на практикѣ и писалъ статьи объ этомъ краѣ, о финской, шведской и древней скандинавской литературѣ, печатавшіяся въ «Современникѣ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ 1839 году Жуковскій, которому Якова Карловича представилъ Плетневъ, помогъ устроить его переходъ въ финляндскій статсъ-секретаріатъ, на учреждавшуюся въ то время должность инспектора училищъ Финляндіи. Рѣшимость его отказаться отъ выгодной и даже, какъ можно было ожидать, блестящей карьеры, чтобъ перейти на скромное ученое поприще, всѣхъ удивляла; но напрасно родные и друзья, въ томъ числѣ и самъ Плетневъ, старались поколебать его: не смотря на общія увѣренія, что онъ дѣлаетъ величайшую глупость, Яковъ Карловичъ не далъ отклонить себя отъ принятаго намѣренія. Изъ многихъ порожденныхъ этимъ толковъ, стоитъ упомянуть о слухѣ, дошедшемъ до одного изъ старыхъ товарищей г. Грота, бывшаго консуломъ въ Италіи, будто Яковъ Карловичъ сошелъ съ ума.

Въ 1840 году, по поводу празднованія 200-лѣтняго юбилея Гельсингфорскаго (Александровскаго) университета, учреждена была въ немъ новая каѳедра русской исторіи и литературы. Прежде уже существовала тамъ каѳедра русскаго языка и словесности, которую занималъ экстраординарный профессоръ Соловьевъ. Новая была предоставлена г. Гроту на правахъ ординарнаго: онъ сталъ читать лекціи русской исторіи и литературы на шведскомъ языкѣ, объясняя вмѣстѣ съ тѣмъ нашихъ образцовыхъ писателей, а на дому у себя занималъ студентовъ практическими упражненіями въ языкѣ.

Въ первое время дѣятельности Якова Карловича въ Финляндіи онъ напечаталъ въ Гельсингфорсѣ, на русскомъ и шведскомъ языкахъ, «Альманахъ въ память университет-

скаго юбилея». Блестящія церемоніи, сопровождавшія юбилей, описаны въ «Современникѣ» 1840 года. Въ Гельсингфорсъ съѣхались тогда представители всѣхъ русскихъ университетовъ, а къ нимъ присоединились и нѣкоторые литераторы. На обѣдѣ литераторовъ, на которомъ присутствовали: Гротъ, Плетневъ, князь Одоевскій, графъ Сологубъ, Лэнротъ (извѣстный собиратель народныхъ пѣсенъ и филологъ), поэтъ Рутебергъ, лекторъ гимназіи Эманъ и пріѣхавшій изъ Швеціи, также знаменитый поэтъ, епископъ Франце́цъ (родомъ финляндецъ), всѣ эти лица, согласились написать по статьѣ для напечатанія въ одной книгѣ, въ память юбилея. Изданіе было поручено г. Гроту. Собрать всѣ статьи было дѣло не легкое; наконецъ, однакожъ, ему удалось получить обѣщанные вклады, и книга была издана сперва по-русски (причемъ шведскія сочиненія явились въ переводѣ), а потомъ по-шведски, съ переводомъ русскихъ статей *). Статья Якова Карловича, озаглавленная «Воспоминанія Александровскаго университета», самая обширная въ альманахѣ, была составлена по подлиннымъ документамъ университетскаго архива, а отчасти и по печатнымъ шведскимъ источникамъ. Вскорѣ послѣ того напечаталъ онъ въ Гельсингфорсѣ свой стихотворный переводъ Фритіофесаги Тегне́ра, начатый еще въ Петербургѣ, въ 1837 году. Въ 40-хъ годахъ статьи его по русской и шведской исторіи и литературѣ, изслѣдованія по русскому языку, описанія путешествій по Финляндіи и Швеціи и переводы изъ шведскпхъ поэтовъ, особенно изъ Рунеберга, появлялись въ разныхъ журналахъ: въ «Современникѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ «Москвитянинѣ», въ «Журналѣ Министер-

*) Шведскіе переводы сдѣланы были молодымъ финляндскимъ поэтомъ Юліемъ Лундалемъ, прекрасно знавшимъ русскій языкъ. Къ сожалѣнію, онъ умеръ въ началѣ 1850 годовъ.

ства Народнаго Просвѣщенія», въ «Сѣверномъ Обозрѣніи» и въ «Спб. Вѣдомостяхъ». Кромѣ того онъ помѣщалъ въ «Звѣздочкѣ» статьи и стихотворенія по дѣтской литературѣ. Въ 1847 году изданы были отдѣльною книгою въ Петербургѣ его *Переѣзды по Финляндіи,* описаніе путешествія, совершеннаго отъ Ладожскаго озера до Торнео вмѣстѣ съ знаменитымъ Лэнротомъ.

Въ концѣ 1852 года Якову Карловичу было предложено занять каѳедру русской литературы въ Александровскомъ лицеѣ (бывшемъ Царскосельскомъ) и въ то же время поступить въ наставники къ августѣйшимъ дѣтямъ Государя Императора (въ то время Наслѣдника престола). Въ началѣ 1853 года онъ снова переселился въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ началась для него новая жизнь, не легкая по множеству лежавшихъ на немъ обязанностей. Два утра въ недѣлю проводилъ онъ на лекціяхъ въ Лицеѣ, а остальныя четыре посвящены были занятіямъ съ Ихъ Императорскимъ Высочествомъ покойнымъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и Августѣйшимъ братомъ его, нынѣ Наслѣдникомъ престола Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ, которымъ Яковъ Карловичъ преподавалъ языки русскій съ церковно-славянскимъ и нѣмецкій, исторію и географію. Въ лѣтніе же мѣсяцы, во время пребыванія Высочайшаго Двора въ загородныхъ мѣстахъ, занятія еще усложнялись и становились ежедневными, такъ какъ за отсутствіемъ нѣкоторыхъ преподавателей г. Гротъ исполнялъ и ихъ обязанности. Съ наступленіемъ совершеннолѣтія Великаго Князя Николая Александровича, 8-го сентября 1859 года, участіе Якова Карловича въ воспитаніи Ихъ Императорскихъ Высочествъ кончилось. Въ 1862 году онъ оставилъ и лицей, рѣшившись посвятить всю свою дѣятельность Академіи Наукъ, избравшей его, еще въ 1855

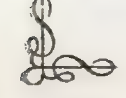

году, въ дѣйствительные члены свои по отдѣленію русскаго языка и словесности. По смерти И. И. Давыдова, когда предсѣдательствующимъ отдѣленія въ 1859 г. назначенъ былъ покойный П. А. Плетневъ, Якову Карловичу поручено было, по его вызову и по составленному имъ самимъ плану, заняться полнымъ критическимъ изданіемъ сочиненій Державина въ повременномъ порядкѣ. При содѣйствіи родственниковъ поэта и множества другихъ лицъ, сочувственно откликнувшихся на предпріятіе Академіи, Якову Карловичу удалось вскорѣ собрать всѣ оставшіяся послѣ знаменитаго писателя бумаги, составившія, вмѣстѣ съ другими документами, до него относившимися огромную коллекцію рукописей. Приготовительная разработка ихъ въ связи съ исторіею событій, въ которыхъ онъ участвовалъ (напр. Пугачевщина) и съ литературой, касающейся его дѣятельности, потребовила нѣсколько лѣтъ. Много времени было употреблено Яковомъ Карловичемъ между прочимъ на изученіе подлинныхъ документовъ въ Государственномъ Архивѣ. Задача еще усложнялась тѣмъ, что къ изданію опредѣлено было приложить рисунки, найденные при рукописныхъ тетрадяхъ поэта; кромѣ того, для подготовленія полной біографіи г. Гротъ посѣтилъ всѣ мѣста, гдѣ въ разныя эпохи протекала жизнь Державина, именно приволжскія губерніи, отъ Казани до Саратова, Тамбовъ, Петрозаводскъ и Званку. Съ наступленіемъ 1861 года начали появляться томы приготовленнаго такимъ образомъ роскошнаго изданія сочиненій Державина съ множествомъ примѣчаній. Съ того времени почти ежегодно по одному тому, и въ 1872 году VII томомъ, содержащимъ труды Державина въ прозѣ, закончилось изданіе самыхъ сочиненій его. Теперь готовится къ печати VIII томъ, въ который войдетъ біографія поэта. Согласно съ первоначальнымъ планомъ, первые семь томовъ напе-

чатаны уже и въ видѣ другого, общедоступнаго изданія безъ рисунковъ.

Работая надъ изданіемъ Державина, Яковъ Карловичъ не оставлялъ однакожъ своихъ излѣдованій по языку, которыя и изданы были въ 1873 году отдѣльнымъ томомъ подъ заглавіемъ: *Филологическія Разысканія*. Вскорѣ понадобилось второе изданіе этой книги. По этому поводу одна изъ статей ея, касавшаяся исторіи русскаго правописанія, была совершенно переработана имъ, по новымъ изслѣдованіямъ о звукахъ языка на физіологическомъ основаніи. Якову Карловичу казалось необходимымъ приложить къ русскому языку плодотворное направленіе филологіи, въ послѣдніе годы получившее столь значительное развитіе въ западной Европѣ. Передѣланная съ этой точки зрѣнія статья разрослась въ цѣлую книгу, такъ что второе изданіе *Филологическихъ Разысканій* вышло, въ 1876 году, уже въ двухъ томахъ.

Въ 1865 году празднованіе столѣтней годовщины смерти Ломоносова было началомъ цѣлаго ряда юбилеевъ знаменитыхъ русскихъ дѣятелей прошлаго времени. Академія Наукъ принимала участіе въ этихъ литературныхъ празднествахъ: въ 1866 году она устроила торжественное собраніе въ честь Карамзина; въ 1867 г. отдѣленіе русскаго языка и словесности почтило нѣсколькими рѣчами память митрополита Евгенія; въ 1868—Академія праздновала столѣтній юбилей Крылова, въ 1872—двухсотлѣтнюю годовщину дня рожденія Петра Великаго. На всѣхъ этихъ академическихъ торжествахъ Яковъ Карловичъ принималъ участіе въ произнесеніи посвященныхъ этимъ дѣятелямъ рѣчей. Кромѣ того, къ юбилею Карамзина имъ было изготовлено вмѣстѣ съ покойнымъ Пекарскимъ изданіе подлинныхъ писемъ, исторіографа къ Дмитріеву, а по поводу юбилея митро-

полита Евгенія издалъ онъ собраніе его писемъ къ Державину и другимъ лицамъ. Послѣ того, печатая по переданнымъ ему рукописямъ сочиненія и неизвѣстныя до тѣхъ поръ письма Хемницера, Яковъ Карловичъ прочелъ въ одномъ изъ годичныхъ собраній Академіи, составленное имъ жизнеописаніе этого баснописца; а въ другомъ характеристику Державина какъ поэта. Въ подобныхъ-же академическихъ засѣданіяхъ, въ прошедшіе годы читалъ онъ въ составѣ написанныхъ имъ отчетовъ о дѣятельности отдѣленія, некрологи Востокова, графа Блудова, Шевырева и Плетнева. Въ 1871 году принялъ онъ участіе въ спорѣ нашей журналистики о классическомъ и реальномъ образованіи; двѣ статьи его въ пользу перваго были напечатаны въ «Голосѣ» и въ «Спб. Вѣдомостяхъ».

Въ 1872 году, по случаю смерти Пекарскаго, Русское Историческое Общество предложило Якову Карловичу принять на себя продолженіе изданія бумагъ Екатерины II, два первые тома которыхъ были напечатаны покойнымъ. Давно уже съ особеннымъ интересомъ изучая жизнь и царствованіе великой Государыни, онъ принялъ предложеніе; въ теченіе пяти лѣтъ работалъ въ Архивѣ и напечаталъ съ примѣчаніями еще два тома «Сборника Историческаго Общества», именно во 1-хъ, бумаги Екатерины II, отъ 1771 до 1774 года, и во 2-хъ, письма ея къ Гримму на французскомъ языкѣ, обнимающія 22 года (1774 — 1796 г.) и составившія не менѣе 44-хъ печатныхъ листовъ. Этотъ томъ «Сборника» долженъ выйти осенью текущаго года. При открытіи памятника Екатерины II въ 1873 г. Яковъ Карловичъ произнесъ въ Общемъ Собраніи Историческаго Общества рѣчь о литературной перепискѣ Императрицы съ другими лицами. Кромѣ того въ годовыхъ засѣданіяхъ Общества читалъ относящіяся къ Екатеринѣ II

изслѣдованія, какъ-то: о *занятіяхъ ея русскою исторіею* и *перепискѣ съ Сенанъ-де-Мельяномъ,* о *сотрудничествѣ ея въ Собесѣдникѣ княгини Дашковой,* о *перепискѣ съ Гриммомъ.*

Занятія его по изданію Державина и по Историческому Обществу подали ему поводъ написать еще нѣсколько монографій, напечатанныхъ въ разныхъ повременныхъ изданітхъ, именно: 1) *Воспитаніе Екатерины II,* гдѣ разсмотрѣны обстоятельства ея жизни, предшествовавшія ея воцаренію, въ смыслѣ вліянія, которое они должны были имѣть на ея развитіе (въ «Древней и Новой Россіи»); 2) *Екатерина II* и *Густавъ III* — взаимныя отношенія обоихъ и переписка между ними, по подлиннымъ документамъ (тамъ же, въ «Русской Старинѣ» и въ «Запискахъ Академіи Наукъ»), и 3) *Филологическія занятія Екатерины II,* — ея участіе въ составленіи сравнительнаго словаря, изданнаго Палласомъ (въ «Русскомъ Архивѣ»). Изъ другихъ эпохъ русской исторіи, въ послѣдніе годы обработаны имъ статьи: *Дѣти Анны Леопольдовны* (въ «Русской Старинѣ»), *Происхожденіе Екатерины I* и *Неизвѣстный до сихъ поръ текстъ Нейштадскаго договора,* снимокъ котораго приложенъ къ этой статьѣ въ «Запискахъ Академіи Наукъ».

Въ 1838 году Яковъ Карловичъ изучилъ подробно Московскія древности съ помощью молодыхъ людей, вышедшихъ изъ тамошняго университета; въ 1849 году объѣхалъ всю Московскую губернію съ извѣстнымъ нашимъ эллинистомъ и санскритологомъ, К. А. Коссовичемъ, подъ руководствомъ котораго тогда же усердно занялся греческимъ языкомъ и получилъ понятіе о санскритскомъ; въ 1847 г. объѣхалъ порядочную часть Швеціи и слушалъ лекціи въ Упсальскомъ университетѣ; въ 1860 г., въ первый разъ

посѣтилъ многія страны Европы, отъ Копенгагена до Швейцаріи, до Лондона и Парижа; въ Германіи слушалъ университетскія лекціи и велъ дневникъ, часть котораго была напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; въ 1876 г. побывалъ наконецъ въ Италіи, для посѣщенія которой приготовился еще въ Лицеѣ изученіемъ языка ея; въ 1877 г. ѣздилъ опять въ Швецію, на этотъ разъ депутатомъ отъ Академіи Наукъ по случаю 400-лѣтняго юбилея Упсальскаго Университета, и отдалъ объ этой поѣздкѣ отчетъ въ «Запискахъ» Академіи.

В. Груберъ

[illegible] кѣ.

[illegible]ъ

[illegible]

[illegible] и директорѣ [illegible] торской Ме- [illegible] польдовичѣ [illegible] родился въ 18[illegible] Круканицѣ, [illegible] служилъ его отецъ. [illegible] образованіе получилъ [illegible] близъ Ма- [illegible] въ Прагѣ и въ тамош- [illegible] нскихъ на- [illegible] хирургіи, а впо- [illegible] нтомъ, онъ [illegible] омическими [illegible] водство по [illegible] ихъ экза- [illegible] разрѣше- [illegible] фессора.

[illegible] торомъ ана- [illegible] руководствомъ зна- [illegible] анатома Гиртля, лучшимъ ученикомъ котораго считается онъ. По ходатайству извѣстнаго хирурга и ана-

VI.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПРОФЕССОРЪ И АКАДЕМИКЪ.

Венцеславъ Леопольдовичъ Груберъ.

Докторъ медицины и хирургіи, профессоръ и директоръ института практической анатоміи при Императорской Медико-Хирургической Академіи, Венцеславъ Леопольдовичъ Груберъ родился въ 1814 г. въ Богеміи, въ замкѣ Круканицѣ, гдѣ служилъ его отецъ. Первоначальное образованіе получилъ въ большомъ духовно-учебномъ заведеніи Тепль, близъ Маріенбада. Въ гимназію поступилъ въ Прагѣ и въ тамошшемъ же университетѣ прошелъ курсъ медицинскихъ наукъ. Сначала удостоенъ степени доктора хирургіи, а впослѣдстіи и доктора медицины. Будучи еще студентомъ, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими анатомическими работами; на третьемъ курсѣ онъ издалъ руководство по анатоміи для студентовъ и кандидатовъ, имѣющихъ экзаменоваться изъ анатоміи у доктора Гради, не съ разрѣшенія только, а прямо по желанію названнаго профессора.

Съ 1840 по 1846 годъ состоялъ онъ прозекторомъ анатоміи въ Пражскомъ университетѣ подъ руководствомъ знаменитаго анатома Гиртля, лучшимъ ученикомъ котораго считается онъ. По ходатайству извѣстнаго хирурга и ана-

тома Пирогова, получилъ онъ въ 1846 году приглашеніе занять мѣсто прозектора при тогдашнемъ анатомическомъ институтѣ въ С.-Петербургѣ, директоромъ котораго состоялъ Пироговъ. Въ 1847 г. прибылъ онъ въ Петербургъ и 4-го апрѣля того же года, вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Кромѣ мѣста прозектора, было ему обѣщано и мѣсто профессора описательной анатоміи, но послѣднее условіе не было соблюдено, такъ что онъ началъ свои занятія подъ начальствомъ Пирогова, къ которому, при взаимномъ уваженіи, питалъ сильную искреннюю дружбу.

Развитіе науки заставило отдѣлить патологическую анатомію, взятую на себя Пироговымъ, отъ нормальной. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ выхода Пирогова изъ Медико-Хирургической Академіи, была основана каѳедра практической анатоміи, которую и занялъ, наконецъ, В. Л. Груберъ послѣ десятилѣтняго ожиданія.

Тутъ-то и началась его настоящая плодотворная дѣятельность. Имъ основанъ институтъ практической анатоміи и большой и богатый музей института, и имъ введены всѣ тѣ улучшенія, которыя поставили такъ высоко славу этого заведенія какъ здѣсь, въ Россіи, такъ и заграницей. Въ новомъ анатомо-физіологическомъ институтѣ В. Л. Груберъ отвелъ цѣлый флигель для практической анатоміи, и студенты обязаны исключительно его стараніямъ возможностью присоеденить серьезныя практическія занятія къ изученію анатоміи. Дѣятельность его, какъ ученаго и профессора, извѣстна Россіи и Европѣ. Матерьялъ, обработанный имъ лично или подъ его руководствомъ, по всей справедливости, можетъ назваться колоссальнымъ. Онъ признанъ однимъ изъ первыхъ анатомовъ нашего времени, въ нѣкоторыхъ же отношеніяхъ и самымъ опытнымъ изъ всѣхъ. Съ 1842 г. онъ издалъ болѣе 300 сочиненій, большихъ и маленькихъ ста-

тей, по преимуществу оригинальныхъ, которыя заключаютъ въ себѣ большія достоинства, какъ по отношенію своей точности, такъ и богатству.

Какъ человѣкъ, В. Л. Груберъ отличается строгостью правилъ: онъ строгъ, прежде всего къ себѣ, а затѣмъ и къ людямъ. Къ ученикамъ своимъ онъ питаетъ самыя дружескія чувства, хотя и не принадлежитъ къ натурамъ экспансивнымъ. Онъ искренно желаетъ имъ добра, и они знаютъ это. Онъ, правда, взыскателенъ, но всегда справедливъ, доступенъ и ведетъ себя съ величайшимъ тактомъ. Молодежь платитъ ему самымъ глубокимъ уваженіемъ и восторженною привязанностью, какихъ, говорятъ, никто до него не удостоивался. Доказательствомъ тому могутъ служить оваціи, по поводу его двадцатипяти и тридцати-лѣтняго юбилея. Серьезныхъ выговоровъ ему никогда дѣлать не приходилось: довольно одного слова или знака съ его стороны.

Избраніе В. Л. Грубера на новое пятилѣтіе совершалось всегда единогласно.

Нѣкоторые изъ иностранныхъ университетовъ предполагали вызвать его на свои каѳедры, но предположенія эти кончались обыкновенно ничѣмъ. Должно быть, на наше счастіе, судьба предназначала знаменитому анатому у насъ и кончить свою славную дѣятельность.

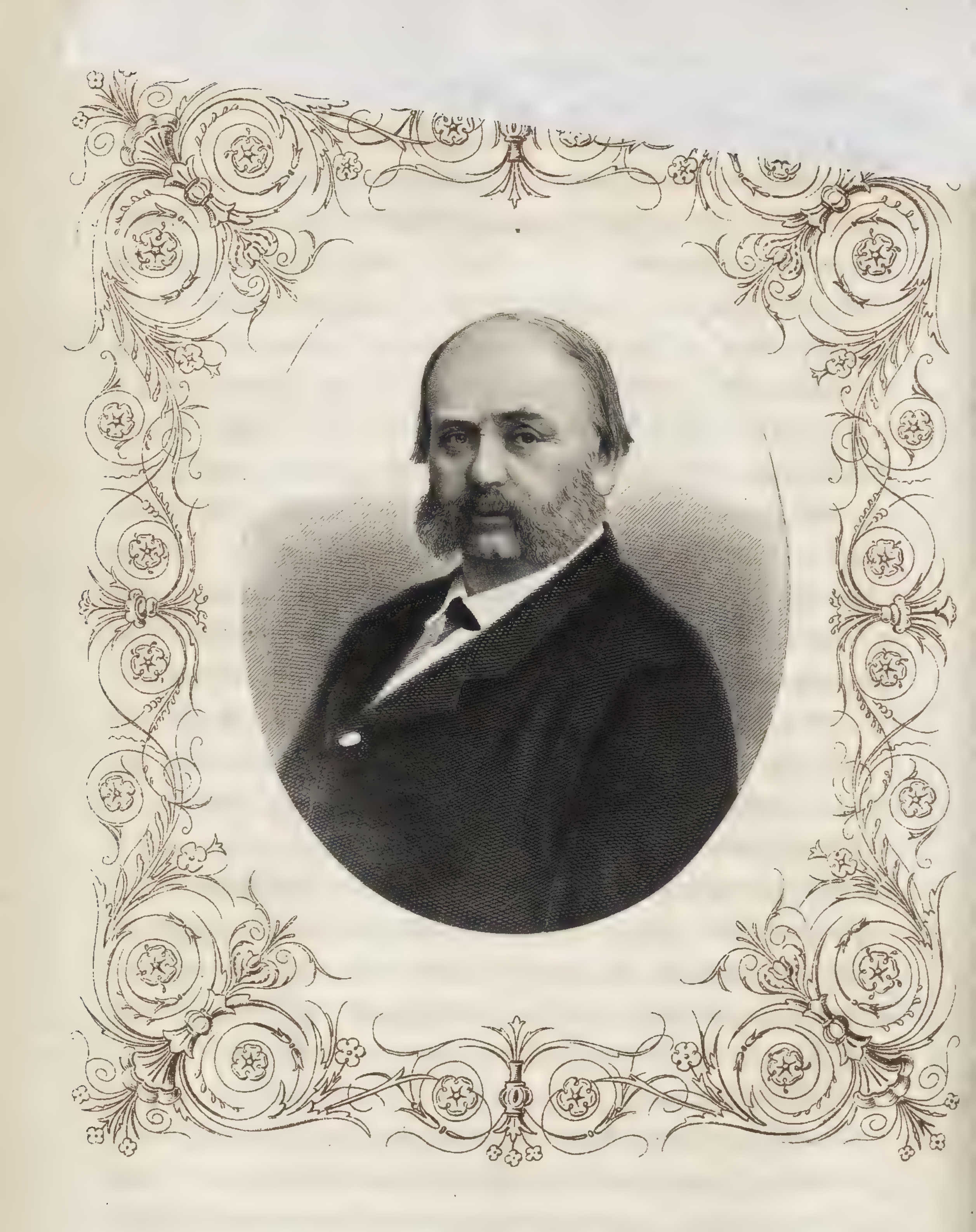

VII.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

Имя Ивана Александровича Гончарова, первокласснаго русскаго писателя - романиста, уже давно заслужило громкую извѣстность нетолько въ Россіи, но и за границей; поэтому намъ нѣтъ нужды распространяться о его литературной репутаціи. Да это и не сдѣлаешь въ статьѣ такого малаго объема, какъ наша.

О его романахъ говорили всѣ лучшіе критики, и мы отсылаемъ къ нимъ читателя, который поинстересуется этимъ предметомъ. Въ концѣ статьи мы помѣстимъ перечень всѣхъ наиболѣе замѣчательных критическихъ разборовъ его сочиненій, а теперь дадимъ свѣденія чисто - біографическія.

Иванъ Александровичъ родился въ Симбирскѣ 1812 г, 6-го іюня. Отецъ Ивана Александровича былъ зажиточный мѣстный купецъ и умеръ, когда сыну было всего только три года, оставивъ его на попеченія матери. Дома мальчикъ росъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ своей доброй матери и старика—крестнаго отца, отставного моряка, ко-

И. Гончаровъ.

VII.

Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

Имя Ивана Александровича Гончарова, первоклассного русскаго писателя – романиста, уже давно заслужило громкую извѣстность нетолько въ Россіи, но и за границей; поэтому намъ нѣтъ нужды распространяться о его литературной репутаціи. Да это и не сдѣлаешь въ статьѣ такого малаго объема, какъ наша.

О его романахъ говорили всѣ лучшіе критики, и мы отсылаемъ къ нимъ читателя, который поинстересуется этимъ предметомъ. Въ концѣ статьи мы помѣстимъ перечень всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ критическихъ разборовъ его сочиненій, а теперь дадимъ свѣденія чисто – біографическія.

Иванъ Александровичъ родился въ Симбирскѣ 1812 г, 6-го іюня. Отецъ Ивана Александровича былъ зажиточный мѣстный купецъ и умеръ, когда сыну было всего только три года, оставивъ его на попеченія матери. Дома мальчикъ росъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ своей доброй матери и старика—крестнаго отца, отставного моряка, ко-

торый разсказывалъ ему о своихъ путешествіяхъ, дальнихъ странахъ и различныхъ народахъ. Разсказы эти пробудили въ талантливомъ мальчикѣ первыя желанія путешествовать и видѣть далекія земли. Первоначальное образованіе свое онъ получилъ у священника въ имѣніи княгини Холмской за Волгой. Священникъ этотъ, отличавшійся развитымъ умомъ, большою образованностью и любовью къ дѣлу воспитанія, держалъ пансіонъ въ своемъ домѣ.

Въ этомъ дѣлѣ ему помогала его жена, француженка, принявшая православіе, которая, съ своей стороны, обучала дѣтей французскому и нѣмецкому языкамъ. Въ небогатой библіотекѣ пансіона, Иванъ Александровичъ нашелъ между прочими книгами сочиненія Державина, и это было чуть-ли не первая книга, которую онъ не только прочелъ, но и заучивалъ наизусть, и переписывалъ себѣ на память.

Вся библіотека священника была прочитана молодымъ ученикомъ съ жадностью. Тутъ онъ познакомился съ сочиненіями фонъ-Визина, Озерова, Хераскова и другихъ.

Даже «Путешестіе вокругъ свѣта капитана Кука» и «Путешествіе въ Камчатку Крашенинникова» были прочитаты любознательнымъ мальчикомъ и укрѣпили въ немъ полученныя въ дѣтствѣ желанія и охоту къ путешествіямъ, которая впослѣдствіи осуществилась. Двѣнадцати лѣтъ отъ роду Иванъ Александровичъ былъ отвезенъ въ Москву и опредѣленъ тамъ въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній, гдѣ страсть его къ чтенію нашла болѣе богатый матеріалъ для удовлетворенія. Но все таки, по прежнему, чтенію этому не хватало системы и правильности — читалось все, что попало отъ Мунго-Парка, Палласа, Ролленя, Милота до романовъ Ратклиффа и «Ключа къ таинствамъ природы», Эккарстгаузена. Въ это же время онъ познакомился и съ англійскимъ языкомъ, въ дополненіе къ фран-

цузскому и нѣмецкому, которые онъ началъ изучать въ пансіонѣ священника.

1831 года И. А. поступилъ въ Московскій Университетъ на историко-филологическій факультетъ и началъ слушать лекціи профессоровъ: Шевырева, Надеждина, Снегирева, Ивашковскаго, Качановскаго, Давыдова и другихъ.

Его громадная, но безсистемная начитанность въ этотъ періодъ стала слагаться въ стройное и мощное цѣлое.

Знакомство съ исторіею западныхъ литературъ и ихъ великими образцами развило и усовершенствовало вкусъ Ивана Александровича. Греческіе и римскіе поэты и философы также приковали къ себѣ молодой умъ, и Иванъ Александровичъ изучилъ ихъ подъ руководствомъ талантливыхъ профессоровъ. Лермонтовъ и Станкевичъ со своимъ кружкомъ были сотоварищами Ивана Александровича по университету, но Гончаровъ не былъ съ ними знакомъ лично. Около этого времени впервые проявилась страсть Ивана Александровича къ литературнымъ занятіямъ; онъ много занимался переводами съ иностранныхъ языковъ, и въ 1832 году появился въ печати его переводъ изъ Евгенія Сю «Атаргюль». Онъ былъ напечатанъ въ «Телескопѣ».

Любовью своею къ занятіямъ литературою Иванъ Александровичъ отчасти обязанъ вліянію литературныхъ кружковъ Карамзина и Александра Сергѣевича Пушкина, который въ то время находился на зенитѣ своей славы и гремѣлъ на всю Россію, а отчасти и Европу. Вмѣстѣ съ другими Иванъ Александровичъ зачитывался высоко поэтическими произведеніями Пушкина, и его страсть къ литературѣ зрѣла и принимала опредѣленное направленіе.

Въ 1835 году Иванъ Александровичъ кончилъ курсъ въ университетѣ и, послѣ нѣкотораго отдыха на родинѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу по Министер-

ству Финансовъ, въ качествѣ переводчика иностранной переписки. Съ этого времени начинается служебное поприще Ивана Александровича, поприще довольно блестящее и удачное.

Занятія литературою съ поступленіемъ на службу шли своимъ чередомъ, но произведенія этого періода не появлялись въ печати; Иванъ Александровичъ отдавалъ ихъ въ разные домашніе рукописные сборники литературныхъ произведеній, появлявшіеся во многихъ интелигентныхъ домахъ и семействахъ. Между прочими, въ числѣ такихъ семействъ, было семейство Майковыхъ, Николая Апполоновича и Евгеніи Александровны, въ домѣ которыхъ издавался подобный журналъ съ рисунками и каррикатурами. Рисунки рисовалъ самъ Н. А. Майковъ, отецъ нашего поэта Аполлона Николаевича Майкова, а переплеталъ и собственноручно переписывалъ нѣкто Солоницынъ, богатый и образованный человѣкъ, воспитатель молодыхъ Майковыхъ, Апполона и Валентина. Въ этотъ же періодъ получилъ свое начало и первый романъ Ивана Александровича, «Обыкновенная Исторія». Любя литературу, Ив. Алекс., естественно, искалъ ближенія съ тогдашними литераторами и вскорѣ сошелся, *какъ не-литераторъ*, съ кружкомъ «Современника». Критическія статьи Бѣлинскаго, полныя художественныхъ красотъ и силы анализа, волновали тогда общество и всѣхъ, кто только интересовался произведеніями отечественнаго слова, и вотъ Иванъ Александровичъ рѣшился внести свой, еще не оконченный, романъ «Обыкновенная Исторія» на судъ строгаго Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. Романъ этотъ вызвалъ самыя горячія похвалы Бѣлинскаго, который пророчилъ ему большой успѣхъ, а автора побуждалъ поскорѣе кончить его, чтобы можно было напечатать въ журналѣ, который онъ самъ хотѣлъ издавать.

1847 года, въ февральской и мартовской книжкахъ

«Современника», возобновленнаго послѣ смерти Пушкина и перешедшаго подъ редакцію Панаева и Некрасова, появился романъ «Обыкновенная Исторія».

Появленіе его было встрѣчено весьма сочувственно, и авторъ его былъ сразу провозглашенъ писателемъ съ первоклассным талантомъ. И дѣйствительно, въ немъ Иванъ Александровичъ явился писателемъ, вполнѣ окрѣпшимъ и выработавшимся. Его многочисленныя упражненія, которыя не видали печати, выработали его слогъ и манеру настолько, что въ нихъ онъ приближается къ Гоголю. Общая идея этого перваго романа Ивана Александровича та, что порыванія молодости, броженіе неустоявшихся юношескихъ силъ, заставляющія молодаго человѣка искать чего-то, желать разрушить и создать вновь, бросаться изъ крайности въ крайность, съ годами, при столкновеніяхъ съ дѣйствительною жизнію и ея безотрадными фактами, улегаются и затихаютъ. Съ годами человѣкъ мало-по-малу отрѣшается отъ всего этого міра грёзъ и благихъ начинаній; желаніе принести сколь возможно болѣе пользы обществу и даже *человѣчеству*, такъ называемыя *альтруистическія* наклонности уступаютъ мѣсто *эгоистическимъ*, т. е. человѣкъ *какъ-будто* познаетъ всю суету своихъ молодыхъ порываній и останавливаетъ все вниманіе исключительно на себѣ самомъ и кружкѣ ближайшихъ ему людей. Устройство *своего собственнаго* счастія и благосостоянія, хотя-бы и въ ущербъ другому, является первою и самою дорогою заботою *установившагося*, какъ они сами называютъ себя, человѣка. Изъ романа «Обыкновенная Исторія» все это и вытекаетъ вполнѣ. Авторъ, самъ уже не молодой человѣкъ, останавливаетъ свои симпатіи на представителѣ установившагося человѣка, дядѣ — Адуевѣ, а противоложнымъ ему типомъ выводитъ Адуева — племянника. Въ концѣ концовъ, Аду-

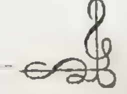
евъ – племянникъ совершенно отождествляется съ своимъ дядею, принимаетъ его воззрѣнія на жизнь и людскія отношенія и перестаетъ сомнѣваться и мучиться. Это, по увѣренію автора, *обыкновенная исторія* со всѣми подобными людьми, и молодые годы человѣка суть годы броженія и неясности идей. Вотъ основная идея романа «Обыкновенная Исторія», сразу поставившаго Ивана Александровича въ первый рядъ русскихъ писателей. Въ слѣдующемъ, по выходѣ романа, году, 1848, въ томъ-же «Современникѣ» появился небольшой разсказъ изъ чиновничьяго быта подъ заглавіемъ «Иванъ Савичъ Поджабринъ», а въ 1849 году, въ сборникѣ «Иллюстрированный Альманахъ», изданномъ подъ редакціею «Современника», былъ напечатанъ отрывокъ изъ начатаго романа «Обломовъ»—сонъ Обломова.

Всѣ эти вещи только утвердили за Иваномъ Александровичемъ Гончаровымъ репутацію талантливаго романиста.

Черезъ три года послѣ появленія въ печати «Сна Обломова» Ивану Александровичу пришлось осуществить свою завѣтную мечту о путешествіи. Дѣло въ томъ, что ему было предложено въ 1852 году тогдашнимъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія А. С. Норовымъ участвовать въ экспедиціи, отправлявшейся правительствомъ, «для обозрѣнія Россійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ, и открытія сношеній и заключенія торговаго трактата съ Японіею».

Иванъ Александровичъ долженъ былъ состоять секретаремъ-переводчикомъ при начальникѣ экспедиціи, Е. В. Путятинѣ, на фрегатѣ «Паллада».

Во время своего почти трехлѣтняго путешествія, Иванъ Александровичъ посѣтилъ много странъ, побывалъ въ Сибири и Охотскомъ морѣ. Описаніе своего путешествія онъ помѣщалъ частями въ теченіе трехъ лѣтъ, въ «Современ-

никѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Морскомъ Сборникѣ», «Библіотекѣ для Чтенія» и «Русскомъ Вѣстникѣ».

Въ описаніяхъ этихъ ярко выступаютъ и другія стороны таланта Ивана Александровича—умѣнье художественно описывать чуждыя намъ, но прекрасные виды природы и большая наблюдательность. Въ 1858 году описанія эти были собраны и изданы книгопродавцемъ Глазуновымъ, съ присоединеніемъ новой статьи: «Гонгъ Конгъ» отдѣльною книгой подъ заглавіемъ «Фрегатъ Паллада»

Въ началѣ 1855 года, возвратясь изъ путешествія, И. А. снова поступилъ на службу въ Министерсво Финансовъ столоначальникомъ, но вскорѣ, въ 1856 году, занялъ должность цензора, въ которой оставался и послѣ перехода цензуры изъ подъ вѣдѣнія Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

Занятія въ качествѣ цензора отнимали почти все время у Ивана Александровича и не давали ему возможности приняться за давно уже обдуманный новый романъ «Обломовъ». Кстати и петербургскій климатъ началъ оказывать свое вредное вліяніе на здоровье И. А., и по этой причинѣ онъ взялъ отпускъ и уѣхалъ за границу на воды, въ Карлсбадъ.

Тамъ, въ теченіи 4-хъ мѣсячныхъ каникулъ, онъ кончилъ всего «Обломова». Долго обдумываемый романъ былъ написанъ почти сразу, вся вторая часть вылилась на бумагу въ 47 дней.

Романъ «Обломовъ», съ нетерпѣніемъ ожидавшійся публикою, вышелъ въ 1858 году, въ журналѣ «Отечественныя Записки». и оправдалъ ожиданія. Публика снова увидѣла искусную руку и блестящую фантазію романиста и съ неменьшимъ удовольствіемъ встрѣтила этотъ второй трудъ Ивана Александровича Гончарова. Въ этомъ романѣ

авторъ задался уже другими цѣлями. Въ немъ выведено два типа: Илья Ильичъ Обломовъ, продуктъ русской помѣщичьей жизни и среды, и Штольцъ, человѣкъ практическаго труда, горячей дѣятельности и подвижности. Въ Обломовѣ Гончаровъ совмѣстилъ всѣ черты кореннаго русскаго барина съ его добродушіемъ и простотою, а болѣе всего съ лѣнью, лѣнью громадною, засасывающею. Штольцъ представляетъ намъ типъ совсѣмъ противоположный, но Илья Ильичъ, несмотря на свой застой, симпатичнѣе съ ногъ до головы дѣлового Штольца. Штольцъ почти вездѣ выигрываетъ; Ольга оставляетъ Обломова и выходитъ замужъ за практическаго Штольца, но она обманывается въ немъ: въ этомъ дѣльцѣ вовсе нѣтъ той бездны нравственной силы, какую она предполагала. На сомнѣнія и вопросы, возникшіе въ ея умѣ и сердцѣ впослѣдствіи, Штольцъ отвѣчаетъ банальными, стереотипными фразами, потому что самъ не въ состояніи разрѣшить ихъ...

Общее всѣмъ романамъ Гончарова свойство—это удивительно тщательная и художественно-вѣрная отдѣлка деталей, что впрочемъ нисколько не отвлекаетъ автора отъ плавнаго теченія общей мысли и не портитъ впечатлѣнія ensemble'а, а напротивъ—еще болѣе усиливаетъ его.

Во время выхода «Обломова» былъ уже начатъ и третій романъ, но покуда онъ еще таился въ головѣ автора.

Въ 1862 году Ивану Александровичу было отдано главное редакторство газеты министерства внутреннихъ дѣлъ «Сѣверная Почта», а въ слѣдующемъ 1863 году онъ былъ назначенъ членомъ совѣта по дѣламъ печати.

Послѣ «Обломова» и до выхода въ свѣтъ третьяго романа Иванъ Александровичъ помѣстилъ въ «Современникѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ» три отрывка подъ загла-

віями: «Софья Николаевна Бѣловодова», «Портретъ» и «Бабушка».

Черезъ десять лѣтъ послѣ «Обломова» появился, наконецъ, на страницахъ «Вѣстника Европы» и третій романъ Ивана Александровича «Обрывъ»; это было въ 1868—1869 годахъ, а въ 1870 году онъ вышелъ отдѣльной книгой. Этотъ романъ не прибавилъ ничего новаго къ извѣстности Гончарова—онъ обладалъ всѣми достоинствами и недостатками первыхъ двухъ, и публика съ тѣмъ же интересомъ прочла его, рукоплеща маститому автору.

И дѣйствительно: направленіе таланта, манера писать и сила творческой способности настолько рѣзко и опредѣленно выразились въ его первомъ произведеніи, что по нимъ можно было дѣлать предположенія и о дальнѣйшихъ успѣхахъ автора. Второй и третій романы вполнѣ подтвердили эти предположенія и доказали, что талантъ Ивана Александровича Гончарова сталъ твердо и не способенъ колебаться и отклоняться отъ разъ принятаго имъ направленія. Вотъ перечень наиболѣе замѣтныхъ критическихъ статей о произведеніяхъ И. А. Гончарова:

1) Сочиненія Д. И. Писарева, томъ I, статьи «Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ» и «Женскіе Типы въ романахъ и повѣстяхъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова».

2) Современникъ 1859 г. т. LXXV, Н. Добролюбова: «Что такое Обломовщина?».

3) М. Цебриковой: «Псевдоновая героиня». Отечественныя Записки 1870 г. № 5.

4) Н. Шелгунова: «Таланливая безталанность». Дѣло, 1869 г. № 8.

5) А. Скабичевскаго: «Старая правда». Отечественныя Записки, 1869 г. № 10.

Самымъ послѣднимъ произведеніемъ Ивана Александро-

вича можно назвать статью, появившуюся въ 1871 году въ «Вѣстникѣ Европы» подъ заглавіемъ: «Милліонъ терзаній!» Заглавіе статьи представляетъ фразу Чацкаго изъ «Горя отъ ума», а въ самой статьѣ, трактующей объ этой комедіи, заключаются нѣкоторые совершенно новые и оригинальные взгляды на «Горе отъ ума».

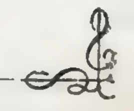
Не знаемъ, подаритъ ли маститый, почтенный авторъ русскую публику еще своимъ произведеніемъ — это было бы величайшимъ сюрпризомъ въ наше, бѣдное талантами, время, тѣмъ болѣе, что фатальный десятилѣтній промежутокъ между появленіемъ его романовъ приходитъ къ концу.

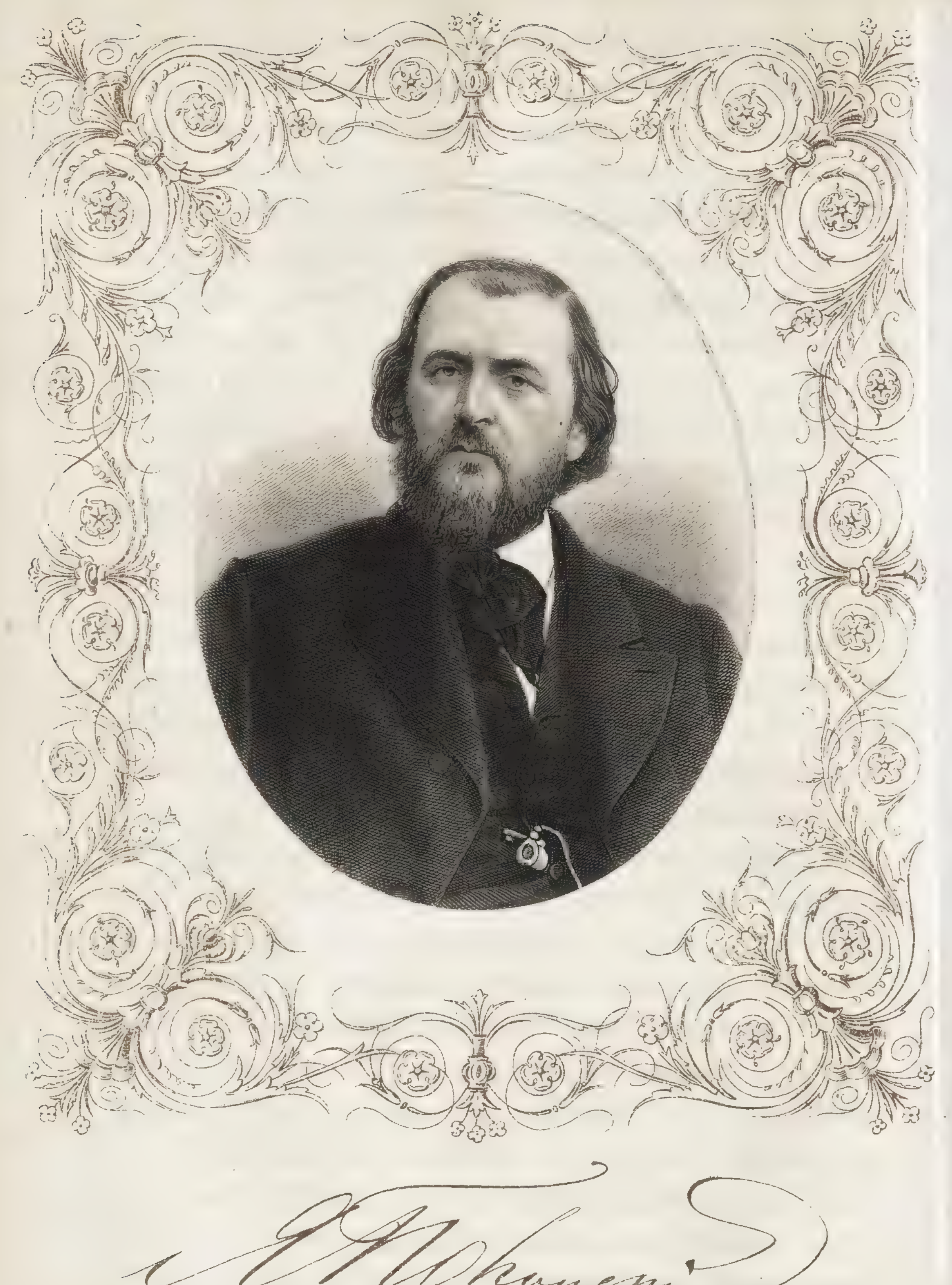
Не сбудется ли это всеобщее желаніе?

Но во всякомъ случаѣ, хотя бы Иванъ Александровичъ не написалъ болѣе ни строчки, имя его будетъ занесено въ лѣтописи русской литературы крупными буквами.

Уже и того, что есть, достаточно, чтобы признать его славой и украшеніемъ отечественнаго слова...

А. В. Арсеньевъ.

вуетъ
-ино-
кты,
олько
ность
біо-
чимъ.
указать
цѣлый
а бы-
чело-

ранѣе
й *по-*
поэта,

Яковъ Петровичъ Полонскій родился 6-го декабря 1820 года, въ городѣ Рязанѣ. Отецъ его, Петръ Григорьевичъ Полонскій, родомъ изъ Малоросіи, въ то время какъ ро-

VIII.

Яковъ Петровичъ
Полонскій.

Писать біографію человѣка, который живетъ и дѣйствуетъ среди насъ, трудно, даже болѣе, чѣмъ трудно,—иногда невозможо. Невозможно потому, что многіе факты, служащіе къ характеристикѣ личности и освѣщенные только съ одной внѣшней стороны, могутъ представить эту личность въ совершенно иномъ свѣтѣ. Чтобы писать полную біографію лица, не достаточно одного знакомства съ нимъ. Чтобы произнести приговоръ его дѣяніямъ, нужно указать и на ту среду, которая его воспитала и вызвать цѣлый рядъ лицъ, вліявшихъ на его развитіе, а это не всегда бываетъ возможно, особенно когда дѣятельность этого человѣка обнимаетъ разныя сферы.

Приступая къ біографіи Я. П. Полонскаго, я заранѣе предупреждаю читателя, что онъ не найдетъ въ ней *послѣдняго слова* личности и дѣятельности почтеннаго поэта, а лишь нѣкоторыя отрывочныя свѣденія.

Яковъ Петровичъ Полонскій родился 6-го декабря 1820 года, въ городѣ Рязанѣ. Отецъ его, Петръ Григорьевичъ Полонскій, родомъ изъ Малоросіи, въ то время какъ ро-

дился нашъ будущій талантливый поэтъ, находился на службѣ у рязансваго генералъ-губернатора Балашева. Мать Я. П., Наталья Яковлевна урожденная Кафтырева, также, какъ и отецъ его, происходитъ отъ дворянъ. У нея послѣ тяжбы съ родственниками, продолжавшейся слишкомъ 20 лѣтъ, осталось не болѣе ста душъ въ Тверской губерніи, которыя она, выходя замужъ за отца Я. П., и принесла ему въ приданое. Наталья Яковлевна была за мужемъ всего около одиннадцати лѣтъ; она умерла, оставивъ шесть человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ старшему, Я. П., было едва десять лѣтъ. Послѣ смерти матери, отецъ Я. П. былъ переведенъ въ г. Эривань, совѣтникомъ по отдѣленію казенныхъ сборовъ и податей, а дѣти оставлены на воспитаніе у сестеръ покойной матери Я. П.—Кафтыревыхъ.

Богомольная безупречная жизнь тетокъ, состарившихся дѣвицъ, ихъ мистическіе разсказы, и та старая Читиминея съ легендами о кіево-печерскихъ святыхъ, которая постоянно находилась на столѣ въ гостинной, имѣли несомнѣнное вліяніе на характеръ впечатлительнаго ребенка. Тетки очень любили дѣтей и особенное вниманіе обращали на то, чтобы дѣти были сыты. Что касается до воспитанія, то оно оставалось на послѣднемъ планѣ, и Я. П. съ юныхъ лѣтъ долженъ былъ самъ себя воспитывать... Это быть можетъ и дало нѣкоторую стойкость его характеру. Въ одиннадцать лѣтъ Я. П. поступилъ въ рязанскую гимназію, а свободное отъ занятій время проводилъ въ чтеніи. Въ домѣ тетокъ была библіотека его дяди. Дядя Я. П. былъ любитель чтенія и кромѣ того собиралъ разныя медали, рѣдкія монеты, раковины и минералы. Вотъ какъ описываетъ Я. П. своего дядю (Русс. Арх. 1876 г. № 1). Дядя мой, на глазахъ котораго я росъ и который любилъ меня, какъ роднаго сына, жилъ почти также, какъ и многіе тогдашніе по-

мѣщики, состарившіеся холостяками: не только передъ обѣдомъ, но и передъ чаемъ, и передъ завтракомъ пилъ водку, но бранилъ старосту за пьянство и читалъ встрѣчнымъ крестьянамъ уроки трезвости. Держалъ при себѣ крестьянскую дѣвицу въ качествѣ хозяйки дома, и каждое воскресенье не только ходилъ къ обѣднѣ, но и пѣлъ на клиросѣ или, вѣрнѣе сказать, завывалъ, вторя деревенскимъ дьячкамъ. Это пѣніе невольно возбуждало улыбку: мой старый дядя не имѣлъ ни слуха, ни голоса. Дома цѣлый день не выпускалъ онъ изо рта коротенькаго, волосянаго чубучка съ большою пѣнковою трубкой, съ серебрянными колпачкомъ и такою же ковырялкою. Но, не смотря на странности, Александръ Яковлевичъ былъ и гуманнѣе и образованнѣе своихъ сосѣдей: рѣдкій день чего нибудь не читалъ: могъ читать по нѣмецки и по французски, ежегодно выписывалъ календарь и подписывался на Московскія Вѣдомости. Добрый и довѣрчивый, онъ, по видимому, легко сходился съ людьми всѣхъ возрастовъ и состояній; но жениться не могъ, потому что во всю жизнь свою не имѣлъ духу ни признаться въ любви, ни рѣшиться за кого нибудь посвататься».

Когда Я. П. Полонскому было 8 лѣтъ, съ его матерью произошолъ случай, который сильно потрясъ его и навсегда остался въ его памяти.

«Мать моя вмѣстѣ съ дядей, разсказываетъ Я. П., взялись отвести свою родную племянницу, трехлѣтнюю дѣвочку, къ ея матери и дорогой заблудились. Кучеръ, сбившись съ дороги, не нашелъ подъема съ Оки на берегъ, понадѣялся на русское «авось», повернулъ тройку къ берегу, хлеснулъ возжами, и лошади по грудь провалились въ снѣжный сугробъ, а кибитка завязла. Дядя и мать моя со спящимъ ребенкомъ на рукахъ, кое-какъ вылѣзли изъ подъ снѣга и взо-

брались на берегъ. «Эге» сказалъ дядя, «да мы не далеко; вотъ это крышка виднѣется: это ихъ домъ, а это садъ ихъ. Пойдемъ».

Они двинулись по снѣгу, но не успѣли пройти и четверти часа, какъ уже началась мятель и наступили непроглядные сумерки. Даже обратный путь къ кибиткѣ былъ потерянъ. Въ сторонѣ мелькнулъ огонекъ. «Эге», сказалъ дядя, «мы скоро дойдемъ. Посиди здѣсь, ты устала, а я дойду и пришлю къ тебѣ лошадей». Мать моя сѣла у опушки какого-то лѣса, плотнѣе закутала спавшую на рукахъ ея дѣвочку, въ глубокій снѣгъ погрузила ноги свои, чтобы не отморозить ихъ, и преспокойно рѣшилась сидѣть и ждать, увѣренная, что вотъ-вотъ сейчасъ пришлютъ за ней сани или пошевни. Дядя пошелъ на огонекъ и, осаждаемый собаками, пришелъ не въ усадьбу, а на мельницу, верстахъ въ двухъ отъ усадьбы. У мельника въ эту ночь справляли масляницу, всѣ были пьяны, орали и пѣли пѣсни, никто ничего не понялъ изъ того, что сталъ разсказывать имъ дядя мой и не захотѣли ни за какія деньги ночью идти помогать. Не зная что дѣлать, съ отчаянья дядя мой пошелъ искать усадьбу. Усталый, измученный, добравшись къ двумъ часамъ по полуночи до усадьбы, сталъ стучаться, но долго никто не рѣшался пускать, такъ какъ не узнали его охрипшаго голоса. Наконецъ проснулся весь домъ; проснулись Плюсковы (фамилія замужней сестры матери Я. П.) и пришли въ ужасъ.

— Ступайте скорѣй, ищите сестру Наташу, тамъ гдѣ-то въ лѣсу, за мельницей.

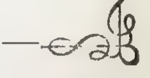
«Вотъ все, что могъ проговорить мой дядя, страшно запыхавшійся, и какъ мертвый повалился на диванъ. Его раздѣли и стали оттирать теплой водкой, а между тѣмъ на ноги подняли чуть не всю дворню, велѣли осѣдлать лоша-

дей зажгли фонари, окна дома, особливо антресольныя, освѣтили зажженными свѣчками; словомъ иллюминовали весь домъ, чтобы онъ былъ видѣнъ издали, и всѣхъ послали на поиски.»

Бѣдная мать моя найдена была уже на разсвѣтѣ, полузастывшая отъ холода и къ счастью не съѣденная волками. Она уже начинала застывать, когда услышала голоса, которые аукались. Въ домъ къ сестрѣ довезли ее на форейторскомъ сѣдлѣ. «Я ѣхала въ салопѣ точно рыцарь въ епанчѣ, говорила мнѣ мать моя. Наши няньки охали и ахали и даже утирали слезы, когда слушали разсказъ ея. Приключеніе это не обошлось безъ примѣси фантастическаго. Люди посланные на поиски разсказывали другъ другу шопотомъ, что во вѣки вѣковъ не найти бы имъ барыни, какъ не какой-то невѣдомый старичекъ, который попался имъ на встрѣчу; протянулъ палецъ, сказалъ имъ: «тамъ ищите» и исчезъ. Они поѣхали и нашли.

Любовь къ стихамъ проявилась у Я. П. еще при жизни его матери, что крайне ее радовало — она сама очень любила поэзію, потому что послѣ ея смерти были найдены цѣлые томы пѣсенъ и стиховъ, переписанныхъ ея собственною рукою.

Будучи ученикомъ шестаго класса, Я. П. уже совершенно свободно владѣлъ стихомъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе учителей. По окончаніи, въ 1839 году, гимназическаго курса, Я. П. уѣхалъ въ Москву и тамъ поступилъ въ университетъ на юридическій факультетъ. Но во время пребыванія въ университетѣ онъ не ограничился слушаніемъ лекцій одного юридическаго факультета,—онъ слушалъ и по другимъ разрядамъ, что не мало мѣшало его спеціальнымъ занятіямъ. Впрочемъ, не одна разбросанность въ занятіяхъ мѣшала ему заниматься спеціально юридическими науками:

въ конецъ разстроенное состоянiе отца бросило Я. П. въ объятiя самой страшной бѣдности, вслѣдствiе чего ему нужно было поддерживать свое существованiе уроками. Это конечно затянуло окончанiе курса. Будучи въ университетѣ, онъ познакомился съ извѣстнымъ М. Ф. Орловымъ, у котораго собирались всѣ литературныя и художественныя знаменитости того времени. Эти встрѣчи развили въ Я. П. стремленiе къ поэзiи, и онъ сталъ все болѣе и болѣе взывать къ своей музѣ.

Окончивъ курсъ, Я. П. въ то же время выпустилъ въ свѣтъ первое собранiе своихъ поэтическихъ опытовъ подъ названiемъ «*Гаммы*»; всѣхъ стихотворенiй въ этомъ изданiи было 32.

По окончанiи курса, у Я. П. Полонскаго не предвидѣлось никакихъ занятiй. Жить одной поэзiей было не мыслимо. И онъ сталъ сильно задумываться о завтрашнемъ днѣ. Въ этихъ заботахъ о завтрашнемъ днѣ его застаетъ одинъ его университетскiй товарищъ Т. Уманецъ, который говоритъ ему, что его братъ ѣдетъ въ Одессу и предлагаетъ совершить это путешествiе вмѣстѣ. Видѣть море было давнишней мечтой нищего поэта, а потому, нужно ли говорить, съ какой радостью онъ принялъ это предложенiе. Сборы были коротки. Я. П. на другой день, вмѣстѣ съ братомъ своего товарища, оставилъ Москву и направился въ Одессу. Но какъ оказалось впослѣдствiи, спутникъ Я. П. ѣхалъ не до самой Одессы, а въ Кишиневъ, а потому они на дорогѣ должны были разстаться. И Я. П. поѣхалъ въ Одессу одинъ.

Живя въ Одессѣ, онъ встрѣтился съ братомъ нашего незабвеннаго поэта, Пушкина, и извѣстною писательницею того времени А. Зонтагъ, которая до смерти своей питала

къ нему родственныя чувства и относилась къ нему. какъ къ сыну.

Тамъ же познакомился онъ и сошелся съ поэтомъ Щербиною.

Очарованный видомъ моря, а также ободренный лестными отзывами о своемъ первомъ изданіи стихотвореній *«Гаммы»*, Я. П. издалъ въ Одессѣ въ 1846 г. новый томикъ стихотвореній, состоящій изъ 22 стихотвореній, подъ названіемъ: *«Стихотворенія 1845 года»*.

Послѣ этого Я. П. Полонскій оставляетъ Одессу и ѣдетъ служить на Кавказъ. Тамъ онъ опредѣляется въ канцелярію Намѣстника, помощникомъ редактора оффиціальной газеты *«Закавказскій Вѣстникъ»*. Въ этой газетѣ Яковъ Петровичъ помѣщаетъ нѣсколько рецензій, очерковъ и стихотвореній и затѣмъ сотрудничаетъ въ петербургскихъ и московскихъ изданіяхъ. Въ 1849 году, въ Тифлисѣ, онъ снова издаетъ свои стихотворенія подъ названіемъ «Сазандаръ» (пѣвецъ); въ это изданіе ихъ вошло всего 12. На Кавказѣ Я. П. пробылъ до 1852 года.

Южное солнце и южные пейзажи настолько вдохновляли нашего поэта, что онъ кромѣ поэзіи сталъ заниматься и живописью.

Вызванный съ Кавказа въ 1852 году болѣзнію отца, съ которымъ онъ не видался около семи лѣтъ, Я. П. болѣе туда не возвращался. Живя въ Рязани, ему захотѣлось побывать въ Петербургѣ, познакомиться съ литераторами и тамъ пріискать себѣ занятій. Но пріискать занятій было не такъ легко. Литературный трудъ оплачивался очень мало и Якову Петровичу, живя въ Петербургѣ, этомъ заманчивомъ для провинціала центрѣ, пришлось много пережить тяжелаго. Въ Петербургѣ, какъ во времена студенчества въ Москвѣ, Я. П. снова нужно было взяться за уроки. Но усиленный

трудъ, бѣганье по громаднымъ разстояніямъ на уроки, всевозможныя лишенія разстроили здоровье Я. П. настолько, что ему посовѣтовали провести лѣто въ Гапсалѣ, куда онъ и поѣхалъ.

Больной, лишенный средствъ, которыя бы могли дать ему передохнуть отъ работы, Я. П. въ слѣдующихъ щемящихъ душу строкахъ описываетъ свое настроеніе въ стихотвореніи «Весна»:

Воротилась весна, воротилась.
Подъ окномъ я встрѣчаю весну...
Просыпаются силы земныя,
А усталаго клонитъ ко сну.
И напрасно черемухи запахъ
Мнѣ приноситъ ночной вѣтерокъ...
Я сижу и тружусь... сердце плачетъ,
А нужда задаетъ мнѣ урокъ.
Ты, любовь, праздной жизни подруга!
Не съумѣла ужиться съ трудомъ...
Со слезами со мной ты простилась—
И другимъ улыбнулась тайкомъ...
И лукаво подмазавши петли
У дверей, что нескромно скрипятъ,
Для другихъ засвѣтила лампаду
И окно занавѣсила въ садъ.

Сколько грусти, сколько душевной боли вылилось у нашего нѣжнаго, симпатичнаго поэта въ этихъ немногихъ строкахъ...

Когда Я. П. былъ въ Гапсалѣ, въ Рязани умеръ его отецъ. Сестра, которая была при немъ, не знала гдѣ находился братъ, послала письмо въ Петербургъ и это письмо Я. П. нашелъ только по возвращеніи. Такъ что онъ не былъ на похоронахъ своего отца.

Съ семействомъ, въ которомъ Я. П. былъ воспитателемъ, онъ пробылъ зиму 1856 года въ Варшавѣ, а весною 1857 года отправился за границу. Во время своего пребы-

ванія въ Женевѣ, въ свободное отъ уроковъ время, Я. П. занимался живописью у Диде, учителя знаменитаго Каляма. Изъ Женевы онъ поѣхалъ въ Римъ. Тамъ онъ встрѣтился и сошелся съ графомъ Кушелевымъ-Безбородко, который предложилъ ему принять участіе въ редакціи «*Русскаго Слова*». Журналъ этотъ, какъ извѣстно, началъ издаваться въ 1859 году. Это предложеніе дало возможность Я. П. отказаться отъ тяжелыхъ занятій воспитателя.

Вмѣстѣ съ графомъ Кушелевымъ, Я. П., поѣхалъ сначала въ Неаполь, а затѣмъ въ Парижъ. Въ Парижѣ жизнь его вступаетъ въ новую фазу. Онъ женится по любви на дочери русскаго пѣвчаго Устюжскаго, которую онъ встрѣтилъ въ одномъ семействѣ и которая поразила его своей красотой. Свадьба Я. П. была въ Парижѣ, въ іюлѣ 1858 года.

Но недолго наслаждался Полонскій своимъ семейнымъ счастіемъ: она умерла скоропостижно въ Петербургѣ, полтора года спустя.

Будучи редакторомъ «Русскаго Слова», Я. П. работалъ и въ другихъ изданіяхъ: въ «Современникѣ», «Времени», «Эпохѣ», «Библіотекѣ для чтенія», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Литературной Библіотекѣ», «Женскомъ Вѣстникѣ», «Отечественныхъ Запискахъ», «Вѣстникѣ Европы», «Иллюстраціи», «Искрѣ», «Модномъ Магазинѣ» и другихъ газетахъ и журналахъ. Кромѣ стиховъ, Я. П. писалъ также повѣсти и разсказы, полные правды и поэзіи.

Въ 1859 году Я. П. издалъ новыя свои стихотворенія; они служили дополненіемъ къ изданнымъ въ 1855 году. Въ 1860 году онъ женился во второй разъ, на дѣвицѣ Жозефинѣ Антоновнѣ Рюльманъ, отъ которой имѣетъ троихъ дѣтей. Въ этомъ же году онъ издалъ книгу стихотвореній подъ названіемъ «Оттиски». Въ 1869 году книгопродавцемъ Вольфомъ были изданы три тома его стихотво-

реній, куда вошли всѣ его произведенія, какъ въ поэзіи, такъ и въ прозѣ. Въ 1871 году Я. П. издалъ свои стихи и прозу подъ общимъ названіемъ «Снопы». Въ 1873 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась его большая поэма «Мими», а въ 1874 году, въ «Дѣлѣ» «Келіотъ». Затѣмъ онъ помѣщалъ свои стихотворенія въ «Вѣстникѣ Европы» и «Недѣлѣ». Изъ помѣщенныхъ въ «Недѣлѣ» особенно выдается стихотвореніе «Казимиръ Великій» и «Слѣпой таперъ».

Въ 1875 году онъ завѣдывалъ литературнымъ отдѣломъ русской иллюстраціи «Пчела», и помѣстилъ тамъ начало своей новой поэмы «Собаки». Въ 1877 году издалъ новый сборникъ стихотвореній «Озими». Къ самымъ выдающимся стихотвореніямъ этого сборника нужно отнести «Два жребія».

Изъ всего вышесказаннаго, читатель увидитъ, что Полонскій давно и много работалъ и работаетъ. Но не смотря на это, онъ, что называется, не исписался и его талантъ все также свѣжъ и воспріимчивъ, какъ былъ въ 1853 году и ранѣе. Отвѣчая на нападки «Отечественныхъ Записокъ», которыя упрекаютъ Полонскаго въ недостаткѣ *опредѣленнаго* направленія, Н. Н. Страховъ («Заря» 1870 года, сентябрь) дѣлаетъ слѣдующую вполнѣ правдивую характеристику таланта Я. П. Полонскаго: «Направленіе у г. Полонскаго есть. Это направленіе, дѣйствительно, не имѣетъ въ себѣ ничего рѣзкаго, узкаго, бросающагося въ глаза, но тѣмъ не менѣе оно есть. Это знаменитое направленіе, котораго лучшимъ представителемъ былъ Грановскій. Это—поклоненіе *всему прекрасному и высокому*, служеніе добру и красотѣ, любовь къ просвѣщенію и свободѣ, ненависть ко всякому насилію и мраку. По мѣсту духовнаго развитія г. Полонскій принадлежитъ Москвѣ и московскому университету сороковыхъ годовъ, и онъ до конца остается вѣренъ

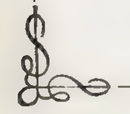

лучшимъ стремленіямъ тогдашней блестящей эпохи. Въ его стихахъ вы безпрестанно встрѣчаете теплое слово, обращенное къ свѣтлымъ идеаламъ, которыми тогда жила литература и которое въ сущности никогда не должно въ ней умирать. Любовь къ человѣчеству, стремленіе къ свѣту науки, благоговѣніе передъ искусствомъ и передъ всѣми родами духовнаго величія — вотъ постоянныя черты поэзіи г. Полонскаго. Если г. Полонскій не былъ провозвѣстникомъ этихъ идей, то онъ всегда былъ ихъ вѣрнымъ поклонникомъ».

Нашъ уважаемый писатель, И. С. Тургеневъ, также сдѣлалъ множество возраженій по поводу этой же статьи «Отечественныхъ Записокъ». «Оставляю въ сторонѣ, — говоритъ высокоталантливый авторъ «Рудина», «Наканунѣ», «Дворянскаго гнѣзда» и «Нови», — всѣ эти «канители», «сотрясенія воздуха» — всѣ эти «жестокія» слова, пущенныя въ ходъ для уснащиванія рѣчи; но самое опредѣленіе Полонскаго, какъ писателя несамобытнаго, эклектика, невѣрно въ высшей степени. Если про кого можно сказать, что онъ не эклектикъ, не поетъ съ чужаго голоса, что онъ, по выраженію А. де-Мюссе, *пьетъ хотя изъ маленькаго, но своего стакана,* такъ это именно про Полонскаго. Худо-ли, хорошо-ли онъ поетъ, но поетъ уже точно по своему». Съ особенной похвалой И. С. Тургеневъ отзывается о его стихотвореніяхъ «Чайка» и «Тишь и мракъ». «Талантъ Полонскаго», говоритъ Иванъ Сергѣевичъ, «представляетъ особенную, ему лишь одному свойственную, *смѣсь простодушной граціи, свободной образности языка, на которомъ еще лежитъ отблескъ Пушкинскаго изящества, и какой-то иногда неловкой, но всегда любезной, честности и правдивости впечатлѣній.* (С.-Петербургскія Вѣдомости, 1870 года, 8 января, № 8).

Вотъ какъ самъ Я. П. Полонскій отвѣтилъ одному изъ своихъ литературныхъ враговъ:

Господа! я нынче все бранить готовъ —
Я не въ духѣ—и не въ духѣ потому,
Что одинъ изъ самыхъ злыхъ моихъ враговъ
Изъ-за фразы осужденъ идти въ тюрьму...
Признаюсь вамъ не изъ нѣжности пустой,
Чуть не плачу я, — а просто потому,
Что подавлена проклятою тюрьмой
Вся вражда во мнѣ, кипѣвшая къ нему.
Онъ язвилъ меня и въ прозѣ, и въ стихахъ;
Но мы бились не за старые долги,
Не за барыню въ фальшивыхъ волосахъ,
Нѣтъ! мы были безкорыстные враги!
Вольной мысли то владыка, то слуга,
Я сбирался безпощаднымъ быть врагомъ,
Поражая безпощаднаго врага;
Но — тюрьма его прикрыла, какъ щитомъ.
Передъ этою защитой я — пигмей...
Или вы еще не знаете, что мы
Легче вѣруемъ подъ музыку цѣпей
Всякой мысли, выходящей изъ тюрьмы.
Иль не знаете, что даже злая ложь
Облекается въ сіяніе добра,
Если ей грозитъ насилья острый ножъ,
А не сила неподкупнаго пера.
Я вчера еще перо мое точилъ,
Я вчера еще кипѣлъ и возражалъ;
А сегодня умъ мой крылья опустилъ,
Потому что я боецъ, а не нахалъ.
Я краснѣлъ бы передъ вами и собой,
Еслибъ узника да вздумалъ уличать!
Поневолѣ онъ замолкъ передо мной —
И я долженъ поневолѣ замолчать.
Онъ страдаетъ оттого, что есть семья, —
Я страдаю оттого, что слышу смѣхъ;
Но что значитъ гордость личная моя,
Если истина страдаетъ больше всѣхъ!
Нѣтъ борьбы и — ничего не разберешь —

Мысли спутаны случайностью слѣпой —
Стала свѣтомъ недосказанная ложь,
Недосказанная правда стала тьмой.
Что же дѣлать? и кого теперь винить?
Господа! во имя правды и добра —
Не за счастье буду пить я — буду пить
За свободу мнѣ враждебнаго пера.

И дѣйствительно, Полонскій одинъ изъ любимцевъ русскаго общества. Съ нимъ матери знакомятъ своихъ дѣтей съ самой колюбели. Его стихотвореніе «Солнце и мѣсяцъ» едвали не первое заучивается ребенкомъ.

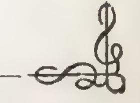
Когда умеръ Н. А. Некрасовъ, отзывчатая, теплая душа Я. П. высказалась о покойномъ въ слѣдующихъ немногихъ, но сильныхъ стихахъ:

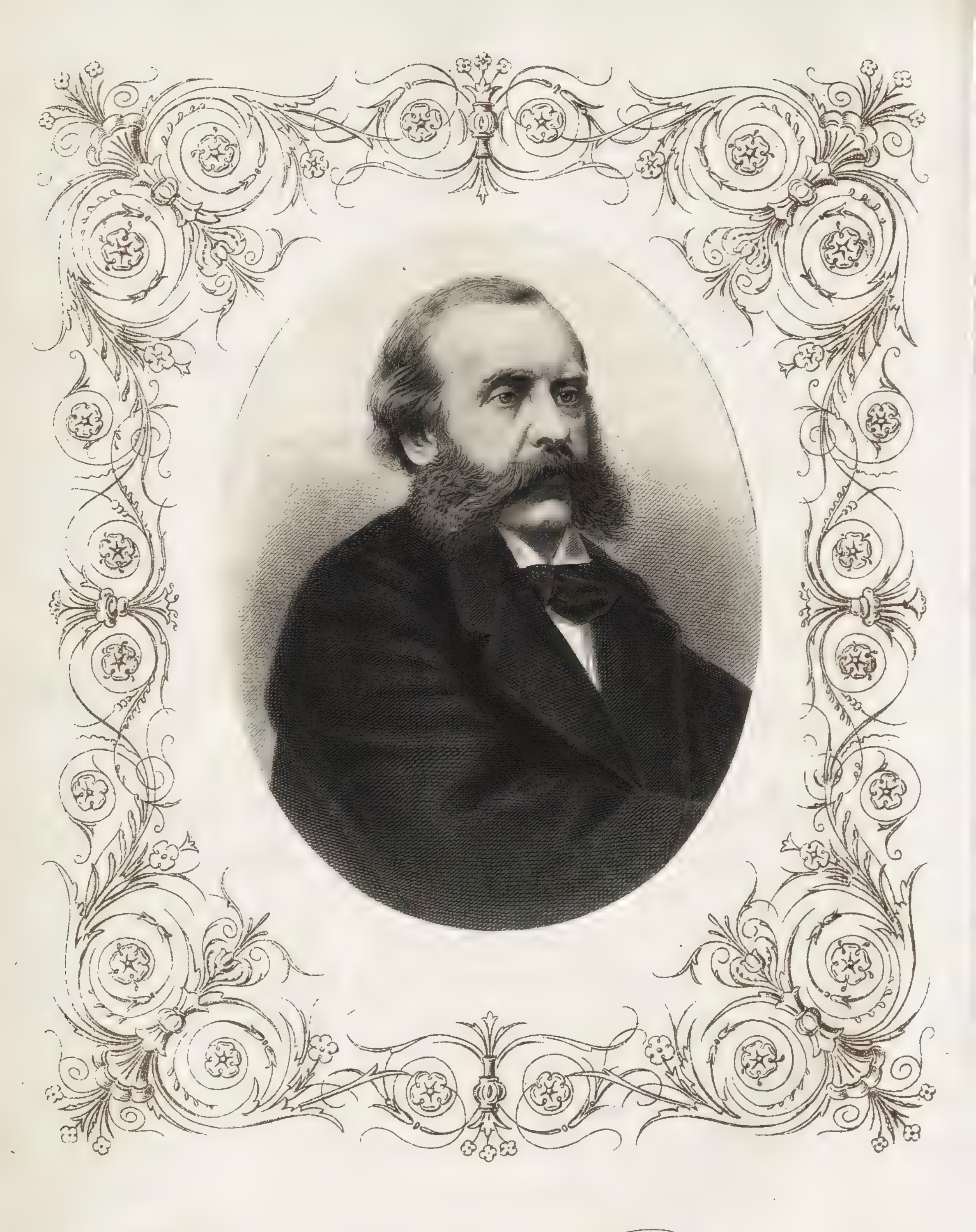
Поэтъ и гражданинъ, онъ призванъ былъ учить,
Въ лохмотьяхъ нищеты живую душу видѣть,
Самоотверженно страдающихъ любить
И равнодушныхъ ненавидѣть.

Въ началѣ текущаго года Я. П. помѣстилъ въ приложеніи къ газетѣ «Недѣля» свою повѣсть «Нечаянно».

Работая неусыпно на литературномъ поприщѣ, Я. П. не оставляетъ и живописи. Но ей онъ отдается исключительно лѣтомъ. Онъ предпочитаетъ пейзажи и морскіе виды, хотя пробовалъ также свои силы и на портретной живописи. Въ послѣднее время здоровье Я. П. (почти два года онъ страдалъ воспаленіемъ въ колѣнѣ и ходилъ на костыляхъ) значительно улучшилось, что даетъ надежду въ недалекомъ будущемъ увидѣть въ печати что нибудь новое изъ его произведеній.

А. Толивѣрова.

Бар. Н. А. Корф

[illegible]

[illegible] итіемъ [illegible] бразо- [illegible] шихся [illegible] дъ за [illegible] гра- [illegible] мрака, [illegible] рован- [illegible] терри- [illegible]. Не- [illegible] ре-без- [illegible] словіе [illegible] между [illegible] хъ го- [illegible] ывать [illegible] зныхъ [illegible] массу [illegible] назы- [illegible] тамъ [illegible] ми не мало фамилій, бравшихъ только домашніе уроки у мѣстныхъ дьячковъ, діаконовъ, семинаристовъ за мѣдные гроши

Бар. Н. А. Корфъ

IX.

Баронъ Николай Александровичъ

Корфъ.

Имя барона Н. А. Корфа всецѣло связано съ развитіемъ нашего школьнаго дѣла или, точнѣе, дѣла народнаго образованія, которое послѣ внутреннихъ реформъ, начавшихся знаменательнымъ событіемъ 19 февраля 1861 г., годъ за годомъ стало замѣтно подвигаться въ стремленіи къ грамотности, къ просвѣтленію отъ того умственнаго мрака, который густымъ слоемъ окружалъ, кромѣ привиллегированныхъ развѣ сословій Россіи, все населеніе великой территоріи отъ большихъ городовъ до бѣдныхъ поселковъ. Нетолько крестьянское полуземельное сословіе, мѣщанское-безземельное, но и купеческое—торговое и болѣе богатое сословіе имѣло въ своей средѣ немногихъ представителей даже между гг. городскими головами въ большихъ провинціальныхъ городахъ, умѣвшихъ едва-едва и то съ трудомъ подписывать свое имя и фамилію,—а объ иныхъ знаніяхъ серьозныхъ нечего и говорить. Оставляя всю эту милліонную массу худороднаго населенія (какъ тогда оно документально называлось), заглянемъ въ среду благороднаго дворянства и тамъ мы встрѣтимъ даже между крупными землевладѣльцами не мало фамилій, бравшихъ только домашніе уроки у мѣстныхъ дьячковъ, діаконовъ, семинаристовъ за мѣдные гроши

или натурой и всю жизнь подписывавшихся писцами *перваго разряда*. Этотъ немалый подвигъ на поприщѣ трудной для благороднаго рода науки они несли затѣмъ только, чтобы числиться на службѣ, обязательной по законамъ страны, при какомъ нибудь сиротскомъ или уѣздномъ судѣ, гдѣ за нихъ отправляли всю тяжесть писарской казуистики опять тѣ-же поповичи, тоже люди худородные, жившіе исключительно на счетъ той или другой производительности своихъ мозговъ, напитанныхъ съ дѣтства схоластической мудростью всевозможныхъ *рогатыхъ силлогизмовъ*, *хрій*, писаній о любомъ предметѣ pro и contra; а благородные *писцы перваго разряда* въ это время забавлялись въ большинствѣ случаевъ или охотой въ родныхъ лѣсахъ на краснаго пушнаго звѣря, или игрой въ карты и проч. и проч. И это мы беремъ не отдаленныя времена Фонъ-Визинскихъ Митрофанушекъ, а какія нибудь 20—25 лѣтъ тому назадъ, чуть не въ канунъ памятнаго всей Россіи отъ мала до велика 19 февраля 1861 г. А потому, кто живалъ или проѣзжалъ по нашимъ городамъ и селамъ, внимательно наблюдая надъ окружавшимъ его, до 19 февраля, и кого случай, охота или необходимость наконецъ заставитъ проѣхать по тѣмъ мѣстностямъ въ наши дни, тотъ, какъ-бы чудесно возставшій изъ гроба одинъ изъ прапрадѣдовъ нашихъ временъ XVIII столѣтія, невольно воскликнетъ: «съ нами крестная сила, какъ все измѣнилось, и та-же Русь да не та!..»—Мы выросли, созрѣли, мы пережили даже періодъ подражанія Европѣ, въ лицѣ французовъ, нѣмцевъ, англичанъ,—у насъ сложилось *нѣчто* свое!.. Онъ услышитъ громкіе восторженные голоса однихъ. «Нѣтъ, намъ недостаетъ еще многаго и наша самодѣятельность сомнительной пробы!..» донесется до его слуха твердое, рѣшительное возраженіе другихъ. И та и другая сторона поспѣшитъ

стать подъ знамя фактовъ и прежде всего за экономическое положенiе, за народное образованiе страны.—Вы присмотритесь только, сколько у насъ однѣхъ народныхъ школъ, напр., въ провинцiальныхъ городахъ, гдѣ прежде, кромѣ уѣздныхъ училищъ (и то не вездѣ), гимназiй, да развѣ институтовъ, окруженныхъ китайской стѣной, гдѣ преподавались въ довольно большой дозѣ такъ называемыя благородныя науки: музыка, иностранные языки, танцы и т. п., остальное-же въ самыхъ краткихъ чертахъ,—а теперь смотрите, тутъ 10, тамъ 15, а гдѣ и до 20 однѣхъ народныхъ школъ... а прогимназiи, а реальныя училища, а ремесленныя, техническiя училища, классическiя гимназiи, женскiя гимназiи.., вонъ вѣдь что!..» горячатся оптимисты.—А все еще далеко до того, что должно быть; на это понадобятся десятки миллiоновъ, а мы пока тратимъ на наше народное образованiе только десятки тысячъ!..» спокойно возражаютъ пессимисты.

Но и такiе вопросы, обсуждаемые pro и contra нашей прессой, уѣздными и губернскими очередными и экстренными земскими собранiями и разными лицами, радѣющими о народномъ благѣ, не ясно-ли говорятъ, что настало ихъ время, что они насущны въ той странѣ, гдѣ не стало ихъ заклятыхъ противниковъ, что они предшествующимъ 10-тилѣтiемъ настолько выдвинуты самымъ дѣломъ, что не боятся встрѣтить себѣ порицанiй. Теперь уже не найдутся въ средѣ земскихъ представителей такiе абсурдные умы, которые рѣшились-бы толковать съ пѣной у рта о вредѣ грамотности для народа, увѣренно доказывающихъ, что по ихъ непогрѣшимымъ соображенiямъ вся эта затѣя (т. е. грамотность) породитъ только въ крестьянской средѣ неповиновенiе, большее количество воровъ, мошенниковъ разныхъ видовъ въ родѣ поддѣлывателей фаль-

шивыхъ паспортовъ, монеты и т. п. и т. п. да пьяницъ... А подобныя чисто абсурдныя обобщенія крестьянской грамоты съ мошенничествомъ приходилось слышать отъ помѣщиковъ-земцевъ въ то достопамятное, теперь уже прошлое время, когда у насъ только еще собирались первыя уѣздныя и губернскія земскія собранія, когда въ бюджетахъ нѣкоторыхъ земствъ можно было встрѣчать цифры на народное образованіе въ родѣ 57 р. 28 к. на весь уѣздъ. Эти цифры ясно говорили о томъ, какое было сочувствіе этому живому, но у насъ съ такимъ трудомъ нарождавшемуся дѣлу. И что-же мы встрѣчаемъ черезъ годъ? Въ отчетахъ тѣхъ-же земствъ и за то-же время ту-же цифру, ассигнованную на народное образованіе, т. е. 57 р. 28 к. и показанную остаткомъ, какъ экономію отъ излишнихъ, не потребовавшихся расходовъ. Эти краткія данныя, насколько намъ позволяла сжатость біографическаго очерка объ одномъ изъ нашихъ почтенныхъ земскихъ дѣятелей по народному образованію, съ честію потрудившагося при починѣ новаго дѣла, мы сочли необходимыми для возможно точной обрисовки всѣхъ тѣхъ неблагопріятныхъ условій въ положеніи какъ самого вопроса, такъ и самыхъ чисто историческихъ и почвенныхъ препятствій, при которыхъ ему пришлось начинать и вести дѣло народнаго образованія. Баронъ Н. А. Корфъ выступаетъ, какъ одинъ изъ энергичныхъ земцевъ Александровскаго уѣзда Екатеринославской губ. съ 1867 по 1872 г. преимущественно и спеціально по организаціи народныхъ училищъ въ своемъ уѣздѣ именно въ то время, когда въ другихъ полосахъ обширной Россіи идутъ толкованія закоренѣлыхъ крѣпостниковъ о вредѣ грамотности для народа. Н. А. Корфъ является исключительной личностью, своего рода піонеромъ въ дѣлѣ просвѣщенія. Откуда же у него явилась подъ ногами твердая почва для такой исключительности, устой-

чивости до извѣстной степени, невольно является вопросъ,— когда по этой дѣятельности почти еще не было предшественниковъ и мало было соратниковъ, гдѣ и въ чемъ онъ могъ найти себѣ опору и почему эта дѣятельность,—говоримъ и по личнымъ наблюденіямъ и по наблюденіямъ другихъ, такая увлекательная, широкоидеальная, — заканчивается у него однимъ пятилѣтіемъ. Поищемъ на всѣ эти вопросы возможныхъ отвѣтовъ, хотя въ ряду краткихъ біографическихъ данныхъ, имѣющихся въ нашей педагогической литературѣ.

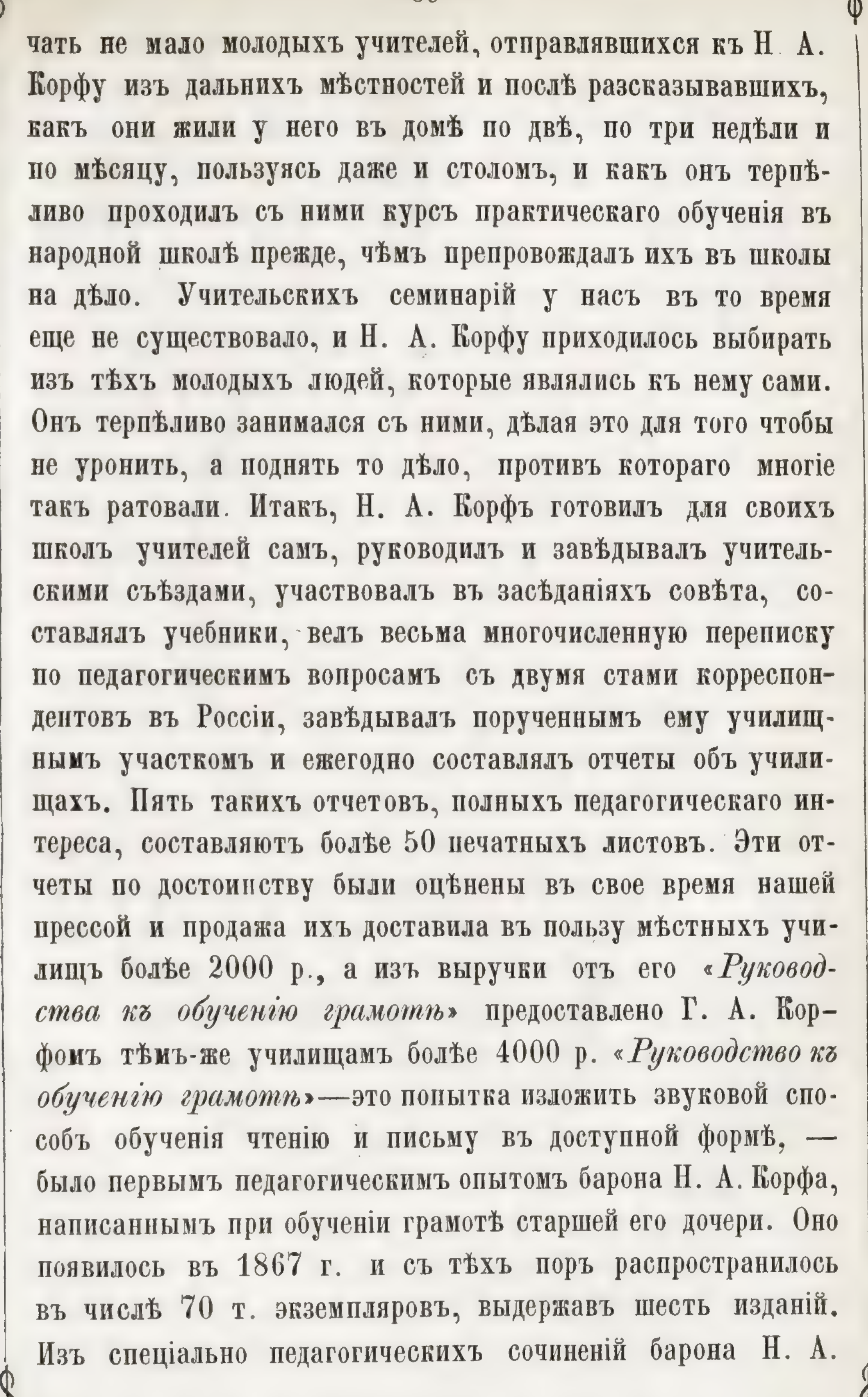
Баронъ Н. А. Корфъ родился 2 іюля 1834 г. въ Харьковѣ, городѣ хотя и провинціальномъ, но университетскомъ, т. е. сравнительно интеллигентномъ,—такъ стали бы мы судить по мѣркѣ о цивилизующемъ вліяніи среды нашего времени; но то были 30-е года, время героевъ изъ той-же какъ разъ почти мѣстности безсмертнаго Гоголя. Да и маленькому Корфу, который не успѣлъ еще уяснить себѣ, полагаемъ, самыхъ ближайшихъ предметовъ своей дѣтской (на 2-мъ году), какъ уже лишился своей матери, перваго важнаго двигателя въ воспитательномъ значеніи каждаго ребенка, согрѣвающаго теплаго луча всякаго дѣтства. Сирота хотя-бы и при наилучшемъ отцѣ и въ какой-бы средѣ ему ни пришлось коротать дѣтство, много терпитъ; у него ранѣе развивается анализъ, хотя въ ущербъ этому нерѣдко глохнетъ чувство и холодѣетъ сердечное тепло. Потеря матери налагаетъ на Н. А. Корфа съ ранняго дѣтства скитальческую жизнь—онъ до 8 лѣтъ своего возраста живетъ то у отца, то у тетки,—сестры покойной его матери, на югѣ. Роскошь южной природы и женственная мягкость тетки должны были восполнять для мальчика пробѣлы материнскаго согрѣвающаго чувства и той облагораживающей ласки, запасъ которой откуда-то набирается даже у простыхъ, по-

видимому недалекихъ и необразованныхъ матерей. Кочевое положенiе ребенка, какъ это случилось съ Н. А. Корфомъ въ его дѣтствѣ, отъ отца къ теткѣ, къ отцу и обратно, на нѣкоторыя дѣтскiя натуры дѣйствуетъ благотворно: любознательный ребенокъ въ такихъ передвиженiяхъ, помимо массы свѣденiй, разнородныхъ впечатлѣнiй и ихъ раннихъ обобщенiй, не глохнетъ въ своего рода тепличныхъ застѣнкахъ, получая съ дѣтства большую подвижность и энергiю къ дальнѣйшей дѣятельности, конечно при чьемъ либо хорошемъ влiянiи. Видимо маленькiй Корфъ у тетки имѣлъ и нѣкоторую подготовку по своимъ лѣтамъ, потому что онъ, какъ видно изъ бiографическихъ данныхъ, 8 лѣтъ уже поступилъ въ одинъ изъ славившихся въ то время пансiоновъ г. Крюммера, въ Лифляндiи. Хотя онъ тамъ былъ только два года, но новый городъ, нѣмецкiй строй въ такiе впечатлительные годы должны были наложить свой отпечатокъ и дать извѣстную выправку. Въ 1845 г. десятилѣтнiй Корфъ переходитъ въ пансiонъ А. Я. Филипова въ С.-Петербургѣ, гдѣ постепенно и подготовляется въ Императорскiй Александровскiй Лицей, считавшiйся въ то время однимъ изъ аристократическихъ заведенiй. Николай Александровичъ поступилъ въ него однимъ изъ лучшихъ кандидатовъ, но въ первые два года не могъ свыкнуться ни со школьными порядками, ни той особенностью, какая лежала на Лицеяхъ и лицеистахъ того времени; онъ былъ разсѣянъ и оказывалъ далеко не блестящiе успѣхи въ обязательныхъ предметахъ. Но на 17 и 18 году въ немъ возбудилась любознательность: онъ погрузился въ чтенiе и занятiя до такой степени, что въ послѣднiе три года передъ выпускомъ былъ первымъ воспитанникомъ Лицея. Когда барону Н. А. Корфу исполнилось 19 лѣтъ, онъ, подобно многимъ юношамъ, старался казаться взрослымъ мужчиной,

что и ознаменовалъ хотя вполнѣ невинными, но по школьнымъ порядкамъ добраго стараго времени чуть не преступными дѣлами, какъ напр., открытымъ куреніемъ папиросъ, сигаръ въ школьныхъ корридорахъ, даже самыхъ классахъ. За это ему пришлось поплатиться сначала троекратнымъ сидѣніемъ въ карцерѣ, затѣмъ лишеніемъ при выпускѣ золотой медали, вмѣсто которой онъ былъ удостоенъ лишь серебряной. По выпускѣ изъ Лицея, Н. А. Корфъ тутъ-же поступилъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи. Но его подвижная, дѣятельная натура, нужно полагать, не могла сродниться съ мертвымъ дѣломъ канцеляризма, такъ что черезъ полтора года онъ совершенно оставляетъ эту службу, выѣзжаетъ изъ Петербурга въ Екатеринославскую губернію, гдѣ и поселяется въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи покойной матери. Тамъ 22 лѣтъ отъ роду онъ женился на М. М. Клевцевой. Всю эпоху первыхъ преобразованій баронъ Н. А. Корфъ проводитъ частію въ провинціи, частію за границей, не возвращаясь въ С.-Петербургъ, — тамъ онъ все свое время посвящаетъ научнымъ занятіямъ и посильному содѣйствію преобразованіямъ послѣдняго десятилѣтія. Такъ, еще до открытія земскихъ учрежденій, баронъ Н. А. Корфъ принималъ дѣятельное участіе въ дворянскихъ собраніяхъ, проводя мысль о нецѣлесообразности сословныхъ привиллегій. Съ открытіемъ мѣстнаго уѣзднаго земскаго собранія Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи въ 1866 г., баронъ Н. А. Корфъ былъ избранъ гласнымъ и въ шести сессіяхъ былъ секретаремъ собранія и членомъ ревизіонной коммиссіи. За это время однихъ протоколовъ, составленныхъ имъ и напечатанныхъ земствомъ, образовалось въ сложности болѣе 50 печатныхъ листовъ, что свидѣтельствуетъ какъ о его трудахъ, такъ равно и о томъ, что онъ былъ однимъ изъ глав-

нѣйшихъ двигателей переложенія натуральныхъ повинностей въ денежныя, спасенія края отъ сусликовъ и охраненія автономіи земствъ отъ всякихъ чиновничьихъ посягательствъ. Со введеніемъ новаго судопроизводства баронъ Н А Корфъ былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьей и предсѣдателемъ мироваго съѣзда, по окончаніи трехлѣтія службы удостоенъ высочайшей награды, а сослуживцами почтенъ благодарственнымъ адресомъ.

Вотъ почва и условія, при которыхъ баронъ Н. А. Корфъ въ 1867 г. выступаетъ въ томъ-же Александровскомъ уѣздѣ, какъ видный и полезный дѣятель по устройству школъ своего уѣзда. Будучи за границей на родинѣ Песталоцци, Н. А. Корфъ отдается вполнѣ изученію школьнаго дѣла и, вернувшись въ Россію, ставитъ его въ своемъ уѣздѣ, несмотря на незавидныя матеріальныя средства, на прочный фундаментъ. Его училища пользовались большой популярностью не только въ своемъ уѣздѣ, но также за предѣлами Екатеринославской губерніи. Послѣ осмотра ихъ директоромъ Кубанской учительской семинаріи Д. Д. Семеновымъ, инспекторомъ кубанскихъ училищъ Н. Ѳ Блюдовымъ и секретаремъ Московскаго Комитета Грамотности А. С. Кашинымъ, они заслужили отъ этихъ лицъ самые лестные отзывы въ печати. Барону Н. А. Корфу ежегодно приходилось экзаменовать до 1800 учащихся изъ всѣхъ предметовъ курса народной школы. Для этого ему всякій разъ приходилось проѣзжать по 800 верстъ въ осеннюю и весеннюю распутицу. Въ теченіе всѣхъ 5 лѣтъ баронъ Н. А. Корфъ обучалъ всѣхъ учителей лично, часто отводя искавшимъ у него этой дѣятельности помѣщеніе у себя въ домѣ на все время подготовки, а такихъ людей, особенно послѣ распространившейся популярности до далекихъ окраинъ о его школахъ, находилось не мало. Намъ приходилось встрѣ-

чать не мало молодыхъ учителей, отправлявшихся къ Н. А. Корфу изъ дальнихъ мѣстностей и послѣ разсказывавшихъ, какъ они жили у него въ домѣ по двѣ, по три недѣли и по мѣсяцу, пользуясь даже и столомъ, и какъ онъ терпѣливо проходилъ съ ними курсъ практическаго обученія въ народной школѣ прежде, чѣмъ препровождалъ ихъ въ школы на дѣло. Учительскихъ семинарій у насъ въ то время еще не существовало, и Н. А. Корфу приходилось выбирать изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые являлись къ нему сами. Онъ терпѣливо занимался съ ними, дѣлая это для того чтобы не уронить, а поднять то дѣло, противъ котораго многіе такъ ратовали. Итакъ, Н. А. Корфъ готовилъ для своихъ школъ учителей самъ, руководилъ и завѣдывалъ учительскими съѣздами, участвовалъ въ засѣданіяхъ совѣта, составлялъ учебники, велъ весьма многочисленную переписку по педагогическимъ вопросамъ съ двумя стами корреспондентовъ въ Россіи, завѣдывалъ порученнымъ ему училищнымъ участкомъ и ежегодно составлялъ отчеты объ училищахъ. Пять такихъ отчетовъ, полныхъ педагогическаго интереса, составляютъ болѣе 50 печатныхъ листовъ. Эти отчеты по достоинству были оцѣнены въ свое время нашей прессой и продажа ихъ доставила въ пользу мѣстныхъ училищъ болѣе 2000 р., а изъ выручки отъ его «*Руководства къ обученію грамотѣ*» предоставлено Г. А. Корфомъ тѣмъ-же училищамъ болѣе 4000 р. «*Руководство къ обученію грамотѣ*»—это попытка изложить звуковой способъ обученія чтенію и письму въ доступной формѣ, — было первымъ педагогическимъ опытомъ барона Н. А. Корфа, написаннымъ при обученіи грамотѣ старшей его дочери. Оно появилось въ 1867 г. и съ тѣхъ поръ распространилось въ числѣ 70 т. экземпляровъ, выдержавъ шесть изданій. Изъ спеціально педагогическихъ сочиненій барона Н. А.

Корфа появились кромѣ «*Руководства къ обученію грамотѣ*» — «Русская начальная школа» (пять изданій, всего 28,500 экз.), «Нашъ другъ» (4 изд., 155 т.), «Малютка» (1 изд., въ числѣ 25 т. экз.), «Наше школьное дѣло» (5 т. экз.); вновь выпущены въ свѣтъ: «Руководство къ наглядному обученію», Гардера, 2 тома (переводъ съ нѣмецкаго) и «Исторія Греціи и Рима». Такое обиліе теоретическихъ трудовъ барона Н. А. Корфа ясно говоритъ какъ о плодовитости и разнообразіи его трудовъ, такъ и о присущей ему энергіи и усидчивости въ трудѣ. Распространеніе же массы его «Руководства къ обученію», «Русской начальной школы», которая почти повсюду встрѣчается какъ настольная книга у нашихъ народныхъ учителей и «Нашего друга» проливаетъ отрадный свѣтъ на то, что грамота въ средѣ нашего народа распространяется все болѣе и болѣе и школьное дѣло быстро растетъ. Но баронъ Корфъ далеко не ограничилъ своей дѣятельности исключительно составленіемъ однихъ руководствъ и учебниковъ; въ литературѣ нашей встрѣчаются массы его статей въ журналахъ и газетахъ, полныхъ живаго интереса. Самые первые его литературные опыты въ періодической прессѣ появились въ «Экономическомъ Указателѣ» Вернадскаго въ 1859 г. Съ 1866 г. онъ сдѣлался сотрудникомъ «С.-Петербугскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ было помѣщено болѣе 200 его статей и гдѣ печатались его «Письма на родину». Въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» онъ велъ борьбу съ покойною газетою «Вѣстью» по вопросамъ о самоуправленіи, потомъ дѣлился съ публикою результатами своей училищной дѣятельности и одинъ изъ первыхъ ратовалъ за существованіе учительскихъ семинарій. Позднѣе Н. А. Корфъ слѣдилъ за законодательствомъ по училищному дѣлу, описывалъ учебныя заведенія, русскія и иностранныя. Статьи его объ учительскихъ семинаріяхъ,

появившіяся въ «СПБ. Вѣд.» подъ заглавіемъ «Земскій вопросъ», были напечатаны отдѣльной брошюрой, а нѣкоторыя статьи, напечатанныя въ «Народной Школѣ», «Семьѣ и Школѣ», «СПБ. Вѣд.» и «Вѣстникѣ Европы»,—изданы отдѣльной книгой въ 1873 г., подъ названіемъ «Наше школьное дѣло, сборникъ статей по училищевѣденію». Въ «Вѣстникѣ Европы» были помѣщены его статьи: «Объ обязательномъ обученіи», «О книгѣ князя А. И. Васильчикова», «О самоуправленіи», «Новая Вѣна и ея самоуправленіе», «О теоріи Дарвина», «Вѣнская всемірная выставка—отдѣлъ педагогическій»; кромѣ того баронъ Н. А. Корфъ участвовалъ и участвуетъ понынѣ въ газетѣ «Недѣля». За нынѣшній годъ въ «Народной Школѣ» печатался цѣлый рядъ его статей о Парижской всемірной выставкѣ по педагогическимъ отдѣламъ. Такая плодотворная дѣятельность барона Н. А. Корфа не могла не быть замѣченной разными обществами. И вотъ въ 1870 г. С.-Петербургское педагогическое Общество избираетъ его въ свои почетные члены. Въ 1871 г. его избираютъ почетнымъ членомъ Московскаго университета и Московскаго комитета грамотности. 31-го Октября 1873 г. СПБургскій комитетъ наградилъ Н. А. Корфа за труды по народному образованію золотою медалью. Въ послѣднее время баронъ Корфъ состоитъ почетнымъ членомъ Женевской Академіи наукъ (Institut). Въ1872 г. землевладѣльцы Александровскаго уѣзда, который сдѣлался извѣстнымъ цѣлой Россіи благодаря трудамъ барона Корфа, забаллотировали его въ гласные двумя третями голосовъ, а изъ пяти крестьянскихъ избирательныхъ съѣздовъ три съѣзда избрали его въ гласные значительнымъ большинствомъ голосовъ—фактъ знаменательный и, надѣемся, краснорѣчиво подтверждающій высказанное нами вначалѣ положеніе объ отношеніи нашихъ землевладѣльческихъ классовъ къ работамъ и работающимъ

по школьному дѣлу народнаго образованія. Вслѣдствіе интригъ баронъ Корфъ невольно долженъ былъ бросить любимую дѣятельность, въ которой онъ являлся мастеромъ какъ теоретическимъ, такъ и практическимъ. Не находя сочувствія въ мѣстной интеллигенціи, крайне утомленный усиленной работой, Корфъ уѣзжаетъ за границу, но и тамъ продолжаетъ служить русской народной школѣ, конечно уже теоретически. А сколько другихъ дѣятелей въ разныхъ пунктахъ обширной Россіи по тому-же народному образованію съ неменьшей энергіей, только въ болѣе узкомъ районѣ такого-же труда, или отстали отъ любимаго дѣла, благодаря такимъ-же тормазамъ и мелкимъ интригамъ. За границей баронъ Н. А. Корфъ получилъ благодарственное письмо отъ Александровскаго уѣзднаго земскаго собранія, составленное по единогласному постановленію, не смотря на то, что въ составъ собранія вошли многія изъ лицъ, участвовавшихъ въ забаллотированіи—это нисколько однако не помѣшало имъ подписать благодарственный адресъ, такъ какъ виновникъ его не мозолилъ имъ болѣе глазъ. Въ бытность свою въ Петербургѣ, вначалѣ 1872 г. баронъ Корфъ въ присутствіи Великой Княгини Евгеніи Максимиліановны давалъ уроки въ острожной женской школѣ, въ образцовой школѣ учительской семинаріи С.-Петербургскаго воспитательнаго дома, въ частной воскресной школѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того онъ былъ приглашенъ Г. Начальникомъ Военно-Учебныхъ заведеній въ засѣданіе конференціи педагогическихъ курсовъ при 2-й гимназіи и имѣлъ диспутъ съ однимъ изъ талантливыхъ нашихъ педагогическихъ публицистовъ г. Миропольскимъ въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ обществѣ по поводу разбора послѣдняго о «Нашемъ другѣ». Тогда же онъ имѣлъ свиданіе съ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія А. Г. Головинымъ, С. Г. Строгоно-

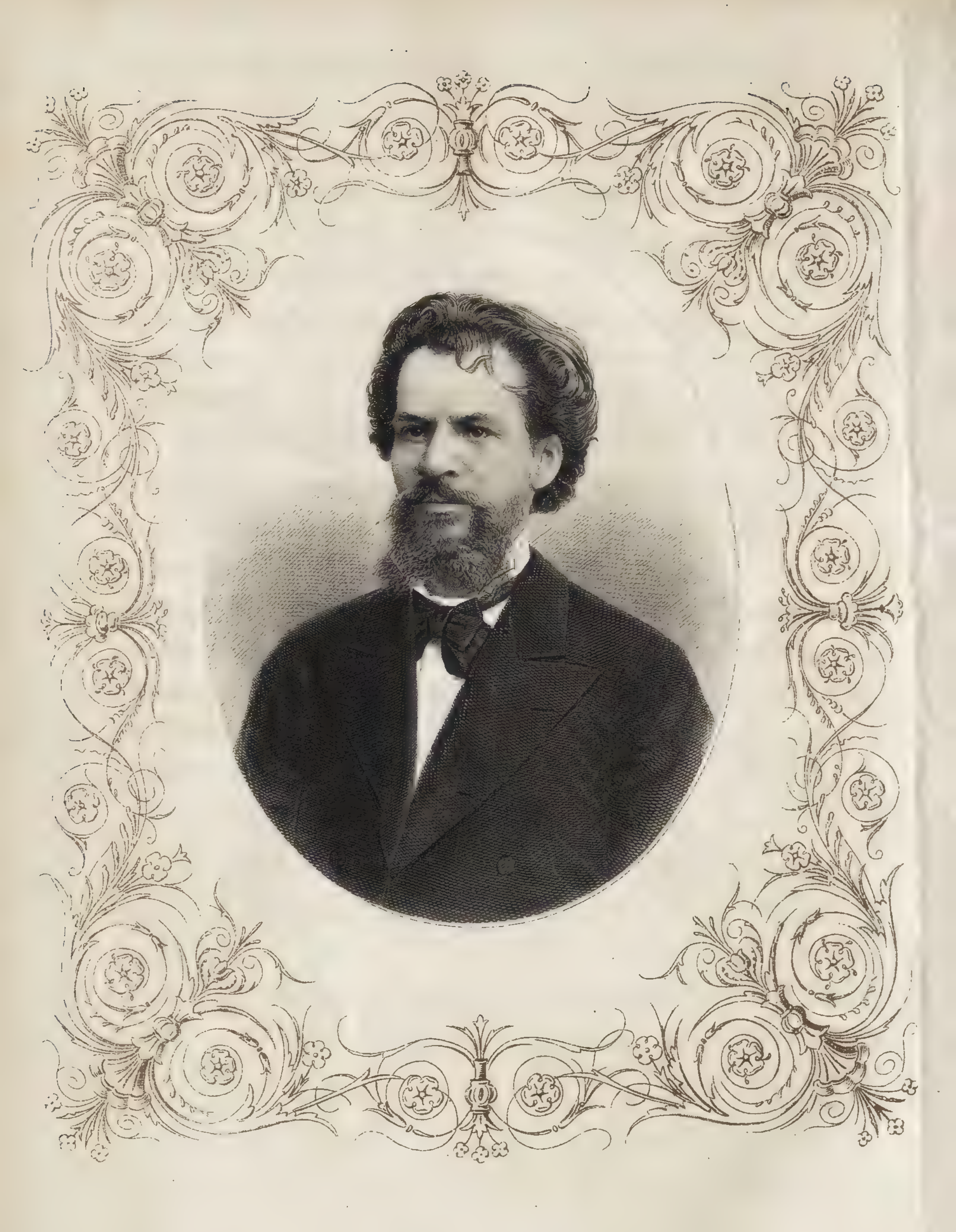
вымъ и другими лицами, желавшими ближайшимъ образомъ познакомиться съ его педагогическими воззрѣніями. Послѣднія шесть лѣтъ баронъ Корфъ живетъ за границей, въ Женевѣ, гдѣ воспитываетъ свою дочь. Тамъ онъ устроилъ русскую семейную школу, куда и принимаетъ на воспитаніе русскихъ дѣтей. Въ этой школѣ, вмѣстѣ съ другими учащими, Корфъ занимается и самъ, давая по разнымъ предметамъ до 18 уроковъ въ недѣлю.

Дѣлать критическую оцѣнку въ 44 года, хотя потрудившемуся и много, на нашъ взглядъ—несвоевременно. Задача біографіи состоитъ въ точныхъ указаніяхъ тѣхъ условій, при которыхъ развился тотъ или другой дѣятель, точномъ указаніи его трудовъ—все-же остальное относительно Корфа дѣло педагогической критики. Дѣятельность барона Н. А. Корфа говоритъ сама за себя и результаты ея, надѣемся, всякому слѣдившему за нашимъ школьнымъ дѣломъ извѣстны, а потому заканчиваемъ нашъ сжатый біографическій очеркъ словами покойнаго Ф. Н. Мѣдникова въ его журналѣ, вскорѣ послѣ его отъѣзда за границу: «По роду полученнаго имъ образованія въ привиллегированномъ учебномъ заведеніи, ему были открыты всѣ пути къ высшимъ мѣстамъ и почестямъ. Тѣмъ не менѣе баронъ Н. А. Корфъ предпочелъ скромную земскую дѣятельность и полюбилъ нашу бѣдную народную школу. Ей онъ посвятилъ лучшіе свои годы и примѣромъ своимъ онъ во-очію показалъ другимъ многочисленнымъ земскимъ дѣятелямъ, что можетъ сдѣлать для народнаго образованія одно лицо, если оно только съ любовью и заботой посвятитъ ему свои силы, свои дарованія и свои знанія».

Н. Зимченко.

[illegible] новской
[illegible] генералу
[illegible] покрытой
[illegible] ова- Чи-
[illegible] исовны,
[illegible] родился
[illegible] ылъ уже
[illegible]

[illegible] ываютъ
[illegible] онятно;
[illegible] должен-
[illegible] здѣлять
[illegible]

[illegible] офессіи
[illegible] аціями,
[illegible] ій уже
[illegible] переѣхалъ въ Москву, и тамъ
на нѣмецкомъ кладбищѣ завелъ себѣ небольшую мастерскую надгробныхъ памятниковъ. Мать съ двоими младшими дѣтьми осталась въ деревнѣ. Дѣтство и юность Матвѣя

X.

Матвѣй Афанасьевичъ Чижовъ.

Въ московской губерніи, Подольскаго уѣзда, Вороновской волости, въ деревнѣ Пудово, принадлежавшей генералу Хрущеву, въ бѣдной деревенской избушкѣ, покрытой соломенной крышей, у крестьянина Афанасія Павлова Чижова и крестьянки того же помѣщика Ирины Борисовны, до замужества Рулевой, въ 1838 году 10-го ноября родился сынъ, названный при крещеніи Матвѣемъ. Это былъ уже ихъ третій ребенокъ.

Въ деревенскомъ быту рожденіемъ мальчиковъ бываютъ болѣе довольны, нежели рожденіемъ дѣвочки. Оно и понятно: въ мальчикѣ крестьяне видятъ своего помощника, долженствующаго чуть не съ семилѣтняго возраста раздѣлять труды отца.

Отецъ Чижова, сынъ бѣднаго ткача, былъ по профессіи каменотесъ. Сколотивши грошами 150 руб. ассигнаціями, онъ вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ, который уже помогалъ ему въ работахъ, переѣхалъ въ Москву, и тамъ на нѣмецкомъ кладбищѣ завелъ себѣ небольшую мастерскую надгробныхъ памятниковъ. Мать съ двоими младшими дѣтьми осталась въ деревнѣ. Дѣтство и юность Матвѣя

Афанасьевича Чижова, біографія котораго составлена мною по даннымъ, такъ обязательно сообщеннымъ мнѣ имъ самимъ, были въ высшей степени тяжелыми.

Будучи трехлѣтнимъ ребенкомъ и играя въ отсутствіи своей матери съ сестрой, нѣсколько постарше его, въ зажженныя лучинки (кто дальше броситъ), маленькій Чижовъ забросилъ лучинку съ огнемъ между окномъ полусгнившей избы, которая вспыхнула разомъ.

Мать убирала хлѣвъ; увидя пламя, охватившее со всѣхъ сторонъ соломенную крышу, бросилась въ избу, наполненную дымомъ, и успѣла спасти только однихъ дѣтей.

Все, что находилось въ ихъ избушкѣ, а также корова и лошадь—все сгорѣло. Этотъ фактъ глубоко врѣзался въ память Матвѣя Афанасьевича. «Идя босой, въ трескучій морозъ, за своей матерью и сестрой», разсказывалъ Чижовъ, «я издали любовался на падающія обгорѣлыя бревна и пламя, которое въ видѣ огненныхъ языковъ обвивало со всѣхъ сторонъ наше жилище».

Послѣ пожара, мать съ двоими дѣтьми поселилась у роднаго брата своего мужа. Въ Москву къ мужу она переѣхала только два года спустя. Мрачная обстановка кладбища, гдѣ, какъ мы сказали вначалѣ, была мастерская отца Чижова, по всей вѣроятности имѣла большое вліяніе на характеръ ребенка.

Живя среди тишины могилъ, которая если и нарушалась, то только плачемъ и стонами людей, сопровождавшихъ своихъ близкихъ на вѣчный покой, пятилѣтній Чижовъ, вѣчно сосредоточенный и задумчивый, не любилъ игръ; онъ постоянно сидѣлъ гдѣ нибудь въ углу мастерской своего отца, и изъ глины, а нѣтъ такъ и изъ лубка, выдѣлывалъ разныя фигурки птицъ, лошадей и собакъ. Когда ему исполнилось семь лѣтъ, отецъ отдалъ его сначала въ ученье

къ солдату, который выучилъ его читать, а затѣмъ къ писарю; писарь научилъ его четыремъ правиламъ ариѳметики.

Такого рода занятія длились до одиннадцати лѣтъ.

Съ одиннадцати лѣтъ отецъ взялъ сына домой, найдя, что по ихъ положенію онъ достаточно обученъ, и началъ пріучать его къ своему дѣлу. Когда Чижовъ работалъ въ мастерской своего отца, имъ заинтересовался смотритель нѣмецкаго кладбища, Арендъ, и началъ ему давать уроки нѣмецкаго языка.

Ученье шло хорошо, мальчикъ оказался очень способнымъ и старательнымъ; тогда Арендъ посовѣтовалъ отцу отдать его въ нѣмецкую школу, чтобы онъ впослѣдствіи могъ составлять надгробныя надписи.

Отецъ согласился. Такимъ образомъ, пробывши въ мастерской отца весьма недолго, Чижовъ поступаетъ въ нѣмецкую школу св. Михаила. Тамъ преподаватель французскаго языка, нѣкто Фидлеръ, замѣчаетъ въ мальчикѣ очень большія способности къ рисованію и совѣтуетъ ему посѣщать воскресную Строгоновскую рисовальную школу.

Чижовъ воспользовался его совѣтами, началъ посѣщать рисовальную школу.

Занятія въ нѣмецкой школѣ шли довольно удачно, но они вскорѣ были прерваны: отецъ, не будучи въ состояніи платить за сына, долженъ былъ взять его къ себѣ.

Тяжело было мальчику оставлять школу и товарищей и возвращаться къ занятію, которое его нисколько не интересовало. Но тутъ случай выручаетъ его.

Сынъ пастора, узнавши, что отецъ Чижова, вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ, взялъ его изъ школы, выхлопатываетъ ему стипендію, хотя по школьному уставу одни

только дѣти нѣмецкаго происхожденія могутъ быть стипендіатами.

Благодаря этому обстоятельству, Чижовъ снова поступаетъ въ школу и доходитъ до старшаго класса, но курса не кончаетъ. На этотъ разъ отецъ беретъ его къ себѣ уже не вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ, а потому, что сынъ можетъ вполнѣ быть его помощникомъ. Не смотря ни на какія просьбы Матвѣя Афанасьевича оставить его до окончанія курса, отецъ не соглашается, беретъ его къ себѣ и что называется впрягаетъ въ работу.

Съ болью въ сердцѣ оставляетъ Чижовъ школу и принимается за высѣканіе на мраморѣ и гранитѣ надгробныхъ надписей.

Повинуясь отцу, онъ втайнѣ страдаетъ, потому что работа, которую онъ долженъ исполнять, не нравится ему, и онъ не могъ, подобно своему старшему брату, избрать ее своей цѣлью.

Разъ, во время работы, въ мастерскую отца зашелъ одинъ знакомый каменьщикъ, спеціальностью котораго были разныя лѣпныя украшенія и фигуры; къ нему то любознательный Чижовъ и обратился съ просьбою научить его разбивать на пункты (разбивать на пункты значитъ съ гипсовой модели отыскивать, съ помощію трехъ циркулей, на кускѣ мрамора главныя точки). Каменьщикъ охотно согласился, и талантливый мальчикъ не заставилъ своего учителя потратить на него много времени: одного урока, правда длившагося почти цѣлый день, было слишкомъ достаточно, чтобы постичь того, надъ чѣмъ нашъ будущій талантливый скульпторъ такъ долго задумывался.

Сдѣлавши самостоятельно изъ мрамора съ гипсовой модели четыре головки и распятіе, онъ показалъ эту первую

свою работу тому же самому Аренду, который всегда такъ охотно помогалъ ему своими совѣтами.

Увидя эти работы, Арендъ посовѣтовалъ Чижову не тратить свои силы на непроизводительныя работы въ мастерской отца, а поступить въ школу живописи и ваянія.

Чижовъ просiялъ отъ одной мысли заняться тѣмъ, что составляло цѣль его жизни.

Но какъ сказать объ этомъ отцу. Онъ никогда не согласится отпустить его отъ себя,—его, который можетъ во всемъ ему помогать. И тутъ онъ вспомнилъ, какъ онъ еще такъ недавно умолялъ отца оставить его въ нѣмецкой школѣ до окончанія курса и тѣ упреки, которые онъ при этомъ выслушалъ. Для такой мягкой, чуткой натуры, какъ Чижовъ, упреки были тяжелѣе труда, а потому онъ отложилъ разговоръ съ отцомъ на неопредѣленное время, и сталъ продолжать свое ремесло.

Но мысль поступить въ школу живописи и ваянія запала такъ глубоко, что онъ не спалъ ночей.

Объ этихъ тревогахъ и волненiяхъ онъ сообщилъ опять таки Аренду, съ которымъ онъ только и могъ говорить откровенно. Арендъ, не говоря ни слова отцу, отправился въ контору школы живописи и ваянія, но его хлопоты не увѣнчались успѣхомъ.

Въ принятiи Чижова въ ученики школы рисованія и ваянія было отказано на томъ основанiи, что у него, кромѣ увольнительнаго свидѣтельства отъ помѣщика, не было другихъ бумагъ, и ему нужно было быть приписаннымъ къ мѣщанству.

Этотъ отказъ поразилъ Чижова, какъ внезапный громовой ударъ.

Но дѣлать было нечего! нужно было продолжать заниматься надписями.

Работая въ мастерской отца, онъ не переставалъ посѣщать Строгоновскую школу, которую онъ не оставлялъ съ тѣхъ поръ, какъ, будучи ученикомъ нѣмецкой школы, онъ, по совѣту преподавателя Фидлера, въ первый разъ посѣтилъ ее.

Но этихъ занятій было недостаточно, ибо они состояли всего изъ четырехъ часовъ въ недѣлю. Работая полтора года изъ глины, подъ надзоромъ учителя Бровскаго, ученика школы живописи и ваянія, Чижовъ положительно завоевалъ его въ свою пользу. Бровскій гордился своимъ ученикомъ. Признавая въ немъ несомнѣнный талантъ, онъ сталъ просить профессора школы живописи и ваянія Рамазанова взять Чижова въ число своихъ учениковъ. Ходатайство Бровскаго было дѣйствительнѣе ходатайства Аренда:— Чижовъ былъ принятъ въ школу безъ всякихъ бумагъ — это было въ 1857 году.

Сколько было положено труда, сколько упрековъ было выслушано Чижовымъ отъ отца, прежде чѣмъ онъ переступилъ порогъ школы. Но онъ все переносилъ молча. Посѣщать школу живописи и ваянія было также необходимо Чижову, какъ было необходимо пить и ѣсть.

Находясь тамъ и работая въ общемъ классѣ, гдѣ занимались работами съ натуры и работали съ гипса, Чижовъ забывалъ тяжелое прошлое и безъ страха смотрѣлъ въ будущее. Скульптура была его путеводной звѣздой.

По прошествіи полутора года, Чижовъ вылѣпилъ горельефъ «Борцы». 1858 г. профессоръ Рамазановъ отправилъ эту работу въ Петербургскую Академію Художествъ, которая и наградила за нее Чижова въ 1859 году 2-ю серебряною медалью.

Когда Чижовъ узналъ, что Академія признала его работу достойной награды, онъ, съ переполненнымъ радостью, сердцемъ побѣжалъ къ отцу, чтобы сообщить ему о своемъ

успѣхѣ. И вдругъ вмѣсто того, чтобы раздѣлить его радость, ободрить его, отецъ со всею суровостью необразованнаго человѣка начинаетъ снова требовать, чтобы сынъ бросилъ скульптуру и занимался его ремесломъ, которому онъ, занимаясь въ школѣ, удѣлялъ мало времени. Но бросить скульптуру въ то время, когда онъ, испробовавъ свои силы, былъ поощренъ на этомъ поприщѣ, когда дорога, по которой онъ шелъ къ выполненію этой своей задачи была проложена такимъ упорнымъ трудомъ,—нѣтъ, это было для него немыслимо, и онъ тутъ же рѣшилъ не отступать отъ своей цѣли, если бы даже это стоило ему еще большихъ жертвъ.

Долго уговаривалъ Чижовъ своего отца не мѣшать ему въ его занятіяхъ, но все было напрасно: отецъ стоялъ на своемъ и на слова сына, который сказалъ ему весьма рѣшительно, что онъ уйдетъ изъ его дома,—отвѣтилъ, что онъ вернетъ его къ себѣ силой.

Послѣ этого послѣдняго между ними разговора, Чижовъ собираетъ свои скудные пожитки и переселяется на житье къ своему школьному товарищу, нѣкоему Севрюгину, такому же бѣдняку, какъ онъ самъ. У Севрюгина, жившаго со дня на день, была еще цѣлая семья на рукахъ. Оставивъ отца, для Чижова начинается новая жизнь, жизнь полная лишеній. Онъ испытываетъ голодъ и холодъ. У нихъ съ Севрюгинымъ была одна старая шубенка, которую они носили по очереди.

Но эти крутыя обстоятельства не вынудили однако Чижова обратиться къ отцу или брату; нѣтъ, онъ выносилъ всѣ лишенія съ необыкновенной стойкостью. Но разъ, говоритъ Матвѣй Афанасьевичъ, голодъ все таки выгналъ меня изъ дому. Когда мы съ Севрюгинымъ все, что у насъ было, продали, а это *все* состояло изъ стараго желѣза, на кото-

ромъ обыкновенно устанавливается фигура, когда ее лѣпятъ изъ глины, проволокъ, гвоздей и стараго платья, и деньги прожили, тогда я рѣшился пойти къ моему деверю и попросить у него пообѣдать. Идя бульваромъ, я вдругъ нахожу пятачекъ. Это была для меня дорогая находка, она дала мнѣ возможность не идти къ деверю.»

Къ брату своему онъ иногда заходилъ; тамъ бывала его мать; но обѣдать у него никогда не оставался, и на приглашеніе всегда отвѣчалъ, что онъ только-что отобѣдалъ. Онъ вообще избѣгалъ встрѣчи съ своими родными, избѣгалъ потому, что не хотѣлъ слышать упрековъ и вызывать состраданія къ своему положенію, о которомъ впрочемъ только и зналъ одинъ Севрюгинъ, отъ котораго Чижовъ ничего не скрывалъ и жилъ съ нимъ что называется душа въ душу.

Но какъ бы люди ни были далеки отъ распросовъ, какъ и почему, исхудалый видъ, бѣдность одежды сами наводятъ людей съ сердцемъ на цѣлый рядъ распросовъ, и это дѣлается не ради желанія проникнуть въ чужую душу, а просто изъ желанія оказать содѣйствіе. Такъ и нашему бьющемуся какъ рыба объ ледъ Чижову приходилось быть предметомъ такихъ распросовъ; самъ же онъ о помощи ни у кого не просилъ.

Живя среди лишеній, Чижовъ и Севрюгинъ много и упорно работали; они вмѣстѣ вылѣпили группу «Привалъ Малоросовъ», которая была пріобрѣтена для школы живописи и ваянія за 100 руб. Это дало имъ возможность передохнуть отъ нужды и приняться за новыя работы.

Въ 1859 году онъ выполнилъ другой горельефъ «Истязаніе Спасителя» и за тѣмъ перешелъ на житье къ профессору Рамазанову.

За столъ и квартиру онъ помогалъ своему учителю въ

работахъ въ храмѣ Спаса въ Москвѣ, гдѣ и исполнилъ по его рисункамъ часть горельефа «Сошествіе Христа во адъ», и для церкви Успенія въ горельефѣ «Успенія Божіей Матери» сдѣлалъ голову Николая Чудотворца; затѣмъ, уже по собственному эскизу, исполнилъ для церкви Троицы въ Москвѣ, что на Покровкѣ, двухъ ангеловъ.

«Когда я только что поступилъ къ профессору Рамазанову», разсказываетъ съ необыкновеннымъ добродушіемъ Матвѣй Афанасьевичъ, «у меня было очень поношенное платье и главное сапоги; замѣтя это, Рамазановъ подарилъ мнѣ свои сапоги, тоже довольно поношенные, но я зачинилъ ихъ бѣлыми нитками, покрасилъ сверху чернилами и долго ходилъ въ нихъ на работу въ храмъ Спаса.»

Послѣ этого у него съ отцомъ произошло примиреніе; старикъ настаивалъ, чтобы сынъ переѣхалъ къ нему на житье, и Чижовъ сдѣлалъ ему эту уступку, переѣхалъ, пробылъ три дня и затѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ. Въ Петербургѣ Матвѣй Афанасьевичъ принялъ участіе въ работахъ для памятника тысячелѣтія Россіи. Поступивъ въ Академію Художествъ, Чижовъ, за исполненіе конкурсной работы «Кіевлянинъ съ уздою, пробѣгающій черезъ станъ Печенѣговъ» получилъ 2-ю и 1-ю серебрянныя медали и кромѣ нихъ еще золотую медаль за экспрессію. Послѣ этой работы, въ слѣдующій годъ онъ сдѣлалъ два эскиза: «Пиръ Царя Вальтасара» и «Потокъ Девкаліона», за которые получилъ первыя двѣ преміи. Въ это же время онъ работалъ по проэкту Микѣшина надъ памятникомъ Екатерины II, который нынѣ украшаетъ Александринскую площадь.

Въ 1867 году за барельефъ «Воскресеніе сына вдовы наинской» Чижовъ получаетъ 1-ю золотую медаль, которая дала ему право отправиться пенсіонеромъ за границу. Въ этомъ же году, съ помощію М. П. Попова, онъ сдѣлалъ

четыре эскиза фигуръ русскихъ государей - законодателей: Іоанна IV, Алексѣя Михаиловича, Петра I и Екатерины II. Эти фигуры предназначались для украшенія зданія судебной палаты, что на Литейной. Они были одобрены Государемъ Императоромъ, утверждены Министромъ Юстиціи, былъ выданъ за нихъ задатокъ въ размѣрѣ 1200 руб., но къ исполненію ихъ почему то и до сихъ поръ не приступлено. Оставивъ Петербургъ въ декабрѣ 1868 года, нашъ талантливый скульпторъ поѣхалъ прямо въ Римъ, эту колыбель искусства; тамъ первымъ его трудомъ, въ 1870 г., была группа въ натуральную величину «Игра въ жмурки». По окончаніи этой группы, Матвѣй Афанасьевичъ исполнилъ другую, также въ натуральную величину—«Первая любовь» Сцена происходитъ у колодца гдѣ, молодой парень впервые говоритъ давно любимой дѣвушкѣ о своей къ ней любви. Обѣ фигуры полны правды и граціи.

Затѣмъ Матвѣемъ Афанасьевичемъ было сдѣлано много весьма талантливыхъ эскизовъ, какъ напр., группа «Агарь съ Измаиломъ, въ пустынѣ» «Христосъ передъ народомъ» изъ 3-хъ фигуръ, фигура «Татьяны», «Гамлета», «Гаданіе», «Шахматная игра», «Евгеній Онѣгинъ» «Мельникъ», «Капитанская дочь», «Пименъ» и наконецъ бюстъ Пугачева. Портретъ Пугачева былъ ему высланъ въ Римъ по приказанію П. И. Панина.

Послѣ перечисленныхъ работъ, въ 1872 г. Матвѣй Афанасьевичъ вылѣпилъ, а затѣмъ исполнилъ изъ мрамора группу «Крестьянинъ въ бѣдѣ»,—эта группа куплена К. Т. Солдатенковымъ и находится въ Москвѣ. «Крестьянинъ въ бѣдѣ» можетъ считаться одной изъ лучшихъ работъ М. А. Чижова.

На обгорѣломъ бревнѣ, облокотившись на мускулистую руку, сидитъ крестьянинъ, подлѣ него стоитъ мальчикъ и

пристально смотритъ на своего отца и не понимаетъ, отчего его отецъ такъ убитъ.

Въ этой группѣ, въ настоящую величину, проведенъ тонкій внутренній анализъ. Оно и понятно: живя ребенкомъ въ деревнѣ и имѣя постоянно передъ глазами безъисходную крестьянскую грусть и нищету, чуткая натура Чижова запечатлѣла всѣ эти явленіи народной жизни; а можетъ быть, воспроизводя эту группу, онъ вспомнилъ пожаръ своего собственнаго домика и отчаяніе своей матери.

Въ 1873 году Чижовымъ были вылѣплены изъ терракота бюсты художниковъ Месмахера, Коссова и изъ мрамора бюсты профессоровъ Боголюбова и Айвазовскаго. Затѣмъ онъ исполнилъ въ полнатуру группу изъ мрамора: «Мать учитъ свою дочь родному слову».

Въ 1874 году имъ сдѣлана въ настоящую величину фигура дѣвочки, названная «Рѣзвушкой»; эта прелестная фигурка полна жизни и граціи. Задача этой работы весьма трудная. Однако даровитый скульпторъ поборолъ эти трудности и представилъ намъ точно живую дѣвочку, переходящую по жердочкѣ черезъ ручей. Движеніе фигуры превосходно, руки, ноги, грудь, съ которой спустилась рубашка и голова отлично вылѣплены.

Эта статуя произвела фуроръ на всемірной парижской выставкѣ нынѣшняго года и отлита изъ бронзы для Государя Императора.

Въ этомъ же 1874 году были имъ исполнены слѣдующіе барельефы: «Мѣдный всадникъ», «Братья разбойники», «Цыгане», «Борисъ Годуновъ».

Вернувшись въ концѣ 1875 года въ Россію, М. А. Чижовъ тотчасъ же приступилъ къ исполненію заказовъ для гранильной петергофской фабрики,—а именно бюстовъ изъ мрамора нынѣ царствующаго Императора Александра II и

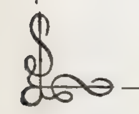
Императрицы Екатерины II. Кромѣ этихъ бюстовъ, по заказу той же фабрики, онъ сдѣлалъ модель чернильницы для поднесенія Государю Императору, на которой Императрица Екатерина II изображена сидящей въ креслѣ и размышляющей надъ планомъ, и два барельефика изъ дѣтей, гранящихъ камни.

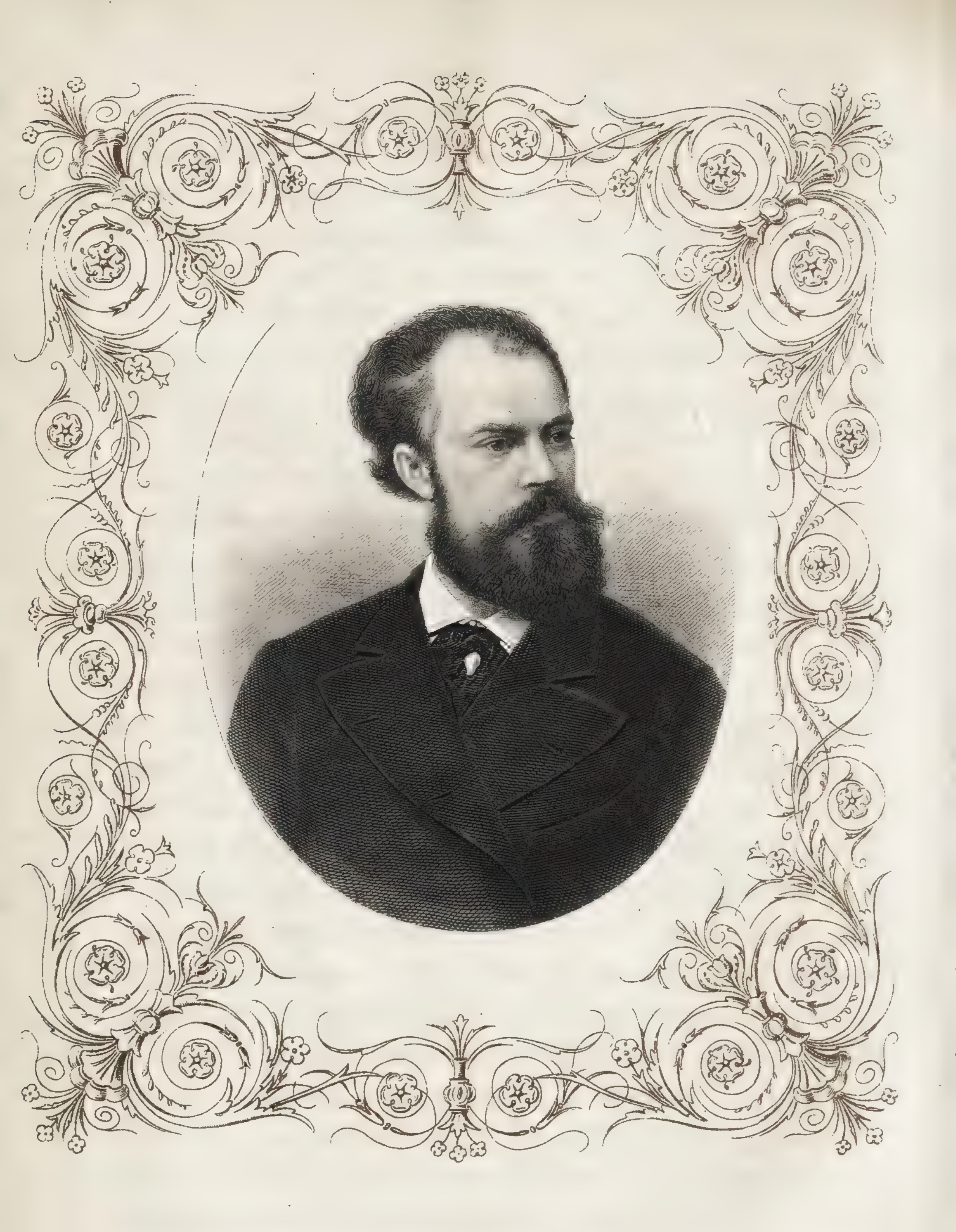
Изъ бюстовъ по возвращеніи въ Петербургъ М. А. были исполнены по заказу учениковъ училища Правовѣдѣнія бюстъ Его Императорскаго Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго и затѣмъ бюсты Ѳ. Г. и В. Ѳ. Громовыхъ, находящіеся въ домѣ И. Ѳ. Громова, графини Шуленбургъ, дѣтскій бюстъ Громе, бюстъ композитора Глинки для фойе Маріинскаго театра. Бюсты профессора живописи В. И. Якоби, академика Грузинскаго и г-жъ Филипсонъ.

Въ послѣднее время, М. А. съ помощію ученика, лейтенанта Пущина, вылѣпилъ большой, натуральной величины, эскизъ «Джигитъ», который и исполнилъ изъ дерева для морскаго министерства на носовую часть клипера «Джигитъ», и другой эскизъ «Разбойникъ», предназначенный для той же цѣли.

Потомъ онъ исполнилъ по заказу И. Ѳ. Громова трехъ амуровъ и сдѣлалъ еще нѣсколько эскизовъ, изъ которыхъ особенно выдаются «Ермакъ Тимофеевичъ»; «Сатиръ и Вакханка» и «Фрина». На дняхъ онъ приступаетъ къ исполненію памятника Екатерины II, по проекту Микѣшина, предназначаемый для города Ирбита.

А. Толивѣрова.

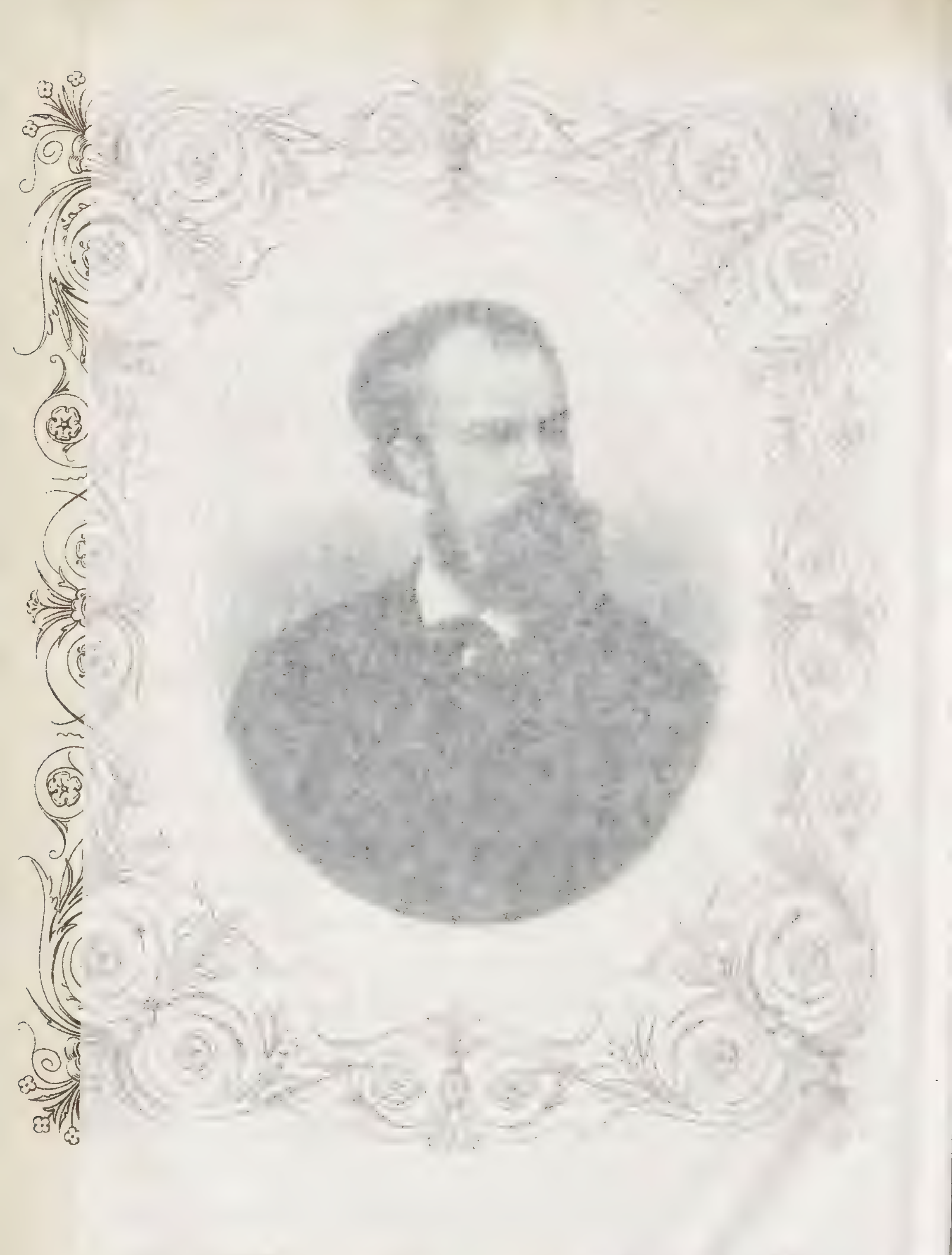

Константин Егорович Маковский.

скій,
гецъ,
боль-
екцію
пріят-
і, для
цент-
і гра-
ьчикъ
скихъ
енной
томъ,
ности
зажи,
ъ ко-

начала
лѣтъ
поступилъ въ московскую школу живописи и ваянія, гдѣ
работалъ подъ руководствомъ извѣстнаго М. И. Скотта и

Константинъ Егоровичъ Маковскій.

XI.

Константинъ Егоровичъ Маковскій.

Профессоръ живописи, Константинъ Егоровичъ Маковскій, родился въ Москвѣ 30-го іюня 1839 года. Его отецъ, бухгалтеръ московской дворцовой конторы, былъ большой любитель искусства и имѣлъ превосходную коллекцію гравюръ. Дѣтство К. Е. прошло при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Постоянныя встрѣчи съ художниками, для которыхъ домъ отца Маковскаго служилъ какъ бы центромъ, разговоры объ искусствѣ и наконецъ коллекція гравюръ, по которымъ, не покидая домашняго очага, мальчикъ могъ ознакомиться съ лучшими произведеніями европейскихъ галлерей, не могли не забросить въ его душу художественной искры. Рано взялся К. Е. за карандашъ, и когда лѣтомъ, вмѣстѣ съ отцомъ, онъ объѣзжалъ живописныя окрестности Москвы, то все, что особенно поражало его—типы, пейзажи, архитектура,—онъ все зачерчивалъ въ свой альбомъ, съ которымъ никогда не разлучался.

Страсть къ живописи развилась въ немъ рано. Сначала онъ сталъ копировать гравюры, затѣмъ въ 12-ть лѣтъ поступилъ въ московскую школу живописи и ваянія, гдѣ работалъ подъ руководствомъ извѣстнаго М. И. Скотта и

отчасти Зарянко. Въ художественномъ развитіи К. Е. Маковскаго участвовалъ болѣе всѣхъ другихъ знаменитый портретитъ Тропининъ. Посѣщая школу живописи и ваянія, К. Е. встрѣтился съ академикомъ Горавскимъ, который своими разсказами о петербургской академіи художествъ такъ увлекъ его, что онъ вскорѣ оставилъ Москву и переѣхалъ въ Петербургъ.

Когда онъ поступилъ въ академію, ему было всего шестнадцать лѣтъ. Представленные имъ эскизы, рисунки и портреты отца были живыми свидѣтелями его таланта. Работая въ натурномъ и этюдномъ классѣ, К. Е. вскорѣ получилъ 2-ю серебряную медаль за рисунокъ и 1-ю за этюдъ съ натуры. Къ несчастію, эти первые успѣхи были омрачены большой непріятностью, происшедшей между К. Е. Маковскимъ и профессоромъ живописи Басинымъ. Эта ссора очень дурно повліяла на послѣдующія работы К. Е. и, не смотря на то, что изъ заданныхъ ученическихъ программъ, программа К. Е. Маковскаго была самая талантливая, его все-таки впродолженіи трехъ лѣтъ обходили 2-ю золотою медалью. Первою программой было «Исцѣленіе слѣпыхъ», второю «Харонъ, перевозящій души черезъ рѣку Стиксъ». Эта вторая программа была особенно талантлива какъ по компановкѣ, такъ и по рисунку; изображенныя на лицахъ страданія производили сильное впечатлѣніе и въ то же время показывали въ художникѣ присутствіе большой фантазіи. Всѣхъ сильнѣе дѣйствовала фигура старика, впившагося зубами въ свою руку. Но, не смотря на эти положительныя достоинства, К. Е. Маковскій, какъ сказано выше, былъ обойденъ 2-ю медалью. Онъ получилъ ее только въ 1862 году за картину «Убіеніе царя Өедора Борисовича», сюжетомъ которой послужилъ слѣдующій кровавый эпизодъ изъ русской исторіи:

«Когда Самозванецъ получилъ донесеніе Плещеева и Пушкина о событіяхъ въ Москвѣ, то немедленно отправилъ изъ Тулы боярина кн. Вас. Голицына, кн. Вас. Рубца-Мосальскаго и дьяка Богд. Сутонова, которымъ, по свидѣтельству лѣтописца, «велѣлъ цереву Борисову жену и сына ея убить», а 3-го іюня поѣхали изъ Москвы въ Тулу многіе вельможи, чиновники, граждане, всѣ *съ повинною* къ Самозванцу. Что касается исполнителей воли Самозванца, они, по прибытіи своемъ въ Москву, начали съ угодника Годуновыхъ, патріарха Іова; вытащенный среди священнодѣйствія изъ Успенскаго собора, патріархъ, въ одеждѣ простаго инока, былъ посаженъ на телегу и прямо съ мѣста отправленъ въ Старицу, для тѣснаго заключенія въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Затѣмъ повезли въ дальніе низовые и сибирскіе города родичей царскихъ: Годуновыхъ, Вильяминовыхъ, Сабуровыхъ и, наконецъ, дошла очередь до собственной семьи Бориса, юный представитель которой, уже плѣнникъ счастливаго Самозванца, долженъ былъ заплатить жизнію за нѣсколько дней пользованія достоинствомъ царскимъ. 10-го іюня 1605 г., Голицынъ и Мосальскій, сопровождаемые чиновниками Молчановымъ и Шерефединовымъ, съ тремя стрѣлками отправились въ домъ Борисовъ, нашли царственныхъ узниковъ грустно сидящими другъ подлѣ друга и тотчасъ же развели ихъ по разнымъ покоямъ. Съ царицею Марьею Григорьевною злодѣи покончили скоро, удушивъ ее въ нѣсколько мгновеній; «царевича-жъ, по свидѣтельству лѣтописца, — многіе часы давиша, яко-жъ не по младости въ тѣ поры далъ ему Богъ мужество: тѣжъ злодѣи ужасошася, яко единъ съ четырьмя боряшеся». Несчастный Федоръ умеръ смертію мученика. На тѣлѣ его, выставленномъ для позора вмѣстѣ съ тѣломъ царицы, проживавшей тогда въ Москвѣ, иноземецъ Петрей явственно видѣлъ слѣды заду-

шенія, а несчастная царевна Ксенія, пережившая отца, мать и брата, такъ ужасно убитыхъ, послуживши грубому сладострастію Самозванца, зачахла въ одиночествѣ». (М. Д. Хмыровъ).

На картинѣ изображенъ моментъ, когда упомянутые послы Самозванца вошли въ царскіе покои.

На первомъ планѣ лежитъ убитая царица, надъ ней, съ отпечаткомъ глубокой скорби, склонилась ея дочь Ксенія. Стрѣлокъ, перешагнувъ черезъ трупъ царицы, отталкиваетъ отъ нея дочь, а у входа происходитъ борьба между другими двумя стрѣлками и 16-ти лѣтнимъ юношей царемъ. Въ фигурѣ стрѣлка, съ которымъ борется царевичъ Θедоръ, много движенія. Ему такъ и хочется поскорѣе схватить его и разомъ покончить. Голицынъ и Мосальскій напряженно слѣдятъ за этой сценой и только ждутъ момента, чтобы донести Самозванцу, что его вѣрные слуги исполнили волю пославшаго ихъ. Прекрасная по краскамъ и движенію картина эта произвела большой эффектъ, и наша художественная критика встрѣтила это произведеніе К. Е. Маковскаго съ полнымъ одобреніемъ и сулила ему блестящую будущность. Послѣ этой картины, имя К. Е. Маковскаго получило вполнѣ заслуженную извѣстность. Первой золотой медали, которая даетъ право на шестилѣтнее пребываніе на казенный счетъ за границей, Константинъ Егоровичъ не добивался; онъ примкнулъ къ той небольшой группѣ протестантовъ, которые требовали отъ академіи свободы выбора сюжетовъ для программъ. Въ этомъ имъ было отказано. Тогда К. Е. Маковской, вмѣстѣ съ другими воспитанниками, оставилъ академію для того, чтобы положить начало С.-Петербургской артели художниковъ, которая существуетъ и понынѣ, но уже совершенно утратила свой первообразъ. А въ академіи и до сихъ поръ господствуетъ рутина и задаются про-

граммы изъ той же библейской исторіи, съ казенными позами, съ южными типами и южной природой, что нисколько не согласуется съ нашими сѣверными типами и съ нашей сѣверной природой.

Передъ выходомъ изъ академіи К. Е. Маковскій написалъ по заказу И. М. Толстаго, для русскаго посольства въ Лондонѣ портретъ Императора Александра Николаевича. Для этого Государь Императоръ благоволилъ дать ему непродолжительный сеансъ въ Зимнемъ дворцѣ, а когда портретъ былъ оконченъ, удостоилъ художника своимъ посѣщеніемъ и остался доволенъ сходствомъ портрета.

Оставивъ академію, К. Е. занялся исключительно портретною живописью. Первой его работой былъ портретъ-картина съ графа Муравьева-Амурскаго, исполненный съ большимъ талантомъ и вкусомъ. За этимъ портретомъ вскорѣ послѣдовали и другіе. Къ перворазряднымъ нужно отнести портретъ покойнаго пѣвца О. А. Петрова; онъ писалъ его по заказу нашего мецената отъ художества Третьякова, а копія съ него находится въ семействѣ покойнаго. За портретомъ О. А. Петрова послѣдовалъ портретъ фонъ Кауфмана, за который художникъ получилъ званіе академика. Затѣмъ онъ написалъ портреты: г-жи Громовой, графини Ржевусской съ маленькой дочерью, графини С. Л. Строгоновой и И. М. Толстаго по заказу С. С. Полякова. Но занятія портретами не отвлекли нашего даровитаго художника отъ другаго рода живописи. Онъ писалъ историческіе эскизы, жанръ и пейзажи, а также рисовалъ пастелью головки, которыя раскупались нарасхватъ. Изъ его жанровыхъ картинъ особенно памятны «Замерзающія дѣти», «Странникъ», «Выговоръ» и «Похороны ребенка».

Въ 1866 году К. Е. Маковскій написалъ большую картину «Масляница». Въ этой картинѣ высказался весь его

талантъ какъ живописца, такъ и наблюдателя; въ ней что ни фигура, то типъ.

На картинѣ изображено гулянье на Адмиралтейской площади во время масляницы. Публика столпилась возлѣ балагана, на которомъ съ одной стороны «Масляничный дядя», съ бородой изъ пакли, угощаетъ своихъ слушателей разными нецензурными (въ смыслѣ приличія) разсказами, а съ другой, ради развлеченія той же публики, ломается полузамершій фигляръ. Неподалеку отъ балагана угощаются чаемъ и водкой. Подлѣ этого стола стоитъ съ согнутыми колѣнами окоченѣлый пролетарій и отогрѣваетъ подлѣ стѣнокъ стакана съ горячимъ чаемъ посинѣвшія отъ мороза руки. Продавецъ чая подливаетъ воду въ самоваръ, изъ котораго вылетаютъ на холодный воздухъ цѣлые клубы пара. Посерединѣ картины очень типична фигура купчихи въ атласномъ салопѣ. Она что называется нагулялась въ сласть и идетъ въ перевалку, облокотясь на руку своего мужа. Подлѣ нихъ стоитъ группа молоденькихъ дѣвушекъ, на которыхъ заглядывается франтъ въ pince-nez. Слѣва маленькій мальчикъ въ большомъ полушубкѣ везетъ въ саняхъ пряники и орѣхи, но вниманіе его обращено не на товаръ, а на балаганъ; справа показывается панорама и панорамщикъ, какъ всегда, разсказываетъ своей малолѣтней публикѣ о томъ, какъ изображенная на картинкѣ змѣя «однимъ ударомъ хвоста трехъ куръ съѣдаетъ». Неподалеку отъ панорамы, торговецъ, въ наскоро устроенной лавочкѣ съ холщевымъ навѣсомъ, продаетъ черносливъ, пряники, стручки, леденцы и подсолнышники; а вдали, освѣщенные лучами заката солнца, рисуются карусели, горы, звѣринцы и разные другіе увеселительные бараки; въ воздухѣ носится снѣговая пыль и смѣшивается съ дымомъ трубъ и паромъ самоваровъ. Эта картина можетъ назваться вполнѣ *національной*

и по ней иностранецъ можетъ составить себѣ полное понятіе, какъ о русскихъ типахъ, такъ и о русской масляницѣ.

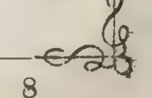
Въ 1876 году послѣ долгаго отсутствія, К. Е. Маковскій выставилъ на Академической выставкѣ свою картину «Процессія перенесенія священ. ковра въ Каирѣ». Мастерски написанная толпа въ разноцвѣтныхъ восточныхъ костюмахъ, зданія, животныя, залитыя лучами южнаго солнца, показываютъ, на сколько К. Е. Маковскій можетъ владѣть красками. Изъ Каира К. Е. Маковскій привезъ массу этюдовъ, весьма разнообразныхъ и талантливо написанныхъ.

Послѣ «Ковра», К. Е. выставилъ картину «Баши-бузуки».

Сцена происходитъ въ церкви. Трое баши-бузуковъ ворвались въ христіанскій храмъ отыскивая укрывшихся. На первомъ планѣ, на каменномъ полу лежитъ съ черными раскинутыми волосами, въ разорванномъ платьѣ, убитая дѣвушка; одна ея рука судорожно сжата, другая замерла, вытянувшись на окровавленной драпировкѣ. Изъ бока и обнаженной груди сочится кровь. Почти по срединѣ картины стоитъ, съ выраженіемъ звѣрства на лицѣ и упершись руками въ бока, баши-бузукъ и смотритъ на другую женщину, которая прижала къ себѣ ребенка; съ ея груди уже сорвана рубашка, и часъ ея смерти тоже не далекъ.

Пробившееся сквозь окно солнце освѣтило всю эту гнусную по содержанію, но мастерски написанную картину. Его золотые лучи съ большимъ рельефомъ показали зрителю и глазетовую рясу, на которую упала голова убитой дѣвушки, и книгу, свалившуюся съ налоя на покойницу, и переломанныя дымящіяся свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, и весь предшествующій насилію хаосъ.

Картина эта была написана художникомъ послѣ возвращенія его изъ Сербіи и выставлена въ Министерствѣ

Внутреннихъ Дѣлъ въ пользу «Краснаго Креста». Въ настоящее время художникъ пишетъ большую картину «Русалки». Кромѣ К. Е. Маковскаго существуютъ еще два Маковскихъ—Владиміръ и Николай Егоровичи; они родные братья Константина Егоровича и также, какъ и онъ, художники. Имя В. Е. давно знакомо нашей образованной публикѣ. Его картины полны самаго живаго и неподдѣльнаго юмора. Кто не помнитъ его картины «Полученіе пенсій». Подъ сводами казначейства собрался чиновный людъ за пенсіями. Первою, какъ и подобаетъ, получила пенсію генеральша. Она гордо идетъ, опираясь на палочку, въ своемъ атласномъ салопѣ съ пучкомъ ассигнацій въ рукѣ; за ней слѣдуетъ казачекъ, этотъ вѣчный спутникъ помѣщицъ добраго стараго времени; справа на лавочкѣ сидятъ и дожидаются очереди. Одна старушка, чтобы не терять времени, вяжетъ чулокъ; слѣва чиновникъ угощается, у другой старушки въ капорѣ, табачкомъ; неподалеку отъ нихъ фигура съ напряженнымъ вниманіемъ читаетъ какую то записку; а казначей черезъ открытое окошечко выдаетъ рубли. У всѣхъ почти веселыя лица, кромѣ одной молодой женщины. Она сидитъ между двумя разговаривающими и думаетъ грустную думу. Говоря о В. Е., я считаю не безполезнымъ возстановить въ памяти читателя нѣкоторые изъ особенно характерныхъ его рисунковъ какъ «Нотація жены». На этомъ рисункѣ изображена интимная сцена, такъ часто повторяющаяся въ семьяхъ мелкихъ чиновниковъ-пьянчугъ: подлѣ стола, заваленнаго бумагами и канцелярскими принадлежностями, сидитъ въ рубашкѣ и туфляхъ на босую ногу чиновникъ, и со стойкостью, заслуживающей лучшей участи, выслушиваетъ брань и крикъ своей мегеры-жены, которая уже рѣшила заранѣе, если только супругъ произнесетъ одно слово, вцѣпиться ему въ лицо. Но супругъ сидитъ смиренно

и пощипываетъ свою рѣденькую бородку. Въ этомъ рисункѣ очень рельефно сказался наблюдательный талантъ даровитаго художника. «Политики», «Червонные валеты настоящаго и прошедшаго», «Политикъ медлительный и политикъ стремительный», «Маскарадный герой» и наконецъ «Остатки прежняго величія». Этотъ послѣдній особенно удаченъ. На извощичьихъ саняхъ по улицамъ Москвы ѣдетъ старая генеральша, на облучкѣ сидитъ въ ливреѣ полузамерзшій казачекъ; сама генеральша, полная олимпійскаго величія, строго смотритъ вдаль. Одного недостаетъ Владиміру Егоровичу, это колорита: всѣ его картины сѣры и грѣшатъ слишкомъ сильными контурами. Николай Егоровичъ также написалъ нѣсколько картинокъ изъ Каирской жизни (онъ вмѣстѣ съ братомъ ѣздилъ въ Каиръ); я припоминаю его двѣ очень миленькія картинки: «Продавецъ воды въ Каирѣ» и «Мелочная лавка».

Недостатокъ мѣста не далъ мнѣ возможности коснуться многихъ изъ произведеній нашего даровитаго художника, а потому я сочла нужнымъ приложить къ моей статьѣ списокъ болѣе выдающихся картинъ, рисунковъ и портретовъ, указавъ по возможности годы и мѣсто, гдѣ они находятся. Этотъ списокъ ознакомитъ читателя съ почтенною и разнообразною дѣятельностью Константина Егоровича Маковскаго.

Списокъ работъ К. Е. Маковскаго.

I. Картины.

1. Рыбачекъ, коп. съ Тропинина (1856); у Е. И. Маковскаго въ Москвѣ.
2. Портретъ отца художника (1856). Тамъ же.
3. Римъ съ Тибра, коп. съ С. Ѳ. Щедрина (Выст. въ Моск. Учил. Живоп. и Ваян. 1856).
4. Бани у камен. моста на берегу р. Москвы; у Е. И. Маковскаго.
5. Этюдъ сторожа, опир. на палку. Тамъ же.

6. Собственный портретъ (1860). Тамъ же.
6а. б. Портреты г-жи Квадри и М. А. Бибиковой, (впослѣдствіи Самойловой).
7. Маленькій сапожникъ съ дѣвочкой; было у г. Саломки.
8. Чиновникъ пьяный съ дочерью.
9. Исцѣленіе І. X. слѣпыхъ послѣ изгнанія изъ храма торжниковъ (Акад. выст. 1860 г.).
10. Харонъ перевозитъ души чрезъ р. Стиксъ, неконч. (Акад. выст. 1861 г.).
11. Агенты Дмитрія Самозванца убиваютъ сына Бориса Годунова (2 зол. мед. на акад. выст. 1862 г.) Грав. на ст. въ Сѣв. Сіян. 1863 г. (къ стр. 263); грав. на дер. въ Иллюстр. 1863 г., № 225, стр. 229 (къ статьѣ А. Сомова).
12. Женская головка (Акад. выст. 1862 г.). Грав. на ст. въ Сѣв. Сіян. 1864 г. № 1 (къ статьѣ К. Варнека).
13. Вдовушка; у г. Громова въ Спб.
14. Двѣ дѣвушки съ письмомъ; тамъ же.
15. Портретъ г-жи Громовой (1863 г.). (Постоян. выст. О. П. X., окт. 1865 г.).
16. Портретъ Государя Императора, по заказу гр. И. М. Толстаго, для рус. посольства въ Лондонѣ (1863).
17—20. Портреты: И. Ѳ. Горбунова, г. Несвѣтевича, г-жи Зульмюленъ (урожд. Поповой), гг. Рѣхневскихъ.
21—22. Портреты Графини Ржевусской, съ маленькой дочерью, и граф. С. Л. Строгоновой.
23. Портретъ гр. Муравьева-Амурскаго, для Сибири (1864).
24. Голова стар. рыцаря.
25. Солдатъ стрижетъ мальчика; у г. Досса.
26. Нагая женщина; была у г. Венцеля.
27. Сатиръ съ нимфой; у г. Гейне.
28. Голова женщины, въ русскомъ костюмѣ, у М. А. Безцѣннаго въ Спб.
29. Странств. музыканты, во дворѣ, зимой (1865); прод. въ О. П. X. г-жѣ Кемпъ въ 1873 г.; у А. И. Баранова въ Москвѣ.
30. Портретъ ген.-лейт. К. П. Кауфмана (зв. акад., на акад. выст. 1867 г.).
31. Портретъ ген. Рокасовскаго (тамъ же).
32. Селедочница, пояс. фиг. (тамъ же); (?) прод. въ О. П. X. гр. Строгонову въ 1872 г.
33. Бѣдныя (замерзающія) дѣти (тамъ же); у Д. В. Стасова въ Спб.
34. Маленькіе шарманщики у забора, зимой (1868); у А. И. Баранова въ въ Москвѣ.
35. Изъ быта рус. бояръ конца XVII в. (Акад. выст. 1868 г.)
36. Портретъ Государя Императора, для Межевой Канцеляріи въ Москвѣ (1868).
37. „ Имп. Екатерины II, туда же.
38. „ покойн. министра почтъ и телеграфовъ, гр. И. М. Толстаго, по заказу С. С. Полякова.
39. Портретъ брата художника В. Е. Маковскаго (1868); у Е. И. Маковскаго.
40. Дѣвочка съ горшкомъ молока (1868); у Д. В. Стасова.
41. Наставленіе матери = выговоръ (Акад. выст. 1869 г.).
42. Бесѣда = разговоръ по хозяйству (тамъ же); было у г. Полякова.

43. Странникъ съ кухаркой.
44. Этюдъ мужичка, у В. Д. Коншина въ Москвѣ.
45. Обниманіе: мужикъ, цѣлующій бабу; прод. у Фельтена.
46. Торговка у крыльца; наход. у Ѳ. А. Терещенки въ Москвѣ.
47. Старикъ съ дѣвочкой, у г. Павлова въ Екатеринослав. губ.
48. Мальчикъ съ цыплятами; тамъ же.
49—50. Портреты г. Павлова и его жены.
51. Мать съ ребенкомъ (1869); у в. к. Николая Николаевича старшаго.
52. Проповѣдникъ (1869 ?); у в. к. Константина Николаевича.
53. Два чиновника въ харчевнѣ.
54. Баринъ, садящійся въ карету, и его лакей.
55. Катанье на салазкахъ; у В. И. Солдатенкова въ Спб.
56. Народное гулянье во время масляницы на Адмиралтейской площади (зв. профес.). Собств. Государя Императора (Акад. выст. 1869; Лондон. международ. 1872 и Вѣн. всемір. 1873 г.). Лит. въ изд.: „Худож. автографъ. Выставка И. А. Х. въ 1869 г.“;—грав. на дер., съ рис. самаго художн., исполн. Сѣряковымъ, въ Нивѣ 1870 г., стр. 196—197 (къ стр. 199—200).
57. Тоже, первонач. эскизъ, оконч. въ 1870 г.; у Д. В. Стасова.
58. Портретъ дѣтей Д. В. Стасова.
59. „ О. А. Петрова (Акад. выст. 1870 г.); наход. въ семействѣ покойнаго; другой экз. у П. М. Третьякова въ Москвѣ. Грав. на дер.: рис. Тихомировъ, грав. Шиблеръ, въ Пчелѣ 1876 г., № 10, стр. 1.
60. Имп. Петръ I въ своей мастерской (тамъ же). Собств. графа С. Г. Строгонова.
61. Березовый лѣсъ (1870 г.).
62. Крестьянскій обѣдъ въ полѣ, во время жатвы (1871) = рожь, прод. въ О. П. Х. въ 1872 г.; у А. Н. Голяшкина въ Москвѣ; = жнецы; грав. на дер., братомъ художника В. Е. Маковскимъ, (см. Пчелу 1875 г., № 25, стр. 307—308).
63. Портретъ отца художника (1872); у Е. И. Маковскаго.
64. „ первой жены; тамъ же.
65. Семейный портретъ (Лондон. международ. выст. 1872; Акад. выст. 1873 и Вѣн. всемірн. выст. 1873 г.).
66. Похороны въ деревнѣ (Акад. выст. 1872 и 1873 г.; Вѣн. всемір. выст. 1873); у К. Т. Солдатенкова, въ Москвѣ.
67. Насѣдка (Акад. выст. 1872 г.).
68. Двѣ женскія головки (тамъ же).
69. Двѣ рус. дѣвушки; у В. М. Жемчужникова.
70. Двѣ дамы, перебирающія рисунки въ портфелѣ; прод. въ О. П. Х. въ 1872 г.
71. Дѣти, бѣгущія отъ грозы (1872); прод. въ О. П. Х. г-ну Нарышкину; наход. въ Моск. Публ. Музеѣ.
72. Портретъ А. С. Даргомыжскаго; у П. М. Третьякова въ Москвѣ.
73. Портретъ герц. Н. М. Лейхтенбергскаго, въ ростъ.
74. — сына М. В. Мичуриной.
75. — Г-жи Аносовой, урожд. Панфиловой.
76. — гр. Муравьева-Амурскаго (повтореніе); у Аносовыхъ.

77. Итальянка; тамъже.
78. Итал. мальчикъ; прод. въ О. П. Х. въ 1873 г.
79. Люлька или качалка (передвиж. выст.); у Н. А. Терещенки въ Кіевѣ или Одессѣ.
80. Урокъ пряжи: старуха съ дѣвочкой (3 передвиж. выст. 1874); у г. Клейнмихеля въ Кіевѣ (?). Грав. крѣп. вод., исполн. В. Максимовымъ въ „Иллюстрир. каталогѣ передвиж. выст.“ за тотъ годъ.
81—82. Портреты: ген. Синельникова, для Сибири, и гр. Шувалова, корпус. командира.
83—84. Портреты: ребенка Булгакова, граф. Салтыковой и граф. Олсуфьевой.
85—86. Портреты: А. Н. Островскаго и И. С. Тургенева.
87. Портретъ М. И. Глинки; былъ у В. М. Жемчужникова и прод. въ О. П. Х. въ 1875 г.
88. Женская головка; была у г. Чебышева и прод. въ О. П. Х. въ 1876 г.
89. Головка русской красавицы у мист. Стентона въ Каирѣ.
90. Портретъ мистриссъ Дей въ Каирѣ.
91. Восточ. женщина съ кувшиномъ; у мист. Лиссъ.
92. Египтянка съ тамбуриномъ; два экз. въ Англіи, одинъ у герц. Гамильтона, одинъ прод. Гупилю въ Парижѣ и одинъ у г-жи Воейковой въ Спб.
93. Египетскій продавецъ мелочей; у г-жи Воейковой.
94. Каир. нищій; у г. Шереметева.
95. Абиссинецъ со щитомъ, у профес. Боголюбова.
96. Египет. предсказатель, у г. Гринфельда.
97. Дворикъ дервишей въ Каирѣ (1875); у К. Т. Солдатенкова въ Москвѣ.
98. Восточ. похороны, у Джорджа Элліота въ Лондонѣ.
99. Свадьба; тамъ же.
100. Обрѣзаніе.
101. Процессія перенесенія свящ. ковра въ Каирѣ (Парижъ 1876). (Акад выст. 1878; Париж. всемір 1878 г.). Собств. Государя Императора.
102. Тоже, въ мал. видѣ; у Наслѣдника Цесаревича.
103. Болгар. мученицы (1877). (Тамъ же). Купл. г. Матвѣевымъ въ Москву. Грав. на дер., въ обрат. стор., въ Пчелѣ 1878 г.
104. Портретъ г-жи Бенардаки, въ ростъ (Париж. всемір. выст. 1878 г.).
105—106. Этюды болгарокъ и сербянокъ; прод. у Беггрова и Фельтена.
107—134. Портреты: граф. Зубовой, кн. Менщикова, граф. Шереметевой и ея дочери, г-жи Воейковой, г.г. Письменкова, Азанчевскаго, Базилевскихъ, г-жъ: Панаевой, Утеманъ, Анненковой, Рагоза, Малютиной (дочери), бар. Гинцбурга, г. Полежаева, г-жи Савиной, г.г. Бенкендорфъ, Дервисъ, Кологривова для Спб. консерваторіи, Погурскаго, г-жи Солдатенковой, г. Теплова, гр. Бобринскаго, помѣщ. Тарновскаго, ребенка Николаева, 2-й жены, В. А. Кочубея, г-жи Семянниковой.
135. Русская дѣвушка; у г. Горчакова.
136. Вакханка.
137. Офелія, для принц. Мекленбургской.
138. Русалки.
139. Деревенскія дѣти у калитки.
140. Дѣти въ лѣсу; у г-жи Воейковой.
141. Дѣти, спас. отъ грозы (повтор.).

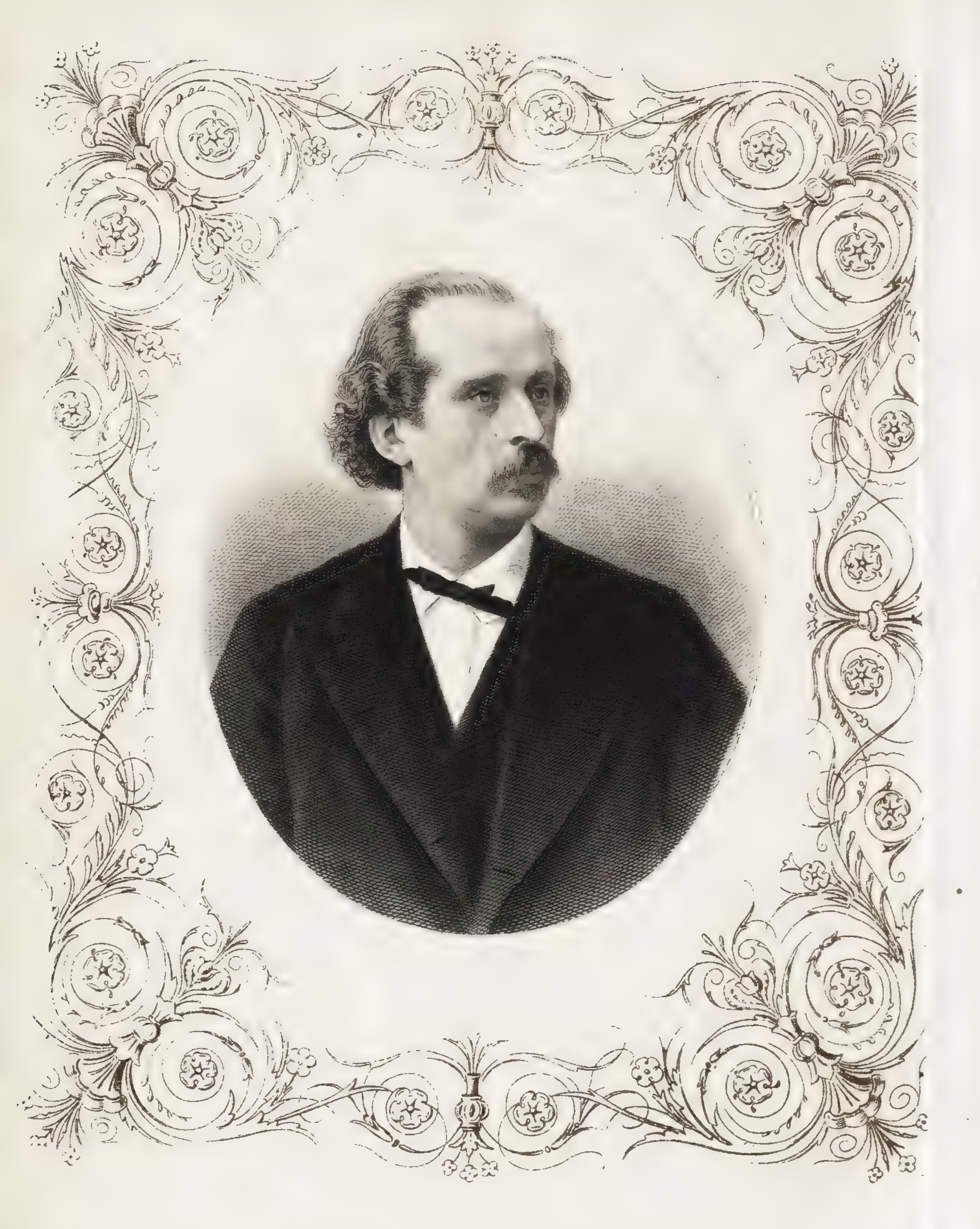
142. Дѣвушка съ грибами, у г-жи Канкриной.
143. Жатва; у г. Гринфельда.

II. Рисунки и акварели.

1. Іоаннъ III и татар. послы; рис., грав. на дер. К. Вейерманъ, въ Нивѣ 1870 г., № 1, стр. 5.
2—3. Рисунки 5 и 6 къ пов. „Страш. месть" Гоголя, въ изд. А. Н. Голяшкина: Гоголь. Вечера на хуторѣ близь Диканьки. М. 1874, въ л.
4. Египтянка съ дѣтьми, аквар.
5. Поющая арабка; рис., грав. на дер. въ Пчелѣ 1875 г., № 25, стр. 297 (къ стр. 307—308).
6. Капр. нищій, аквар.; у в. к. Николая Николаевича Старшаго. Грав. на дер. въ Пчелѣ 1875 г., № 35, стр. 423 (къ стр. 428).
7. Капр. школа, аквар.; у Государыни Императрицы, у бар. Гинцбурга, у докт. Барча, у г. Мазурина въ Москвѣ. Грав. на дер., исполн. Паннемакеромъ въ Парижѣ, помѣщ. въ Пчелѣ 1875 г., № 41, стр. 489 (къ стр. 500).
8. Обрѣзаніе (процессія), рис. перомъ.
9. Нѣсколько акварелей, прод. Гупилю въ Парижѣ: школа, обрѣзаніе, похороны, дворъ дервишей, улица въ Александріи, голова араба и др.
10. Двѣ восточныя акварели у кн. Барятинскаго.
11—13. Амуры, пастели; у г-жи Воейковой.
14. Портретъ Глинки, пастель.
15. Сербянка, оплакивающая ребенка, аквар.
16. Дѣти въ лѣсу, аквар.; у г. Монтефіоре въ Парижѣ.
17. Деревенская сцена, аквар. (Парижъ 1876). (Акад. выст. 1878; Париж. всемір. 1878 г.).

А. Толивѣрова.

A. Rubinstein

ъ

[illegible] блестящаго
[illegible] евича (см.
[illegible] временныхъ
[illegible] піаниста—
[illegible] родившагося
[illegible] ри и брата,
[illegible] бнаружилась
[illegible] брать уроки
[illegible] въ Москвѣ,
[illegible] по камерной
[illegible] убинштейнъ
[illegible] по Европѣ,
[illegible] ѣхомъ, осо-
[illegible] раста испол-
[illegible] въ Россію,
[illegible] цу въ Бер-

линъ, чтобы посовѣтоваться о дальнѣйшемъ музыкальномъ образованіи сыновей съ корифеями искуства, Мейерберомъ и Мендельсономъ. Здѣсь, по совѣту перваго изъ нихъ, Николай Григорьевичъ началъ изучать правила гармоніи и

XII.

Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ.

Артистическая семья Рубинштейновъ, кромѣ блестящаго виртуоза и композитора Антона Григорьевича (см. портретъ и біографію въ І-мъ томѣ «Современныхъ дѣятелей»), дала намъ еще другого замѣчательнаго піаниста—младшаго брата его, Николая Григорьевича, родившагося въ 1835 г., въ Москвѣ. Подъ вліяніемъ матери и брата, любовь къ музыкѣ у маленькаго Николая обнаружилась весьма рано: пяти лѣтъ отъ роду онъ началъ брать уроки у Франсуа Гебеля, піаниста, поселившагося въ Москвѣ, довольно извѣстнаго также своими сочиненіями по камерной музыкѣ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ младшій Рубинштейнъ участвовалъ въ артистическомъ путешествіи брата по Европѣ, при чемъ и самъ игралъ въ концертахъ съ успѣхомъ, особенно замѣчательнымъ въ виду малолѣтняго возраста исполнителя. Вскорѣ по возвращеніи (въ 1843 г.) въ Россію, г-жа Рубинштейнъ вновь отправилась за границу въ Берлинъ, чтобы посовѣтоваться о дальнѣйшемъ музыкальномъ образованіи сыновей съ корифеями искуства, Мейерберомъ и Мендельсономъ. Здѣсь, по совѣту перваго изъ нихъ, Николай Григорьевичъ началъ изучать правила гармоніи и

контрапункта у извѣстнаго теоретика Дена, обогатившаго музыкальную литературу первоначальнымъ изданіемъ 6-ти концертовъ Баха и сборника сочиненій XVI и XVII вѣковъ, а также многими оригинальными трудами своими по теоріи музыки. Подъ руководствомъ Дена, Рубинштейнъ занимался въ продолженіи двухъ лѣтъ; въ то-же время онъ бралъ уроки у извѣстнаго піаниста Теодора Куллаха. Въ 1846 г., по случаю болѣзни мужа, г-жа Рубинштейнъ должна была возвратиться въ Москву и дальнѣйшее музыкальное образованіе младшаго сына было поручено ею А. И. Виллуану, извѣстному учителю Антона Рубинштейна. 16-ти лѣтъ Николай Григорьевичъ поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета, гдѣ окончилъ курсъ въ 1855 г. Оставшись затѣмъ въ Москвѣ, онъ чрезвычайно много потрудился для развитія музыкальнаго образованія въ этомъ городѣ. При чрезвычайныхъ усиліяхъ ему удалось учредить здѣсь въ 1860 году «Русское музыкальное Общество» и при Обществѣ классы, которые происходили первоначально въ квартирѣ самого учредителя, съ платою по рублю въ мѣсяцъ со слушателя. Мало по малу, благодаря энергіи организатора и его сотрудниковъ, дѣло развивалось. Вскорѣ классы переведены были въ домъ Строгоновскаго училища; рядомъ прекрасныхъ концертовъ, программы которыхъ, согласно музыкальнымъ убѣжденіямъ дирижера и руководителя ихъ, Николая Григорьевича, отличались эклектическимъ, общеевропейскимъ направленіемъ, было привлечено значительное число членовъ, такъ что въ 1863 г. число ихъ достигло уже 606 (кромѣ того продано 1118 посѣтительскихъ билетовъ) и капиталъ Общества возросъ до 17 тыс. руб. Наконецъ въ 1866 г. развитіе музыкальнаго образованія въ Москвѣ закрѣпилось устройствомъ консерваторіи, директоромъ которой единодушно былъ избранъ Николай Григорье-

вичъ и по сіе время состоящій въ этой должности. На новомъ поприщѣ онъ заявилъ себя и какъ администраторъ, оставаясь по прежнему столь же дѣятельнымъ и энергичнымъ. Оцѣнка заслугъ его, въ качествѣ директора, со стороны общества, выразилась поднесеніемъ ему въ день концерта 5-го марта 1875 г. весьма сочувственнаго адреса, покрытаго подписями, количествомъ до 500, съ приложеніемъ денежнаго подарка въ 26 т. руб. Не смотря на труды свои по консерваторіи, Николай Григорьевичъ продолжалъ постоянно давать концерты, при чемъ значительные сборы съ нихъ очень часто жертвовалъ въ пользу благотворительныхъ учрежденій. Такъ, между прочимъ, въ 1877 году имъ совершена была поѣздка по разнымъ городамъ, сопровождавшаяся рядомъ концертовъ въ пользу общества «Краснаго Креста». Поѣздка эта, продолжавшаяся съ сентября прошлаго по январь настоящаго (1878) года, доставила сбору свыше 17 тыс. Наконецъ въ текущемъ году былъ сдѣланъ имъ опытъ ознакомленія въ серьезныхъ размѣрахъ иностранцевъ съ нашею музыкальною школою: въ громадной залѣ *Трокадеро* на Парижской всемірной выставкѣ былъ данъ подъ его руководствомъ рядъ концертовъ съ исключительно русскими программами, пользовавшихся чрезвычайнымъ успѣхомъ. За нихъ Николай Григорьевичъ удостоенъ офицерскаго креста ордена Почетнаго Легіона.

Безъ сомнѣнія, имя Н. Г. Рубинштейна займетъ почетное мѣсто въ исторіи развитія музыкальнаго дѣла въ Россіи.